

№ 19(216), вып. 36
Декабрь 2015

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

**Журнал входит
в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации,
в которых рекомендуется публикация
основных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук**

Учредитель:
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего
профессионального образования «Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет»

Издатель:
НИУ «БелГУ»
Издательский дом «Белгород»
Адрес редакции, издателя, типографии:
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации средства массовой
информации ПИ № ФС 77-63054 от 10 сентября
2015 г.
Выходит 4 раза в год.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор
О. Н. Полухин,
ректор НИУ «БелГУ», доктор
политических наук, профессор

Зам. главного редактора
И. С. Константинов,
проректор по научной
и инновационной работе НИУ «БелГУ»,
доктор технических наук, профессор

Научный редактор:
В. М. Московкин,
профессор кафедры мировой экономики
НИУ «БелГУ», доктор географических наук

Ответственный секретарь:
О. В. Шевченко
зам. начальника УНИД НИУ «БелГУ»,
кандидат исторических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ ЖУРНАЛА

Главный редактор серии
В. А. Шатовалов,
проректор по заочному обучению
и дополнительному образованию
НИУ «БелГУ»,
доктор исторических наук, профессор

Заместители главного редактора:

Н. Н. Болгов,
заведующий кафедрой всеобщей истории
и зарубежного регионоведения НИУ
«БелГУ», доктор исторических наук,
профессор

И. Т. Шатохин,
профессор кафедры российской истории
и документоведения НИУ «БелГУ»,
кандидат исторических наук, доцент

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ
Белгородского государственного университета

История Политология

**Belgorod State University
Scientific Bulletin**

History Political

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Эвбейская колонизация Италии в контексте проблемы взаимоотношений Эретрии и Халкиды до Лелантской войны

Д. В. Зайцев 5

Глобализация как объект исторического анализа: уроки эллинизма

А. В. Хазина, Д. А. Строганов 12

К вопросу об экономической политике Рима в африканских провинциях

К. Бембай 15

К истории III Августова легиона в I-III вв.

Н. И. Соловьянов 19

Морские походы варваров в 258-269 гг.

С. В. Ярцев 22

Феномен галло-римского патриотизма на закате Римской империи

Е. В. Литовченко 30

Германские элементы в женском костюме Боспора позднеантичного периода (по материалам погребений)

М. Л. Рябцева, С. Н. Прокопенко 39

Образы войны в византийской исторической литературе X в.:

Феодор Дафнопат **А. С. Мохов, К. Р. Капсалькова 44**

Письмо Дж. Колета Кристоферу Урвику о пользе изучения истории

А. В. Вотчель, Л. В. Софронова 50

О роли суфизма в народно-освободительной борьбе народов

Дагестана в XIX в. **М. А. Курбанов 53**

Н. В. Дипломатическая борьба вокруг статуса британских войск

в Египте в период «Завуалированного протектората» (1882-1914)

А. Х. Хизриев 60

Политика администрации Гарри С. Трумэна в польском вопросе

в апреле 1945 г.: жесткая линия или непоследовательность?

В. В. Василенко 67

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Проблема географического положения ряда московитских крепостей на русско-литовском пограничье во второй половине XVI в.

Д. А. Бессуднов 73

Церковный раскол XVII века в произведениях русской живописи

С. Е. Лазарев, О. Г. Курдюмов 77

Роль коммерческих банков в развитии сельского хозяйства Кур-

ской губернии пореформенного периода Российской империи

Я. В. Валяев, Е. А. Ганжов, А. Н. Мошкин 84

В.Н. Шилов, профессор кафедры культурологии и политологии НИУ «БелГУ», доктор философских наук, профессор

Ответственный секретарь

И.Г. Оноприенко, доцент кафедры российской истории и документоведения НИУ «БелГУ», кандидат исторических наук, доцент

Члены редколлегии:

М.Г. Абрамзон, доктор исторических наук, профессор (Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова)

С. Амлагич, доктор политических наук (Белградский государственный университет, Республика Сербия)

А.В. Глухова, доктор политических наук, профессор (Воронежский государственный университет)

А.В. Головнёв доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург, Россия)

М. Казански, доктор истории (Центр изучения византийской цивилизации, Париж, Франция)

А.В. Коробков, доктор политологии (Университет штата Теннесси, США)

К.Н. Лобанов, доктор политических наук (Белгородский юридический институт МВД России)

Е.А. Молев, доктор исторических наук, профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского)

М. Плувиано, доктор истории (Генуэзский университет, Италия)

С.И. Посохов, доктор исторических наук, профессор (Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, Украина)

И.М. Пушкарева, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник (Институт российской истории Российской академии наук)

С.Б. Сорочан, доктор исторических наук, профессор (Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина, Украина)

И.М. Тодоров, доктор истории, доцент (Великотърновский университет «Св. Кирилла и Мефодия», Болгария)

Х.Р. Туманс, доктор истории (Латвийский национальный университет, г. Рига)

Статьи публикуются в авторской редакции

Оригинал-макет *И.Г. Оноприенко, Л.П. Котенко*

E-mail: oponrienko@bsu.edu.ru

Подписано в печать 11.12.2015

Формат 60×84/8

Гарнитура Georgia, Impact

Усл. п. л. 25,0

Заказ 249

Цена свободная

Тираж 1000 экз.

Дата выхода журнала 30.09.2015

Подписной индекс в Объединённом каталоге «Пресса России» – 18078

Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в Издательском доме «Белгород»
Адрес издателя и издательства:
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

Образование купеческих детей Тульской губернии в 1861-1915 гг.

И.Н. Лобачева 90

Развитие фотододела в российской провинции (на примере Курской губернии второй половины XIX – начала XX в.)

И.М. Плаксин 96

Организация общественных работ в Российской империи во время голода 1891-1892 гг. **А.С. Рогожина 103**

Институт епархиальных наблюдателей в системе регионального управления церковными школами в России в конце XIX – начале XX вв. **Е.В. Дворецкий, К.В. Козлов 110**

Крестьянская поземельная община как субъект реализации экологической функции (по материалам Северо-Запада России) **Л.В. Алиева 115**

Кадровая политика в автотранспортной отрасли Республики Коми (1930 – сер. 1940-х гг.) **Д.В. Логинова 121**

Проблемы периодизации отечественной историографии о роли истребительно-противотанковой артиллерии резерва Верховного Главнокомандования в боях на Курской дуге 5 июля – 23 августа 1943 г. **О.А. Колякина 128**

Н.В. Причины и условия криминализации предпринимательской деятельности в СССР (1987-1991) **С.В. Богданов, В.Г. Остапюк, Ю.А. Комнатная 132**

Социокультурные практики и структура идентичностей нагайбаков по материалам экспедиций 2014-2015 гг.

И.Р. Атнагулов 136

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Женщины и женское движение за мир без войн и военных конфликтов **Н.Л. Пушкарева 145**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

Государство и культура в контексте программного документа «Основы государственной культурной политики»

А.И. Бардаков, С.С. Шухтанов 147

Факторы распространения молодежного экстремизма в России **Е.В. Реутов, Н.В. Филонов 155**

Современные российские политические партии: опыт типологии по названиям **В.Н. Шилов 161**

Чем опасно «Исламское государство» для России

С.В. Ваничкин 166

Российская бюрократия на ранних этапах ее институционализации **С.Б. Лувгин 171**

Новейшие интеграционные объединения: понятие и классификация **В.И. Сологуб 178**

Постконфликтные траектории террористических организаций в случае победы антиправительственных сил: предпосылки, параметры, тенденции **Д. В. Прошин 183**

Дисфункции политической системы Украины (2000-2010 гг.) **Е.Н. Максимова 191**

Сведения об авторах 197

Информация для авторов 200

№ 19 (216), Issue 36
December 2015

SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL

Founded in 1995

The Journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and publications coming out in the Russian Federation that are recommended for publishing key results of the theses for Doktor and Kandidat degree-seekers

Founder:

Federal state autonomous educational establishment of higher professional education
«Belgorod State National Research University»

Publisher:

Belgorod State National Research University
Belgorod Publishing House

Address of editorial office, publisher, letterpress plant: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor)

Mass media registration certificate
ПН № ФС 77-63054 September 10, 2015
Publication frequency: 4 / year

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Editor-in-Chief

O.N. Polukhin,

Rector of Belgorod State National Research University, Doctor of Political Sciences, Professor

Deputy Editor-in-Chief

I.S. Konstantinov,

Vice-Rector on Scientific and Innovative Work of Belgorod State National Research University, Doctor of Technical Sciences, Professor

Science Editor

V.M. Moskovkin,

Professor of World Economy Department of Belgorod State National Research University, Doctor of Geographical Sciences

Assistant Editors

O.V. Shevchenko,

Deputy Head of Department of Scientific and Innovative Activity of Belgorod State National Research University, Candidate of Historical Sciences

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL SERIES

Editor-in-Chief of the Series

V.A. Shapovalov,

Vice-Rector on Distance and Supplementary Education Doctor of Historical Sciences, Professor (Belgorod State National Research University)

Deputies of Editor-in-Chief

N.N. Bolgov,

World History and International Area Studies Department Chair Doctor of Historical Sciences, Professor (Belgorod State National Research University)

Belgorod State University Scientific Bulletin

History Political science

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

История Политология

CONTENTS

WORLD HISTORY

Euboean colonization of Italy in the context of the problem of relationships between Eretria and Chalkis before Lelantine war

D.V. Zaytsev 5

Globalisation as an object of historical analysis: the lessons of hellenism **A.V. Khazina, D.A. Stroganov 12**

The problem of economic policy of Rome in African provinces

K. Bembaye 15

To histories III Augusta legion in I-III cc. **N.I. Solovyanov 19**

The sea marches of the barbarians in 258-269 **S.V. Yartsev 22**

The phenomenon of gallo-roman patriotism in the Roman empire's decline **E.V. Litovchenko 30**

German elements in female costume of late antique Bosphorus (based on materials of burials) **M.L. Ryabtseva, S.N. Prokopenko 39**

The images of war in byzantine historical literature of the X century: Theodoros Daphnopates **A.S. Mokhov, K.R. Kapsalykova 44**

Letter from John Colet to Christofer Urswick about benefit of history study **A.V. Votchel, L.V. Sofronova 50**

On the role of sufism in the national liberation struggle of the people of the Dagestan in XIX century **M.A. Kurbanov 53**

N.B. The diplomatic struggle over the status of the british troops in Egypt during the «Veiled protectorate» (1882-1914) **A. Khizriyev 60**

The Harry S. Truman administration policy towards polish question in april 1945: a hard line or inconsistency? **V.V. Vasilenko 67**

RUSSIAN HISTORY

The problem of the geographical location of a number of Muscovite fortresses on the Russian-Lithuanian border in the second half of the XVI century **D.A. Bessudnov 73**

Church schism of the seventeenth century in the works of Russian painting **S.E. Lazarev, O.G. Kurdyumov 77**

The role of commercial banks in the development of rural economy of Kursk area in post-reform period of the Russian empire

Y.V. Valyaev, E.A. Gangov, A.N. Moshkin 84

The education of merchants children of Tula region in 1861-1915 years **I.N. Lobacheva 90**

The evolution of photography in the russian provinces (on the example of Kursk province of the second half of the 19th – the beginning of the 20th centuries) **I.M. Plaksin 96**

Public works in the Russian empire during the famine of 1891-1892 **A.S. Rogozhina 103**

I.T. Shatohin,

Professor of the Russian History and Records Management Department, Candidate of Historical Sciences, Professor (Belgorod State National Research University)

V.N. Shilov,

Professor of the Cultural and Political Studies Department, Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Belgorod State National Research University)

Editorial Assistant**I.G. Onoprienko,**

Associate Professor of the Russian History and Records Management Department, Candidate of Historical Sciences

Members of Editorial Board:

M.G. Abramzon, Doctor of Historical Sciences, Professor (Nosov Magnitogorsk State Technical University)

S. Atlagich, Doctor of Political Sciences (Belgrade State University, Republic of Serbia)

A.V. Glukhova, Doctor of Political Sciences, Professor (Voronezh State University)

A.V. Golovnev Doctor of Historical Sciences; Corresponding Member, Russian Academy of Sciences; Institute of History and Archeology, Russian Academy of Sciences (Ural Branch) (Ekaterinburg, Russia)

M. Kazanski, PhD in History (Center for History and Civilization of Byzantium, Paris, France)

A.V. Korobkov, PhD in Political Science (Middle Tennessee State University, USA)

K.N. Lobanov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Belgorod Juridical Institute of Ministry of Home Affairs of Russia)

E.A. Molev, Doctor of Historical Sciences, Professor (Nizhny Novgorod State University after N.I. Lobachevskiy)

M. Pluviano, PhD in History (University of Genoa, Italy)

S.I. Posokhov, Doctor of Historical Sciences, Professor (Kharkov National University after V.N. Karazin, Ukraine)

I.M. Pushkareva, Doctor of Historical Sciences, Leading Scientific Worker (Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences)

S.B. Sorochan, Doctor of Historical Sciences, Professor (Kharkov National University after V.N. Karazin, Ukraine)

I.M. Todorov, PhD in History, Associate Professor (Velikotyrnovo University «St. Cyril and Methodius», Bulgaria)

H.R. Tumans, PhD in History (Latvian National University, Riga, Latvia)

The articles are given in authors` editing.

Page layout: *I. G. Onoprienko, L.P. Kotenko*

e-mail: onoprienko@bsu.edu.ru

Passed for printing 11.12.2015

Format 60×84/8

Typeface Georgia, Impact

Printer's sheets 25,0

Order 249

Price free

Circulation 1000 copies

Date of publishing: 30.12.2015

Subscription reference in The Russian Press common catalogue – 18078

Dummy layout is replicated at Publishing House "Belgorod", Belgorod State National Research University
Address: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

The institution of the diocesan observers in the regional church school management system in Russia in the late XIX and early XX c.

E.V. Dvoretzkiy, K.V. Kozlov 110

The peasant land community as the subject of implementation of the ecological functions (according to the primary sources of the Northwest Russia) **L.V. Alieva 115**

The personnel policy of the automobile industry of the Komi Republic (1930 – mid 1940) **D.V. Loginova 121**

Problems of periodization of national historiography of the role of anti-tank artillery of Supreme Command reserve in the battles at the Kursk salient on 5 July - 23 August 1943 **O.A. Kolyakina 128**

N.B. Causes and conditions criminalization business in USSR (1987-1991) **S.V. Bogdanov, V.G. Ostapuk, J.A. Komnatnaya 132**

Social and cultural practices and the structure of identities of nagai-baks on materials of expeditions 2014-2015 years

I.R. Atnagulov 136

SCIENTIFIC LIFE

Women and women's movement in the world and violence conflicts **N.L. Pushkareva 145**

POLITICAL SCIENCE

State and culture in the program document «Basics of state policy» **A.I. Bardakov, S.S. Shushpanov 147**

The factors of expansion of youth extremism in Russia

E.V. Reutov, N.V. Filonov 155

Modern Russian political parties: typology experience under names

V.N. Shilov 161
How dangerous «Islamic state» to Russia **S.V. Vanichkin 166**

The Russian bureaucracy on early stages of its institutionalization

S.B. Lugvin 171

The newest integrations: definition and classification

V.I. Sologub 178

Postconflict trajectories of terrorist organizations in the case of the victory of antigovernment forces: preconditions, parameters, trends

D.V. Proshin 183

Dysfunction of the political system of Ukraine (2000-2010)

E.N. Maksimova 191

Information about Authors 197

Information for Authors 200

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 94(38).02

ЭВБЕЙСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ ИТАЛИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЭРЕТРИИ И ХАЛКИДЫ ДО ЛЕЛАНТСКОЙ ВОЙНЫ

EUBOEAN COLONIZATION OF ITALY IN THE CONTEX OF THE PROBLEM OF RELATIONSHIPS BETWEEN ERETRIA AND CHALKIS BEFORE LELANTINE WAR

Д.В. Зайцев

D.V. Zaytsev

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
660077, г. Красноярск, ул. Взлетная, 20,

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev
660077, Krasnoyarsk, Vzleotnaya street, 20

E-mail: dmitriyzaits@yandex.ru

Ключевые слова: Эвбея, Лелантская война, Великая греческая колонизация, Эретрия, Халкида.
Key words: Euboea, Lelantine war, Greek Colonization, Eretria, Chalkis.

Аннотация. Лелантская война — это одна из многочисленных проблем истории архаической Эллады, далеких от своего разрешения. Статья посвящена проблеме, находящейся на периферии основных дискуссий, посвященных Лелантской войне, а именно — взаимоотношениям эвбейских полисов накануне конфликта. В работе рассматриваются две основные проблемы. Первая — это оценка ревизии роли эвбейских полисов в колонизации Центрального Средиземноморья. Вторая — это оценка историчности традиции о сотрудничестве Эретрии и Халкиды в колонизационных мероприятиях. В целом в работе возникает широкая картина наиболее раннего этапа колонизационной активности архаической Греции.

Resume. The paper deals with two major problems. The first is an assessment of the revision of role Euboeans policies in the colonization of the Central Mediterranean. The second is an assessment of the historicity of the tradition of cooperation Eretria and Chalcis in colonization events.

Лелантская война — это одна из многочисленных проблем истории архаической Эллады, далеких от своего разрешения. До сих пор нет полной ясности ни в хронологии, ни в составе участников, ни в характере конфликта¹. Даже сам термин «Лелантская война» — это совре-

---

¹ Проблемы, связанные с интерпретацией и реконструкцией Лелантской войны, неоднократно рассматривались в исследовательской литературе. Последней и единственной на данный момент обобщающей работой, посвященной этой проблеме, остается монография В. Паркера (см. Parker V. Untersuchungen zum Lelantischen Krieg und verwandten Problemen der frühgriechischen Geschichte. Stuttgart, 1997). Обзор точек зрения на Лелантскую войну можно найти в недавней интересной и местами намеренно провокационной работе Дж. Холла (см. Hall J. M. A History of Archaic Greek World, ca 1200-479 B.C. Oxford, 2014. P. 1-8), специально посвятившего небольшую часть своего труда анализу традиционной реконструкции Лелантской войны и критике аргументов, обычно приводившихся в ее под-

менный конструкт². Древние называли конфликт «войной халкидян и эретрийцев»³ или «битвами за Лелант»⁴.

Во многом неясностям вокруг Лелантской войны поспособствовали дискуссии последних десятилетий. Стройная концепция середины XX в., рисующая нам картину глобальной войны между двумя коалициями эллинских полисов, которая продлилась несколько десятилетий и была вызвана, в первую очередь, конфликтом торговых интересов⁵ или земельным голодом⁶, подвергается серьезной и аргументированной критике с самых разных направлений⁷.

Однако наша статья посвящена проблеме, находящейся на периферии основных дискуссий, посвященных Лелантской войне, а именно — взаимоотношениям эвбейских полисов накануне конфликта. Здесь уместно будет сразу оговориться, что, в силу дискуссионности характера и хронологических рамок Лелантской войны⁸, мы не рискуем сколько-нибудь точно датировать ее «канун». Однако этот вопрос не является принципиально важным для нашей работы, и можно ограничиться приблизительными временными рамками — VIII в. до н.э.

Традиционная концепция постулировала, что до Лелантской войны отношения Эретрии и Халкиды были мирными: полисы принимали участие в колонизации северной Эгеиды и Италии, не вступали в серьезные конфликты, а уже в ходе войны отказались от использования метательного оружия. Эта концепция, идущая вслед за высказыванием Страбона и упоминаниями об основании эвбейскими полисами совместных италийских колоний, на протяжении длительного времени не подвергалась сомнению.

Однако в 1970-х гг. английская исследовательница Л. Джеффри выступила с критикой этой точки зрения и заявила, что мирные взаимоотношения Эретрии и Халкиды не являются

тверждение. Более взвешенную оценку основных проблем, связанных с войной см. Tausend K. *Der Lelantische Kriege – ein Mythos?* // *Klio*. 1987. Bd. 69. H. 2. S. 499-514.

² См. подробнее: Зайцев Д.В. Лелантская война: проблемы терминологии // История мировых цивилизаций: война и общество. Региональная научно-практическая конференция с международным участием. Красноярск, 22 апреля 2014 г.: сб. статей. Красноярск, 2015. С. 139-147.

³ *πόλεμον Χαλκιδέων καὶ Ἐρετριῶν* (Thuc. I.15.3). Схожие варианты встречаются у Геродота (Herod. V. 99. 1) и Плутарха (Plut. Amat. Narr. 17. 760 e-f).

⁴ *ταῖς περὶ Λελάντου μάχαις* (Plut. Conv. Sept. Sap. 10. 153f).

⁵ Bradeen D.W. *The Lelantine War and Pheidon of Argos* // *TAPhA*. 1947. Vol. 78. P. 223-241; Burn A.R. *The So-called "Trade-Leagues" in Early Greek History and the Lelantine War* // *JHS*. 1929. Vol. 49. P. 14-37; Forrest W.G. *Colonisation and the Rise of Delphi* // *Historia*. 1957. Bd. 6. H. 2. S. 160-175; Parker V. *Op. cit.*; Жестоканов С. М. Лелантская война // *Para bellum!* 2000. №12. С. 6-12.

⁶ Geyer F.P. *Topographie und Geschichte der Insel Euboea im Altertum*. Kap. 1. Berlin, 1902; Lambert D.S. *A Thucydidean Scholium on the "Lelantine war"* // *JHS*. 1982. Vol. 102. P. 216-220; Coldstream J.N. *Greek Geometric Pottery. A Survey of ten Local Styles and their Chronology*. 2nd ed. Bristol, 2008; Snodgrass A.M. *Archaic Greece. The Age of Experiment*. Berkeley, 1980.

⁷ Первая заметка с попыткой развенчать традиционный подход к интерпретации Лелантской войны последовала еще в начале XX в. П. Гарднер (Gardner P. *A Numismatic Note on the Lelantian War* // *The Classical Review*. 1920. Vol. 34. №. 5/6. P. 90-91) выступил против распространенной тенденции выставлять Лелантскую войну грандиозным конфликтом и включать в нее войны, происходившие в южной Италии и Сицилии. Стоит, правда, отметить, что аргументация П. Гарднера, основанная на нумизматических материалах, сейчас уже устарела (см. Parker V. *Op. cit.* S. 11-12). Из последующих работ стоит упомянуть попытку гиперкритического анализа источников, предпринятую Д. Фелингом (Fehling D. *Zwei Lehrstücke über Pseudo-nachrichten (Homeriden, Lelantischer Krieg)* // *Rheinisches Museum für Philologie. Neue Folge*. 1979. Bd. 122. Hf. 3/4. P. 193-210), который приходит к выводу, что Лелантская война — это искусственный конструкт, возникший в античной нарративной традиции и не имеющий ничего общего с реальностью. Подход Д. Фелинга был убедительно подвергнут критике в работах В. Паркера (Parker V. *Op. cit.* S. 11-12) и Х. Туманса (Туманс Х. *Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла*. СПб., 2002. С. 122-125). Наконец, в совсем недавних работах Дж. Холла (Hall J. *Op. cit.* P. 1-8) и К. Хараламбиду (Charalambidou X. *Developments in Euboea and Oropos at the end of the "Dark Ages" (CA. 700 to the mid seventh century BC)* // *The «Dark Ages» Revisited, Acts of an International Symposium in Memory of William D.E. Coulson, University of Thessaly, Volos, 14-17 June 2007*. Volos, 2011. P. 831-855) сомнению подвергаются не только данные нарративных источников, но и итоги анализа археологических материалов. Греческая исследовательница, опирающаяся на труд Дж. Холла, пытается построить свою реконструкцию архаической эвбейской истории, не прибегая к гипотезе о Лелантской войне. Однако ее методика вызывает сомнения. К. Хараламбиду основывает свою концепцию на сравнении археологической картины Эвбеи VII в. до н.э. с Атикой того же времени. Однако при этом греческая исследовательница упускает из виду, что внутривосточная обстановка в Атике VII в. до н.э. была весьма напряженной, что проявилось в «Килоновой смуте», принятии законодательства Драконта (см. общую характеристику периода Туманс Х. Указ. соч. С. 180-203), да и война с Мегарами могла начаться уже в это время (см. несколько страдающую от модернизации, но, тем не менее, интересную и обстоятельную работу: Пальцева Л.А. *Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии*. СПб., 1999. С. 247-257). Впрочем, такая позиция греческой исследовательницы объясняется ее опорой на картину афинской истории, представленную в труде И. Морриса (см. Morris I. *Burial and ancient society. The rise of the Greek city-state*. Cambridge, 1987), который и сам не слишком охотно привлекает нарративную традицию для реконструкции политических событий афинской истории (см. Суриков И.Е. *Архаическая и классическая Греция: проблемы истории и источниковедения*. М., 2007. С. 45-46).

⁸ Tausend K. *Op. cit.* S. 501.

доказанным фактом⁹. Основные возражения Л. Джеффри сводились к тому, что нарративная традиция об основании италийских колоний противоречива и подтверждает сотрудничество эвбейских полисов, в лучшем случае, только при основании Питекусс и Кум. А этого мало, чтобы говорить о мирных взаимоотношениях Эретрии и Халкиды – эретрийский контингент мог быть, по мнению Л. Джеффри, представлен изгнанниками или колонистами с Керкиры, которых вытеснили коринфяне.

Исходя из своих сомнений, английская исследовательница предполагала вероятность затяжного конфликта между эвбейскими полисами, переросшего впоследствии в полномасштабную Лелантскую войну. Любопытно, кстати, что, выступая с критикой гипотезы о мирных отношениях Эретрии и Халкиды, Л. Джеффри весьма традиционна в оценках характера и масштабов самой Лелантской войны. Более того, именно торговые и колонизационные интересы эвбейских полисов становятся основой для сомнения в сотрудничестве полисов: автор считает, что Халкида была заинтересована, в первую очередь, в контактах с Западом, в то время как Эретрия тяготела к торговле с Востоком¹⁰.

Гипотеза Л. Джеффри, на «колониальной» аргументации которой мы остановимся несколько позже – далеко не единственная проблема, поднятая в историографии последних десятилетий в связи с колонизационной деятельностью эвбейских полисов. Не меньшее значение оказала «антиэвбейская кампания»¹¹, предпринятая рядом исследователей, занимающихся греческой колонизацией Италии и средиземноморской торговлей архаического времени. Среди этих специалистов стоит особо отметить Дж. Пападопулоса¹². Основанием для критики историчности эвбейской колонизации центральной Италии является, по большому счету, общее рассуждение, что присутствие эллинской керамики еще не означает присутствия эллинского населения¹³.

Таким образом, в данной статье мы преследуем две основные цели. Первая: рассмотреть проблему эвбейской колонизации Италии в VIII в. до н.э. и оценить обоснованность критического подхода к этой проблеме. Вторая: проанализировать аргументацию Л. Джеффри и определить, насколько традиция о совместных колонизационных мероприятиях Эретрии и Халкиды может служить доказательством их сотрудничества до Лелантской войны.

Вначале остановимся на первой проблеме и обратимся к истории изучения эвбейской колонизации. На протяжении длительного времени первенство эвбейцев в колонизации Центральной Италии и Сицилии не подвергалось сомнению. Данные Страбона, Тита Ливия, Дионисия Галикарнасского, Фукидида и других авторов ясно свидетельствовали в пользу этой концепции¹⁴. Только утвердился этот подход после локализации эвбейской керамики раннеархаического периода¹⁵. Дополнительный же стимул концепции принесли раскопки поселения Лэфканди на Эвбее, подарившие археологам заметное количество ближневосточного экспорта¹⁶, и раскопки Питекусс, предпринятые германо-итальянским археологом Дж. Бюхнером¹⁷. Создалась достаточно убедительная концепция, основанная на нарративной традиции и многочисленных археологических материалах, постулирующая первенство эвбейских

⁹ Jeffery L. H. *Archaic Greece. The city-states c. 700-500 B.C.* London, 1976. P. 63-69.

¹⁰ Ibidem. P. 63.

¹¹ Это определение, весьма меткое, хотя, по мнению самого его автора, недостаточно сильное, было предложено английским исследователем италийской колонизации Д. Риджуэем (см. Ridgway D. *Euboeans and Others Along the Tyrrhenian Seaboard in the 8th Century B.C.* // Lomas K. (ed.) *Greek Identity in the Western Mediterranean: Papers in Honour of Brian Shefton.* Leiden-Boston, 2004. P. 24).

¹² Papadopoulos J. K. *Phantom Euboians* // *Journal of Mediterranean Archeology.* 1997. Vol. 10. 2. P. 191-219; Idem. *Euboians in Macedonia? A closer look* // *Oxford Journal of Archeology.* 1996. Vol. 15 (2). P. 151-181.

¹³ Papadopoulos J. K. *Phantom Euboians...* P. 194.

¹⁴ Основные выводы исследователей первой половины XX в. были обобщены в прекрасной работе Т. Данбэбина (см. Dunbabin T. J. *The Western Greeks. The History of Sicily and South Italy from the Foundation of the Greek Colonies to 480 B.C.* Oxford, 1948).

¹⁵ Гипотеза об эвбейской локализации определенных групп керамики и связи Эвбеи с Аль-Миной была высказана Дж. Бордменом (Boardman J. *Early Euboean Pottery and History* // *BSA.* 1957. Vol. 52. P. 1-29) и подтверждена химическими экспериментами, предпринятыми по инициативе М. Попхэма (Popham M.R., Hatcher R., Pollard A.M. *Al Mina and Euboea* // *BSA.* 1980. Vol. 75. P. 151-161; Popham M.R., Hatcher R., Pollard A.M. *Euboean exports to Al Mina, Cyprus and Crete: a reassessment* // *BSA.* 1983. Vol. 78. P. 281-290).

¹⁶ См. например: Popham M. R., Sackett L. H., Themelis P.G. (eds.) *Lefkandi I. The Iron Age.* Oxford, 1980.

¹⁷ Отец Дж. Бюхнера был немцем, мать – итальянкой, сам археолог получил образование в Германии, однако большая часть его жизни и деятельности была связана с островом Иския, где, собственно, и располагались Питекусы. Подробнее об открытии поселения см.: Buchner G. *Pithekoussai: oldest Greek Colony in the West* // *Expedition.* 1966. 8(4). P. 5-12.

полисов в архаическое время в колонизационных и торговых мероприятиях в Средиземноморье¹⁸.

Однако у этой концепции нашлись противники, подвергшие традиционный подход обстоятельной и резкой критике, в основном, с археологических позиций¹⁹. В своей важнейшей статье²⁰, стремясь пересмотреть эллиоцентризм современной историографии, Дж. Пападопулос обращается к анализу археологического материала и отмечает, что последний интерпретируется зачастую предвзято. Например, равное количество эвбейской керамики найдено при раскопках Аль-Мины и Карфагена, однако только для первой постулируется наличие греческой фактории²¹. Гробницы с мечами и другим вооружением из Лефканди интерпретируются как могилы воинов, а такие же с ювелирными украшениями и керамикой ближневосточного происхождения должны принадлежать, с точки зрения исследователей²², эвбейскому торговцу. В то же время, разве не должны ближневосточные материалы подталкивать к выводу, что Лефканди – фактория финикийцев на Эвбее?

Собственная концепция греческого археолога сводится к тому, что для нас практически невозможно определить этнический характер древнейшего населения Питекусс и Кум. Это связано со сложностями интерпретации археологического материала, в основном керамики, которая является достаточно сомнительным индикатором этнического происхождения населения. К примеру, некоторое количество эвбейских питьевых сосудов найдено и в Испании, причём в поселениях, занятых явно местным населением. Таким образом, для нас невозможно установить, кто именно транспортировал эвбейскую керамику и пользовался ею. Она могла перевозиться на кораблях финикийцев, эвбейцев, представителей других греческих полисов. И во многом прав греческий археолог, отмечающий, что исследователи зачастую подходят к интерпретации материала с двойными стандартами, считая Лефканди греческим поселением, хотя там есть большое количество находок ближневосточного происхождения, в то время как Аль-Мина, с куда меньшим количеством находок греческих, становится эллинским эмпорием. Таким образом, с точки зрения Дж. Пападопулоса, Питекусс и Кумы представляют собой скорее интернациональные поселения, где сосуществовало население местное, греческое и ближневосточное²³.

Однако, по нашему мнению, Дж. Пападопулос, как и другие исследователи, опирающиеся преимущественно на археологические материалы, упускает один важный момент. Если его слова о том, что эвбейскую керамику могли перевозить финикийцы и представители других полисов, вполне справедливы, тогда что делать с данными нарративной традиции? Мы с трудом представляем себе, чтобы столь разнообразные и не связанные между собой авторы, как

¹⁸ Объем литературы по этому вопросу колоссален. См. например: Desborough V.R. d'A. *The Greek Dark Ages*. London, 1972. P. 187-199; Boardman J. *The Greek Overseas. Their Early Colonies and Trade*. London, 1980; Idem. *Al Mina and history* // *Oxford Journal of Archeology*. 1990. Vol. 9. P. 169-190; Descoedres J.-P. *Zagora auf der Insel Andros: eine eretrische Kolonie?* // *AK*. 1973. N. 16. P. 87-88; Popham M. R., Sackett L. H., Themelis P.G. (eds.) *Op. cit.*; Popham M.R. *Precolonization: early Greek contact with the east* // Tsatskheladze G.R., De Angelis F. (eds.) *The Archeology of Greek Colonization: Essays Dedicated to Sir John Boardman*. Oxford, 1994. P. 11-34; Lemos I.S. *Euboean enterprise in the eastern Mediterranean: early import at Lefkandi* // *AJA*. 1992. Vol. 96. P. 338-339.

¹⁹ Мы не останавливаемся здесь подробно на проблемах контактов эвбейцев с Востоком и статусе Аль-Мины. Выше, в примечании №18, мы назвали ряд авторов, считавших Аль-Ми́ну эвбейским эмпорием и связывавших присутствие ближневосточного экспорта в Италии с активностью именно эвбейских посредников (подробный историографический обзор проблемы характера Аль-Ми́ны см. Niemeyer H.G. *Phoenician or Greek: is there a reasonable way out of the Al Mina debate?* // *Ancient West and East*. 2004. Vol. 3. №1. P. 38-50). Однако в 90-е гг. в связи с общим пересмотром значения эвбейцев в средиземноморской торговле, появились опровержения этого тезиса. Ряд авторов, в первую очередь, Ж. Перро (Perreault J.Y. *Les emporia grecs du Levant: mythe ou réalité?* // Bresson A., Rouillard P. *L'Emporion*. Publications du Centre Pierre Paris 26. Paris, 1993. P. 59-83) и Э. Снодгрэсс (Snodgrass A.M. *The nature and standing of the early western colonies* // Tsatskheladze G.R., De Angelis F. (eds.) *The Archeology of Greek Colonization: Essays Dedicated to Sir John Boardman*. Oxford, 1994. P. 1-10) пытаются доказать, что Аль-Мина не могла быть эвбейским эмпорием на Ближнем Востоке. Они выступают за то, что поселение имело интернациональный характер. Отметим, что отказ от приоритетной роли эвбейцев в основании Аль-Ми́ны является вполне обоснованным утверждением. Несмотря на то, что процент эвбейской керамики в Аль-Мине был куда выше, чем в других ближневосточных поселениях (подсчеты см. Boardman J. *Al Mina and History...* P. 171-175; Idem. *Greeks in the Eastern Mediterranean (South Anatolia, Syria, Egypt)* // Tsatskheladze (ed.) *Greek Colonisation. An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas*. Vol. I. Leiden-Boston, 2006. P. 515), все же ее абсолютное количество не превышало количество керамики местного производства. Кроме того, далеко не вся керамика из Аль-Ми́ны опубликована на настоящий момент, что делает все подсчеты приблизительными. Не исключено, что по мере публикации находок, процент эллинских материалов продолжит сокращаться. Изменению процента эллинской керамики могут способствовать и возобновившиеся раскопки в устье Оронта (Pamir H., Nishiyama S. *The Orontes Delta Survey: Archeological Investigation of Ancient Trade Stations/Settlements* // *Ancient West and East*. 2002. Vol. 1. №2. P. 294-214).

²⁰ Papadopoulos J. K. *Phantom Euboians...*

²¹ *Ibidem*. P. 192.

²² Popham M.R., Lemos I.S. *A Euboean warrior trader* // *Oxford Journal of Archeology*. 1995. Vol. 14. P. 151.

²³ Papadopoulos J. K. *Phantom Euboians...* P. 206-207.

Фукидид (Thuc. VI. 3-5), Страбон (Strab. V. 4. 4; V. 4. 9), Тит Ливий (Liv. VIII. 22. 5-6), Дионисий Галикарнасский (Dion. Hal. Ant. Rom. VII. 3. 1), Псевдо-Скимн (Pseudo Scymnus Geogr. Ad Nicomedem regem. W. 236-240), Веллей Патеркул (Velleius Paterculus Hist. Rom. I. 4), все как один, сообщили несправедливую информацию об участии эвбейцев в колонизации Италии. Они, а в особенности Фукидид – один из первых эллинских историков, тем более, оставивший нам подробное описание заселения Сицилии – не могли пользоваться данными общего предшественника. Они не могли знать и о том, что в итальянских и сицилийских колониях исследователи XX в. найдут эвбейскую керамику. Такой «грех» современной историографии, как преувеличение роли керамических материалов, был им совершенно чужд. Стоит также подчеркнуть, что Эвбею, как метрополию для ранних итальянских колоний, упоминают практически все античные авторы, у которых подобная информация вообще встречается.

Отнести столь обширную и единогласную нарративную традицию, да еще и подтверждаемую археологическим материалом, с нашей точки зрения, совершенно невозможно. Хотя, безусловно, нельзя не согласиться с греческим исследователем в том, что процесс не был таким простым, как кажется на первый взгляд, и не только эвбейцы, равно как и не только эллины, участвовали в торговых и колонизационных предприятиях в центральном Средиземноморье. Однако сложность проблемы не отменяет того, что эвбейские полисы являлись одними из наиболее развитых в Элладе и непосредственно участвовали в колонизации Италии и Сицилии, о чём явно свидетельствует весь комплекс наших источников²⁴.

Обратимся теперь к вопросу о том, что дает нам факт колонизации Италии эвбейскими полисами для реконструкции взаимоотношений Эретрии и Халкиды до Лелантской войны. Сразу стоит оговориться, что археологические материалы, которые подтверждают присутствие эвбейского населения в Италии, никак не могут помочь нам в решении этой проблемы. Сама локализация эвбейской керамики иногда подвергается сомнению в современной историографии²⁵. Что уж говорить о более точной локализации эретрийской и халкидской керамики²⁶. Следовательно, в этом вопросе мы можем только обращаться к нарративной традиции о колониальных предприятиях эвбейцев в Центральной Италии.

О совместной деятельности Эретрии и Халкиды античная традиция сообщает только в приложении к двум итальянским колониям – это Кумы и Питекусы. Основание Питекусс – древнейшей греческой колонии в Италии – связывает с совместной деятельностью эвбейских полисов только Страбон, который сообщает, что колонисты очень недолго пробыли на острове из-за вулканической активности (Strab. V. 4. 9). Другую информацию сообщает Тит Ливий, считающий основателями Питекусс только халкидян, которые, после непродолжительной стоянки на острове, основали еще и Кумы (Liv. VIII. 22. 5-6).

²⁴ Здесь стоит сказать несколько слов о том, каким мы видим характер великой греческой колонизации. Практически общераспространенной является точка зрения, согласно которой греческая колонизация является проявлением централизованной политики греческих полисов (Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. 2-е изд. СПб., 2004. С. 146-163). Однако некоторые авторитетные специалисты (см. например: Graham A.J. Colony and Mother City in Ancient Greece. New York, 1964. P. 33-34; Суриков И.Е. Великая греческая колонизация: экономические и политические мотивы // Античный мир и археология. 2010. Вып. 14. С. 23-24; 33; Туманс Х. Мильтиад Старший как зеркало греческой колонизации // Мнемон. 2014. Вып. 14. С. 59-60) считают, что, как минимум, отдельные предприятия могли иметь частный характер. Мы также склоняемся к этой точке зрения, по крайней мере, для VIII в. до н.э. Стоит отметить, кстати, что даже упоминания о поддержке полиса в традиции не всегда могут служить убедительным аргументом в пользу наличия у него целенаправленной колонизационной политики, направленной на экспансию. В качестве примера отметим, что при колонизации Тарента нарративная традиция упоминает гарантии, предоставленные поселенцам со стороны полиса, однако после основания колонии, ее контакты с метрополией прерываются почти на полтора столетия (Печатнова Л.Г. История Спаргты (период архаики и классики). СПб., 2001. С. 288-303). Конечно, пример Тарента не является хрестоматийным, однако похожие ситуации можно встретить и в истории других полисов (см. ситуацию с основанием Кирены: Яйленко В.П. Греческая колонизация VII-II вв. до н.э. М., 1982. С. 61-83). Соответственно мы склонны принимать точку зрения Дж. Пападопулоса об интернациональном характере древнейших эвбейских колоний, о проживании там не только эллинов, но и варваров. Однако по нашему мнению, этот факт не опровергает реальность эвбейской колонизации. Ведь, по крайней мере, многие ойкиты итальянских колоний были эвбейцами по происхождению.

²⁵ Тот же Дж. Пападопулос критикует методику и результаты химического анализа керамики, проведенного по инициативе М. Попхэма (см. Papadopoulos J. K. Phantom Euboians...).

²⁶ Очень загадочным, в связи с этим, видится заявление Л. Джеффри о расцвете именно эретрийской керамики после Лелантской войны (Jeffery L. N. Op. Cit. P. 66.). По крайней мере, для нас так и осталось загадкой, на основании каких данных английская исследовательница приходит к подобному выводу.

Что касается Кум, то Страбон называет их метрополиями Халкиду и Кумы (Strab. V. 4. 4)²⁷, совершенно не связывая, кстати, это событие с основанием Питекусс. Такую же версию можно встретить у Фукидида, который, рассказывая о колонизационной активности Кум, называет их халкидской колонией (Thuc. VI. 4. 5). Псевдо-Скимн (Pseudo Scymnus Geogr.: Ad Nicomedem regem. W. 236-238) и Веллей Патеркул (Velleius Paterculus Hist. Rom. I. 4) также не указывают в числе метрополий Кум Эретрию. Иную версию событий приводит только Дионисий Галикарнасский, который сообщает, что Кумы были основаны эретрийцами и халкидиянами совместно (Dion. Hal. Ant. Rom. VII. 3. 1).

Если обратиться к аргументации Л. Джеффри, то можно заметить, что английская исследовательница несколько небрежно обращается с нарративной традицией. Конечно, формально справедливо ее утверждение, что об участии Эретрии в основании Кум пишет только один античный автор²⁸. Но при этом, стороной обходится версия Страбона, которая подтверждает сотрудничество Эретрии и Халкиды при основании Питекусс. И все же, нельзя не согласиться с фактом, что из шести авторов только двое – Страбон и Дионисий Галикарнасский – сообщают о сотрудничестве эвбейских полисов при основании колоний в Средней Италии.

Чтобы как-то объяснить сообщения Страбона и Дионисия, английская исследовательница связывает эти данные с изгнанием эретрийских колонистов с Керкиры²⁹, предполагая, что именно они поучаствовали в основании новых колоний. Эту гипотезу сложно принимать всерьез. Традиционной датировкой для изгнания эретрийских колонистов коринфянами является 734 г. до н.э. Появление поселения в Кумах большинством исследователями датируется более ранним временем – примерно серединой VIII в. до н.э.³⁰. Да и даже если согласиться с теми авторами, которые предлагают более позднюю дату основания Кум³¹, то вероятность связи этого события с изгнанием эретрийцев с Керкиры очень невелика и – главное – совершенно недоказуема.

Тем не менее, хотя гипотеза Л. Джеффри об участии в колонизационном мероприятии изгнанников с Керкиры не выглядит убедительно, в целом, версия о возможности участия отдельных эретрийцев, а не всего полиса, в колонизационных мероприятиях Халкиды представляется имеющей право на жизнь. Отметим и то, что о совместной деятельности этих полисов сообщают довольно поздние авторы, которые могли оказаться под влиянием определенных абераций, вызванных, например, известиями о мирных взаимоотношениях Эретрии и Халкиды в древности³².

Что касается более поздних колоний в Италии и колониях в других регионах греческого мира, то ни для одной из них мы не встречаем упоминаний о совместной деятельности Эретрии и Халкиды. При этом в Центральном Средиземноморье активность проявляют практически исключительно халкидяне. Например, Страбон сообщает, что они основали Регий (Strab. V. 1. 6) и Наксос, ойкистом которого, правда, стал афинянин Феокл (Strab. V. 2. 2). Ту же информацию передает и Фукидид, сообщающий об основании халкидиянами Наксоса, Леонтин и Катаны (Thuc. VI. 2. 3-5). Находятся колонии эвбейских полисов и в северной Эгеиде, однако никакой информации о совместных действиях основавших их полисов традиция до нас не доносит. Страбон, говоря о заселении этого региона, упоминает только поселения, основанные отдельно Эретрией и Халкидой (Strab. X. 1. 8). Диодор

²⁷ В историографии не сложилось единого мнения по вопросу о том, какие именно Кумы имеются в виду – эолийские или небольшое поселение на Эвбее, информация о котором сохранилась только у Стефана Византийского (Steph. Byz. s.v. Κύμη). Нам кажется, что фраза Псевдо-Скимна (Pseudo Scymnus Geogr.: Ad Nicomedem regem. W. 236-238) об участии в основании колонии эолийцев является прямым указанием в пользу эолийских Кум (обзор точек зрения и аргументацию альтернативной гипотезы см. Шубин В.И. Ранние эвбейские колонии в Италии // Вестник СПбГУ. 2010. Сер. 2. Вып. 2. С. 43-45).

²⁸ Jeffery L. H. Op. cit. P. 64.

²⁹ Ibidem.

³⁰ Blakeway A. «Demaratus»: A Study in Some Aspects of the Earliest Hellenization of Latium and Etruria // JRS. 1935. Vol. 25. P. 129; Dunbabin T.J. Op. cit. P. 5; Snodgrass A.M. The Dark Ages of Greeks: An Archeological Survey of the Eleventh to the Eighth Centuries B.C. London, 2000. P. 121.

³¹ Woodhead A.G. The Greeks in the West. London, 1962. P. 36.

³² В этом отношении показательным может быть то, что именно Страбону принадлежит высказывание о мирных отношениях Эретрии и Халкиды до Лелантской войны (Strabo. X. I. 12). Большинство исследователей склоняется к версии, что первоисточником для этого сообщения послужил труд Эфора (Wheeler E. L. Ephorus and the Prohibition of Missiles // TAPhA. 1987. Vol. 117. P. 174-177).

называет колонией Халкиды Торону (Diod. Sic. XII. 68. 6), а Фукидид пишет о Менде, как колонии Эретрии (Thuc. IV. 123. 1)³³.

Подводя итоги, стоит отметить следующее. Во-первых, по нашему мнению, нарративная традиция, вкупе с археологическими материалами, со всей убедительностью свидетельствуют об историчности эвбейской колонизационной активности в Центральном Средиземноморье в VIII в. до н.э. Можно согласиться с утверждением, что ранняя колонизация была процессом сложным, и в древнейших эвбейских колониях проживали не только представители Эретрии и Халкиды. Однако последнее не значит, что сама по себе эвбейская колонизация является фикцией.

Во-вторых, источниковая база, подтверждающая сотрудничество двух ведущих эвбейских полисов в деле основания колоний, не может считаться убедительной. Об этом сотрудничестве сообщают только поздние авторы – Страбон и Дионисий Галикарнасский – в то время как основная традиция даёт информацию об отдельных колонизационных мероприятиях Халкиды и Эретрии. Следовательно, единственным аргументом в пользу гипотезы о мирном сотрудничестве эвбейских полисов остается прямое указание Страбона, также далеко не бесспорное.

Тем не менее, сложно представить, чтобы между двумя полисами в принципе не было этапа мирных взаимоотношений. Для решения проблемы нам представляется принципиально важным ответ на вопрос о характере Лелантской войны. Если вспомнить, что сам этот термин античными авторами не использовался, а понятия «битвы за Лелант» и «война эретрийцев с халкидянами» являются крайне расплывчатыми и, по нашему мнению, не обязательно относятся к одному и тому же событию, мы склонны предположить, что представление о длительной общегреческой войне не соответствует действительности.

Нам представляется более вероятной затяжная пограничная война между Эретрией и Халкидой, которая продолжалась на протяжении большей части архаической эпохи, сменялась мирными периодами, и в которую периодически включались представители других полисов и этносов.

Конечно, эта гипотеза нуждается в дальнейшем критическом разборе, аргументации и обосновании. Однако, как нам представляется, теория о сотрудничестве эвбейских полисов является крайне спорной и не может быть серьезным контраргументом против этой гипотезы.

---

³³ По поводу роли эвбейцев в колонизации этого региона также высказываются критические замечания. Большинство исследователей (Bradeen D.W. *The Chalcidians in Thrace* // *AJPh.* 1952. Vol. 73. P. 356-380; Knoepfler D. *The Calendar of Olynthus and the Origin of the Chalcidians in Thrace* // Descoedres J.P. (ed.) *Greek Colonists and Native Population. Proceedings of the First Australian Congress of Classical Archeology Held in Honour of Emeritus Professor A.D. Trendall, Sydney 9-14 July 1985.* Oxford, 1990. P. 99-115; Popham M.R. *Precolonization...*) поддерживают идею эвбейской колонизации Халкидики. Дж. Пападопулос (Papadopoulos J. K. *Euhoians in Macedonia?...*), исследовавший Торону в Македонии, высказывает в этом определённые сомнения. Отметим, кстати, что критика греческого археолога куда более умеренна, чем в случае колонизации Италии. Она выглядит достаточно убедительной и опирается как на новый химический анализ археологических материалов, демонстрирующий неэвбейское происхождение керамики, так и на критику нарративной традиции.

УДК 94(3)

**ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА:
УРОКИ ЭЛЛИНИЗМА****GLOBALISATION AS AN OBJECT OF HISTORICAL ANALYSIS:
THE LESSONS OF HELLENISM****А.В. Хазина, Д.А. Строганов****A.V. Khazina, D.A. Stroganov***Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина,
603950, Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1**Minin's State Pedagogical University of Nizhny Novgorod
603950, Nizhny Novgorod, Ulyanova Str., 1**E-mail: Annh1@yandex.ru, stroganoff.dmitry2012@yandex.ru*

Ключевые слова: глобализация, эллинизм, греко-римский мир III-I вв. до н.э., эллинистическая историография.

Key words: globalization, Hellenism, the Greco-Roman world of III-I centuries BC, Hellenistic historiography globalization, Hellenism, the Greco-Roman world of III-I centuries BC, Hellenistic historiography.

Аннотация. Сегодня попытки описания и объяснения процессов глобализации предпринимаются с позиции различных наук. В социально-философском и историческом дискурсах глобализационные процессы часто трактуются, либо в русле оптимистическо-утопической традиции, либо в пессимистическо-скептическом варианте развития событий. Интонация тех и других утверждений проникнута пафосом эсхатологической исключительности. Анализ эллинистических источников показывает, что проблема выстраивания новых иерархий – это не прецедент, созданный XX веком. Достаточно показательно эти процессы были отрефлексированы в историко-философской мысли эллинизма (греко-римского мира III-I вв. до н.э.).

Resume. Many diverse attempts of describing and explaining of globalization processes from the perspective of different sciences are being taken nowadays. Within the sociological, historical and philosophical discourses the globalization processes are often being treated either from the optimistic and even utopian angle, or using skeptical and pessimistically biased scenario. The very tone of both assertions draws upon the disposition of an eschatological exceptionality. Analysis of the Hellenistic sources shows that the problem of the developing of a new hierarchy is not the unique one set by XX century. The similar processes had been indicatively enough reflected upon in the historical and philosophical thought of the Hellenism (Greco-Roman world III-I centuries BC.).

К началу XXI века понятие «глобализация» стало неременным элементом международного политико-экономического дискурса. Попытки описания и объяснения процессов глобализации предпринимались с позиции различных наук. Существующие концепции стремятся структурировать понимание этого процесса как комплексного геоэкономического, геополитического и геогуманитарного явления, затрагивающего все стороны жизнедеятельности «мирового пространства»¹.

Однако система любого порядка базируется на дихотомии сходства и различия, уникального – универсального, гомогенного – гетерогенного. Поэтому независимо от того, какой фактор (экономический, экологический, информационный) рассматривается в качестве центрального в понимании глобализации, с позиции системного анализа это явление может быть определено как изменение привычных, устоявшихся структур различных дихотомий, ломка традиционных иерархий.

¹ Киш Э. Возможная история глобализации и вызовы XXI в. // Век глобализации. Исследования современных глобальных процессов. 2012. N 1. С. 58-67.

Свидетелями материальных фиксаций этого процесса можно считать обозначившуюся в 1970 г. интернационализацию мировой экономики, интеграцию финансовых рынков и Интернет, формирование единого политического пространства, в котором намечается переход от биполярности к многополюсности организации мирового пространства, космополитизацию и в некоторой степени унификацию стилей жизни, форм поведения. Смена парадигм вызвала новое эмоционально-психологическое состояние, прежде всего интеллектуальных элит.

Социально-философская и историческая рефлексия немедленно поляризовалась в оценке процессов глобализации. Романтично-утопический оптимизм подпитывается представлением о мире как об однородном социально-экономическом пространстве, движимом единой мотивацией и регулируемом «общечеловеческими ценностями».

В этом ракурсе глобализация подчас воспринимается как некий универсальный процесс, необратимо и поступательно подчиняющийся законам своего развития «периферию» миросистемного пространства.

Вариантом пессимистическо-скептической интерпретации глобализации может служить тезис о том, что состояние современных социальных, экономических и культурных процессов можно охарактеризовать как застойные при отсутствии решения нарастающих конфликтов и проблем, приобретающих глобальный характер². Интонация тех и других утверждений проникнута пафосом эсхатологической исключительности.

Между тем, некоторые исторические эпохи, особенно со времени создания мегагосударств и империй посредством захвата других стран иллюстрируют примеры возникновения и распространения надтерриториальных измерений социально-политических отношений. В этом смысле греки и римляне выступали как носители глобальных культур³. Достаточно показательно эти процессы были отрефлексированы в историко-философской мысли эллинизма (греко-римского мира III-I вв. до н.э.).

Результатом завоеваний Александра Великого явилось образование единой эллинистической ойкумены, объединившей различные этносы и государства; со сложным политико-социальным пространством: более широким, не столь прерывистым и менее закрытым, нежели пространство маленьких греческих городов-государств; а также более гибким и менее иерархичным, нежели восточные деспотии или Римская империя III в. н.э. В нем присутствовало множество очагов власти, бесчисленных форм деятельности, конфликтов, которые развиваясь, уравновешивались разнообразными соглашениями⁴.

Новые правила политической и социальной игры приводят к разрушению привычных систем этноконфессиональных идентификаций и иерархий и попытке выстроить новые⁵. Следствием этого явились представления о человеке, ойкумене, государстве, формулируемые эллинистическо-римской мыслью в категориях биполярных оппозиций⁶.

Menschbild⁷ эллинистического времени включала, с одной стороны, представление о гражданине мира как части космополиса, в котором все движется «симпатией» и общее благо превыше всего (Зенон, Хрисипп, Посидоний, Гекатей, Ямбул)⁸, с другой – психологию маленького человека, отягченного сознанием бренности всех мирских благ, с жалобами на развращенность всех и вся (Антисфен, Бион, Керкид, Посидипп); восхищение сверхчеловеком и этику среднего слоя; стремление жить любой ценой и разочарование в активной жизни; индивидуализм и желание общения.

Представление об ойкумене как о двух обитаемых зонах, в которых все этносы делятся по принципу: эллины—варвары, римляне—варвары, причем варвары—рабы по природе (Аристотель)⁹, корректировались идеей множественности и даже бесконечности обитаемых миров

² Азроянц Э.А. Глобализация: катастрофа или развитие? Современные тенденции мирового развития и политические амбиции. М., 2002. С. 20-31.

³ Хазина А.В., Софронова Л.В., Басов А.Ю. «Трансформация античности», или наше отражение в зеркале античной пайдеи // Преподаватель XXI век. 2014. Т. 2. № 1. С. 273-278.

⁴ Schneider G. Menschbild und Wirklichkeit. Ein Beitrag zur pädagogischen Theorie des Interesses. München, 1980. S. 98.

⁵ Хазина А.В., Строганов Д.А. Магия и оккультизм в религиозной ментальности эллинистического социума // Преподаватель XXI век. 2015. Т. 2. № 1. С. 255-263.

⁶ Sandbach F. The Stoics. L., 1975. P. 60, 93.

⁷ MacMullen R. Roman Social Relations, 50 B.C. to A.D 284. L., N.Y., 1974. P. 94-96.

⁸ Posidonius. Fr. 105, 106, 170 // Posidonius. The fragments / Ed. by L. Edelstein and I.G. Kidd. Cambridge, 1972; Plut. De virt. Alex. I. 1. // Plutarch. Moralia / Translated by W. C. Helmbold. Loeb Classical Library, V.VI. Harvard, 1939; Philon Alex. De Ios. 2. 46 // Philonis Alexandrini opera quae supersunt / Ed. by L. Cohn, P. Windland. V.VII, Berol., 1930.

⁹ Aristoteles. Polit. 1252a-1254b, 1285a // Aristoteles. Politica / Übersetzt und kommentiert von F. Dirmeier/ Berlin, 1979.

(Эпикур, Эвдокс, Гиппарх, Посидоний), а также идеей естественного равенства всех народов (Эратосфен, Страбон, Посидоний, Мелеагр).

Стереотипный подход к принципам межгосударственных и межэтнических отношений как к реализации «цивилизаторской» роли более разумных и сильных этносов эллинов и римлян изменялся разработкой теории договора между победителями и побежденными, сильными и слабыми, в которой внимание акцентируется не на насилии, а на добровольном соглашении и взаимных обязательствах в международных отношениях¹⁰.

Итак, история показывает, что проблема выстраивания новых иерархий – это не прецедент, созданный XX веком. Быть может, трезвый взгляд на исторический процесс сумел бы вывести и современную философско-историческую рефлексию за рамки полярных аксиологических оценок процесса глобализации.

---

¹⁰ Хазина А.В. Антиномия «свой—чужой» в историческом нарративе взгляд эллинистической историографии // Диалог со временем. 2012. № 39. С. 271-285.

УДК 94(6)

**К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ РИМА
В АФРИКАНСКИХ ПРОВИНЦИЯХ****THE PROBLEM OF ECONOMIC POLICY OF ROME
IN AFRICAN PROVINCES****К. Бембай****K. Bembaye**

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
300026 г. Тула, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, ул. Ленина, 125

Tula State Leo Tolstoy Pedagogical University
300026 Tula, Tula State Pedagogical University name L. Tolstoy, Lenin Str., 125

E-mail: kularambay@mail.ru

Ключевые слова: экономическая политика, Рим, африканские провинции Рима, рабы.
Key words: Economic policy, Rome, African Provinces of Rome, slaves.

Аннотация. В статье рассматривается проблема определения основных направлений экономической политики Рима в африканских провинциях в первые века н.э. Обосновывается зависимость римской экономики от войн, которые вели римские легионы, и от рабского труда. Отмечается, что в римской экономике рабы всегда играли важную роль и составляли значительную ее часть. Исходя из этого, делается вывод об огромной роли африканских владений Рима, которые становятся настоящей продовольственной базой, поставляющей в столицу Империи большое количество пшеницы и оливкового масла, распределяемых среди городского населения, а также в общем развитии Римской империи.

Resume. The article deals with the problem of the economic policy of Rome in African provinces. The dependence of the Roman economy upon wars performed by Roman legions and by slave labor is grounded. It is noted that slaves always played an important role in the Roman economy and formed its significant part. Based on these statements, the conclusion is made about the tremendous role of the Roman possessions in Africa in the development of Roman Empire. They became a real food base, which supplied a large amount of wheat and olive oil to the capital of the Empire that was distributed among the urban population.

В I-II вв. африканские провинции Римской империи достигают экономического и культурного расцвета. Процесс романизации приобретает активный характер, основываются новые города муниципального типа, распространяются римское и латинское гражданство, оживляется городская жизнь, города благоустраиваются и превращаются в важные культурные центры; Карфаген, Гадрумет, Утика, Цирта, Гиппон Регий, Цезарея, Тингис, Великий Лептис и другие приобретают общеимперское значение. В городах и их сельской округе активно внедряются рабовладельческие формы производства: в товарных поместьях и ремесленных мастерских производится большое количество зерна, оливкового масла, ремесленных изделий.

С приходом Августа к власти Римская империя полностью вышла из продолжительных войн. Высокие налоги и постоянные сборы материальной помощи для армии значительно подорвали ее экономику в предшествующее время. Несмотря на то, что передача абсолютной власти Августу была бы потерей политической свободы населения, его стремление к свободной торговле способствовало экономическому подъему¹. Август упорно отстаивал возможность реализации таких идей, как частная собственность, свободная торговля и индивидуальные предприятия. Помимо этого он упорядочил систему налогообложения. При том, что в былые времена правители провинций приезжали к откупщикам и взимали налог в различных объемах в процентах зависимости от дохода, Август же ввел фиксированную систему сбо-

¹ Zosso Fr. Les empereurs Romains 27 av. J.-C. Paris, 2002. P. 253.

ра налогов, которые взимались прокураторами, напрямую подчинявшимся императору². Для большей справедливости он организовал несколько важных описей имущества. Эта решительная денежная реформа, поддерживаемая повышением котировки валюты, должна была дать новый импульс производству. Низкие процентные ставки и высокие показатели предложения валюты поддерживали практически нулевой уровень инфляции во время правления Августа.

Его последователи продолжали расширять территорию империи. При Траяне территория Римской империи достигла максимальных размеров. Однако мир для державы имел очень высокую цену: это исчезновение всей прибыли от войны: от богатств до рабов³.

Экономика Рима была в то время основана на труде рабов, но, помимо рассматриваемого периода, в римской экономике рабы всегда играли важную роль и составляли значительную ее часть. Рабами была треть населения Рима и пятая часть жителей всей империи. Когда Август объявил *Pax Romana* (Римский мир), завоевания прекратились, и число военнопленных, которые обеспечивали рынок рабов, значительно сократилось. В этот период ежегодная потребность в рабах достигла почти 500 000 человек. Первой реакцией на этот спад предложения стало применение новых и более опасных методов: похищение людей, пиратство, продажа детей и др. Однако в общей сложности происходил большой спад, в том числе, и снижение доходов государства. К тому же, часто жители перебирались в области, где существовала большая необходимость в рабочей силе. Это значительно отразилось на населении Италии⁴.

Прежде экономическая деятельность государства заключалась в том, чтобы облегчить и сделать более благоприятной жизнь римского населения. Торговые контакты между провинциями были довольно редкими, они охватывали лишь небольшие территории и были малозначительными. Наиболее часто используемые торговые дороги окружали всю столицу, но Рим использовал их в основном для передачи своих приказов и проезда правителей. Провинции же, наоборот, направляли по ним продукты, рабочую силу и подати. В зонах контактов находились посты военных. Благодаря этим мерам можно было не опасаться пиратов и бандитизма.

До возникновения Империи было построено мало дорог, поэтому первостепенной задачей будущих императоров было создание дорожной сети в Италии и в провинциях. Много работ было организовано Агриппой и Августом в Галлии. Именно Август стал создателем испанской сети и крупной средиземноморской артерии этой страны (от Карфагена до Кадиса) и маршрутов в завоеванные им северо-западные регионы. Помимо этого Август также улучшил пути в Египет и Малую Азию. Именно по этим путям в Рим доставляли продовольствие, а также строительные материалы и произведенные товары.

Среди ввозимых товаров зерновые составляли важную часть. Они составляли основную часть питания римлян (в форме хлеба или каши). Большую озабоченность императоров составлял привоз их необходимого количества для питания населения. Зерновые поставлялись в небольших количествах, но в основном с Сицилии, из Африки и Египта. С помощью посредничества правителей и прокураторов провинций, императоры пытались добиться увеличения количества поставляемого продовольствия и снижения цен.

Также, прежде всего, чтобы сделать Рим красивее и удобнее для жизни, каменоломни разрабатывали и леса вырубали именно в провинциях. Со всех сторон в Рим стягивали рабочих: свободных людей, рабов и военнопленных для их устройства в качестве необразованной рабочей силы или квалифицированных сотрудников⁵.

Средства на постройку большинства учреждений в Риме поступали из собранных налогов. Кроме того, Август не упустил шанс прославить себя тем, что превратил город из кирпичного в мраморный. Во время его правления было сооружено много важных учреждений, таких как храмы, театры и общественные бани. Следует отметить, что поводом к такому масштабному строительству стали многочисленные пожары. Очевидно, что римская экономика в огромной степени зависела от войн, которые вели римские легионы⁶.

С 167 г. до н.э. прямые налоги больше не взимались. Было достаточно доходов из крупных областей государства и завоеваний. Однако нововведения должны были обойтись

² Roman Y. *Empereurs et sénateurs. Une histoire politique de l'Empire romain.* Paris, 2001. P. 543.

³ Zosso Fr. *Les empereurs Romains.* Paris, 2002. P.254.

⁴ Benabou M. *La résistance africaine à la romanisation // Edition La Découverte.* Paris, 2005. P. 233-234.

⁵ Charles A. J. *Histoire de l'Afrique du Nord: Tunisie – Algerie – Maroc // Des origines a la conquete arabe 647 ap. J.-C.* Paris, 1964. P. 148.

⁶ Hamman A.G. *La vie quotidienne en Afrique du Nord au temps de Saint Auguste.* Paris, 1979. P. 117-145; 265-294.

государству намного дороже. Для поддержания государства в фонды поступали дополнительные средства:

- контрибуции: налог, выплачиваемый провинциями. Принимались попытки уменьшения влияния оппозиционных групп, расположившихся на крупных территориях государства (*societates verctigalium*);

- удвоение объемов контрибуций со Святылища Трех Галлов (*Tres Galliae*).

Позже, в 6 г. н.э., после финансового урегулирования, благодаря переписи населения и улучшению налоговой системы, Август поставил задачу введения новых налогов, потому что традиционных ресурсов не было достаточно:

- *Vicesima beneditatium* и *legatorum* - для определения двадцатой части от наследства и завещанного имущества (начиная с определенного объема суммы).

- *Centesima regum venalium* - сотая доля от продаж. Этот налог был введен с 7 г. н.э. до 25 года и распространялся и на продажу рабов (*vicesima quinta venalium manipiorum*).

Эти два налога, а особенно первый, приносили наибольшую прибыль. Традиционные налоги, поступавшие из провинций и Италии, направлялись в казну, которой управлял Сенат (*aerarium senatus*).

Август создал также вторую, военную казну, которая должна была использоваться для пенсионных выплат воинам. Именно в эту казну и направлялись средства, собранные с помощью этих налогов. Императору также поступали некоторые свои доходы: от контрибуций и налогов от имперских и сенаторских провинций и доходов от его обширнейших владений. Также он располагал конфискованным имуществом, в особенности у своих врагов эпохи гражданских войн. В действительности, император обладал большими богатствами, чем Сенат, которому часто приходилось оказывать финансовую помощь. Интерес вызывает вопрос: была ли казна общей или же их было несколько, и они располагались в провинциях. Всеми финансами Сената управляли кредиторы, а казной императора – прокураторы⁷.

Политический режим Империи стал тираническим, и власть сосредоточилась в руках жадных до нее императоров, абсолютно незаинтересованных в расширении ее границ. Правители провинций действовали в собственных интересах, не учитывая мнения народа, потому что им не требовалась поддержка населения для удержания власти. Государства являются структурами контроля и распределения доходов, которые используют богатства, созданные подчиненными им народами. Когда эти структуры являются довольно гибкими, и когда законы относительно справедливы, индивидуальная мобильность существует и способствует развитию процветающего цивилизованного общества; если же они навязываются в результате самоуправства и тирании, то они уничтожают индивидуальную динамику и вызывают экономический застой и как следствие - политический спад.

Среди регионов и провинций Империи особое место занимала Северная Африка, которая занимала выгодное географическое положение, была близка к Риму и являлась важным производителем сельскохозяйственной продукции⁸.

Основным источником доходов африканских полисов было сельское хозяйство. Названная «житницей империи», Северная Африка производила примерно 1 млн. тонн зерна в год, четверть которого экспортировалась. Кроме злаков выращивались также бобы, фиги, виноград и другие фрукты. Во II веке оливковое масло, как и хлеб, было наиболее выгодным экспортным товаром. Вдобавок к работоторговле, ловле и перевозке экзотических диких животных, на экспорт шли текстиль, мрамор, вино, лес, домашний скот, шерсть и гончарные изделия.

В больших портовых городах региона велась оживленная морская торговля. В городах функционировали собрания римских граждан. Куриалы несли свою службу, а органы городского управления продолжали действовать вплоть до византийского времени. Сельское хозяйство также не пострадало здесь от общего социального кризиса в такой степени, как другие западные провинции империи⁹.

Особенностью экономики африканских провинций было распространение крупного частного и императорского землевладения с использованием в качестве основной рабочей силы зависимых колоннов. В административном отношении императорские и многие частные латифундии считались экзимирированными территориями (то есть изъятыми, на них не распространялась власть городских органов). Кроме муниципальных земель и экзимирированных

⁷ Гиббон Э. История упадка и крушения Римской империи. Т. 1. М., 1994. С. 118.

⁸ Broughton T. The Romanisation of Africa Proconsularis. N.Y., 1968.

⁹ Валлерстайн И. Мировые экономические системы. М., 2001. С.1 26.

латифундий в африканских провинциях существовали многочисленные племенные округа (особенно на южных границах провинций), часто находившиеся под управлением племенных вождей и старейшин, что создавало условия для сепаратизма и попыток отделения от Империи.

Африканские провинции рассматривались императорами как относительно мирные области, и для их охраны был выделен один регулярный легион и 9 когорт, стоявших гарнизонами в наиболее угрожаемых пунктах.

Римская провинциальная администрация организовала интенсивную эксплуатацию африканских владений, которые становятся настоящей продовольственной базой Рима, поставляющей в столицу Империи большое количество пшеницы и оливкового масла, распределяемых среди городского населения.

В римское время в Африке появилось много мелких и средних рабовладельческих вилл и небольших крестьянских хозяйств. Здесь выращивали пшеницу и изготавливали оливковое масло и вино, которыми снабжались Рим и Италия¹⁰.

Безопасность африканских провинций была обеспечена лimesом¹¹, который стал надежным рубежом на пути местных племен с юга.

---

¹⁰ Подробнее см.: Жюльен Ш.-А. История Северной Африки (Алжир, Тунис, Марокко). Т. 1. От древнейших времен до арабского завоевания. М., 1961.

¹¹ См. Никитин А.Н. Организация и эволюция римского лimesа в Нумидии, Мавритании и Триполитании в I-III вв. н.э.: этно-социальный и экономический аспекты. Автореф. канд. дисс. Челябинск, 2007.

УДК 937. 07

К ИСТОРИИ III АВГУСТОВА ЛЕГИОНА В I-III ВВ.

TO HISTORIES III AVGVSTA LEGION IN I-III CC.

Н.И. Соловьянов

N.I. Solovyunov

*Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева,
660077, г. Красноярск, ул. Взлетная, 20*

*Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev
660077, Krasnoyarsk, Vzleotnaya Str., 20*

E-mail: nikolai_solovyunov@mail.ru

Ключевые слова: римская армия, легионы, Северная Африка, легионеры, латинская эпиграфика.
Key words: roman army, legions, North Africa, legionnaires, latin epigraphic.

Аннотация. Общеизвестно, что величие такой средиземноморской державы, как Римская империя, держалось, прежде всего, на двух столпах - религиозности жителей и императорской армии. III Августов легион, о котором пойдет речь в статье, являлся такой опорой империи в африканских владениях державы на протяжении всех веков Империи. В работе рассматривается время принципата - первые века н.э. На основании эпиграфического материала (ряд надписей приведен в статье) автор доказывает, что III Августов легион был основной военной силой империи в Африке, а степень религиозности его солдат была достаточно высокой.

Resume. The Well-known that greatness such states, as Roman empire held on two pillars to religiosity of the inhabitants and imperial army. III August legion, about which will go the speech below, was shown such handhold to empires in African possessions states on length of all ages to Empires. The Well-known that greatness such states, as Roman empire held on two pillars to religiosity of the inhabitants and imperial army. III August legion, about which will go the speech below, was shown such handhold to empires in African possessions states on length of all ages to Empires.

Северо-африканское побережье Средиземного моря прошло длительный путь историко-культурного освоения цивилизованными народами задолго до римского завоевания. Исторически эта территория делилась на Мавретанию, Ливию, внутреннюю Африку, плохо знакомую античным географам, находившуюся на Средиземноморском побережье от залива Большой Сирт до египетской границы, включавшую в себя третью область – Киренаику.

С древнейших времен эти области были заселены берберскими кочевыми племенами: маврусиев, бакатов, мазиков, зимизов, масуламиев, кинитиев, назамонов и др.¹

Накануне интересующей нас эпохи Империи африканские владения Рима разделялись на несколько провинций: Мавретанию Тигитанскую, Мавретанию Цезарейскую, Нумидию, Африку, Африку Проконсульскую и Киренаику с Критом².

Август, проводя военно-административную реформу, разделив все европейские провинции на внешние (императорские) и внутренние (сенатские), объявил все африканские владения, в том числе и Египет, личной собственностью императорской фамилии. С этих пор и до вторжения вандалов это была самая «замыренная» область из всех владений Рима. Прекрасные природные условия, отсутствие военной угрозы превратили этот регион фактически в курортную область. Здесь лишь для поддержания внутреннего порядка и охраны подходов к проливам Сицилийского моря на всякий случай в крепости Ламбези был размещен III Августов легион³.

¹ Ретроспективно см.: Третьякова Н.Е. Положение местных племен в Северной Африке с установлением византийской власти // Белгородский диалог – 2014. Белгород, 2014. С. 102-103; она же. Маврусии Византийской Африки (VI в.) и их культы // Молодежь – науке. Т. 2. Псков, 2014. С. 79.

² Julien Ch. A. Histoire de l'Afrique du Nord, 2 éd. P., 1951.

³ См.: Соловьянов Н.И. О специфике римского военного присутствия и культах римской армии в африканских владениях // Проблемы истории, филологии и культуры. М.; Новосибирск; Магнитогорск, 2008. № 22. С. 54-63.

Легион III Augusta – легион Августа. Моммзен считает его учрежденным Цезарем во время гражданских войн⁴. Во время реорганизации имперской армии Октавиан сохранил три легиона с номером III, имевшихся к моменту его прихода к власти (III Augusta, III Suetonica, III Gallica), и различал их по разным прозвищам.

III Augusta обосновался на западной оконечности Ореса (совр. вост. Алжир), в Ламбезе, где остались развалины монументального лагеря, чрезвычайно богатые всякого рода древностями. Легион около 300 лет не покидал в полном составе своей стоянки, и лишь посылал отдельные подразделения во все места, где были нужны легионеры либо для служебных надобностей, либо для обороны страны.

Он стал любимым местом службы для начала военно-политической карьеры «золотой римской молодежи» и, как отмечал еще Гастон Буассье, был кузницей высших офицерских кадров для армии императорского Рима⁵. Его воспитанники офицеры служили во всех легионах императорского Рима.

При Веспасиане его отряды сражались против гарамантов. При Домициане его веколияции совершили поход против насамонов. В 128 году, в консулат Торквата и Либона, что доказывает обнаруженная надпись, в Ламбезе ему нанёс визит император Адриан, приказавший провести маневры в своём присутствии. И 1 июля состоялся почётный смотр, на котором император обратился к нему с приветственной речью, знаменитой по сегодняшней день.

В течение II века императоры посылали отдельные отряды легиона в различные части римского мира. Так, они приняли участие в войне Луция Вера против Вологеза и в походе Марка Аврелия против квадов и маркоманнов. Когда африканец Септимий Север пришёл к власти, легион из Африки не мог не поддержать своего земляка. Очень вероятно, что его легионеры активно сражались в рядах его армии против Песценния Нигера; по случаю этих событий он получил титул *Pia Vindex*, который он носит на памятниках с 194 или 195 г.

В правление Септимия Севера, одновременно с постройкой в Ламбезе и остальной Африке огромных сооружений общественного назначения, развалины которых существуют и сегодня, он послал отдельное подразделение в месопотамский поход.

В 216 г. другое его подразделение приняло участие в войне Каракаллы против парфян. Легион имел прозвища, которые можно найти на надписях: *Legio III Aug. iterum Pia, iterum Vindex* (“дважды заступник”). К ним добавились, неизвестно в какую эпоху, *Constans* и *Perpetua*. Находят и прозвище *Pia Fidelis*, начиная с Диоклетиана.

Последний след его присутствия у подножия Ореса находят на двух каменных памятниках, воздвигнутых в честь императора Максимиана и цезаря Констанция. Однако и в последующем он все еще оставался в Африке, что подтверждается упоминанием в “Росписи чинов” *Tertioaugustani* среди легионов *comitatenses* под командованием комеса Африки.⁶

Остальную же территорию императорского домена, как и всех внутренних провинций, контролировали вспомогательные части. Это показывают памятники, поставленные действующими воинами.

Обилие же надгробий создает впечатление, что здесь побывали части всей императорской армии.

Однако внимательный анализ этих посмертных изваяний позволяет утверждать, что здесь находили последний приют лишь высшие офицерские чины большинства легионов, вспомогательных частей, флота и императорской гвардии, хотя подчиненные им подразделения никогда в Африке не дислоцировались. Скорее всего, это были отставники, так или иначе, связанные с III Августовым легионом.

Для подтверждения данного гипотетического положения приведем одну из эпитафий, поставленную во времена правления Элагабала (пер. пол. III в.) родственниками некоему Гаю Сульгию.

ILS. 2764.⁷ Африка. II в. С. *Sulgio L. f. Pap. Caeciliano praef. leg. III Cyrenai|cae, p. p. leg. XX Valeriae Victricis, praeposito reli|quationi classis praetoriae Misenatium piae | vindicis et thensauris domini[cis e]t bastagis copia|rum devehendar., 7 leg. III Aug. et septimae Geminae | et primae Parthicae et XVI Fl. f. et XIII G. in provincia Daci|a, navarch. classis praetoriae Mise[n]atium piae | vindicis, opt[i]oni peregrinorum et ex[erci]tatori mil[i]tium frumentarior., et Sulgiae..... ae et Sulgio | Apro.....cii, [S]uIgio.....io ..... irsi | pici .....fratri et coi[u]gi.*

⁴ См. Моммзен Т. История Рима. Т. 5. СПб., 2005.

⁵ См. Буассье Г. Римская религия от времени Августа до Антонинов. СПб., 1993.

⁶ Ritterling E. *Legio* // RE. XII, 1924. Col. 13262 etc.

⁷ По изд.: Desau H. *Inscriptiones Latinae Selectae*. (ILS) Vol. I–IV. Ed. 2. Berolini, 1954–1955.

Перевод: «Гаю Сульгию, сыну Луция (?) из Папириевой трибы, префекту легиона III Киренайского, примипилу легиона XX Валериева Победоносного, препозиту преторианского Мизенского флота, военному жрецу, центуриону III Августова, VII Сдвоенного, I Парфянского, XVI Флавиева Стойкого, XIII Сдвоенного в провинции Дакия, наварху преторианской Мизенской эскадры, опцию ополчения и поставщику продовольствия военным ...».

Учитывая, что должности в эпитафиях указывались не в хронологическом порядке, а по служебной иерархии, то есть, от высших к низшим, можно следующим образом представить этапы его карьеры. Стартовал с должности центуриона III Августова, он принял участие в ряде военных походов как центурион других легионов, в том числе и в качестве жреца. Дослужился до примипила, а затем и префекта (командующего) легиона. Затем, сменив род войск, - от наварха до препозита флота. Вероятно, получив почетную отставку, вернулся доживать в Африку, где был заместителем командира местного ополчения и как землевладелец поставлял продовольствие воинским частям.

Эпитафий, подобных этой, можно привести ни один десяток. Вот наиболее характерные из них:

ILS. 2653. Ламбези. III в. d. m. | T. Fl. Virilis 7 leg. II Aug., | 7 leg. XX V. v., 7 leg. VI Vic, | 7 leg. XX V. v., | 7 leg. III Aug., | 7 leg. III Parth. Sever. | VIII hast. poster., | vixit annis LXX, | stip. XXXXV, Lollia | Bodicca coniux | et Flavi Victor et | Victorinus filii | heredes ex HS | ICC n. faciendum curaver.

ILS. 2655. Африка. II в. C. Octavio | Q. fil. Cornel. | Honorato 7 | adlecto ex eq. | R. a divo Pio in | leg. II Aug., 7 leg. | VII Cl. piaefideL, | 7 leg. XVI Flaviae fir., 7 leg. X | Gem. p. f. V princ | postriori, | Q. Octavius Celsus pater d. d. | s. p. f. itemque dedicavit.

ILS. 2658. Африка. II в. | militavit L annis, IV in leg. III A[ug.] | librar., tesser., optio, signifer; | factus ex suffragio leg. [A]u[g. pr. pr. r] | militavit 7 leg. II Ital, [7] leg. VII. . . , | 7 leg. I Min., 7 leg. X Gem., 7 leg. II, | 7 leg. III Aug., 7 leg. II[I] Gall., 7 leg. XXX U[I]p., | 7 leg. VI Vic, 7 leg. III Cyr., 7 leg. XV Apol., | 7 leg. II Par., 7 leg. I Adiutricis, | consecutus ob virtutem in | expeditionem Parthicam | coronam muralem vallarem | torques et phaleras, agit in | diem operis perfecti annos LXXX, | sibi et I Claudiae Marciae Capitolinae | coniugi karissimae, quae agit (in diem operis perfecti | annos LXV, et | M. Petronio Fortunato filio | militavit ann. VI 7 leg. X[X]II Primig., | 7 leg. II Aug., vixit ann. XXXV, | cui Fortunatus et Marcia parentes | karissimo memoriam fecerunt.

ILS. 2659. Ламбези. II в. d. m. | P. Aelio P. f. Rojmano ex My[s]ia, 7 leg. III Au. | et VII Cl., XX | V. v. et I Ital., | donis do[nato, de]bellatori | hostium | prov. His. | et Mazicum | reg. Mon|tens., Vale|ria Inge|nua con|iunx cum | Turbone | et Roma|na filis | fec.

Такова основная специфика римского военного присутствия в африканских владениях императорского дома⁸, устанавливаемая по данным эпиграфики.

По надписям, в том числе и относительно III легиона, можно также в значительной мере установить степень религиозности солдат, но это – тема отдельного исследования.

⁸ См. подробнее: Соловьянов Н.И. Эпиграфические памятники о римской армии в I-III вв. Красноярск, 2015. 422 с.

УДК 94 (3)

МОРСКИЕ ПОХОДЫ ВАРВАРОВ В 258-269 гг. ¹**THE SEA MARCHES OF THE BARBARIANS IN 258-269****С.В. Ярцев****S.V. Yartsev**

Тулский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
300026 г. Тула, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, ул. Ленина, 125

Tula State Leo Tolstoy Pedagogical University
300026 Tula, Tula State Pedagogical University name L. Tolstoy, Lenin Str., 125

E-mail: s-yartsev@yandex.ru

Ключевые слова: Римская империя, морские походы, меотийцы, готы.

Key words: Roman Empire, sea marches, meiotic barbarians, Goths.

Аннотация. В статье подробно рассматриваются характер и особенности морских походов варваров в 258-269 гг., направленных из Северного Причерноморья на различные провинции Римской империи и известных в позднеантичной письменной традиции как «скифские (готские) войны». По мнению автора, причиной перехода варваров к тактике морских нападений являлось то, что только таким способом им можно было обойти все препятствия буферной зоны и укрепления лимеса и относительно легко оказаться в центре неукрепленной римской территории. При этом организация морских походов всецело лежала на меотийских варварах.

Resume. The article deals in detail the peculiarities of the sea marches of the barbarians in 258-269 A.D. According to the author, the reason of this tactics of the barbarians was the fact that it was the only way to avoid all the obstacles of the buffer zone and defense and find themselves easily in the center of Roman territory. The organization of the sea marches was the task of Meiotic Barbarians.

Интерес ученых к морским походам варваров в 258-269 гг. не ослабевает. Однако единой точки зрения на многие спорные вопросы этого сложного периода в истории Северного Причерноморья нет до сих пор. Отсутствует ясность по вопросам хронологии нападений, местам базирования варваров, этнического состава участников походов².

Так, вскоре после первых подобных нападений, которые, так или иначе, были связаны с борьбой за боспорский трон³, состоялся новый поход варваров, который может датироваться 257/258 гг. По словам историка Зосима: «Соседние скифы, увидев привезенные богатства, возымели желание совершить нечто подобное ... Они не признали возможным совершить экспедицию одинаковым с боранами способом как продолжительную, трудную и по опустошенным уже местностям» (Zosim., I, 34). Поэтому для грабежа были выбраны не тронутые в предыдущие походы районы западного побережья Понта и западной части Малой Азии. Отличие от предыдущих походов заключалось и в том, что на этот раз нападение осуществлялось двумя отрядами – по суше и по морю. Варвары проследовали до Филеатинского озера, «которое лежит слева от Византия, близ Понта» (Zosim., I, 34, 2), минув устье Истра и города Томы (совр. Констанца), и Анхиал. У Филеатинского озера отряды объединились и при помощи лодок местных рыбаков перевезли сухопутные отряды через Боспор. Солдаты местного гарнизона бежали (Zosim., I, 34, 3). Были разграблены Халкедон, Никомедия (совр. Измит), совершен набег на Никею (совр. Изник), Киус, Апамею (совр. Мидик), Прусу (совр. Брусса). Река Риндак помешала грабежу города Кизика. Варвары, сумевшие захватить необъятную

---

¹ Работа выполнена в рамках задания Минобрнауки РФ № 2014/389 (НИР № 1799).

² Историографию морских походов варваров см. в статье: Хайрединова Э.А. Боспор и морские походы варваров второй половины III в. н.э. // МАИЭТ. 1994. Вып. IV. С. 517-527.

³ Ярцев С.В. О начальных событиях кризиса на Боспоре III века нашей эры // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 5(27). С. 72-76; Ярцев С.В. К вопросу об обстоятельствах прихода к власти на Боспоре царя Фарсанза // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 10 (1). С. 182-186.

размерами добычу, и, «погрузив свое добро на повозки и корабли, ... стали думать о возвращении домой» (Zosim., I, 35)⁴.

Учитывая комбинированный характер похода, можно предположить, что морская часть экспедиции по Нижней Мёзии и Фракии до Филеатинского озера была известна ранее, во время предыдущих вторжений⁵, например, от боранов. Сухопутный же маршрут мог быть известен как боранам, так и любым другим местным варварам, например, готам, находящимся в это время где-то к западу от Днепра, и поэтому действительно «соседним» по отношению к меотийцам. «Соседние скифы» не принимали участие в первых двух походах, однако могли своими глазами «увидеть привезенные богатства» (Zosim., I, 34). Поэтому локализация «соседних скифов» Зосима с племенами более отдаленного, придунайского, региона⁶ сомнительна.

Валериан же не мог помочь осажденным городам, так как никому из своих полководцев «не доверял», а сам был занят войной с персами. В 260 г. он попал к ним в плен, был «ввергнут в положение раба и умер в руках персов, принеся великий позор римской чести на все последующие времена» (Zosim., I, 36).

Дата следующего морского нападения (SHA. Gallien., VI, 2; VII, 3; Iord. Get., 107-108) была восстановлена А.М. Ременниковым. Ученый обратил внимание, что поход «скифов» совпал по времени с карательной экспедицией Галлиена против мятежного гарнизона Византия. Сразу же после этого Галлиен отправился в Рим, где осенью 263 г. торжественно отметил десятилетие своего правления⁷. Рассказывая об этой кампании, Иордан, следуя из общей тенденциозной направленности своего труда, называет напавших варваров готами: «Дав волю своему буйству, предводители готов Респа, Ведук, Тарвар⁸ взяли корабли и, переправившись через пролив Геллеспонтский, перешли в Азию; в этой провинции они разграбили много городов, а в Эфесе сожгли славнейший храм Дианы ... оттуда вернулись они в свои места» (Iord. Get., 107-110).

Однако, истинная этническая идентификация этих варваров неизвестна. Напомним, что в тексте сочинителей «Истории Августов» данный поход уточняется словами: «...скифы, то есть часть готов, опустошали Азию» (SHA. Gallien., 6, 2). Это, по-видимому, означает, что какая-то часть готов стала называться «скифами», потому что чем-то отличалась от остальных своих сородичей. Но мы уже знаем, что группа этнически неопределенных варваров, неожиданно пересев на корабли, начала совершать крупномасштабные морские нападения против Римской империи. Именно этих людей позднеантичные авторы настойчиво называли «скифами». Поэтому, несмотря на отсутствие прямых сведений, все же нельзя исключать, что данный морской поход мог быть также предпринят варварами с берегов Меотиды. Мнение о том, что меотийцы не могли принять участие в походе 263 г., так как занимались подготовкой к вторжению 264 г., недостаточно аргументировано⁹. В разных походах могли участвовать разные группы варваров, поэтому ждать прибытия отправившихся ранее, да еще в очень далекий и трудный поход, вряд ли имело смысл.

В походе 263 г., скорее всего, участвовали те же самые люди, которые принимали активное участие в предыдущих нападениях. Это можно вывести из того, что флот варваров целенаправленно взял курс на еще неразграбленные земли западного побережья Малой Азии. Такое было возможно только при хорошей осведомленности о прошлых маршрутах. Не могли варвары отправиться в такое дальнее плавание и без соответствующего опыта. Получить его, опять же, можно было только в ходе предыдущих походов. При этом обращает на себя внимание, что варварский флот успешно преодолел проливы, благодаря кровопролитному восстанию в Византии. Данное обстоятельство может свидетельствовать и о хорошо налаженной разведке у варваров. Как бы то ни было, волна грабежей античных центров западного побережья Малой Азии достигла даже Милета, жители которого стойко защищали свой город.

Галлиену пришлось срочно прекратить борьбу с Постумом и отправиться против варваров и восставшего гарнизона Византия. По мнению А.М. Ременникова, быстрое истребление верными войсками мятежных солдат (SHA. Gallien., VI; 7) создало необходимые усло-

⁴ Ременников А.М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. н.э. М., 1954. С. 98-100; Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. СПб., 2001. С. 117.

⁵ Буданова В.П. Готы ... С. 118.

⁶ Ременников А.М. Ук. соч. С. 97.

⁷ Ременников А.М. Ук. соч. С. 104.

⁸ Одно время предлагалось считать эти имена славянскими (Забелин И.Е. История русской жизни с древнейших времен Ч.1. М., 1908. С. 376; Ременников А.М. Ук. соч. С. 91). Критика этой гипотезы: Иордан. О происхождении и деяниях гетов / Пер. и ком. Е.Ч. Скржинской. М., 1960. С. 258-260. Ком. 339.

⁹ Буданова В.П. Готы ... С. 120.

вия для более энергичных действий против «скифов»¹⁰. Однако из текста сочинителей «Истории Августов» выходит, что еще в ходе подавления восстания, «в то же время, вследствие доблести и умелого командования римских полководцев, и скифы в Азии подверглись разгрому и вернулись в свои места» (SHA. Gallien., VII, 3). Сейчас, конечно, трудно сказать, имелись ли тогда в реальности боевые столкновения варваров с римлянами. Напомним, что Иордан ни словом не упомянул о таком развертывании событий, напротив, «при такой удаче готы, вторгшиеся в область Азии, забрав добычу и награбленное» спокойно отправились домой (Iord. Get., 108).

Следующее морское нападение, по сообщению источников (SHA. Gallien., XI, 1; Philostorg. Hist. Eccl., II, 5), состоялось в «консульство Галлиена и Сатурнина» (SHA. Gallien., X, 1), то есть в 264 г. На этот раз «скифы» снова выбрали район, который еще не подвергался грабежам в предыдущих нападениях. Видимо, вначале на кораблях они достигли знакомых берегов Южного берега Понта, может быть, даже Трапезунта, где, однако, оставив корабли, совершили грабительский марш в глубь Малой Азии. Судя из краткого текста, действительно выходит, что «скифы» продвигались с юго-востока на северо-запад: Каппадокия — Галатия — Вифиния¹¹. Благодаря выбранной внезапной тактике, они смело «вторглись в Каппадокию. Захватив тамошние города, они после продолжительной войны, шедшей с переменным успехом, устремились в Вифинию» (SHA. Gallien., XI, 1). Похоже, что и в этот раз варвары смогли беспрепятственно вернуться обратно с богатой добычей. При этом направление маршрута дает основание предположить, что поход был начат из областей Меотиды, тем более, что предыдущие морские набеги в восточные области Малой Азии предпринимались, как правило, именно отсюда¹².

Правда, исходя из рассказа Филосторгия, можно сделать вывод о продвижении «скифов», наоборот, с запада на восток через Галатию и Каппадокию (Philostorg. Hist. Eccl., II, 5). Но здесь трудно не согласиться с В.П. Будановой, что данное повествование является всего лишь поводом для рассказа Филосторгия о происхождении епископа Ульфила. Поэтому к сведениям этого текста нужно относиться с осторожностью¹³.

Вскоре «скифы» вновь вторглись в восточные области Малой Азии, высадившись в районе Гераклеи Понтийской (SHA. Gallien., XII, 6; Syncell., 716-717). Учитывая, что Синкелл в своем тексте прямо связывает смерть Одената, которая произошла между 29 августа 266 г. и 28 августа 267 г., с нападением варваров, А.М. Ременников справедливо датирует поход летом 266 г. 267 год исключается по причине того, что в это время было предпринято следующее масштабное морское нападение¹⁴. При этом мы опять приходим к выводу, что у варваров, возможно, действительно хорошо был поставлен сбор разведывательных данных. Нападение было предпринято именно в то время, «когда Оденат был занят войной с персами, а Галлиен, по своему обыкновению, увлекался самыми нелепыми вещами, скифы, построив суда, добрались до Гераклеи и оттуда вернулись с добычей в свою землю» (SHA. Gallien., XII, 6). Оденат «пошел в Гераклею Понтийскую, намереваясь захватить скифов, и был там убит» (Syncell., 717), «вследствие козней своего двоюродного брата» (SHA. Gallien., XIII, 1). При этом он погиб «вместе со своим сыном Геродом», которого он успел «провозгласить императором» (SHA. Gallien., XIII, 1).

По мнению Э.А. Хайрединовой, по скудным сведениям Требеллия Поллиона определить исходный пункт экспедиции и этнос ее участников невозможно¹⁵. А.М. Ременников, основываясь на фразе Георгия Синкелла о «бедствиях Азии» (Syncell., 716) и высадке варваров в районе Гераклеи Понтийской (SHA. Gallien. XII, 6), предположил, что напавшие были из Карпато-Дунайского района, и они не ограничились грабежом только Гераклеи. Оденат же спешил в этот город, так как хотел захватить варварский флот и не дать варварам уйти, после чего всех их полностью истребить¹⁶. Однако такие выводы вызывают сомнения. Напомним, что предыдущие морские набеги в восточные области Малой Азии всегда предпринимались с берегов Меотиды. Нападавшие в данном случае названы «скифами», что, по мнению В.П. Будановой, характерно для древних авторов в случае, когда они плохо представляли

¹⁰ Ременников А.М. Ук. соч. С. 106-108.

¹¹ Буданова В.П. Готы ... С. 121.

¹² Rappaport Br. Die Einfälle der Goten in das römische Reich bis auf Constantin. Leipzig, 1899. S. 65; Ременников А.М. Ук. соч. С. 109-110; Буданова В.П. Готы ... С. 120-121.

¹³ Буданова В.П. Готы ... С. 121.

¹⁴ Ременников А.М. Ук. соч. С. 112.

¹⁵ Хайрединова Э.А. Ук. соч. С. 521.

¹⁶ Ременников А.М. Ук. соч. С. 110.

этническую принадлежность варваров¹⁷. Для эпохи морских походов это опять же было наиболее характерно именно для меотийцев. Нет у нас и никаких данных о продвижении варваров, высадившихся в Гераклею Понтийской, вглубь римских территорий. Поход 266 г. представляется более удачным морским набегом на крупный античный центр, расположенный относительно рядом в черноморском регионе, и до последнего времени, чудесным образом, избегавшим грабежей.

В сообщениях о следующем походе 267-268 гг. (Dexipp., Fr., 21; SHA. Gallien., 13, 6-10; 18, 8; Zosim., I, 39; Syncell., 717; Zonar., XII, 24-26) наблюдается любопытная эволюция представлений об этнической составляющей нападавших варваров у разных поколений авторов. Так, если Дексипп, обращаясь к гражданам Афин, назвал напавших на Грецию: «неприятелями», «варварами», «врагами» (Dexipp. Fr., 21), то Поллион, писавший в IV в., называл их «скифами» и «готами» (SHA. Gallien., 13, 6-10), Зосим в конце V в. – «скифами» (Zosim., I, 39), а Синкелл в VIII в. и Зонара в XII в. уже «герулами» (Syncell., 717; Zonar., XII, 24).

Объектом же нового нападения варваров стала Греция, которая до этого избегала подобной участи. Летом 267 г. флот варваров двинулся из Меотиды в составе 500, скорее всего, боспорских¹⁸ судов (Syncell., 717)¹⁹, держа курс на западное побережье Эгейского моря. В устье Дуная к меотийцам присоединились придунайские варвары. Когда «скифы, переплыв Евксин, они вошли в Истр и причинили много бед римской земле. Узнав об этом, Галлиен поручил византийцам Клеодаму и Афинею ведать восстановлением и укреплением городов. Бой произошел у Понта, и варвары были побеждены византийскими полководцами» (SHA. Gallien., XIII, 6). По мнению А.М. Ременникова, варвары специально начали военные действия на Дунае, чтобы обмануть римлян, которые, по их замыслу, должны были оттянуть свои силы от проливов и предоставить возможность варварскому флоту прорваться в Эгейское море²⁰. Вскоре варвары, усиленные придунайскими готами, действительно направились к Боспору Фракийскому, где путь им преградил римский флот под командованием Венериана. В кровопролитном морском сражении варвары отступили, но и римляне понесли большие потери. Сам Венериан пал, по-видимому, в морской битве (SHA. Gallien., XIII, 7).

В конечном итоге, варвары добились своей главной цели. Не встречая сопротивления, они прошли проливы и, разграбив крупный город Кизик, успешно высадились на побережье Аттики (Syncell., 717). Афины, Коринф, Спарта подверглись жестокому разграблению, при этом «большая часть городов была взята неприятелем хитростью, когда они находились без защитников», а некоторые из местных вообще перешли на сторону врагов (Dexipp., fr. 21). Таким трагическим положение дел оставалось до тех пор, пока у берегов Греции не появился римский флот во главе с Клеодамом и Афинеем. На близость римского флота указывает и Дексипп в своей речи к воинам-афинянам²¹. Судя по всему, варварские корабли были уничтожены (Zonar., XII, 26) и пришельцам пришлось срочно отступать по суше к границам империи. Изгнанные из Греции, «они прошли через Эпир, Македонию, Мёзию. Между тем, Галлиен, обеспокоенный, наконец, общественными бедствиями, встретился с готами, бродившими по Илирику, и случайно перебил множество их» (SHA. Gallien., XIII, 8-9). Одних убитых варваров в этом сражении насчитывалось около трех тысяч (Syncell., 717). Согласовывая данные Поллиона и Зосима, А.М. Ременников приходит к выводу, что битва произошла на реке Несте, лежащей на границе Македонии и Фракии²². После поражения «скифы, сделав укрепление из телег, попытались бежать через гору Гессак»²³ (SHA. Gallien., XIII, 9).

Лакуна в тексте сочинителей «Истории Августов», к сожалению, оставляет нас в неведении о подробностях окончания похода. Есть сведения, что один из варварских вождей перешел на сторону римлян, получив от императора консульские инсигнии (Syncell., 717). По мнению А.М. Ременникова, мятеж Авреола в Италии (Zosim., I, 40), ставший причиной сроч-

¹⁷ Буданова В.П. Готы ... С. 121-122.

¹⁸ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 447.

¹⁹ Количество судов, возможно, преувеличено (Хайрединова Э.А. Ук. соч. С. 521), а дата события устанавливается по александрийской монете 267 г. с изображением морской победы римлян (битва в проливах или разгром варварского флота у берегов Греции) — единственной морской кампании, в годы правления Галлиена (Rapaport В. Op. cit. S. 68; Ременников А.М. Ук. соч. С. 118).

²⁰ Ременников А.М. Ук. соч. С. 115-116.

²¹ Там же. С. 117.

²² Ременников А.М. Ук. соч. С. 119.

²³ По мнению А.М. Ременникова, загадочную гору Гессак можно отождествить с Родопскими горами (Ременников А.М. Ук. соч. С. 119).

ного ухода Галлиена на борьбу с мятежником, мог позволить оставшимся варварам прорваться через дунайский лимес на родину²⁴.

Вошедший в историю поход 269 г., о котором часто упоминали многочисленные авторы (Dexipp., Fr., 23; SHA. Claud., VI-IX; Zosim., I, 42-46; Amm. Marc., XXXI, 5,15; Syncell., 720; Zonar., XII, 26), хорошо датируемый по александрийским монетам и позднелатинским хроникам²⁵, по своему характеру и масштабу сильно отличался от всех предыдущих. По словам Зосима, в походе вновь участвовали две категории варваров: «скифы», довольные «предыдущими набегами своих сородичей»²⁶, и коалиция придунайских племен (герулы, певки и готы), с которыми «скифы» соединились в устье Днестра. Здесь «они построили шесть тысяч кораблей, на которые они погрузили 320 тысяч человек» (Zosim., I, 42, 1). При этом один из сочинителей «Истории Августов» Требеллий Поллион приводит наиболее подробный список племен, принявших участие в походе: «различные скифские народности — певкины, грейтунги, австроготы, тервинги, визи, гепеды, а также кельты и эрулы, охваченные жаждой добычи, вторглись в римскую землю и произвели там большие опустошения...» (SHA. Claud., VI, 2). Георгий Синкелл говорит только об одних герулах, во главе огромного флота вторгнувшихся на римские земли (Syncell., 720).

Однако, по сообщению Аммиана Марцеллина: «Полчища скифских народов провались на двух тысячах судов через Боспор, прошли по берегам Пропонтиды и произвели жестокие опустошения на море и на суше, но, потеряв большую часть своих, вернулись назад» (Amm. Marcell., XXXI, 5,15). Автор не приводит конкретных хронологических привязок к своему короткому экскурсу в прошлое. Однако упомянутое огромное количество судов может свидетельствовать только в пользу самого масштабного похода 269 г.²⁷ Если это так, то меотийцы, по-видимому, отправились к устью Днестра на кораблях своего флота. В месте сбора, возможно, заблаговременно были построены еще корабли, которые должны были обеспечить доставку на римскую территорию огромной массы людей.

Даже если эти данные преувеличены, что не должно удивлять²⁸, трудно отрицать, что поход 269 г. являлся, по-видимому, самым масштабным из подобного рода предприятий. То, что меотийцы являлись главными участниками и организаторами этого нового похода, следует также из сообщения одного из сочинителей «Истории Августов» Флавия Вописка, который в биографии императора Аврелиана (270-275 гг.) пояснил, что император Клавдий (268-270 гг.) поручил Аврелиану ведение «всей войны против меотийцев» (SHA. Aurelian XVI, 4). Боспорские монеты середины – второй половины III в. в верхних слоях Тиры, безусловно, свидетельствуют, что меотийцы прибыли для участия в походе именно со стороны Боспора²⁹.

Сложно также понять, являлся ли данный поход комбинированным³⁰, или же вся масса варваров отправилась в путь на кораблях³¹. Если исходить из текста Зосима, выходит, что большое количество варваров отправилась в поход на кораблях, пытаясь, правда, грабить территории «по суше до Маркианополя в Мёзии».

При этом «дальше они поплыли морским путем под хорошим ветром. Когда варвары достигли пролива Пропонтиды, скорость течения оказалась слишком сильной для столь многочисленных судов, бросая их друг на друга. Волна смешала их строй и сбивала суда повсюду в полный беспорядок. Кормчие бросали свои рулевые весла, и из-за этого некоторые суда затонули вместе с командами. Другие были брошены моряками и сели на мель. Варвары понесли большие потери, как в людях, так и кораблях» (Zosim., I, 42, 1-2). В дальнейшем, попытавшись взять Кизик и «проплыв через Геллеспонт, они пристали к горе Афон, где отремонтировали свои суда. После этого враги осадили Кассандрию и Фессалонику и, подведя осадные машины на самый верх, против уровня стен, уже почти захватили эти города. Но тут пришли известия о приближении императора. Из-за этого варвары двинулись внутрь страны и попытались опустошить всю местность вокруг Добера и Пелагонии» (Zosim., I, 43, 1).

Тем не менее, в «Истории Августов» по поводу огромного количества отправившихся в поход варваров уточняется, что к ним необходимо прибавить «рабов», «домочадцев»,

²⁴ Ременников А.М. Ук. соч. С. 120.

²⁵ Монеты Александрии в честь побед римского флота были чеканены до 29 августа 269 г. (Ременников А.М. Ук. соч. С. 131).

²⁶ Речь, безусловно, идет о том, что новая экспедиция организована участниками более раннего похода 267 г. н.э. (Лавров В.В. Восточные германцы в Приазовье // STRATUM plus. 2000. №4. С. 335).

²⁷ Ременников А.М. Ук. соч. С. 89.

²⁸ Буданова В.П. Готы ... С. 123-124.

²⁹ Сон Н.А. Тира римского времени. Киев, 1993. С. 54-55.

³⁰ Rappaport Br. Op. cit. S. 85.

³¹ Damerau P. Kaiser Claudius II Gothicus // Klio. Leipzig, 1934. Beih. 33 (N.F.20). S. 65.

«обоз», которыми были выпиты реки, «леса уничтожены, что сама земля, наконец, страдала, приняв на себя такую массу варваров» (SHA. Claud., VII, 2). Все это позволяет допустить, что часть варваров (обоз и семейство переселенцев) могла двигаться и по суше³².

Приводимое большое количество варваров, выступивших вместе со своими семьями, вместе с упоминанием имен целых племенных объединений, действительно может свидетельствовать об изменении характера нападения. Похоже, что многие из представителей сложившейся к концу 60-х III в. обширной коалиции варварских народов, объединившихся для грабежа провинций Римской империи³³, с которой связывают гибель Тира и Ольвии³⁴, решили покинуть Северное Причерноморье и расселиться на имперских землях, предварительно расчленив римское государство³⁵. Данное мнение, действительно, лучше согласуется с имеющимися фактами, чем утверждение, что варваров интересовал исключительно только грабеж³⁶.

Правда, массового переселения варваров на территорию империи не получилось. На помощь Фессалонике и Кассандрии двинулось войско во главе с императором Клавдием (268-270 гг.). Несмотря на то, что варвары, незадолго до подхода римлян, в столкновении с далматинской конницей потеряли три тысячи человек, они решительно дали бой императорской армии. В битве с Клавдием при Наиссе, «несмотря на большие потери с обеих сторон, варвары разбили римлян» (Zosim., I, 43, 2). Последние, правда, быстро «пришли в себя», перейдя к тактике партизанской войны против варваров «и с помощью этого перебили до пяти тысяч из них» (Zosim., I, 43, 2).

Учитывая, что, в отличие от предыдущего похода, на этот раз варвары смогли сохранить часть своего флота, некоторые из «скифов отплыли из Фессалии и Греции» (Zosim., I, 43, 2). Повернули домой и корабли, которые все это время «крейсировали вокруг Крита и Родоса» (Zosim., I, 46, 1), пытаясь осадить город Сиду в Памфилии (Dexipp., Fr. 23; SHA. Claud., XII, 1). Их всех, как и римлян, «охватила чума. Некоторые умерли во Фракии, другие в Македонии» (Zosim., I, 46, 1). «Они были побеждены повсюду, так как их войско страдало от болезни и голода» (SHA. Claud., XII, 1).

Те же, из варваров которые разбили римлян при Наиссе, продвинулись дальше в Македонию, «толкая перед собой свои повозки для защиты. Испытывавшие нехватку продовольствия и угнетенные голодом», как «и их противники находились в ужасном положении на грани гибели». Тем не менее, полностью окруженные римлянами, они смогли им дать свой последний бой в горах Гема. Уже в ходе сражения император понял, что «римляне терпят поражение в этой жестокой битве. Хотя многие римляне были убиты», только «появление конницы уменьшило степень понесенного поражения» (Zosim., I, 45, 1-2). За такую непокорность Клавдий, «стянув свое войско, схватил всех тех, кто проявил непокорный дух, и отправил их в Рим в оковах, предназначая их для общественных игр» (SHA. Claud., XI, 8).

В конечном итоге, в письме Юнию Брокху, защищавшему Иллирик, император напишет: «Клавдий Брокху. Мы уничтожили триста двадцать тысяч готов, потопили две тысячи судов. Реки покрыты их щитами, все берега завалены их палашами и короткими копьями. Не видно полей, скрытых их костями, нет проезжего пути, покинут огромный обоз. Мы захватили в плен такое количество женщин, что каждый воин-победитель может взять себе по две и три женщины» (SHA. Claud., VIII, 4-5).

В подобном духе высказывается и сам автор сочинения Требеллий Поллион, уточняя, что «большинство царей было взято в плен, были взяты в плен знатные женщины различных племен, римские провинции были наводнены рабами-варварами и скифскими земледельцами. Гот стал поселенцем пограничной линии с варварами. Не было ни одной области, которая не имела бы раба-гота, попавшего в рабство после этого триумфа. Какое множество варварских быков увидели наши предки! Какое множество овец! Какое множество кельтских кобылиц, прославляемых молвой! Все это надо целиком отнести к славе Клавдия. Клавдий даровал государству и безопасность, и изобилие богатств» (SHA. Claud., IX, 3-6). При этом

³² Ременников А.М. Ук. соч. С. 131-132.

³³ Буданова В.П. Этническая структура «государства Германариха» // КСИА. 1984. Вып.178. С. 35.

³⁴ Карышковский П.О. Из истории поздней Ольвии // ВДИ. 1968. №1. С. 179; Крапивина В.В. К вопросу о застройке Ольвии во II-III вв. н.э. // Античная культура Северного Причерноморья. Киев, 1984. С. 212; Крапивина В.В. О двух «готских» разгромах Ольвии // Древнее Причерноморье. Одесса, 1991. С. 48-49; Гороховский, Е.Л., Зубар, В.М., Гаврилюк, Н.О. Про пізню дату деяких античних городищ Ольвійської хори // Археологія. 1985. Вип.49. С. 25-37; Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н.э. — первая половина VI в.). Киев, 1998. С. 143-144.

³⁵ Ременников А.М. Ук. соч. С. 127; Буданова В.П. Готы ... С. 124.

³⁶ Ременников А.М. Ук. соч. С. 126.

Зосим, уточняя дальнейшую судьбу варваров, правда, более лаконично скажет о том, что «все уцелевшие были приняты в римские легионы или получили земли, став поселянами» (Zosim., I, 46, 2).

Остальные варвары, по-видимому, еще оставались на римских землях и после смерти императора Клавдия от чумы (Zosim., I, 46, 2). В начале 270 г. они смогли напасть на Анхил «и даже захватить Никополь. Но, благодаря доблести провинциалов, они были уничтожены» (SHA. Claud., XII, 4). Таким образом, поражение варваров в самом грандиозном по своему масштабу морском и сухопутном походе на Римскую империю действительно было значительным. В череде нападений на античный мир на некоторое время наступил перерыв.

Трагические события второй половины III в. наглядно продемонстрировали, что наиболее уязвимым местом эшелонированной системы обороны рубежей Римской империи являлись морские коммуникации, чем варвары не преминули воспользоваться. При этом в Северном Причерноморье только у Боспора имелось достаточное количество кораблей, при помощи которых можно было обойти все препятствия буферной зоны и укрепления лимеса, и относительно легко оказаться в центре неукрепленной римской территории.

Варвары хорошо осознали данный недостаток римской обороны и со знанием дела использовали его в своих целях. Следовательно, самым слабым местом буферной зоны Римской империи в Северном Причерноморье являлся Боспор. Скорее всего, именно это обстоятельство стало одной из главных причин изменения римской политики по отношению к указанному государству в позднеантичный период.

Используя неожиданную для римлян тактику, и не встречая серьезного сопротивления, варвары постоянно наращивали масштабы предпринимаемых нападений. Начав с опустошения близлежащих прибрежных районов, они очень быстро расширили сферу своей грабительской деятельности. Нападения на удаленные от морского побережья города и поселения явно показывали, что варвары стали выходить за рамки обычного пиратского грабежа³⁷.

В последних морских походах приняли участие уже целые племена, которым из-за переселения остро требовались плодородные земли для расселения. Именно поэтому морские грабительские походы приобрели совершенно неузнаваемый вид, став резко отличаться от простых пиратских нападений³⁸. Во всяком случае, упоминание, например, у Зосима варваров, получивших римские земли (Zosim., I, 46, 2), или у Евсевия (Euseb. Chron., P.190) каких-то бирров и бирранов, расселившихся в районе Юго-Восточного побережья Черного моря (скорее всего, боранов, осевших здесь в результате постоянных походов в эти места), наглядно отражает данный процесс³⁹.

Обратим внимание также и на то, что все маршруты походов выглядят как тщательно разработанная и спланированная система грабежей богатых центров греко-римского мира. Практически каждое нападение осуществлялось на новые, не разграбленные районы. Если бы не противоречия в источниках, можно было предположить, что организация и осуществление всех этих экспедиций предпринимались из единого центра и одними и теми же людьми.

Только в этом случае, каждый раз планируя новый маршрут похода с целью захвата богатой добычи и решения проблемы снабжения⁴⁰, можно избежать разоренных ранее местностей. Однако упоминание устья Днестра как основного места, откуда был начат поход 269 г. (Zosim., I, 42,1), вместе с рассказом Зосима о «соседних» по отношению к Приазовью «скифах» (Zosim., I, 34-35), которые решили совершить собственный поход одинаковым с боранами способом и по не разграбленным местностям, не позволяет однозначно ответить на этот вопрос.

Известно, что указанные варвары «стали заготавливать суда, воспользовавшись при их постройке помощью бывших у них пленников и людей, прибывших с торговыми целями» (Zosim., I, 34,1). Тем не менее, вызывает удивление, что на такое опасное предприятие решили пойти люди, не имеющие ни опыта ведения морского дела, ни кораблей. Могли ли они действительно «не смущаться этими обстоятельствами», как считает А.М. Ременников? По мнению ученого, строительство нового флота с опорой на опыт и резервы населения Тирис происходило в устье Днестра и совершенно независимо от приазовской группировки⁴¹.

Действительно, комбинированный характер нападений вдоль западного побережья Понта предполагает, что в данных походах принимали участие причерноморские племена,

³⁷ Ременников А.М. Ук. соч. С. 90, 110.

³⁸ Там же. С. 90, 132.

³⁹ Хайрединова Э.А. Ук. соч. С. 520.

⁴⁰ Вольфрам Х. Готы. СПб., 2003. С. 76.

⁴¹ Ременников А.М. Ук. соч. С. 97.

как раз соседние по отношению к приазовским варварам. Но только двигались они в сторону римских провинций своим естественным способом передвижения — по суше. Морская же часть экспедиции косвенно указывает на, как минимум, влияние приазовских морских варваров.

В.П. Буданова предположила, что морской способ передвижения «соседние скифы» позаимствовали у боранов и осторготов, с которыми они, несомненно, были определенным образом связаны⁴². При этом заметим, что «соседние скифы» именно «увидели» награбленное богатство (Zosim., I, 34,1), то есть напрямую взаимодействовали с варварами Меотиды.

Проблема флота, насколько известно, стояла остро именно для пиратской группировки Приазовья, для чего они, разграбив все восточное побережье Понта в 257 г., «возвратились на родину с огромным количеством кораблей» (Zosim., I, 32-33). Этот факт также говорит о том, что в планах меотийцев стояли следующие, более масштабные, нападения, для которых и нужны были корабли. Отсюда можно допустить, что комбинированные походы являлись совместными предприятиями причерноморских и приазовских варваров. При этом именно последним отводилась роль организаторов морской части экспедиции.

Если это так, то для удобства нападений в нескольких бухтах Северного Причерноморья (а не только в устье Днестра) во второй половине III в. могла быть организована целая сеть взаимосвязанных морских баз варваров. Дело в том, что если грабеж восточных провинций Римской империи было удобнее всего предпринимать из районов Северо-Восточного Причерноморья, то переключение внимания на Западное побережье Понта, берега Греции и Западной Малой Азии неизбежно должно было привести к образованию баз, расположенных ближе к Западному побережью Черного моря.

Такие бухты, где как раз и строились новые корабли, скорее всего, обеспечивали варварам полный контроль над побережьем и морскими коммуникациями Северного Причерноморья.

Это позволяло флоту концентрироваться и выходить для очередного грабительского похода из места, более соответствующего целям и задачам экспедиции.

Именно в таком районе, удобном для начала тщательно планируемой экспедиции, и шла предварительная подготовка к походу.

---

⁴² Буданова В.П. Готы ... С. 118.

УДК 94(3)

**ФЕНОМЕН ГАЛЛО-РИМСКОГО ПАТРИОТИЗМА
НА ЗАКАТЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ****THE PHENOMENON OF GALLO-ROMAN PATRIOTISM
IN THE ROMAN EMPIRE'S DECLINE****Е.В. Литовченко****E.V. Litovchenko**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: Litovchenko@bsu.edu.ru

Ключевые слова: Галлия, Римская империя, галло-римская элита, патриотизм.
Key words: Gaul, Roman Empire, Gallo-Roman elite, patriotism.

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению феномена патриотизма галло-римской аристократии в позднеантичный период (IV-V вв.). Автор приходит к выводу о том, что основанием сохранения патриотических настроений в римской провинции Галлии в последнее столетие существования Римской империи послужил комплекс факторов: урбанизация Галлии, распространение риторических школ, римских нравственных устоев, модели поведения, опора центральной администрации на местную элиту. Вариации галло-римского патриотизма зависели от хронологических периодов, отличающихся все более ослабевающей ролью государства во всех сферах общественного бытия, и от вероисповедания, представленного как полярными взглядами на высшие силы – язычество и христианство, так и степенью проявления христианского пыла.

Resume. This paper deals with the phenomenon of Gallo-Roman aristocracy patriotism in the Late Antiquity (4-5 A.D.). The author is coming to a conclusion, that as the basis of conservation of patriotic sentiment in the Roman province Gaul in the last century of the Roman Empire were the complex of factors such as Gaul urbanization, the spread of the rhetorical schools, the Roman moral values, behaviors, backup of the central administration by the local elite. Variations of the Gallo-Roman patriotism depended on the chronological periods that differed in growing weak of the state in all spheres of public life, and in religion presented as polar views on higher forces - paganism and Christianity, as the different tour de force of the Christian ardor.

Формирование чувства патриотизма напрямую зависит от существующей в сознании человека идентичности, самоотождествленности, «смысла себя». Современные исследователи констатируют острый кризис идентичности в меняющемся мире, обусловленный влиянием процессов глобализации, политикой мультикультурализма и вестернизацией.

В сложившейся социокультурной ситуации, по-новому интерпретируется роль провинции. Теперь она рассматривается не только как хранитель культурных ценностей, в первую очередь, но и как среда, в которой происходит формирование и консервация повседневного и духовного опыта, а, следовательно, упрочение идентичности. Такое переосмысление подразумевает обращение к историческому прошлому человечества, в том числе и к истории провинций Римского государства.

Территориальная или локальная идентичность против имперской идентичности, то, что в западной историографии принято называть «Romanness»¹, имела первостепенное значение в период Поздней Античности. В отличие от греков, римская идентичность базирова-

¹ Собственно римская идентичность. Термин активно используется современной западной историографией, на латыни ему примерно соответствует понятие «Romanitas», достаточно редко употреблявшееся, впервые этот термин был использован в III в. Тертуллианом в работе *De Pallio*.

лась не только и не столько на основе единого языка и этнических особенностей²; быть римлянином означало быть частью единого политического и религиозного сообщества с общими ценностями, обычаями, моралью и образом жизни³.

Патриотизм стал в римском обществе основой идеологии и системы ценностей. Данный феномен нашел свое проявление не только в готовности каждого гражданина пожертвовать собой на благо родины, но и в высочайшем уважении и трепетном отношении к прошлому своих предков, к традициям. В Риме всегда имело место представление о богоизбранности римского народа и о том, что Рим – великий город, прославленный своими победами.

Однако с формированием домината и установлением тетрархии Рим утрачивает, прежде всего, свое политическое значение и становится символом славы, блеска и могущества, не проявляя данных качеств в реальности. Теряет вместе с Городом свою силу и римская знать, на замену которой приходят провинциалы⁴, зачастую гордящиеся своим статусом, исходя из своего рода девиза Цезаря: «*Лучше быть первым в деревне, чем вторым в городе*». Поэтому культурные устремления провинциальной знати, ее социально-политическая роль, а также мировоззренческий потенциал имеют право находиться в фокусе научных исследований на сегодняшний день. Есть мнение, что именно галло-римская аристократия сумела сохранить античное историко-культурное наследие и определила его дальнейшую судьбу уже в средневековой Европе (С.С. Аверинцев, М.М. Гаспаров, В.И. Уколова и др.).

К интересующему нас периоду (IV-V вв.) Галлия давно уже являлась римской провинцией. Романизация этой области проходила весьма тяжело и далеко небезболезненно, и представляла собой достаточно сложный процесс. Важнейшие составные части ее:

- приобретение галлами римского или латинского гражданства;
- распространение в Галлии римских политических и социальных институтов;
- развитие городов и муниципального строя;
- влияние на Галлию римской культуры и идеологии⁵.

Утвердившаяся в Галлии римскими легионами новая власть, высказывала противодействие любой из форм подчинения политики религиозному началу. Это нашло отражение в структурной схеме римского общественного устройства. Данная система была полной противоположностью схеме кельтского общественного устройства. У римлян в отличие от кельтов, предполагался приоритет временного (царь, консулы) над духовным (фламины, которые практически не играли политической роли). В результате, в распоряжении друидов осталась лишь область традиционного обучения и религия. Но и в этих скованных условиях друиды столкнулись с серьезной конкуренцией. С одной стороны, эта конкуренция нашла отражение при установлении римского императорского культа и внедрении официальной римской религии повсеместно, с другой – устная галльская литература не смогла дальше развиваться в связи с распространением латинских школ, где образование основывалось на письменности, а не устном принципе.

Как утверждает Ян Филип, друиды принимали активное участие в восстаниях, всячески боролись с романизацией галльского общества. Именно поэтому установившаяся в Галлии римская власть была сильнейшим образом заинтересована в ликвидации этого института⁶.

Влияние романизации на галльскую аристократию – воинов-всадников – сказалось в скоротечном отчуждении администрации в галльских городах, причем, скорее всего, не римской, а романизированной. Таким образом, существовавшие до прихода римлян общественные структуры местных племен, послужили основой для формирования римской администрации. Завоеванная Цезарем территория, вместе с жившими на ней племенами, была разделена. Основой административного деления являлась цивитас (*civitas*).

² Население Поздней Римской империи можно расценивать как метаэтническую общность (или суперэтнос), объединяющую группы этносов, обладающих (хотя бы в неразвитой, зачаточной или остаточной форме) элементами общего самосознания, основанными на этногенетической близости или на длительном хозяйственном и культурном взаимодействии, что и обуславливает наличие у разных общностей общих социокультурных черт и установок.

³ Woolf G. *Becoming Roman: The Origins of Provincial Civilization in Gaul*. Cambridge, 2000. P. 120.

⁴ Об этом см. Litovchenko E.V. *The Cultural Space of Imperial Provinces as a Factor in Preserving Roman Identity in Late Antiquity // TRACTUS AEVORUM. Эволюция социокультурных и политических пространств. №1(2). 2014. С. 195-201.*

⁵ Нестеров А.Г. Об одном аспекте романизации кельтской аристократии в Римской Галлии в I в. до н.э. – начале III в. н.э. // *Античная древность и средние века. Вып.17. Античные традиции и византийские реалии. Свердловск, 1980. С. 62.*

⁶ Филип Я. *Кельтская цивилизация и её наследие. Прага, 1961. С. 385.*

Некоторые исследователи в свое время отмечали, что кельтская цивитас, как административно-политическая организация, сохранилась и в римскую эпоху в полной неприкосновенности. К. Жульен, например, утверждал, что и в римское время галльские общины продолжали оставаться теми же сущностями, какими они были в эпоху независимости⁷. Того же мнения придерживался и П. Гаксо, который отмечал, что римляне все оставили на прежних местах: обычаи, привычки, традиции. Единственное, что римляне сделали, по мнению данного автора, это то, что они поставили у власти в Галлии нужных Риму людей, организовали административное управление⁸. В результате в галльском обществе возникли социальные противоречия, основанные на политической борьбе между сторонниками и противниками Рима. Часть галльской аристократии неизменно поддерживала Цезаря, отдельные ее представители были верными его агентами среди своих же соплеменников и послами к Цезарю от имени своих общин для мирных переговоров.

Однако, по мнению Н.Н. Беловой, данные утверждения справедливы только в той части, в какой относятся к территориальным рамкам цивитас и ее подразделениям, пагам. Но понятие цивитас, как социально-политической организации, не может сводиться только к территории. Оно связано с формой управления, гражданством, характером социальных отношений и т.п.⁹ И здесь между кельтской цивитас и галло-римской необходимо отметить существенную разницу, обусловленную совокупностью исторических условий, при которых происходил переход кельтской цивитас из одного состояния в другое. В первом случае, это, как правило, родоплеменная еще организация, с только что наметившимся государственным аппаратом, преобладанием родовой аристократии. А галло-римская цивитас – это вполне сложившийся социально-политический организм, с четко оформленным государственным аппаратом, социальными отношениями и т.п. Таким образом, точнее будет сказать, что в основе галло-римской цивитас лежали прежние кельтские родоплеменные объединения, подчиненные политике Римской Империи. Объективные условия развития последних в цивитас были ускорены завоеванием и политикой Рима: кадастровая перепись, которая способствовала закреплению частной собственности и утверждению территориальных границ за отдельными племенами, распространение прав римского гражданства, насаждение муниципального строя – все это вело к качественным изменениям прежней кельтской общины, превращению ее из родоплеменной в государственную, рабовладельческую по содержанию, организацию¹⁰.

Трудно сказать что-то определенное о «романизации» простого галльского народа, разве что его доля была не столь велика, в частности, в том, что касалось повседневной жизни. Большая часть населения по-прежнему проживала в деревнях и была прочно привязана к земле. В деревню романизация проникала очень медленно. Именно это коренное деревенское население сумело сохранить старый быт, старые нравы и обычаи, родной язык. Иногда население с помощью мятежей пыталось пресечь процесс романизации и колонизации. Кроме того, коренное население пыталось сохранить старые производственные методы и технические знания. Приспосабливаясь к изменившимся условиям, галльские мастерские и в римскую эпоху продолжали работать, что позволило им стать основой всего провинциального римского производства¹¹.

Важным изменением в прежнем устройстве цивитас в римское время было изменение характера и роли городского центра. И это было связано с римской политикой консолидации местной аристократии, в которой Рим видел естественную опору своей власти в провинциях. В первые века н.э. наблюдался бурный рост городов в Галлии. Особенно активно политика урбанизации проявилась в период правления Августа. Французский историк А. Гренье называет этот период великой эпохой основания городов, самым значительным и самым блестящим ренессансом в истории Франции¹².

Утверждению главенствующей роли города в качестве политического центра цивитас и одновременно разложению прежней племенной организации и расколу ее на составные части в лице пагов особенно способствовало основание римских колоний. Главный город становился опорным пунктом романизации и римского влияния на всю общину. К этому сводилась

⁷ Jullian C. *Historie de la Gaule*. T. IV. Paris, 1914. С. 362.

⁸ Gaxotte P. *Histoire des Français*. Vol. I. Paris, 1951. С. 68-69.

⁹ Белова Н. Н. Городской строй в Римской Галлии в первые два века н.э. // *Античная древность и средние века*. Свердловск, 1960. Вып. 1. С. 36.

¹⁰ Там же. С. 38.

¹¹ Филипп Я. Указ. соч. С. 387.

¹² Grenier A. *Manuel d'Archeologie gallo-romaine*. Vol. V. Paris, 1931. С. 689-690.

суть римской политики урбанизации, выведения колоний и муниципализации городского строя.

Таким образом, галло-римская *цивитас* даже по внешней своей структуре значительно отличалась от кельтской: за ней прочно утверждаются территориальные границы, контингент населения. Город в римскую эпоху становится в Галлии средоточием экономической, политической и культурной жизни, центром римского влияния на местное общество. Галло-римское общество приобретает, благодаря римскому влиянию, определенную структуру, как внешнюю административно-политическую, так и внутреннюю, социальную, через утверждение римского муниципального строя.

Романизация вслед за изменением социальной жизни галльского общества коренным образом изменила и традиции его жизнеустройства: исчезло представление о роде, а со временем римский образ жизни и городская жизнь стали привлекательными для жителей Галлии.

В первом же веке, после завоевания Римом Галлии, почти все галлы поменяли свои имена на римские. Галльские поселения начинают приобретать вид римских городов; на территории Галлии появляются роскошные виллы, шоссейные дороги. В связи с появлением латинских школ исчезают друидические семинарии. В школах преподавались математика, риторика, поэзия; особое внимание уделяется развитию охоты к чтению, собиранию коллекции книг. Все это способствует развитию художественного и литературного творчества¹³. В скульптуре, также как и в других отраслях искусства, очевидно активное римское влияние. Более реалистический подход и использование пластической формы постепенно вытесняли кельтский стиль. Изменения происходят и в схематичном изображении людей и животных. Помимо старых изображений, появляются новые восточные мотивы. Статуи получают более совершенную обработку¹⁴, но не вытесняя до конца кельтские черты.

Таким образом, завоевание Галлии Цезарем в I в. до н.э. привело к разрушению кельтской политической структуры как таковой. Вся кельтская аристократия была либо уничтожена физически, либо романизирована. Управление проводилось в соответствии с римским правом, администрация опиралась на местную элиту. Вследствие изменения структуры галльского общества исчезло представление о роде, прервалась нить передачи знаний от друидов к способной аристократии, таким образом, была уничтожена «верхушка» общества, место которой было занято либо ставленниками из Рима, либо самими галлами, готовыми служить недавним врагам-завоевателям. Помимо социально-политической сферы, галльская экономика и торговля перед концом старой эры уже имели иную структуру, так как из территориальной племенной структуры создавались центры – оппидумы с большой плотностью населения, что повлекло развитие монетного дела и перестройку всего экономического цикла общества.

Но, пожалуй, решающее значение имел идеологический аспект. Римская империя являлась не чем иным, как супердержавой своего времени, ее территория была огромна. Это и послужило своеобразным стимулятором патриотических устремлений римского населения. Само существование такого могучего, стабильного и процветающего государства рождало сильнейшее чувство гордости, уверенности в завтрашнем дне, всемогущества. Важно и то, что подобный настрой был присущ не только правящей и господствующей элите, но и среднему слою населения. Это чувство проникало в умы людей и способствовало созданию особого психологического и духовного климата¹⁵. Благодаря высокому уровню экономического благосостояния, а также наличию местного самоуправления римским гражданам предоставлялась возможность реализовывать свои способности в общественно-политической деятельности.

В целях сплочения народов, проживавших на территории империи, под властью Рима, римскими императорами были предприняты попытки формирования культов, которые являлись общеимперскими. Основывались они, прежде всего, на обожествлении императора, на том, что для их душ было уготовано бессмертие, а также особое место на полях блаженных и в звездных сферах¹⁶.

¹³ Корякова Л.Н. Археология раннего железного века Евразии. Екатеринбург, 2002. С. 177.

¹⁴ Филипп Я. Указ. соч. С. 399.

¹⁵ Гиро П. Быт и нравы древних римлян. Смоленск, 2001. С. 295.

¹⁶ Штарман Е.М. Социальные основы религии древнего Рима. М., 1987. С. 177-178.

Таким образом, была сформирована «имперская идея»¹⁷, в рамках которой Рим мыслился как Град последний и Град вечный (*Urbs aeterna*). Такого рода заявления были связаны с представлениями римлян о пределе достижения вершины, которое возможно в развитии человечества, о «конце истории». Рим как «единый Космополис» Ойкумены предлагал «мир» (*Pax Romana*) и «справедливость» всем народам, проживавшим на территории Римской империи и находившимся под господством Рима. *Pax Romana* воспринимался как часть мира, где наведен порядок, распространен и установлен один, единый, универсальный для всех образцов¹⁸.

Секрет долговечности империи заключался в том, что для укрепления верховной власти следует не только мобилизовать, но и укрепить местные традиции и обычаи. Представления о политике романизации у римлян не было, и они никогда не пытались и не стремились проводить такого рода политику. В Римской империи местные традиции народов, входивших в состав Римской империи, не выживали, а получали дальнейшее развитие не вопреки общей культуре, а в ее русле, внутри нее¹⁹. Всеобщая вера, охватывающая все население, в бессмертие Города и Империи была настолько сильна, что контраст между официальной декларируемой вечностью императоров и неустойчивостью их положения в реальности производил сильное гнетущее впечатление (времена Северов и их наследников)²⁰.

Рим постепенно деградировал и вырождался как духовно, так и физически²¹. Во многих сферах жизни – культуре, театре, литературе насаждались жестокость, цинизм и разврат. Во времена Диоклетиана и его преемников Рим перестает быть политическим центром не только всей Римской империи, но даже и западной ее части. В качестве резиденций императоры использовали теперь Милан, Трир, Константинополь или Равенну.

В этот период противоречия между пропагандой имперской идеологии и реальной действительностью достигают апогея. Усиливается идеологический нажим на нижние слои населения, идет подготовка к теократической монархии эпохи домината. основополагающие лозунги, касающиеся вечности Рима, золотого века, непобедимости императора, равенства, согласия, мира, победы, которые были характерны для официальной пропаганды идеологии, продолжали утверждаться в неподходящих для этого условиях. В этот период провинции Рима отпадали от него. Римское войско терпело поражение за поражением на всех границах государства. Происходило и обострение всех социальных противоречий до крайности. Римские города приходили в неслыханный упадок. В результате данных изменений в сознании римского общества, повсеместное распространение и окончательное утверждение получает христианство.

В таких условиях появляется новый слой земельных магнатов, который чем дальше, тем все более удерживал в своих руках всевозможные ресурсы, а вместе с тем и реальную власть, как светскую, так и духовную, облаченную в епископскую мантию.

С этих пор в Риме доминирует «имперская» аристократия, вышедшая из провинций. Именно провинциальная элита, заменившая старую римскую аристократию, стремилась сохранить вечный идеал, который для нее был неотделим от Рима. Главным проводником старых имперских ценностей была система риторических школ, коими в большом количестве могла похвастаться Галлия²². На этом основании М. фон Альбрехт считает Галлию «цитаделью культурной жизни поздней античности»²³. Кроме того, в IV–V вв. Галлия, граничащая с Германией, стала римским форпостом в борьбе с варварами, что ещё больше укрепляло значение этой провинции в латиноязычном западном мире и побуждало представителей интел-

¹⁷ Об этом см. Литовченко Е.В. Классическая традиция в трудах позднеримских интеллектуалов (конец IV – начало VI вв.) // Дисс. канд. ист. наук. Тула, 2007. С. 87–95; Пиков Г.Г. Исторические термины и историческая действительность (Империя как феномен европейской истории) // Гуманитарное образование в Сибири. Новосибирск, 2000. С. 103–121; Тойнби Дж. Постигание истории: Сборник / Пер. с англ. Е.Д. Жаркова. М., 2001. С. 499–500; Чернышев Ю.Г. К вопросу о содержании «государственной» идеологии в Римской империи // Античное общество - IV: Власть и общество в античности. Материалы международной конференции антиковедов, проводившейся 5–7 марта 2001 г. на историческом факультете СПбГУ. СПб., 2001. URL: <http://centant.spbu.ru/centrum/publik/confcent/2001-03/chernysh.htm> и др.

¹⁸ Штаерман Е.М. Указ. соч. С. 153.

¹⁹ См. Бауэрсок Г. Римская империя в постимпериалистической перспективе // ВДИ. 1997. № 4. С. 89.

²⁰ Грималь П. Цивилизация Древнего Рима. Екатеринбург, 2008. С. 475.

²¹ См. Васильев Н.А. Вопрос о падении Западной Римской империи и античной культуры в историографической литературе и в истории философии в связи с теорией истощения народов и человечества // Изв. об-ва археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те, 1921. Т. 31. Вып. 2–3. С. 52–60.

²² Известными духовными центрами Поздней Римской империи были школы в Марселе, Арле, Ниме, Тулузе, Нарбонне, Вьенне, Пуатье и Бордо.

²³ Альбрехт М. фон. История римской литературы / Пер. А.И. Любжина. Т.3. М., 2005. С. 1410.

лектуальной элиты с особой тщательностью беречь высокую латинскую словесность и воспевать былую славу римского народа, лучшими представителями которого они считали себя.

Позднеантичная Галлия дала Риму много известных имен, среди которых последний крупный поэт античности – Децим Магн Авзоний, представитель интеллектуальной элиты галло-римского общества, епископ Сидоний Аполлинарий, поэт-язычник Рутилий Намациан, замечательные христианские авторы – Сальвиан Марсельский, Сульпиций Север, основоположник христианской поэтической традиции Павлин Ноланский, а затем и Григорий Турский.

Полезными для нашего исследования выступают работы Авзония, Павлина Ноланского, Рутилия Намациана, Сидония. Каждый из них, в той или иной мере, может быть удостоен звания «патриота Рима» родом из Галлии. Но первым среди прочих, как хронологически, так и по степени выражения патриотических настроений, безусловно, является Авзоний (310–394 гг.), которому посчастливилось творить в период относительной стабильности. Очевидно, что позиция Авзония повлияла на последующих авторов, поскольку он сам был преподавателем риторической школы, т.е. транслятором и проводником традиционных римских ценностей.

В произведениях Авзония жива идея вечности империи и олицетворявшего ее Рима. Так он пишет про Рим: «...Рим золотой, обитель богов, меж градами первый...» (Auson. Cons. Orat., 1.1, 98 – 103), «...Не затмеваясь ничем, даже близостью вечного Рима...» (Ordo urb. nob., 30–35), «...Рим стоял во главе городов...» (Ibid.), «...Рим – превыше всех родин...» (Ibid.). Варвары в стихах Авзония знают свое место и, хотя и присутствуют на границах империи, однако не представляют серьезной опасности для мощного государства:

*Укрощены враги: там франки со свевами спорят,
Кто покорней, желая служить под римским оружьем;
Там к савроматской бродячей орде прибавились гунны;
Там налетают на Истр в союзе аланы и геты
(Это мне вести несет быстрокрылая наша Победа) –
Но император грядет, венец наших почестей близок, –
Кто в соучастники взят, тех ждет по заслугам награда.*

(Auson. Cons. Orat., 30–35)

Поэзия любимого ученика «великого ритора» Павлина Ноланского (ок. 353–431) носит в отличие от авзониевской чисто христианский характер и, поэтому, очевидно, не выражает столь явной приверженности патриотическим устремлениям. Тем не менее, при перечислении традиционных римских инсигний – курульного кресла, трабеи – чувствуется оттенок уважения и восхищения, а Рим поэтично называется «столицей латинской Квирина»:

*...Мне ль горевать, что в Равран перешло авсонийское ныне
Кресло курульное, иль что уж ветошью стала трабея,
Блеск коей все же горит в столице латинской Квирина
И среди цезарских тог, расшитых пальмами также,
Все продолжает сиять не тускнеющим золотом вечно,
Твой охраняя почет, который не может увянуть...*

(Epist. ad Auson. 250).

Патриотизм Рутилия и Сидония имел ту же природу, что и у Авзония, но другую причину: скорее вопреки, чем благодаря. Начало V в. было временем упадка и кризиса западной части Римской империи. Она стояла практически на краю гибели: границы были открыты, в 407–408 гг. салинги, свевы и бургунды вторглись в Галлию и опустошили ее, в 409 г. аланы и свевы захватили Испанию, в 410 г. – вестготы Алариха подвергли осаде и разграблению Рим.

В 412 г. вестготы разорившие Италию, совершили еще одно вторжение в Галлию и подвергли ее опустошению. Всюду царил анархия и произвол. Центральная власть была парализована. Города сами пытались организовывать свою оборону²⁴. Провинции погрузились в хаос, традиционная администрация либо исчезала, либо не имела никакой власти, широко распространились социальные бунты и бандитизм²⁵. Везде царил упадок и разорение – города пустели, поля забрасывались, люди стали жить тесно и убого, латинский язык пришел в упадок, в провинциях хозяевами стали варварские короли и князья, – во всей стране разруха и развал²⁶.

²⁴ Джонс А.Х.М. Гибель античного мира. Ростов н/Дону, 1997. С. 109–110.

²⁵ Андерсон П. Переход от античности к феодализму. М., 2007. С. 110.

²⁶ Гаспаров М.Л. Поэзия риторического века // Поздняя латинская поэзия. М., 1982. С. 5–6.

На этом фоне галло-римский поэт Рутилий Намациан создает в поэме «О моем возвращении» «*De reditu suo*» идеализированный образ Рима, соответствующий воззрениям аристократической партии Симмахов и Никомахов, но как-то не вяжущийся с жесткими условиями начала V в. С другой стороны, после взятия Рима Аларихом (410 г.) исповедание его способности возродиться выглядит особенно трогательно. Восстать из пепла и вырасти под ударами судьбы — вот что автор со всей своей пронизательностью считает одним из законов существования Рима: *ordo renascendi est crescere posse malis* («*вот возрождения путь — в бедах суметь возрасти*» I, 140)²⁷.

Поэма «*De reditu suo*» считается написанной в 416 г., так как в поэме есть такие строки, посвященные Риму: «...Тысяча сто шестьдесят тебе лет уже миновало, / И в добавление к ним год уж девятый идет...» (Ibid. 135 – 136), т.е., Риму в определении поэта 1169 лет, — это 416 г.²⁸ Ее написание связывают с усилением идеологической строгости — в 416 г. издается указ, запрещающий язычникам занимать государственные должности, вследствие чего Рутилию и пришлось покинуть Рим. Она написана в жанре путевого дневника²⁹ и описывает его путешествие из Рима на родину в Галлию. В своем повествовании автор показывает картину разорения римских земель варварскими вторжениями и набегами, дает представление об усилении христианства, даже среди знатных римлян, подвергая осуждению религии иудаизма и христианства. Он прославляет Рим и его государственность, его поэма является отражением духовного фона языческой аристократии в V в. — времени упадка и катастрофических потрясений римской цивилизации.

Усиление влияния концепции «*Aeternitas Romae*» в римском языческом обществе связано с осознанием опасности уничтожения Империи, после катастрофы под Адрианополем в 378 г., когда впервые чуждые варварские силы смогли проникнуть и установить господство над частью римского мира³⁰. Она как бы противопоставлялась этой угрозе. В результате начала осмысливаться роль Рима в становлении цивилизации. К V в., несмотря на упадок и, казалось бы, приближающийся закат, было достигнуто осознание исторической роли Рима³¹.

Поэтому восстановление языческих традиций среди римлян связывалось прежде всего, с восстановлением культа Рима, это ярко отражено в поэме Рутилия Намациана, которая содержит молитву богине Роме. Прославлению культа Рима, утверждению вечности и неизблемости Города посвящены строки 47–154 (107 строк!), кроме того, во вводных строках и в конце второй книги также содержатся подобные мотивы. Олицетворяя Город в богине Роме, поэт так характеризует Рим: «...чей вечный удел в небе, исполненном звезд!» (Rut. Nam. I.48), «...праматерь людей и праматерь бессмертных...» (Ibid. I.49), «...до конца твоего никакие не меряны сроки...» (Ibid. I.137), «...твоей бесконечной весною...» (Ibid. I.114), «...вековечное царство, коему пряжа прядась на веретенах судеб...» (Ibid. II. 55-56), «...смертную мать — Нерон, Стилихон же бессмертную губит...» (Ibid. II. 59), обосновывая временную вечность Рима его пространственным единством и универсальностью, его могуществом. Рим — это весь мир: «царица» (Ibid. I. 47), «...разным народам единую ты подарила отчизну...» (Ibid. I. 63), «...то, что было — весь мир, городом стало одним...» (Ibid. I. 66), «...землю заставила всех в общем согласии жить...» (Ibid. I. 78), «...звезды, которые мир блюдут в вековечном движенье, более славную власть видеть нигде не могли...» (Ibid. I. 81-82), «...к высшей мощи пришла знатная слава твоя...» (Ibid. I. 89), «...не перечислить трофеев твоих, возносящихся в славе, — легче было бы счесть звезды в ночных небесах...» (Ibid. I. 93-94).

Автор делает исторический экскурс, чтобы, сравнив Рим со всеми существовавшими мощными государствами, доказать его превосходство: по мнению поэта, ни ассирийская, ни парфянская, ни македонская державы не достигли такого могущества, как Рим (Ibid. I. 82-85). Автор надеется, показав историческое развитие славы римлян, обосновать ее продолжение и обновление в будущем, преодолев упадок в настоящем. Автор молится: «Вскинь же, о Рома, венчанную лавром главу и святую / Преобрази седину в юную свежесть кудрей! / Пусть башеносный венец горит золотой диадемой, / Пусть твой щит золотой вечные мечет огни!» (Ibid. I. 115-118). Он просит богиню не гневаться, персонифицируя Рим, восстановить былое величие, постоянно обращаясь к примерам из легендарного прошлого — галльским, итальянским, пуническим, когда Город был на краю от гибели, но смог спастись... (Ibid. I. 119-

²⁷ Альбрехт М. фон. Указ. соч. С. 1461.

²⁸ История римской литературы. В 2 тт. / Под ред. С.И. Соболевского, М.Е. Грабарь-Пассек, Ф.А. Петровского. Т. II. М., 1962. С. 385.

²⁹ Гаспаров М.Л. Указ. соч. С. 23.

³⁰ Там же. С. 94.

³¹ Мансуэлли Г., Блок Р. Цивилизации древней Европы. Екатеринбург, 2007. С. 315.

128) Он выражает уверенность, что Рим и сейчас сможет восстановиться от упадка, находя в бедах современного Рима еще один источник его будущей славы: «...ты укрепляешься тем, чем рушатся прочие царства...» (Ibid. I. 139), - и все враги Рима (в частности, готы) будут наказаны, как и прежде, Город снова будет процветающим, его казна будет обширна, ему снова подчинятся все земли ойкумены от африканских до рейнских, воды Тибра снова станут транспортной артерией (Ibid. I. 141 - 154); здесь же следует указание на возраст Рима, пережившего огромное количество событий – ссыла на 1169-летний возраст служит еще одним обоснованием вечности. Даже разоренный, Рим оставался для Запада знаковым³². Его сакральное языческое значение автор пытается передать за счет упоминания традиционных римских инсигний, олицетворявших власть: консульских фаск (Ibid. I. 175 - 176), римского форума (Ibid. I. 210), тоги (Ibid. I. 468), шести консульских секир, носимых ликтором (Ibid. I. 580).

Провозглашение поэтом «возрождения» и «вышей мощи» Рима - не что иное, как попытка уйти от действительности, противопоставить миф жестокой реальности. Исследователи отмечают, что на фоне воззвания к Риму, проникнутого верой в его вечность и непоколебимость отсутствие хоть какого-нибудь упоминания об императоре или дворе демонстрирует всю обреченность представлений поэта³³ – в реальности возрождение Рима не имело для себя источника, кроме славного прошлого и веками установленных традиций. Поэтому всю поэму пронизывает сдержанная мрачность и ноты стоического фатализма³⁴. Автор пытается уйти от действительности, постоянно возвращается к прошедшим временам, но вынужден против воли свидетельствовать об ужасных современных событиях и критическом состоянии римских территорий. Он с горечью и болью пишет об этом: «...и своего земляка галльские пашни зовут. / Обезобразили их бесконечные войны... ..Больше нельзя нам не знать разорения этого края - / Мешкает помощь и тем множит размеры беды. / Там, на полях истерзанных после пожаров, / Время поставит дома хоть бы лачугам под стать...» (Ibid. I. 20 - 30); «...и Аврелиев путь, и этрусские пашни / гетским огнем и мечом разорены, и когда / всюду леса без жилья, и на реках мостов не осталось...» (Ibid. I. 39-41).

Жизнь Сидония Аполлинария (ок. 430-486 гг.), еще одного галло-римского магната, проходила на фоне еще более поздних событий римской истории, более того, он стал свидетелем гибели Западной Римской империи, на десять лет пережив эту катастрофу. Сидоний не упоминает данный факт в своей обширной переписке, что, скорее всего, свидетельствует о том, что писатель давно не питал никаких надежд на возрождение былого могущества государства с Римом во главе, все его чаяния были связаны с родной провинцией, Галлией.

Чтобы яснее представить восприятие Сидонием Галлии и соотнести с восприятием Рима, необходимо обратиться к его панегирикам. В них видны взаимосвязанные образы центра и периферии. И здесь особого интереса заслуживает панегирик императору Авиту (455 г.), который был произнесен галло-римским поэтом в честь восшествия Авита на трон. Сидоний восхвалял галльское происхождение Авита, говоря ему следующее: «Земля эта славна своими мужами. Ты же, овернец, обрабатывающий эту землю, пеший, ни шагу не уступишь в строю тем, кого побеждаешь на коне. Да будет свидетельство этому страшившее всех счастье Цезаря, когда отброшенные от холмов Герговиш, его солдаты едва устояли в самом лагере» (Sid. Carm. 11. 435-748). Очень часто в произведениях Сидония можно увидеть как он выделяет самобытность Оверни и противопоставляет населяющий ее народ, «...равно которому не создавала еще щедрая природа...» (Ibid.) старому роду римлян. Нельзя не согласиться с мнением Л.П. Карсавина в том, что говоря о принадлежности к галльскому народу, Сидоний подчеркивал значение самостоятельности Галлии на территории Римской империи³⁵. Галлия представляет собой великое единое целое – Рим: «Твоя Галлия – говорит в панегирике Юпитер Риму – должна была дать залог мира» (Ibid.). По представлениям Сидония, Авит являлся помазанником Галлии для всей Римской империи. Его роль заключалась в повороте хода истории в лучшую сторону: «Я не знаю – говорит Рим – кто может сравниться с Траяном, только если ты, Галлия, вновь пошлешь того, кто победит» (Ibid.). Причиной упадка великой державы Сидоний видел ее кризис, при этом, «единственной надеждой» может стать лишь Галлия³⁶. Рим вырождался, дух римского народа уже не тот, по-

³²Аверинцев С.С. Символика раннего Средневековья / Другой Рим. СПб., 2005. С. 76.

³³Гаспаров М.Л. Указ. соч. С. 31.

³⁴Там же. С. 30.

³⁵Карсавин Л.П. Из истории духовной культуры падающей римской империи (Политические взгляды Сидония Аполлинария). СПб., 1908. С. 19.

³⁶Там же.

этому Риму нужен был оплот, т.е. Галлия. Эта мысль и является главенствующей в панегирике Авиту. Рим ровно, как и Галлия очень дорог Сидонию. Если Рим - в его понимании – это символ былого могущества, то Галлия – символ нового центра империи.

Через полтора года Авит был свергнут с престола, и Сидоний Аполлинарий должен был вернуться в Галлию, где принял деятельное участие в возмущении провинции против нового императора, Майориана. В 458 г. Сидонию удалось получить прощение Майориана, и в благодарность за это он сложил панегирик и в честь нового императора, таких же размеров, как и в честь своего тестя (Carm. IV-V, Epist. I. 11).

С ранних лет Сидоний был связан с группой патриотически настроенных галло-римских аристократов, которые хотели видеть Галлию главной политической силой в Западной империи при помощи готских *foederati*. В то время, когда готы были полезны галло-римлянам в качестве союзников-федератов, Сидонию было выгодно закрывать глаза или даже оправдывать недостатки варваров (в качестве таковых, в первую очередь, упоминается их принадлежность к арианской ереси, поскольку Сидоний был не просто представителем ортодоксального христианства, но занимал пост епископа). Когда же готы из союзников превратились в завоевателей, Сидоний, как истинный патриот, резко меняет свои взгляды, и из лагеря сторонников варваров переходит в лагерь их ярых противников, возглавляя оборону родной земли от агрессоров.

Несмотря на героически возглавляемую Сидонием защиту Клермона от готской осады, в 475 г. император Юлий Непот сдает остаток территорий Галлии, включая Клермон, Эйриху. Многие знатные галло-римляне, которые хоть однажды бывали в столице Галлии Арле, теперь добивались покровительства Эйриха при готском дворе³⁷. Сидония же, оказавшего открытое сопротивление, король готов отправил в ссылку в крепость Ливию, около испанской границы. Тяжелое положение свое в изгнании Сидоний Аполлинарий изобразил в небольшом стихотворении (Carm. XII), обращенном к другу его Катуллину.

Очевидно, что подобного рода события не давали галльскому аристократу никаких оснований для надежд на воскрешение Империи: «...из-за неудач Империи, ничего не сможет удовлетворить нас, кроме процветания каждой провинции...» (IV. 14, 1).

Однако, как и в творении Рутилия Намациана, действительность в интерпретации Сидония получает «некий эталонный, вневременной характер»³⁸, великие примеры прошлого заслоняют настоящее. Так, например, при виде Мантуи Сидоний вспоминает мятеж великого Цезаря, при виде Фано – смерть Гасдрубала (I. 5, 3), тогда как тот же Сальвиан при виде любого города замечает лишь грязь и пороки (Salv. VI, 13-15).

Таким образом, вера в Рим как в сакральный центр империи, гарант её вечности и непобедимости, питала граждан на протяжении многих лет. Это, в свою очередь, являлось фундаментальной основой и питательной средой римского патриотизма, который сумел проникнуть во все сферы жизни покоренных племен и сделать из них ярых приверженцев Рима, римских идеалов и обычаев.

Распространение патриотизма римского образца в галльском обществе происходило постепенно под влиянием совокупности факторов: вследствие романизации галльского общества исчезло представление о роде, прервалась нить передачи знаний от друидов к способной аристократии, таким образом, появилась «проримская аристократия»; учреждение латинских школ также сыграло свою роль в уничтожении галльской «верхушки общества» и усилении римских идеалов в среде галльского населения; управление осуществлялось в соответствии с римским правом, администрация опиралась на местную элиту; город в Галлии становится сосредоточием экономической, политической и культурной жизни, центром римского влияния на местное общество.

В позднеантичный период Галлия мыслилась ее детьми центром культурной жизни империи и оплотом ее государственности. В данном исследовании, мы рассмотрели разные грани галло-римского патриотизма, оттенки которого зависели и от хронологических периодов, отличающихся все более ослабевающей ролью государства во всех сферах общественного бытия, и от вероисповедания, представленного как полярными взглядами на высшие силы – язычество и христианство, так и разной силой проявления христианского пыла.

³⁷ Подробнее об этом см.: King A. Roman Gaul and Germany. Berkley, etc., Univ. of California Press, 1990. 240 p.

³⁸ Шкаренков П.П. Римская империя в «эпоху упадка»: между мифом и реальностью // Новый исторический вестник, 2004. № 2 (11). С. 22.

УДК 94(37).07

**ГЕРМАНСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЖЕНСКОМ КОСТЮМЕ БОСПОРА
ПОЗДНЕАНТИЧНОГО ПЕРИОДА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОГРЕБЕНИЙ)****GERMAN ELEMENTS IN FEMALE COSTUME OF LATE ANTIQUE BOSPORUS
(BASED ON MATERIALS OF BURIALS)****М.Л. Рябцева, С.Н. Прокопенко****M.L. Ryabtseva, S.N. Prokopenko***Белгородский государственный национальный исследовательский университет*
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*Belgorod National Research University,*
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia*E-mail: ryabtseva@bsu.edu.ru, sprokopenko@bsu.edu.ru*

Ключевые слова: Боспор, германцы, готы, поздняя античность, черняховская культура, погребения, фибулы, пряжки.

Key words: Bosporus, Germans, Goths, Late Antique, Chernyakhov, fibula, buckle.

Аннотация. В статье рассматривается германское влияние на женскую моду позднеантичного Боспора. Это выразилось в заимствовании некоторых элементов костюма и отдельных аксессуаров. Хронологически можно выделить несколько этапов данного влияния. Отдельного внимания заслуживают ювелирные украшения, различные типы фибул, пряжек. Данные находки были выявлены в ходе археологических работ на некрополях Боспора и проанализированы отечественными и зарубежными специалистами. Делается вывод о том, что женская мода позднеантичного Боспора была полиэтничной, но германские элементы занимали в ней существенное место.

Resume. The paper considers the German influence on female fashion of Late Antique Bosporus. This influence was expressed in borrowing some elements of costume and accessories. Chronologically, there were several stages of this influence. The authors pay their attention to jewelry, various types of fibulas and buckles. These finds were discovered in the necropolises of the Bosporus and analyzed by domestic and foreign experts.

Позднеантичный Боспор (IV-VI вв.) в последнее время становится одним из наиболее важных и интересных периодов истории этого государства¹. Особенно сложны проблемы этнических трансформаций в регионе на фоне Великого переселения народов.

При рассмотрении вопроса о германском влиянии на женскую моду позднеантичного Боспора закономерно привлечение материалов столичного некрополя и некрополей сельских поселений. Немаловажным является тот факт, что в гуннскую эпоху в Северном Причерноморье, по мнению И.П. Засецкой, сложилась археологическая «культура южнорусских степей», отличающаяся полиэтничностью, но, в то же время, и определенной общностью вещей. В этом случае следует обращаться к аналогиям, идущим из погребальных комплексов Западной и Центральной Европы. В первую очередь, внимания заслуживают погребения знати.

Материалы некрополя Пантикапея достаточно полно отражают исторические и культурные реалии периода поздней античности. Детальный анализ вещей, обнаруженных в погребальных комплексах столичного некрополя, был проведен И.П. Засецкой². Особого внимания заслуживают вещи, отнесенные исследователем ко второй группе. В них воплощаются элементы варваризованного искусства, усвоенного позднебоспорским населением

¹ См. Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. Белгород, 1996; Зинько А.В. Этническая история Восточного Крыма (2-я пол. III – сер. VI в.). Автореф. канд. дисс. Киев, 2009; Ермолин А.Л. Система расселения, обороны и этноконфессиональный состав населения Европейского Боспора в III-VI вв. Автореф. канд. дисс. Белгород, 2012; Шаров О.В. Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеримскую эпоху (сер. II – сер. IV вв.). Автореф. докт. дисс. СПб., 2009 и др.

² Засецкая И.П. Материалы боспорских некрополей 2-й пол. IV – I пол. V в. // Материалы по истории, археологии, этнографии Таврики. Вып. III. Симферополь, 1993. С. 46-61.

(гривны, серьги, перстни, медальоны, браслеты, в большинстве своем содержащие вставки драгоценных и полудрагоценных камней).

Варварская мода нашла также свое отражение в таких важнейших деталях одежды как пряжки и фибулы. Пряжек в целом больше, чем фибул, что отражает общую варваризацию костюма.

В позднеантичный период на Боспоре распространяется обычай ношения пары одинаковых фибул на плечах. Такие традиции существовали у представительниц черняховской культуры³.

Германскими по происхождению являются двупластинчатые фибулы типа Виллафонтана с наибольшим расширением ножки в верхней, реже – средней части. Они были обнаружены в погребениях: 69 Илурата⁴, 2 керченского склепа 165.1904⁵. В погребении 22 в Заморском наряде с фибулами найдены серьги с многогранником. Данные серьги появляются в периоде D1 европейской хронологии (360/370-400/410) (по Я. Тейралу), максимальный период их хождения – период D2 (380/400-440/450 гг.). К вещам как черняховского, так и вельбаркского круга можно отнести подвязные фибулы с декоративными кольцами, обнаруженные в Керчи и в Фанагории (в Фанагории две серебряные фибулы с жаловидной ножкой были на плечах погребенной)⁶. Фибулы с жаловидной ножкой имеют широкий период хождения: самые ранние известны еще с 260/270 гг., поздние же – до 480/490 гг.

К черняховской культуре исследователи относят костяные гребни: типа Томас I (погребение 29. 1873 г. в Керчи) и Томас III (известны в двух погребениях керченского некрополя)⁷. Подобные гребни имеют широкое хождение в период второй половины IV – первой половины V вв.⁸. Пирамидальные костяные подвески с циркульным орнаментом (погребения 1867 и 177-178. 1904 в Керчи) встречались среди черняховского населения, известны они также в Центральной Европе. Янтарные грибовидные подвески (Пантикапей и Фанагория) тоже были известны у представительниц черняховской культуры, хотя и не только у них⁹.

Состав черняховских вещей на Боспоре, проанализированных М. Казанским, позволяет предположить, что оптимальной датой их хождения здесь является период 300/320-400/410 гг. (С3-D1)¹⁰. Преобладают же они в погребениях конца IV- начала V вв., что логично, на наш взгляд, связывать с притоком нового населения.

Хотя Танаис в позднеантичную эпоху уже не входил в сферу влияния Боспорского государства, его материалы также представляют определенный интерес. На западном некрополе (раскоп XVI) были выявлены комплексы IV-V вв. Женское погребение 3/1990 содержало золотую серьгу с 14-гранником на конце, две массивные серебряные фибулы, бронзовое зеркало, золотые нашивки. Двупластинчатые фибулы принадлежат горизонту Виллафонтана с абсолютными датами 370/380 – 400/410 гг. (по Ф. Бирбрауэру).

Я. Тейрал охарактеризовал комплексы с этим горизонтом как надрегиональный элемент, возникший около 400 г. вследствие тесных контактов между Средней Европой и понтийской зоной. Женщины были облачены в костюм восточногерманской схемы, сложившийся в ареале черняховской культуры этапа С3 и окончательно оформившийся в гуннскую эпоху в Среднем Подунавье. Золотые нашивки имитировали более дорогие ожерелья элиты, известные от Испании до Керчи. Наиболее близкие аналогии – из погребения 1999 г. в Крымском Приазовье (грабительские раскопки), а также многочисленные погребения в с. Лучистом.¹¹

Традиция ношения парных фибул сохраняется в германской среде и позднее. М. Казанский отмечает сочетание парных фибул в совокупности с крупной пряжкой, полагая, что

³ Хайрединова Э.А. Костюм варваров V века по материалам могильника у села Лучистое в Крыму // Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999. С. 207; Амброс А.К. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник. Вып.1. М., 1992. С. 24.

⁴ Хршановский В.А. Позднеантичные погребения на некрополе Илурата // Научно-атеистические исследования в музеях. Л., 1988. С. 22.

⁵ Масленников А.А. Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. М., 1997. С. 20.

⁶ Амброс А.К. Фибулы юга Европейской части СССР // Свод археологических источников. Д1-30. М., 1966; Пиоро И.С. Черняховская культура и Крым // Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999. С. 233-234.

⁷ Казанский М.М. Готы на Боспоре Киммерийском // Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999. С. 280.

⁸ Гудкова А.В., Фокеев М.М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I-IV вв. н.э. Киев, 1984. С. 83.

⁹ Храпунов И.Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке // Боспорские исследования. 2004. Вып. VI.

¹⁰ Казанский М.М. Готы на Боспоре Киммерийском. С. 281.

¹¹ Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. Могильник у села Лучистое. Т. 1. Симферополь-Керчь, 2008. 336 с.; Хайрединова Э.А. Украшения из «утиля» в костюме крымских готов // *Χερσωνος θρακτα: империя и полис*. Севастополь, 2015. С. 67-70 и др.

по своему происхождению эта традиция является восточногерманской и связана с «аристократическим» костюмом горизонта Унтерзибенбрун первой половины V в.¹²

Дунайское влияние на женскую моду Боспора приходится на период D2 (по Я. Тейралу). Наиболее характерны фибулы типа Ваюга с треугольной головкой, обнаруженные в Керчи, вещи «горизонта Унтерзибенбрун», а именно: большие двупластинчатые фибулы типа Амброз, в том числе с накладками в виде пальметки, пряжки с тисненым декором, серьги с многогранником. Серьги с многогранником, кроме некрополей Боспора, известны в погребениях Юго-Западного Крыма. В ряде экземпляров 14-гранная бусина отлита вместе с кольцом.

В погребении 2 керченской могилы 154.1904 г. обнаружены фибулы типа Амброз II, пряжка с тисненым декором. Находка пары двупластинчатых фибул с накладками в виде пальметки в погребении 3 керченской могилы 165.1904 вызвала дискуссии по вопросу о датировке данного типа фибул на Боспоре. А.К. Амброз отнес их к типу Смолин и датировал второй половиной V в.¹³ Я. Тейрал, во-первых, не признал их относящимися к данному типу, во-вторых, сам горизонт типа Смолин датировал не второй половиной V в., а 430-460 гг. Что касается наличия на фибулах накладок в виде пальметок, то данный хронологический индикатор не является надежным, так как подобные накладки появляются на фибулах еще в III в. Сочетание же двупластинчатых фибул с накладками-пальметками зафиксировано в фибулах из могилы Хохфельден в Эльзасе. Что касается датировки данного керченского погребения, то Тейрал по набору хоботковых пряжек и ременного наконечника отнес его к более раннему времени (период D2, т.е. 380/400-440/450 гг.).

Наличие в погребениях некрополя Илурата предметов гуннской эпохи отмечает В.А. Хршановский¹⁴. В частности, женское погребение из комплекса первой половины V в. содержало 66 пронизей 4-х типов, 2 фигурные пластинчатые серьги с сердоликовой вставкой, изготовленные полихромном стиле. Нельзя с полной уверенностью утверждать, что погребенные были германцами, но факт влияния германской моды очевиден.

Наконец, на некрополе Китея (участок Джурга-Оба) в 2008 г. было открыто богатое женское погребение с золотыми фибулами и браслетами, имеющими аналогии с германскими вещами.¹⁵

Таким образом, говоря о престижном костюме горизонта Унтерзибенбрун, следует отметить, что изначально он возник в германской среде, но далее получил широкое распространение, в том числе, и в среде боспорской знати.

Распространение пальчатых фибул на Боспоре может быть связано с двумя основными событиями - возвращением в Северное Причерноморье гуннов в середине V в. (и их союзников - германцев) и падением остготского государства и переселением готов на другие территории (вторая половина VI в.). Распространение (и изготовление на месте) их могло быть только в том случае, если в местном населении присутствовала прослойка готов¹⁶.

Пальчатые фибулы начали распространяться на Боспоре во втором хронологическом отрезке истории боспорского некрополя (вторая половина V – первая половина VI вв.)¹⁷. Среди археологических материалов, содержащих пальчатые фибулы, следует различать импортные фибулы и изделия боспорских мастеров. И.П. Засецкая отмечает, что боспорские фибулы – явление не уникальное, они являются разновидностью европейских фибул, которые были широко распространены в Европе в V-VII вв. среди племен германского происхождения¹⁸. На основе выявленных на Боспоре материалов были сделаны выводы о том, что начало производства здесь пальчатых фибул относится к последней четверти V в.

Последний этап боспорских германцев нашел свое археологическое отражение в появлении дунайских вещей периода D3 (450-480/ 490 гг.), из которых самыми яркими вещами

¹² Казанский М.М., Мاستыкова А.В. Германские элементы в культуре населения Северного Кавказа в эпоху Великого переселения народов // Историко-археологический альманах. Вып. 4. М., 1998. С. 113.

¹³ Амброз А.К. О двупластинчатых фибулах с накладками. Аналогии к статье А.В. Дмитриева // Древности эпохи Великого переселения народов. М., 1982. С. 109.

¹⁴ Хршановский В.А. Некрополи Илурата и Китея. Археологическая экспедиция ГМИР. 1968-1998 гг. // Боспорские царство как историко-культурный феномен. СПб., 1998. С. 102-103.

¹⁵ Ermolin A. Das Gold der Nekropole von Džurg-Oba // Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen – Skythen – Goten. Bonn, 2014. S. 352-361.

¹⁶ Засецкая И.П. Датировка и происхождение пальчатых фибул боспорского некрополя раннесредневекового периода // Материалы по истории, археологии, этнографии Таврики. Вып. VI. Симферополь, 1998. С. 437.

¹⁷ Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья: IV-XIII века / отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М., 2003. С. 38.

¹⁸ Засецкая И.П. Датировка и происхождение пальчатых фибул боспорского некрополя раннесредневекового периода. С. 394-478.

были большие престижные фибулы типа Косино-Бакодпушта и сопутствующие им пряжки с резным декором¹⁹. Данный костюм попадает на территорию Боспора вместе с готами, следовавшими в составе гуннского обоза при их возвращении на восток. На Боспоре этот костюм не прижился, но зато он прослеживается в погребениях в долине р. Дюрсо. На Боспоре этого периода обнаружены две могилы, содержащие находки, отражающие традиции ношения старогерманского костюма (фибулы типа Виллафонтана). По мнению М.М. Казанского, это доказывает, что не все готы в середине V века последовали с гуннами на азиатскую сторону Боспора, часть все же осталась в столице.

В начале VI в. германский женский костюм подвергается некоторым изменениям. Появляются в большом количестве остроготские и гепидские пальчатые фибулы, большие пряжки с прямоугольным и орлиноголовым щитком. Наиболее популярны были фибулы типа Керчь и Удине-Планис. На Боспоре подобные типы фибул изготавливались во второй трети VI - первой половине VII вв.²⁰.

Серебряные позолоченные фибулы типа Удине-Планис по технике декора делятся на 2 варианта.

1. Фибулы конца V- первой половины VI в., идущие из Италии, Подунавья, декорированы глубокой кербшнитной резьбой и пуансоном. Они отлиты с фигурками клюющих птиц на боковых сторонах ножки.

2. Фибулы второго варианта известны в Керчи с декором, подправленным резцом или вырезанным на литейной форме. В Керченском музее хранится каменная форма для отливки фибул.

Отмечено, что на Боспоре орлиноголовые пряжки стали изготавливаться по дунайским образцам позже, чем на Дунае, не ранее середины VI века. Щитки боспорских пряжек отлиты с трапециевидным выступом с орлиной головкой или прямоугольным выступом. Они по декору и пропорциям щитка и выступа с орлиной головой близки пряжкам первой половины VI в. из Подунавья²¹. На щитках двух пряжек имеются изображения христианских крестов. Это свидетельствует о том, что пришедшие в начале VI в. на Боспор германцы были христианами.

Опираясь на материалы, проанализированные А.И. Айбабиным, отметим характерные черты женского костюма и аксессуаров, дополняющие его²². Так, в плитовой могиле 1/1905 боспорского некрополя в женском погребении на шейных позвонках лежала 15 золотых треугольных подвесок, бусины из янтаря и сердолика, на тазовых костях – орлиноголовая пряжка. В плитовой могиле, обнаруженной в 1977 г., в ушах погребенной были золотые серьги с витым кольцом и инкрустированным гранатами многогранником, на ребрах – две, перевернутые головками вниз серебряные фибулы типа Удине-Планис, в области таза располагалась орлиноголовая пряжка. При этом прослеживаются четкие аналогии с женскими погребениями в плитовых могилах сходной конструкции конца V в. на территории остроготского королевства в Италии.

Весьма примечательно то, что одним из наиболее излюбленных изображений, которые встречаются на деталях одежды, украшениях, отделке оружия варваров-германцев, является птичья тематика. Изделия с изображением орлов имели широкий ареал распространения. Данный мотив закрепился на фибулах и пряжках итальянских и гепидских мастеров, большое количество находок обнаружено в Крыму. Есть они и на Боспоре²³. А.Г. Фурасев обращает внимание на то, что орел был неотъемлемым символом римских легионов, и его изображение могло таким образом распространиться в среде варваров-федератов. Исследователь также отмечает, что в германской мифологии есть символ мироздания – дерево ясеня Иггдрасиля, на вершине которого восседает орел, воплощение власти, величия, победы. Автор делает выводы о том, что изображение на деталях одежды парных птиц можно связать с символами Вотана, которого по преданию везде сопровождала пара воронов²⁴. Конечно, связь мифологии с реальным воплощением птичьей тематики является предположением. Кажется более очевидным, что это идет как раз от римских легионеров, тем более что широкое распространение изображение птиц в варварской среде получает к середине V века.

¹⁹ Казанский М.М. Готы на Боспоре Киммерийском. С. 285.

²⁰ Амброз А.К. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник. Вып.1. М., 1992. С.78; Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999. С. 270-271.

²¹ Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья: IV-XIII века. С. 29.

²² Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. С. 100.

²³ Фурасев А.Г. Эпоха Мервингов: орлы Рима и вороны Вотана. СПб., 2007. С. 23.

²⁴ Там же. С. 24.

Германцы, поселившиеся на Боспоре, не только привносят изменения в гардероб и набор украшений боспорянок, но и сами заимствуют некоторые элементы.

Так, Э.А. Хайрединова обращает внимание на серьги с фигурным щитком, декорированные сканой проволокой, со вставками камней: сердолика, янтаря. Данные изделия обнаружены в престижных погребениях Керчи: склепах 24 июня 1904 и в 154/1904. На сельской округе европейского Боспора по аналогии с золотыми серьгами изготавливались железные серьги со стеклянными вставками²⁵. Исследователь предполагает, что данные изделия изготавливались на Боспоре в первой половине V века. За пределами Крыма известна единичная находка серег, изготовленных по аналогии с уже упомянутыми. Она имела место быть среди погребального инвентаря богатой женщины из Эрана (Франция), относимого к горизонту Унтерзибенбрунн.

Мода на ношение серег с фигурным щитком могла прийти к германцам через сармат или боспорян. От них же готы, скорее всего, переняли моду на украшение элементов платья пронизиями в форме трубочек, ромбовидных бляшек. Подобные наборы женских украшений были найдены в погребениях из Лучистого, Танаиса, Боспора, Гурзуфа. Кроме того, аналогичные украшения обнаружены в женских погребениях Центральной и Западной Европы и относятся к горизонту Унтерзибенбрунн.

Таким образом, анализ материалов боспорских некрополей позднеантичного периода показал, что в материальной культуре боспорян (в частности, в элементах женского костюма и украшениях) позднеантичного времени нашли определенное отражение германские элементы. В большей степени они распространяются в среде знати. Аналогии им находят в погребальных комплексах Центральной и Восточной Европы.

---

²⁵ Хайрединова Э.А. Боспорские изделия V в. в костюме варваров Юго-западного Крыма // Боспорские чтения. Вып. III. Керчь, 2002. С. 242.

УДК 94(495).02

**ОБРАЗЫ ВОЙНЫ В ВИЗАНТИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
X В.: ФЕОДОР ДАФНОПАТ****THE IMAGES OF WAR IN BYZANTINE HISTORICAL LITERATURE OF THE X
CENTURY: THEODOROS DAPHNOPATES****А.С. Мохов, К.Р. Капсалькова****A.S. Mokhov, K.R. Kapsalykova**

*Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Ельцина Б.Н.,
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19.*

*Ural Federal University name First President of Russia Yeltsin B.N.
620002 Ekaterinburg; Mira Str. 19*

E-mail: rkb2004@yandex.ru, Carinne.Kapsalikova@gmail.com

Ключевые слова: Византия, византийская армия, Феодор Дафнопат, миролюбивая риторика, Симеон Болгарский.

Key word: Byzantium, byzantine army, Theodoros Daphnopates, peaceful rhetoric, Symeon of Bulgaria.

Аннотация. Статья посвящена представлениям о войне византийского государственного деятеля и ратора Феодора Дафнопата. В правление Романа I Лакапина, Константина VII и Романа II он занимал должности протасикрита, логофета стратиотиков, епарха Константинополя. Основными источниками были письма Феодора Дафнопата. В них автор неизменно придерживается миролюбивой риторики. В частности, в письмах к болгарскому царю Симеону он призывал к прекращению боевых действий, называя войну бедствием, разделяющим два христианских народа. По мнению Дафнопата, миролюбие присуще любому человеку, совершающему справедливые и богоугодные дела. Война же противоречит человеческой природе, несет смерть и нищету. По мнению авторов, миролюбивая риторика Феодора Дафнопата объясняется, прежде всего, тяжелым внешнеполитическим положением Византии в 20–30-е гг. X в. Не имея возможности сдерживать противников военной силой, империя вынуждена была прибегать к дипломатии.

Resume. The article is devoted to the military representations by byzantine statesmen and rhetor Theodoros Daphnopates. In the times of Romanos I Lekapenos, Constantine VII, Romanos II he was protasekretis, logothetes tou stratiotikou and eparcos of Constantinople. The letters of Theodoros Daphnopates were the main historical sources of this issue. In them the author used the peace-loving rhetoric consistently. In particular, he called for ending of warfare in the letters to the Bulgarian tsar Simeon. Daphnopates named the war is disaster, separating the two Christian peoples. According Daphnopates, peacefulness was inherent in any person who commits a fair and charitable affair. War is contrary to human nature, it brings death and misery. According to the authors, the peace-loving rhetoric Theodoros Daphnopates explained, first of all, a heavy foreign policy position of Byzantium in her 920–930-s. Unable to contain the opponents of the military power of the empire was forced to resort to diplomacy.

В византийском обществе IX–X вв. отношение к войне, армии и деятельности военачальников не оставалось неизменным. Основным фактором, влиявшим на общественное восприятие военных событий, являлось внешнеполитическое положение империи. В конце IX – первой четверти X в. византийские армии терпели от болгар одно сокрушительное поражение за другим, отряды арабских эмиров безнаказанно разоряли приграничные фемы империи, а на море господствовал мусульманский флот. В этих условиях война воспринималась византийским обществом как бедствие, спасение от которого отчаявшиеся подданные Льва VI и Романа I Лакапина искали в защите высших сил. Например, автор Жития св. Феоктисты, образно намекая на череду катастрофических поражений начала X в., писал: «Однажды я был на острове Парос. Довелось мне остановиться там во время плавания на Крит, куда нас отпра-

вил, блаженной памяти, император. Благочестивый, он забрал с собой в могилу счастье ромеев»¹.

Об отношении византийского общества к войне известно, прежде всего, из исторических и агиографических сочинений, а также из сохранившихся до наших дней писем чиновников, военачальников и религиозных деятелей периода правления Македонской династии. Следует отметить, что почти все они признавали важность армии для стабильного внешнеполитического положения Византии. Например, патриарх Николай Мистик писал, что внешняя сила империи определялись состоянием армии и энергией полководцев². В более позднее время этому уделяли значительное внимание Лев Диакон, Иоанн Скилица, Михаил Пселл и другие византийские хронисты. В настоящем исследовании рассматривается восприятие войны известным государственным деятелем и ритором X в. Феодором Дафнопатом.

Биографические сведения о Феодоре Дафнопате (Θεόδωρος ὁ Δαφνολάτης) известны, в основном, из его писем, а также из хроники Продолжателя Феофана³. Длительная служба Дафнопата в столичных гражданских ведомствах началась в правление Романа I Лакапина (920–944) и продолжалась до смерти Романа II (959–963). В одном из писем, которое датируется 930-ми гг., он упоминает свою должность – ὁ διερμηνευτής («толкователь, комментатор»)⁴. Однако в византийских документальных источниках IX–X вв. такая должность не упоминается. В «Клеторологии» Филофея, среди подчиненных логофета дрома, перечислены ἐρμηνευταὶ («переводчики»). Однако, по мнению Р. Гийана, переводчики служили также в императорской канцелярии⁵. Предположение французского исследователя подтверждается сведениями о *cursus honorum* Феодора Дафнопата. В 20–40-е гг. X в. его служба была связана с императорской канцелярией. Он занимал должности ἐπί τοῦ κανκλείου («хранитель чернильницы», личный секретарь императора) и протасикрит (πρωτοασκηρῆτης, глава императорской канцелярии), получил титулы протоспафария и патрикия⁶.

В начале единоличного правления Константина VII (945–959) Феодор Дафнопат, как и многие другие приближенные Романа Лакапина, оказался в немилости. После увольнения со службы ему пришлось на некоторое время покинуть Константинополь. На императорскую службу Феодор Дафнопат вернулся во второй половине 950-х гг., получив назначение на должность ὁ στρατιωτικὸς λογοθέτης («военный логофет»). В административной иерархии империи этот пост считался достаточно низким. С нач. X в. логофеты стратиотиков не играли значимой роли ни в гражданском, ни в военном управлении империей⁷.

Исключение составляют только последние годы правления Константина Багрянородного и царствование его сына Романа II. В это время на должность главы «военного ведомства» назначались весьма влиятельные лица с титулами патрикиев или магистров. Изменение ситуации следует связывать с борьбой придворных бюрократических группировок во главе с Василием Лакапином и Иосифом Врингой. Эти «придворные партии» стремились установить контроль над системой гражданского управления империи. При этом большое значение придавалось борьбе за ключевые посты в столичных ведомствах (логофет дрома, протосикрит, протовестиарий, паракимомен). Должность логофета стратиотиков в их число не входила, являясь второстепенной. В связи с этим, на посту главы «военного ведомства» оказывались, как правило, представители той группировки, которая терпела поражение в политической борьбе. Назначение логофетом стратиотиков с должности, например, логофета дрома было унижительным понижением по службе⁸.

Судя по сведениям хроники Продолжателя Феофана, Феодор Дафнопат принадлежал к сторонникам препозита Иосифа Вринги. При Константине VII эта придворная группировка

¹ Vita S. Theoctistae // Acta Sanctorum Novembris / rec. H. Delehayе, P. Peeters. Bruxellis, 1925. T. 4. P. 225.2.

² Nicholas I patriarch of Constantinople. Letters / ed. by R.J.H. Jenkins, L.G. Westerink. Washington, D. C., 1973. P. 326, Ep. 75.43–68. См. также: Малахов С.Н. Концепция мира в политической идеологии Византии первой половины X в.: Николай Мистик и Феодор Дафнопат // Античная древность и средние века. Екатеринбург, 1995. Вып. 27. С. 19–31.

³ Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. Zweite Abteilung (867–1025) / hrsg. von F. Winkelmann, R.-J. Lies, Cl. Ludwig u. a. Berlin, Boston, 2013. Bd. 6. S. 336–339, Nr. 27694.

⁴ Théodore Daphnopatès. Correspondance / éd. et trad. par J. Darrouzès et L.G. Westerink. Paris, 1978. P. 109, Ep. 10.6.

⁵ См.: Oikonomidès N. Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles. Introd., texte, trad. et comment. Paris, 1972. P. 117.15, 312; Guillaud R. Grand Interprète // Guillaud R. Titres et fonctions de l'Empire byzantin. London, 1976. XX. P. 17–26.

⁶ Darrouzès J. Un recueil épistolaire byzantin: le manuscrit de Patmos 706 // Revue des études byzantines. 1956. T. 14. P. 116–117.

⁷ Oikonomidès N. Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles. P. 249.11, 269.28.

⁸ Подробнее см.: Мохов А.С., Боровков Д.С. Логофеты стратиотиков в Византии VII–XI в. // Известия Урал. гос. ун-та. Сер. 2, Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2011. № 2 (90). С. 11–12.

временно утратила свое влияние, с чем и связано назначение бывшего главы императорской канцелярии на должность «военного логофета». Однако с 959 г., после прихода к власти Романа II, политическое господство перешло к «придворной партии» Иосифа Вринги. Продолжатель Феофана писал, что бывший военный логофет (ἀλό στρατιωτικῶν) Феодор Дафнопат получил титул магистра и должность эпарха Константинополя, причем помощников ему подобрал и назначил сам Иосиф Вринга⁹.

Не вызывает сомнения, что вершина служебной карьеры Феодора Дафнопата пришлась на непродолжительное правление Романа II. В это время он не только занимал пост ὁ ἑταρχος τῆς Πόλεως, но также являлся одним из ближайших советников императора. Сохранилась переписка между Феодором Дафнопатом и Романом Младшим, состоящая из четырех писем¹⁰.

После смерти Романа II политическая группировка, к которой принадлежал Феодор Дафнопат, была разгромлена. Новый император Никифор II Фока (963–969) поручил гражданское управление Василию Лакапину, который назначил на важнейшие посты, включая должность эпарха Константинополя, своих сторонников. Дафнопат, которому в это время было около 60 лет, окончательно покинул службу. Однако нет никаких оснований считать, что он подвергся преследованиям со стороны Василия Лакапина. Несомненно, что бывший эпарх утратил какое-либо политическое влияние, но он продолжал появляться при дворе, вел переписку с должностными лицами, занимался литературным творчеством. Последние упоминания о нем относятся к 963–964 гг.¹¹

Литературное наследие Феодора Дафнопата неоднократно привлекало внимание византистов¹². В первую очередь, исследователей интересовало, являлся ли он автором заключительной части хроники Продолжателя Феофана, охватывающей период с 948 по 961 гг. Вплоть до нашего времени данный вопрос остается дискуссионным¹³. Однако не вызывает сомнений, что Феодором Дафнопатом была написана некая историческая хроника, которую во введении к своему «Синописису историй» упоминал Иоанн Скилица¹⁴. Помимо этого, Феодором Дафнопатом был создан ряд агиографических сочинений (Житие Феофана Исповедника, Житие Феодора Студита, Мученичество святого Георгия), несколько энкомиев, торжественных речей, богословских трактатов и поэтических произведений¹⁵. Авторство еще нескольких текстов приписывается Феодору Дафнопату предположительно. Наиболее известным из них является энкомий по поводу заключения мира с Болгарией, написанный в 927 г.¹⁶

Отдельно следует упомянуть эпистолярное наследие Феодора Дафнопата. До нашего времени сохранилось 40 его писем, опубликованных в 1978 г. Ж. Даррузе и Л.Г. Вестеринком. Значительная часть из них имеет официальный характер. Они были написаны по поручению Романа Лакапина и адресованы болгарскому царю Симеону (893–927), римскому папе Иоанну XI (931–935), «эмиру Египта»¹⁷, митрополиту Ираклии Фракийской Анастасию и др. влиятельным иностранным и византийским персонам. Кроме того, Дафнопат направлял письма

⁹ Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus / rec. I. Bekkerus. Bonnae, 1838. P. 470.7–18.

¹⁰ Théodore Daphnopatès. Correspondance. P. 19–20, Ep. 13–16.

¹¹ Ibid. P. 3–4.

¹² Подробнее см.: Каждан А.П. История византийской литературы (850–1000 гг.): эпоха византийского энциклопедизма. СПб., 2012. С. 166–172.

¹³ См.: Сюзюмов М.Я. Об историческом труде Феодора Дафнопата // Византийское обозрение. Юрьев, 1916. Т. 2. С. 295–302; Markopoulos A. Théodore Daphnopatès et la Continuation de Théophane // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. 1985. Bd. 35. P. 171–182.

¹⁴ Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum / rec. I. Thurn. Berlin, New York, 1973. P. 3.26 – 4.39.

¹⁵ См.: Две речи Феодора Дафнопата, изданные с введением о жизни и литературной деятельности автора и с русским переводом / изд. и пер. В.В. Латышева // Православный палестинский сборник. СПб., 1910. Т. 20. Вып. 2 (59). Ч. 1; Страдание святого славного великомученика Георгия, приписываемое Феодору Дафнопату и ныне впервые изданное (с русским переводом) / изд. и предисл. В.В. Латышева // Там же. Ч. 2; Théodore Daphnopatès. Correspondance. P. 4–6.

¹⁶ См.: Dujčev I. On the Treaty of 927 with the Bulgarians // Dumbarton Oaks Papers. 1978. No. 32. P. 217–295.

¹⁷ Мы присоединяемся к авторитетному мнению К.Н. Юзбашяна, который считал, что данное письмо было адресовано не кому-либо из мусульманских правителей, а архонту Тарона магистру Григорию Тарониту (Γρηγόριος ὁ Ταρωνίτης ὁ τοῦ Ταρῶν ἄρχων). См.: Юзбашян К.Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия (IX–XI вв.). М., 1988. С. 268–275. О Григории Тароните см.: Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. Zweite Abteilung (867–1025). Bd. 2. S. 622–626, Nr. 22497.

императорам Роману Лакапину, Константину VII и Роману II. Среди других его адресатов были духовные лица, чиновники гражданских ведомств, придворные¹⁸.

Подробности военных походов, описание сражений, деятельность отдельных военачальников не привлекали пристального внимания Феодора Дафнопата. Он не служил в императорской армии, не имел боевого опыта и, по всей видимости, мало общался с военными. Во всяком случае, армейские командиры или стратиги византийских фем не были адресатами его писем. Характерно, что он противопоставлял себя и других должностных лиц императорской канцелярии даже гражданским провинциальным чиновникам: «мы дышим словами, едим слова»¹⁹.

Однако считать, что Феодор Дафнопат специально дистанцировался от военной тематики, было бы неверным. Грамотный и прекрасно образованный чиновник, он обладал необходимыми знаниями о структуре и численности императорской армии, а также был знаком с классическими и византийскими военно-теоретическими сочинениями. Не следует также забывать, что в его необычно долгой, продолжавшейся около 40 лет, чиновной карьере, был непродолжительный период, когда он возглавлял логофетию стратиотиков.

Специальную военную терминологию в своих сочинениях Феодор Дафнопат использовал редко²⁰. Исключение составляет «Страдание святого великомученика Георгия», главным героем которого является святой воин. Несмотря на то, что речь в этом произведении идет о времени правления «жестокого тирана» Диоклетиана (284–305), наименования большинства военных должностей не соответствуют реалиям начала IV в. Напротив, почти все упомянутые автором командные посты существовали в византийской армии IX–X вв. В тексте упоминаются стратиги, стратилаты, топархи и даже комит схол первой тагмы²¹. Отметим также, что рассказ о сборе войска для похода против персов совпадает с порядком организации крупных военных кампаний второй половины IX в., когда к регулярным войскам, выступившим из Константинополя, по пути к границе присоединялись фемные ополчения во главе со стратигами²².

Не вызывает сомнения, что Феодор Дафнопат считал войну трагедией, несущей людям неисчислимые страдания. Однако следует учитывать, что большинство его эпистолярных текстов, наполненных миролюбивой риторикой и призывами к миру, содержали не личные оценочные суждения столичного ратора, а официальную внешнеполитическую доктрину Византии. В 20–30-е гг. X в. империя старалась избегать широкомасштабных военных конфликтов, предпочитая решать внешнеполитические проблемы дипломатическим путем.

Наиболее ярко миролюбивая риторика Феодора Дафнопата проявилась в письмах к царю Симеону. Эти послания были написаны по распоряжению императора Романа Лакапина в 925–927 гг. Незадолго до этого, в сентябре 924 г., состоялась личная встреча Романа I и Симеона, завершившаяся заключением перемирия. В обмен на выплату Византией дани, болгары обещали передать империи приморские крепости Созополь и Агатополи. Однако Симеон всячески затягивал выполнение соглашения, и укрепления на черноморском побережье перешли к Византии не раньше осени 927 г.²³

С одной стороны, задача Феодора Дафнопата состояла в том, чтобы убедить болгарского царя выполнить взятые на себя обязательства. В одном из писем он взывал к здравому смыслу Симеона: обладание приморскими крепостями (τά παραθαλάσσια κάστρα) не дает болгарам никакого преимущества, но ведет к значительным финансовым затратам. Ведь из-за отсутствия у болгар флота использовать приморские укрепления в военных целях Симеон не сможет²⁴.

В другом послании Дафнопат упрекал Симеона в нарушении условий мирного соглашения. Он утверждал, что болгары постоянно разоряли византийскую приграничную область. Далее Феодор Дафнопат писал: «Какая польза тебе от того, что ты силой захватил наши земли? Какие ты получаешь от этого доходы? Какие налоги? Если разобратся, то после многих грабежей и убийств ничего тебе не досталось. Ты получил только крепости, но это прине-

¹⁸ Подробнее см.: Chernoglazov D. Beobachtungen zu den Briefen des Theodoros Daphnopates. Neue Tendenzen in der byzantinischen Literatur des zehnten Jahrhunderts // Byzantinische Zeitschrift. 2013. Bd. 106. Heft 2. S. 623–644.

¹⁹ Théodore Daphnopatès. Correspondance. P. 215, Ep. 37.130.

²⁰ Ibid. P. 55, Ep. 4.59.62: ἀρχὸν τῆς Ἀνατολῆς, στρατηγός, θέμα.

²¹ Страдание святого славного великомученика Георгия. С. 38–40. Должность комита тагмы схол появилась не ранее 70-х гг. VIII в.

²² Там же. С. 38. Ср.: Constantine Porphyrogenitus. Three Treatises on imperial military expeditions / ed. by J.F. Haldon. Wien, 1990. P. 80.

²³ См.: Runciman S. A history of the first Bulgarian empire. London, 1930. P. 171–173, 179–180.

²⁴ Théodore Daphnopatès. Correspondance. P. 75, Ep. 6.90–102.

сет большие расходы по их обустройству и снабжению припасами. Жители же напрасно мучаются и погибают»²⁵.

С другой стороны, византийский ритор постоянно призывал Симеона вообще прекратить военный конфликт. По его словам, Византия прилагала для этого все усилия. Однако новые требования Симеона не позволяли заключить прочный и долговременный мир: «не желая совершить отступничество и подвергнуться осуждению, мы не предадим своих подданных кровожадным иноплеменникам. <...> По традиции ромеев не могут быть переданы под власть твою люди, отданные Богом под наше попечение»²⁶.

Важным моментом в письмах Симеону является критика притязаний болгарского правителя на «ромейский престол»: «Сколько угодно ты можешь называть себя хоть амермумном сарацинов (ἀμερμουμνὴν τῶν Σαρακηνῶν)... Называть себя царем ромеев и болгар может тот, кто получил эту власть от Бога, а не захватил ее через кровопролитие и убийства. Не может тот, кто разорил весь Запад и поработил его жителей, именовать себя царем ромейским. Ведь наши люди не добровольно прибегли к твоей власти, но были захвачены посредством насилия и войны»²⁷.

Еще один риторический прием, который использовал Феодор Дафнопат, касался религиозной стороны конфликта. Он постоянно подчеркивал, что война ромеев с болгарями – это война двух христианских народов: «Нет больше скифов и варваров, теперь мы все христиане и дети Божии. <...> Ромеи и болгары – это единый народ Христа, вера объединяет болгар и ромеев как сыновей с отцами»²⁸. Отметим также, что Дафнопат категорически отвергает сравнение военного конфликта с Болгарией и арабо-византийских войн: «Сарацины народ иного обычая, иной веры, состоящий в постоянных войнах с ромеями; на них невозможно воздействовать ни изречениями из Священного Писания, ни ссылками на договоры. С арабами не бывает длительного мира, мы заключаем с ними только перемирие на два или три года. Они соблюдают эти договоренности, зная, что нарушив их, получают жестокий ответ»²⁹.

Обращаясь к болгарскому царю от имени императора, Феодор Дафнопат неоднократно подчеркивал отношение к войне, как к трагедии: «Как легко мы становимся объектом для презрения и насмешек наших соседей и наших врагов! Знай же, мой духовный брат, что мы не созданы Богом для убийства друг друга. <...> Мы более жестоки, чем звери, а звери оказываются более мягкосердечными, чем люди. Пока наши народы страдают и воюют между собой, словно неверующие язычники, не будут нам доверять живущие рядом народы. Разве мы можем научить их миру?»³⁰

Аналогичные мысли высказывались им в послании «эмиру Египта»: «Бог есть мир и называется миром, и установлено, чтобы сотворенные им жили мирно и спокойно; и в то время как мир животворит, война обрекает на смерть; мир умножает и обогащает людей, а война сокращает и обрекает на нищету. <...> Если считать, что Бог в восторге от войн и сражений, и с удовольствием убивает людей, то, неужели сначала он сотворил человека, лишь для того, чтобы его убить? Но это не происходит из-за божественного творения, эти несчастья создал князь тьмы, чтобы насладиться существованием войны, а человеку, знакомому с течением истории известно, что Бог ненавидит войну и убийства, плоды человеческой изобретательности, появившиеся в нашей жизни по зависти и злобе дьявола. <...> Я уверен, что вы проявите благоразумие, предпочтете лучшее и проявите здравый смысл, чтобы не начались массовые убийства и войны»³¹.

По нашему мнению, миролюбивая риторика и призывы к прекращению военных действий объясняются значительным военным превосходством болгарского царя. Не имея возможности отстаивать внешнеполитические интересы с помощью военной силы, империя использовала различные дипломатические ухищрения. В посланиях Симеону мы можем отметить попытку представить войны против Болгарии как конфликт между единоверцами. Это противоречило характерному для Византии утверждению о «ромейской» исключительности, но ради подписания мира империя готова была пойти на самые серьезные уступки³².

²⁵ Théodore Daphnopatès. Correspondance. P. 59, Ep. 5.20–31.

²⁶ Ibid. P. 65, Ep. 5.114–128.

²⁷ Ibid. P. 59, Ep. 5.34–45.

²⁸ Dujčev I. On the Treaty of 927 with the Bulgarians. P. 265.165–167, 274.320–323.

²⁹ Théodore Daphnopatès. Correspondance. P. 69–71, Ep. 6.15–34.

³⁰ Ibid. P. 81–83, Ep. 7.22–43.

³¹ Ibid. P. 53–57, Ep. 4.10–14.41–44.68–70.

³² Kaldellis A. Ethnography after antiquity: foreign lands and peoples in Byzantine literature. Philadelphia, 2013. P. 128–129.

Подводя итоги, отметим, что образ войны, который был создан в сочинениях Феодора Дафнопата, являлся выражением, прежде всего, общего внешнеполитического курса Византии. Стремление избежать новых войн и как можно скорее прекратить старые конфликты подчеркивалось им постоянно. Кратко его отношение к войнам было сформулировано в последнем письме царю Симеону: «дивное дело мира нуждается в защите и укреплении, поскольку позволяет человеку гармонизировать с Христом»³³.

Миролюбивая внешняя политика времен Романа Лакапина вскоре уступила место агрессивному внешнеполитическому курсу. Византия вновь начала проводить масштабные военные кампании, присоединяя при этом новые территории как на Востоке, так и на Западе. М. МакКормик образно назвал период единоличного правления Константина VII, Романа II, Никифора II Фоки и Иоанна I Цимисхия «временем триумфов»³⁴. Действительно, за эти двадцать лет Константинополь увидел больше победных триумфальных шествий, чем за предыдущие полтора столетия.

³³ Théodore Daphnopatès. Correspondance. P. 77, Ep. 6.132–134.

³⁴ McCormick M. Eternal victory. Triumphal rulership in late antiquity, Byzantium, and the early medieval West. Cambridge, 1990. P. 159.

УДК 94 (4)

ПИСЬМО ДЖ. КОЛЕТА КРИСТОФЕРУ УРСВИКУ О ПОЛЬЗЕ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ**LETTER FROM JOHN COLET TO CHRISTOFER URSWICK ABOUT BENEFIT OF HISTORY STUDY****А.В. Вотчель, Л.В. Софронова****A.V. Votchel, L.V. Sofronova**

Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина
603950, Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1

Minin's State Pedagogical University of Nizhny Novgorod,
603950, Nizhny Novgorod, Ulyanova Str., 1

E-mail: votchel2010@yandex.ru, Lidiasof@yandex.ru

Ключевые слова: эпистолярный источник, практика чтения, «Богемская история», Дж. Колет, К. Урsvик, гуситы, реформа церкви, ересь лоллардов.

Key words: epistolary source, the practice of reading, "Bohemian history", John Colet, C. Urswick, hussites, church reform, lollardism.

Аннотация. Предлагается первый русский перевод послания английского религиозного деятеля предреформационной эпохи Дж. Колета его церковному покровителю К. Урsvику, отправленного в 1493 г. из Рима в качестве сопроводительного письма к «Богемской истории» Энея Сильвия Пикколомини. Источник позволяет уточнить маршрут и датировку образовательного путешествия Дж. Колета на континенте. Цицероновское восприятие истории как учительницы жизни не только свидетельствует о гуманистическом литературном кругозоре Колета и Урsvика, но и объясняет их интерес к истории гуситского движения в Чехии. Формируя собственный взгляд в вопросе о необходимости церковной реформы, в «Истории» они искали информацию о чешском опыте церковных преобразований и их и ее последствиях для общества.

Resume. The first Russian translation of letter of John Colet, famous Pre-Reformation churchmen, to his church patron Christofer Urswick, is offered. The letter was sent from Rome to England in 1493 as covering letter with a print copy of Aeneus Sylvius's *Historia Bogemica*. Epistolary material gives opportunity to determine the way and date of J. Colet's educational continental trip. Cicero's understanding history as a life's teacher shows Colet's and Urswick's humanistic literary horizon and explains their interest in history of Bohemian Hussites. They try to form their own point of view in the question of clerical reform by finding information about Bohemian experience of church reformation and its consequences.

Вниманию читателей предлагается русский перевод небольшого письма английского церковного деятеля предреформационной эпохи, настоятеля собора св. Павла в Лондоне Джона Колета (1467–1519)¹. Как многие английские интеллектуалы того времени, Дж. Колет после окончания Кембриджского университета предпринял путешествие на континент для продолжения образования. Осенью 1492 г. он, будучи в Риме, вместе со своим церковным патроном Кристофером Урsvиком (1448–1522)², находившимся в итальянской столице с дипломатическим поручением короны, предпринял неудачные попытки отыскать заинтересовавшее их историческое сочинение – «Богемскую историю» (1458) Энея Сильвия Пикколомини (1405–1464). Покидая Италию, Урsvик поручил Колету продолжить поиски и приобрести для

¹ Подробнее о Дж. Колете см.: Софронова Л.В. Джон Колет. Опыт реставрации образа христианского мыслителя ренессансной эпохи. Н. Новгород, 2009. 448 с.

² Кристофер Урsvик (Christofer Urswick, Orswick, Urcewyk) – видный церковный и политический деятель при дворе первых Тюдоров, друг и духовник королевы Маргарет Бофор, дипломат, королевский раздатчик милостыни, архивариус Ордена Подвязки; держатель многих церковных бенефициев, включая влиятельнейшие должности архидиакона Ричмондского в Йоркшире, декана кафедрального собора в Йорке и декана церкви св. Георгия в Виндзоре. Подробнее см.: Trapp J.B. Christofer Urswick // Dictionary of National Biography. URL: <http://www.oxforddnb.com/view/article/28024>.

него манускрипт. Через несколько месяцев книга была найдена и отправлена в Англию с сопроводительным письмом Колета, где он излагает все обстоятельства дела и дает ей краткую характеристику.

Послание К. Урвику примечательно в силу ряда обстоятельств. Прежде всего, язык Колета лаконичен и лишен риторических достоинств³. Для биографов Колета письмо представляет собой важное свидетельство, относящееся к малоизвестному периоду его жизни – путешествию на континент (1492–1496). Маршрут его образовательного турне до сих пор неизвестен, письмо же указывает на то, что, по крайней мере, с осени 1492 г. и до апреля 1493 г. он находился в Риме, общался с соотечественниками, читал исторические сочинения⁴. Любопытным и достаточно неожиданным представляется подозрительно-пренебрежительное отношение К. Урвика к печатным книгам. Вероятно, на заре книгопечатания богатые коллекционеры-библиофилы отдавали предпочтение рукописным кодексам. Однако более значимым для нас является тот факт, что письмо позволяет историку, работающему в жанре исторической биографии, обнаружить новый ракурс исследования, касающийся феномена чтения, недавно оказавшегося в фокусе многих направлений гуманитарного знания⁵.

Анализ чтения героя позволяет нам проникнуть в мир его интеллектуальных исканий и предпочтений, выявить реакции героя-читателя на тот или иной текст, проследить его сокрытый диалог с автором читаемой книги. Таким образом, появляется дополнительные возможности для адекватного понимания человека прошлого.

Колет, высоко оценивший достоинства латинского стиля исторического нарратива Пикколомини, демонстрирует гуманистическое пристрастие к образцам истинной латинской элоквенции. Показателен также его интерес к сочинению, где важное место отведено истории гуситской ереси, осужденной Констанцским собором (1414–1418). В имеющихся биографиях Колета сей факт рассматривался как свидетельство свободомыслия, гуманистической «всеядности», смелой оппозиционности его взглядов⁶. Не будучи сторонниками данной интерпретации, укажем на тот очевидный факт, что книга не принадлежала к числу запретных изданий, ее автор – вскоре после публикации стал папой под именем Пий II (1458–1464)⁷ – стоял на официальной позиции католической церкви. Вместе с тем, большая часть текста посвящена периоду деятельности Гуса и гуситских войн. Несомненно, именно гуситское движение и создание в Чехии первой признанной Римом реформированной церкви составляли главный интерес Пикколомини-историка и Пикколомини-церковноиерарха⁸. Что привлекало в его книге английских читателей – Колета и Урвика? Полагаем, что при ответе на данный вопрос нельзя пройти мимо высказанного в письме цицероновского восприятия истории как учительницы жизни. Оба, несомненно, знали о близости взглядов чешского еретика идеям английского ересиарха Джона Виклифа и его последователей лоллардов. Присущий им прагматический подход к изучению истории подтолкнул их к чтению *Historia Bohemica*, где они могли получить информацию, важную для формирования их собственной позиции в отношении английских еретиков, религиозного инакомыслия в целом. Внимание к чешскому прецеденту реформы католической церкви с его положительными и отрицательными последствиями для чешского народа можно интерпретировать как свидетельство бытования среди английского клира идеи о необходимости церковных преобразований задолго до Реформации XVI в.

Перевод выполнен по изданию: Colet J. *Epistola ad Christofero Wreswyke. An Unpublished Letter of John Colet* / Ed. W. K. Ferguson // *The American Historical Review*. Vol. 39. 1934. P. 696-699.

³ Письма молодого Эразма, по сравнению с посланием Колета, представляют собой образцы латинской риторики. Ср.: Софронова Л.В., Хазина А.В. Ренессансный ученый в интеллектуальных и социальных практиках (по переписке Джона Колета и Эразма 1512-1513 годов) // *Интеллигенция и мир*. 2014. № 3. С. 105-122.

⁴ См.: Софронова Л.В. «Клирик из Лондонской епархии». К проблеме идентификации христианского мыслителя английского Возрождения // *Диалог со временем*. Выпуск 38. М., 2012. С. 174-176.

⁵ История чтения в западном мире от Античности до наших дней / Ред.-сост. Г. Кавалло, Р. Шартье; пер. с фр. М.А. Руновой, Н.Н. Зубкова, Т.А. Недашковской. М., 2008. 544 с.

⁶ Gleason J.B. *John Colet*. Berkeley: University of California Press, 1989. P. 53.

⁷ Montecalvo R. *Aeneas Silvius Piccolomini on Austria and Bohemia // Pius II, "el Più Expeditivo Pontifice": Selected Studies on Aeneas Silvius Piccolomini (1405-1464)* / Ed. Z. R. von Martels, A.J. Vanderjagt. Leiden, 2003. P. 55–86.

⁸ В действительности, «Богемская история», вызвавшая общеевропейский интерес к гуситскому движению, долгое время воспринималась как стандартное исследование по истории богемской ереси: *Fudge Th.A. Seduced by the Theologians: Aeneas Sylvius and the Hussite Heretics // Heresy in Transition: Transforming Ideas of Heresy in Medieval and Early Modern Europe* / Ed. J.Ch. Laursen, C.J. Nederman, I. Hunter. Ashgate, 2005. P. 90.

***Досточтимого во Христе отца и господина моего,
господина Кристофера Урвика, архидиакона Ричмондского
и великого королевского раздатчика милостыни⁹,
твой Иоанн Колет почтеннейше приветствует!***

Я наконец-то послал тебе, славнейший муж и высокочтимый отец Кристофер, «Богемскую историю»¹⁰, но не рукопись, как ты, покидая Рим, приказывал, а изготовленную печатным способом. Поскольку манускрипта не было, в то время как печатный кодекс нашелся. Хотя, возможно, даже не стоило посылать тебе печатную книгу. Ибо, как я полагаю, это книгопечатание такие книги, ту же самую «Историю», туда к вам в Англию и доставит. В этот наш век разве есть какая-либо из книг где-то, которой не было бы повсюду?

Однако я, памятуя о своих обязанностях и своем долге перед тобой, хотел выполнить то, что обещал, и послать тебе эту «Историю», которую, насколько я знаю, ты страстно желал приобрести, как весьма полезную благодаря значимости описываемых событий, а также очень занимательную из-за их разнообразия.

К этому следует добавить весьма старинный слог автора, рассказывающего обо всем кратко и понятно, так что, читая, от самого способа описания удовольствие получишь не меньшее, нежели от описываемого.

Итак, прочти эту книгу, дорогой отец, дабы по своему мудрейшему обычаю, насладиться историей, которая, как говорил Марк Цицерон, является учительницей жизни¹¹, и, по словам Варрона, служительницей радости¹². И впоследствии, если здесь в мои руки попадут какие-либо книги, которые, насколько я могу судить, будут полезны для твоих занятий и проповеди, но там у вас не могут быть найдены, я позабочусь, чтобы ты их имел.

Будь здоров, любезнейший и мудрейший отец Кристофер, истинное утешение людей и великое украшение нашего королевства.

Апрельские календы 1493 г.

⁹ Придворную должность великого королевского раздатчика милостыни, как правило, занимал представитель епископата, распределявший королевскую милостыню в Чистый четверг.

¹⁰ Вероятно, это был экземпляр первого печатного издания (Рим, 1475 г.)

¹¹ Cicero. De oratore. II. 9. 36.

¹² Колет ошибочно приписывает эту сентенцию Варрону. Подобное восприятие истории было не характерно для античности.

УДК 9. 930

**О РОЛИ СУФИЗМА В НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЕ
НАРОДОВ ДАГЕСТАНА В XIX в.****ON THE ROLE OF SUFISM IN THE NATIONAL LIBERATION STRUGGLE
OF THE PEOPLE OF THE DAGESTAN IN XIX CENTRY****М.А. Курбанов****M.A. Kurbanov**

Институт Истории, Археологии и Этнографии Дагестанского Научного Центра РАН
367030 Республика Дагестан, г. Махачкала ул. Ярагского, д. 75

Institute of history, archaeology and Ethnography of the Dagestan scientific center of the Russian Academy of Sciences.
367030 Respublic of Dagestan, Makhachkala, Yaragsky Str., 75

E-mail: tlisi@bk.ru

Ключевые слова: ислам, суфизм, Дагестан, освободительное движение, горцы, тарикат, накшбандия.
Key words: Islam, Sufism, Dagestan, liberation movement, the highlanders, tariqat, Naqshbandi

Аннотация. Основное содержание данной статьи посвящено анализу роли религиозно-мистического учения в исламе - суфизма - в народно освободительной борьбе народов Северо - Восточного Кавказа в XIX в., преимущественно в первой половине этого столетия. Делается попытка оценить общее место суфизма в идеологической парадигме сознания народов Дагестана. Автором подробно рассматриваются основные положения суфизма, его сущность и отношение к существовавшему на тот исторический момент государственному устройству Дагестана (феодальные ханства и «вольные общества»). Делается ряд новых наблюдений и выводов.

Resume. The article is devoted to the role of the religious - mystical teachings in Islam Sufism in the national liberation struggle of the peoples of the North - Eastern Caucasus in XIX century. Attempts to evaluate the place of Sufism in the ideological paradigm of consciousness of the peoples of Dagestan. Is considered in Detail the main provisions of Sufism, his nature and relation to existing at that historical moment of the state structure of Dagestan.

Северный Кавказ с середины I тысячелетия н.э. является контактной зоной мировых религий: христианства, ислама, иудаизма, различных религиозных сект. Большую роль не только в религиозной, но и общественно-политической жизни дагестанских мусульман играл и продолжает играть суфизм – религиозно-мистическое учение ислама. Изучение ислама имеет не только академическое, но и общественно-политическое значение, что обусловлено непосредственным соседством Дагестана с мусульманскими странами и наличием в России определенной части населения, исторически связанной с мусульманским историко-культурным ареалом.

В VII в. на Аравийском полуострове был завершен процесс объединения мелких союзов арабских племен в единое централизованное государство. Развитие племен по пути политического объединения Аравии сопровождалось возникновением новой монотеистической религии – ислама, заменившего постепенно языческие культы земледельческих и скотоводческих племен. Несмотря на сопротивление, которое ислам встретил во многих местах на пути признания и распространения, новая религия в силу своего строгого монотеизма и проповеди братства всех мусульман, выросла в огромную политическую силу, способствовавшую централизации власти и объединению Аравии¹. Родина ислама – западная часть Аравийского полуострова, а именно города Мекка и Медина. Новая религия становится идеологией феодального государства, т. е. Арабского Халифата, социальный строй которого претерпел в течение VII–X вв. большие изменения².

¹ Большаков О.Г. История Халифата. Т. 1-4. М., 1988-1010.

² Мавлютов Р. Р. Ислам. М., 1960. С. 3.

При первых трех халифах — Абу Бакре, Омаре, Османе, т. е. в 632—656 гг., арабские войска нанесли сокрушительные удары Византии и Ирану, захватили Сирию, Палестину, Ирак, Хорасан, Закавказье, часть Северной Африки. Сасанидский Иран перестал существовать. Успехи арабского оружия были огромны, что давало повод причислить завоевательные походы к выдающимся военным деяниям мировой истории. Арабские завоевания сыграли огромную роль в судьбах многих стран на обширных территориях Передней и Средней Азии, Средиземноморья³. Военные успехи арабских войск объясняются теми социально-экономическими и военно-политическими условиями, которые сложились к тому времени в Византийской империи и Сасанидском Иране. Немаловажную роль играло также то обстоятельство, что завоеватели не навязывали ислам силой в захваченных местах, вместе с тем стимулируя принятие ислама особым положением, согласно которому принявший новую религию освобождается от подушной подати и уравнивался в правах с мусульманами.

Территория Кавказа, в том числе и Дагестана, имела для арабов важное стратегическое, экономическое и политическое значение. Это был важный стратегический участок, ограждающий Закавказье от хазарских набегов. Территория Восточного Кавказа имела важное экономическое значение. По ней проходил путь, соединявший Восточную Европу со странами Передней и Средней Азии. Усилившиеся связи Поволжья, Дона, Восточной Европы со Средней Азией и ближневосточными странами диктовали необходимость укрепиться в бассейне Каспийского моря, овладеть, в частности, торговым путем, проходившим вдоль западных берегов Каспийского моря. В середине VII в. арабские отряды по каспийскому побережью двинулись к дагестанскому городу Дербенту, позже получившему от арабов название «Баб ал-Абваб» - «Ворота ворот»⁴. После длительной осады арабы завоевали Дербент, тем самым, обеспечив себе безопасность с севера. В районе Дербента проходила в середине VII в. северная граница Халифата, и охране этого района придавалось большое значение⁵.

Появление ислама и, как следствие, культурно-экономические связи привели к проникновению в Дагестан арабо-язычной (арабо-мусульманской) культуры, в том числе духовной культуры, исламской литературы, которые в дальнейшем определили пути развития народов Дагестана.⁶

На протяжении многих веков ислам является составной частью истории Дагестана, одним из определяющих элементов материальной и духовной культуры многих дагестанских народов. История Дагестана богата примерами того, как народы на основе мусульманской солидарности объединялись для отпора внешним врагам, решали сложнейшие проблемы внутреннего развития. Ярким свидетельством дагестанской солидарности явилась национально-освободительная борьба горцев под руководством имама Шамиля. Успехи мюридизма в Дагестане можно объяснить рядом причин. Важное место занимает исламский фактор. Горцы, объявив газават колониальным властям, проявили исключительный героизм, вели справедливую войну. Цементирующим звеном в этой борьбе выступал ислам⁷.

Отдельного упоминания заслуживает основатель и крупнейший идеолог накшбандийского тариката в Дагестане Мухаммед-Эфенди, сын Молла-Исмаила из селения Яраг Кюринского округа. Основам тариката он учился у шейхов Исмаила Кюрдамирского и Хас-Магомеда Ширванского. Последний благословил Мухаммеда Эфенди на получение сана тарикатского шейха-мюршида. Мухаммед-Эфенди «был весьма глубоким ученым, и у него много произведений, причем в арабском стихосложении. Главный труд, принадлежащий перу Мухаммада-Эфенди аль-Яраги, «Асар аль-Яраги», написан почти целиком на арабском языке в виде стихов. Мухаммад-Эфенди в этом труде писал и о том, что изучение религиозных наук должно сопровождаться изучением математики и наук о природе как имеющих большое значение для поднятия научного уровня народа.

Мухаммед аль-Яраги был не только выдающимся религиозным деятелем Восточного Кавказа, но и крупным ученым носителем идей добра, справедливости, чести, равенства народов и людей. Поэтому такие личности, как Мухаммад аль-Яраги любимы в народе, им верили, за ними шли⁸.

³ Ханбабаев К. Ислам в Дагестане // Блокнот агитатора и политинформатора, 1987. №9. С. 26.

⁴ См. Кудрявцев А.А. Древний Дербент. М., 1982.

⁵ Вагабов М. В. Ислам в истории Дагестана // Дагестанская правда. 1992. 18 июля.

⁶ Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII—XV вв.). Махачкала, 1969. С.216.

⁷ Вагабов М.В. Ислам в истории Дагестана // Дагестанская правда. 1992. 18 июля.

⁸ Абдурагимов Г. Аш-шейх ал-муршид Мухаммад Эфенди ал-Яраги // Мусульманская цивилизация. №1. Махачкала, 1994. С. 63.

Большую роль в разработке и распространении тарикатской идеологии в Дагестане и Чечне в XIX в. наравне с шейхом М. Ярагским, сыграл и Джамалуддин Казикумухский, объявленный его преемником.

Продолжительная борьба горцев в 20–50-е годы XIX в. выдвинула на первый план суфизм. Этому способствовала сама специфика накшбандийского тариката, который, отвергая аскетизм, считает обязательным установление контактов с властями. Мухаммад-Эфенди ал-Яраги стал идейным вдохновителем народно-освободительной борьбы горцев в XIX в.⁹

Общепринятой является точка зрения, высказанная еще средневековыми мусульманскими авторами, согласно которой суфизм – производное от слова суф – «шерсть», поскольку грубое шерстяное одеяние издавна считалось обычным атрибутом аскета-отшельника, «божьего человека», мистика. Вероятно, еще до ислама суфиями в Сирии и Северной Аравии называли странствующих христианских монахов и анахоретов, принадлежащих к различным сектам.

Начало формирования суфийских идей, традиций относят ко времени Пророка Мухаммеда. Характерными чертами суфиев были богословские размышления, строгое следование кораническим предписанием и Сунне, многократные дополнительные молитвы и посты, отрешение от всего мирского, культ бедности, благочестие в повседневной жизни, отказ от сотрудничества со светскими властями, удовлетворенность своей земной долей, стойкое перенесение лишений жизни и т.д. Суфийским учениям изначально присущи глубокий анализ человеческой души, внимание к личному переживанию и внутреннему осознанию религиозных истин.

В X веке суфийское учение о "тарикате" приобретает законченную форму, появляются положения о "стоянках" на мистическом пути, о тройной градации "истинного знания", завершающейся слиянием познающего и познаваемого (бога). Складывается организация суфийских "орденов", или сект, объединённых цепочками старцев, передающих посвящение от основателя. Создаются своеобразные суфийские обители типа монастырей (ханаках). Суфизм как мистический путь, ведущий к Богу, состоит из нескольких стадий «духовного совершенства» (макамат). В разных разветвлениях суфизма количество этих ступеней разное: три, четыре, семь, девять, двенадцать и т.д.

Первая ступень – шариат (закон), требующий точного и ревностного выполнения всех предписаний ислама и мусульманского богословия. Эта стадия является как бы подготовительной к вступлению на путь суфизма, стадией испытания.

Вторая ступень – тарика (мистический путь) – означает, что человек вступает на путь истины, который должен привести суфия к слиянию с божеством.

Третья стадия – маарифат (познание), когда суфий познает сердцем единство Вселенной в Боге (пантеизм), призрачность и бренность материального мира, равенство всех религий (все религии – лучи одного солнца), равенство добра и зла. Достигший третьей стадии суфий называется «арифом» (знающий, познавший).

Четвертая ступень – хакикат (истина) – является завершающей: суфий достигает полной истины, т. е. «соединяется» с божеством, находится в непосредственном общении с ним, созерцает его и полностью растворяется в нем (фана). Растворившись в бытии бога, суфий, наконец, познает самого себя и божественную истину.

В суфизме широко практикуется обрядовый ритуал зикр (упоминание, память) – поминание как прославление имени бога. Зикр основан на многократном повторении суфиями определенных формул.

Следует отметить, что социальную базу раннего суфизма составляли в основном горожане: мелкие торговцы, ремесленники и т.д. Люди с богословским образованием среди них встречались нечасто и, как правило, выступали теоретиками «суфийской науки». Теории и практике суфизма мюрид обучается под руководством духовного наставника – мюршида, шейха, устаза.

Важнейшим условием при этом является требование полного подчинения мюрида своему шейху, признание его авторитета во всех религиозных и светских вопросах. Мюриды приписывают своим духовным наставникам «непогрешимость», способность к сверхъестественным деяниям (карамат) – способность отгадывания мыслей на расстоянии, телепатии, телепортации и др.

⁹ Курбанов М. А. Суфизм в Дагестане: история и современность // Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия: материалы III международной научно-практической конференции; 1–2 ноября 2013 г. Прага, 2013. С. 27–28.

Передача суфийского знания и бараката (благодати) от шейха к мюриду осуществляется в процессе длительного обучения. Шейха с последователями связывают отношения «наставник - ученик» («мюршид – мюрид»), означающие веру в его обладание истиной в последней инстанции и беспрекословное подчинение. Кроме заместителей, у шейха есть и простые ученики. Ученики находятся постоянно при шейхе, постепенно продвигаясь в изучении тариката. Они исполняют всевозможные «уроки» личного и коллективного характера, шейх постоянно контролирует их состояние и определяет степень приближения к истине.

Достижение высоких степеней могут получить задание, связанное с нищенством и странничеством, известное как «дервишество». В случае если дервиш является халифой, он может заниматься миссионерством. Так создаются ячейки тариката в ранее неохваченных регионах. Странствующие дервиши, ведущие аскетическую жизнь, что считается самым эффективным способом достижения святости, пользуются особым уважением не только населения, но и учеников, живущих оседло.

Суфийский центр, где живет шейх, и где могут находиться могилы или реликвии, связанные с его предшественниками (реальными и предполагаемыми), может представлять собой огромный комплекс с мавзолеем (мавзолеями), мечетью, учебными и хозяйственными помещениями, жильем шейха, его семьи и учеников, а может быть маленьким помещением для медитации.

Структура групп отдельных шейхов может и вообще не иметь территориальной привязки, а путешествовать вместе с самим шейхом. Курс обучения у шейха может ограничиваться только мистикой тариката, а может включать и фикх (шариатское право), изучение Корана, светские науки. В Средние века суфизм был самым крупным и влиятельным философско-теософским течением на Ближнем Востоке, вобравшим в себя элементы религиозного сознания, литературной мысли, истории, философии, логики, софистики, психологии, космогонии, биологии, мифологии и других сфер творческого и научного мышления.

Накшбандия — суфийское братство (тарикат), получившее это название в конце XIV века по имени Мухаммада Бахауддина Накшбанди аль-Бухари (ум. в 1389 г.). Бахауддин Накшбанди возродил и дополнил рядом положений теории и практики, заимствованных у тариката Ясавия, мистическое учение Абдул-Халика аль-Гидждувани, а также заложил основы организационной структуры братства. Цепь духовной преемственности таркиата (силсила) восходит как к Абу Бакру ас-Сиддику, так и к Али ибн Абу Талибу. Тарикат не имеет единого центра. Члены ордена носят колпаки преимущественно белого цвета.

Осмелюсь провести осторожную аналогию суфийских орденов с масонством - в них есть много общего, как в организационном, так и в духовном плане, в частности, самосовершенствование членов ордена, иерархия внутри масонства и т.д. и, возможно, основатели масонства брали пример именно с суфийских орденов, ибо последние появились намного раньше обществ вольных каменщиков, но, конечно, масонская ложа это более законспирированная и элитарная в отличие от суфийских орденов организация. Да и цели у них конечно разные, но все и не должно быть под копирку, иначе масонов не называли бы масонами, а называли суфиями. Возможно, эта тема заслуживает отдельного изучения.

Начиная с 1770-х гг. Дагестан, как и другие области Северного Кавказа, служил объектом непрерывных российских завоеваний. Продвижение Российской империи в регион подрывало традиционный образ жизни горцев. На территориях, попавших под власть России, как и на еще не захваченных империей землях, политические, экономические и социальные институты местного мусульманского общества испытывали серьезный кризис.

Царизм развивал энергичное наступление в горных районах Кавказа. Ему противостояли в основном две группы горского населения: во-первых - крестьянство, страдавшее от гнета многочисленных поборов, повинностей и жестоких методов ведения войны, и, во-вторых - духовенство, недовольное тем, что его привилегии ущемлялись русским командованием и чиновничеством. Духовенство старалось целиком направить недовольство крестьян в определенное русло «газавата» («священной войны») против русских «гяуров» («неверных») под знаменем религиозно-политического учения - мюридизма. Главным в мюридизме была идея истребления «гяуров» и «равенство правоверных перед богом». В 1816 г. командиром Отдельного Грузинского (с 1820 г. - Кавказского) корпуса и управляющим гражданской частью в Грузии, Астраханской и Кавказской губерниях (фактически наместником) был назначен генерал А. П. Ермолов.

Надежды его предшественников на "дипломатическое" разрешение частых конфликтов на территории Северного Кавказа (набеги, похищения офицеров ради получения выкупа, угон гражданского населения для продажи в рабство) не оправдывались. Выяснялось, что

местные владетели не обладают достаточной властью, авторитетом, а зачастую и желанием, препятствовать обычным для того времени ремеслам горцев. Многие вообще относились к жалованью русского царя скорее как к дани. К 1817 г. Ермолов принял решение перейти к активным действиям по установлению жесткого контроля над ситуацией на Северном Кавказе. Фактически он стал действовать по тому же "праву сильного", которое, как ему казалось, признают в Азии наиболее авторитетным. Из представителя европейского государства Ермолов все больше становился восточным правителем с большой военной дружиной.

Что касается политики, то здесь все местные владельцы, - даже если поначалу они и были расположены к русским, - скоро поняли, что российское владычество будет гораздо более стеснительным для них, чем традиционная система власти, действовавшая в регионе прежде. Правители, открыто выступавшие против России, были изгнаны, те же из них, кто принял русские условия, в конце концов, лишились большей части своей власти и земель, перешедших к русским. При таких условиях в Дагестане восторжествовал принцип «после нас хоть потоп!».

По слабости характера, из отчаяния или иным причинам горские правители предавались пьянству, азартным играм, а порой и разврату. Им нужны были средства. Для этого, а порой желая просто наполнить карманы, до того как их выгонят русские, владельцы обременяли своих подданных все новыми налогами. Чувствуя, что их власть висит на волоске, они вынуждены были прибегать к насилию.

Такие правители казались подданным все более несправедными и незаконными. Тот факт, что они были назначены русскими вопреки местным обычаям и традициям, в целом, лишал их власть легитимности. К тому же нарушение ими установлений, как обычного права, так и шариата, выглядело чистой воды тиранией. Недовольство правителями обострялось из-за их частых насилий над населением и растущего экономического гнета, ответственность за который опять-таки возлагалась на местных мусульманских владельцев¹⁰.

Ермолов принял твердое решение жестоко наказывать не только "разбойников" и тех горцев, которые их покрывают, но и тех, кто не ведет с ними борьбу. Ермолов начал военно-экономическую блокаду Северного Кавказа, выселяя "немирных" горцев с плодородных равнин, прорубая сквозь дремучие чеченские леса просеки, позволявшие свободно перемещаться войскам, и продвигая пограничную линию вглубь территорий горцев. Именно перенесение пограничной линии от станицы Червленной к самым подножиям гор, к реке Сунжа, с основанием там крепости Грозная, а также разрешение преследовать совершающих набеги черкесов за пограничную реку Кубань (1818) считается началом почти полувековой Большой Кавказской войны. На протяжении 1818-1820 и 1825-1826 годов Ермолову пришлось лично возглавлять "умиротворение" горских правителей - подданных России, поднявших ряд восстаний в Чечне и Дагестане.

Активная и жесткая политика Ермолова вызвала подъем религиозного движения, особенно на Северо-Восточном Кавказе. Те религиозные деятели, которые призывали к вооруженной борьбе за установление шариата и отказ от власти "неверных" и признавших ее местных правителей, стали получать все большую поддержку в народе. Возникло религиозное движение, позже получившее название "мюридизм". После своего избрания в 1834 г. Шамиль приступил к собиранию разрозненных сил горцев Дагестана для борьбы с наступавшим русским царизмом.

Имам Шамиль повел упорную борьбу за организацию мюридистских отрядов. Ему приходилось по несколько раз воздействовать на одни и те же «вольные общества» Дагестана, чтобы вовлечь их в борьбу против агрессии русского царизма. 24 августа 1839 г., после вынужденного ухода из своей первоначальной резиденции в Ахульго, Шамиль отправился в Чечню. Он был вынужден уйти из Ахульго под напором крупных царских отрядов, которыми командовал генерал Граббе. После многочисленных ожесточенных схваток с войсками генерала Граббе Шамиль вынужден был сдать Ахульго, оставить русским в качестве заложника своего сына Джамалудина и отступить в горные районы Чечни. Чеченцы, которые к этому времени уже испытали на себе тяжелый гнет русского царизма, стали стекаться к нему со всех сторон. Шамилю не стоило больше усилий подчинить их своему влиянию. Умный и смелый правитель, Шамиль сравнительно быстро завоевал авторитет среди значительной части горского населения Чечни.

¹⁰ Гаммер М. Проникновение братства Накшбандия и Кадирия в Дагестан // Дагестан и мусульманский Восток. Сборник статей. М., 2010. С. 96-98.

Шамиль обладал «обширным умом и предприимчивостью». Он проявлял огромную инициативу в организации мюридистского движения, в военном и общественном устройстве своего государства. Это был смелый, талантливый полководец и правитель горцев. Почти все без исключения современники Шамиля отмечают его недюжинные способности в военном и административном деле.

Надо сказать, что и Шамиль, и Кази-Мухаммад были последователями учения тариаката (суфийского ордена) накшбенди, и что идеологией национально-освободительной борьбы в Дагестане было суфийское учение. И эта сплоченность и у вождей, и у народа основывалась не только на борьбе за свободу, а также, что имеет большое значение, на религиозной догме. Следует отметить, что на протяжении многих столетий существования суфизма различные стороны его учений и его организационные формы использовались разными классовыми группировками. Суфии участвовали в "войнах против неверных" (джихад), в народных восстаниях сербедаров, создали военные формирования, приведшие к власти династию Сефевидов в Иране. Суфиями также считались и мюриды Имама Шамиля в XIX в.

Религиозная окраска движения, провозглашение борьбы за чистоту ислама не могли не отразиться и на проблеме взаимоотношения адата с шариатом. В противоположность узко местным адатам, обязательные нормы шариата могли сыграть и сыграли немалую роль в объединении крестьянства разных горских обществ. И религиозность этого народно-освободительного движения имела также большие основания. Для того, чтобы это понять, нужно, прежде всего, оценить уровень развития народов Северо-Восточного Кавказа. Дагестан распадался на множество мелких феодальных ханств и, на еще большее количество «вольных» обществ. В Чечне почти каждый аул жил самостоятельной жизнью. Идей национального и государственного единения у горцев Северо-Восточного Кавказа не было. Объединял большинство этих аулов, обществ и ханств, разделенных горами именно Ислам. Дагестанские крестьяне не выступили бы против царских крепостей на Сунже, они были далеки от гор Дагестана, да и чеченцы не вмешивались в борьбу крестьян Дагестана. Но лозунг газавата, лозунг войны с неверными, пытающимися уничтожить или исказить религию, мог заменить недостающую идею национального единства. И с этой точки зрения, он помог организации единого мощного крестьянского выступления¹¹. Идеология борцов за «возрождение мусульманства» выразилась в учении тариаката, «пути к истинному богу».

Как правило, борьба мусульманских народов в XIX и начале XX в. против капиталистического, а затем и империалистического порабощения протекала именно в религиозной форме. Большинство религиозных движений в исламе XIX в. было связано с идеологией непримиримого вооруженного сопротивления народных масс поработавшим их силам. В этом плане схожи с национально-освободительной борьбой народов Северо-Восточного Кавказа и другие восстания, имевшие место быть во всем арабо-мусульманском мире в XIX в.

Например, в 40-х годах XIX в. возникло движение сенуситов. Во главе его стоял религиозный орден Сенусия, основанный еще в 30-х годах XIX в. в Мекке алжирцем Мухаммедом ибн Али ас-Сенуси. После того как выяснилось отрицательное отношение мекканского духовенства к деятельности ордена, его резиденция была перенесена в Киренаику. Там Сенуси развил активную деятельность по вербовке членов ордена и по строительству военно-экономических баз - завий в труднодоступных местностях.

В религиозно-догматическом отношении сенуситством пропагандировалась нравственность, аскетическая жизнь, запрещалось употребление не только вина, но и кофе, табака, шелковых одежд, требовалось неукоснительное соблюдение всех требований Корана, Сунны и шариата. Но в качестве главного лозунга вероучения сенуситы выдвинули джихад (в Дагестане – газават). В течение первых десятилетий существования сенуситства этот лозунг был направлен против проникновения турок вглубь страны, которое встречало ожесточенное сопротивление со стороны туземных племен. Джихад в отношении противника, исповедующего ислам, должен был обосновываться тем, что тот отступил от чистоты веры, нарушает ее предписания, ведет безнравственный образ жизни. Именно такие обвинения и были выдвинуты против турок (в Дагестане же - против местных феодалов, поработавших население и скомпрометировавших себя сотрудничеством с царскими властями).

Движение махдизма подчеркивало свою неразрывную связь с исламом и свою преданность «чистому», первоначальному исламу. Оно провозгласило и вело священную войну, как с европейскими колонизаторами, так и с турецко-египетскими единоверцами, которые, с его точки зрения, предали идеалы мусульманской веры и стали лжемусульманами. Социаль-

¹¹ Покровский Н.И. Кавказская война и Имамат Шамиля. М., 2000. С. 149-150.

но-экономическим содержанием движения была борьба, прежде всего против европейского капитала, стремившегося овладеть страной, против развития в ней буржуазных отношений. Объективно это означало тенденцию к консервации условий феодального строя. Народные массы не имели никаких оснований бороться за сохранение феодализма. Но их стремления были достаточно аморфны, поэтому неопределенный лозунг о возвращении к святым порядкам первоначального ислама давал для этих стремлений соответствующую им гибкую религиозную форму.

Возглавлял движение суданский дервиш Мухаммед Ахмед. В 1871 г. он обосновался на нильском острове Абба, откуда рассылал странствующих дервишей по всей стране. Основным мотивом пропаганды были выступления против порчи нравов и роскоши, в которой живут богатые феодалы, работоторговцы, купцы и промышленники. В этих грехах обличались не только европейские колонизаторы, но и турецкие и египетские «лжемусульмане», отступившие от Корана и его установлений. Эмиссары нового пророка призывали в порядке реконструкции раннего ислама отобрать земли у феодалов, произвести уравнительный передел всех движимых и недвижимых имуществ, отказаться от внесения налогов, свергнуть турецко-египетское господство, изгнать из страны европейских колонизаторов.

Далеко не все выдвинутые требования соответствовали установлениям Корана и порядкам раннего ислама, но для народных масс, не искушенных в богословских тонкостях и мало знакомых с историей своей религии, было достаточно апелляции к авторитету пророка и Корана. Сама же социальная программа, выдвинутая проповедниками нового учения, была с энтузиазмом встречена крестьянами и рабами, скотоводами и ремесленниками. Местные феодалы и работоторговцы были вынуждены вести гибкую политику, используя, с одной стороны, те мотивы движения, которые были направлены против иноземных конкурентов, но по возможности, с другой стороны, избегая неприятностей, связанных с реализацией требования передела имуществ. В целом, пропаганда нового учения была успешна, и к его вождю стекались массы приверженцев, готовых вести священную войну за провозглашенные им социальные и религиозные лозунги.

Таким образом, дело отнюдь не сводилось к одним религиозно-идеологическим явлениям. В основе последних лежали те социально-экономические и политические процессы, которые были связаны с распространением капиталистических отношений. Наложение одних причин на другие и вызвало то значительное движение на Северном Кавказе, известное под названием Кавказской войны. Лозунг священной войны являлся поводом и идеологическим обоснованием для сопротивления. Официальная же царская история толковала всю борьбу горских масс за независимость как результат фанатической агитации отдельных представителей мусульманского духовенства.

Однако, именно эта «религиозная агитация» ряда «мулл-фанатиков» и вызвала тот громадный взрыв, который на целые 49 лет приковал к Чечне и Дагестану значительные силы царской армии и не один раз ставил под вопрос успешность предпринятого покорения Северо-Восточного Кавказа.

В XIX в. накшбандийский суфизм на Кавказе сам олицетворял собой политический ислам, выступая в качестве знамени сопротивления местных горцев против кардинальных преобразований, наступивших в местных обществах с включением Дагестана и других областей региона в состав Российской империи.

УДК 94(620)"1882/1914"

**ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ВОКРУГ СТАТУСА БРИТАНСКИХ ВОЙСК
В ЕГИПТЕ В ПЕРИОД «ЗАВУАЛИРОВАННОГО ПРОТЕКТОРАТА»
(1882-1914)**

**THE DIPLOMATIC STRUGGLE OVER THE STATUS OF THE BRITISH TROOPS
IN EGYPT DURING THE "VEILED PROTECTORATE" (1882-1914)**

А.Х. Хизриев

A. Khizriyev

*Дагестанский государственный университет,
Россия, 367000, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 43а*

*Daghestan State University,
M. Gajiyev St. 43a, Makhachkala, 367000, Pеспублик of Dagestan, Russia*

E-mail: escalax@mail.ru

Ключевые слова: британская оккупация, британское правительство, «завуалированный протекторат», статус британских войск, Суэцкий канал, генеральное консульство в Каире, Константинопольская конвенция, Первая мировая война.

Key words: British occupation, the British government, "veiled protectorate", status of British troops, the Suez Canal, the Consulate General in Cairo, Constantinople Convention, World War I.

Аннотация. Статья охватывает вопросы определения статуса британских оккупационных войск в Египте с 1882 до 1914 гг. и дипломатическую борьбу великих европейских держав того времени вокруг этой проблемы. Вся эта проблема детально описывается в ее развитии с момента установления системы «завуалированного протектората», призванной скрыть истинные цели правительства Англии в этом регионе, до официального утверждения статуса протектората Британской империи. Делаются попытки найти побудительные мотивы и методы управления британского внешнеполитического ведомства в этой непростой ситуации с учетом противодействия таких держав как Россия и Франция. При этом приводятся данные из архивов британского министерства иностранных дел, подтверждающие все приведенные факты. Дополняют картину также свидетельства современников тех событий – лорда Кромера и Милнера – представителей оккупационных властей, издавших свои мемуары.

Resume. The article covers the definition of the status of the British troops in Egypt from 1882 to 1914 and diplomatic struggle of the great European powers of that time over this problem. This whole problem is described in detail in its development since the establishment of the "veiled protectorate" designed to hide the true purpose of the British Government in the region, to the formal approval of the Protectorate status of the British Empire. It attempts to find the motives and methods of management of the British Foreign Office in this difficult situation considering counter of such powers as Russia and France. Herewith it provides data from the archives of the British Foreign Office, confirming all these facts. The evidences of the contemporaries of those events - Lord Milner and Cromer who were representatives of the occupation authorities and published their memoirs, complete the picture.

Как известно, итогом британской оккупации Египта в сентябре 1882 г. стало подавление национально-освободительного движения во главе с полковником Ораби-пашой и превращение страны в фактический протекторат Англии. При этом определение юридического статуса пребывания британских войск в стране было отложено на будущее. Созванная до этого, в период с 23 июня по 14 августа 1882 г., Константинопольская конференция, призванная разрешить Египетский кризис, закончилась дипломатической победой Лондона, так как продолжение ее становилось бессмысленным вследствие свершившегося факта.

К сфере международной компетенции британцы отнесли лишь вопросы об иностранных займах Египта, порядок налогообложения иностранцев, вопросы о смешанных судах и о режиме судоходства по Суэцкому каналу. Преобразования в Египте были названы Велико-

британией «планом реформ» и отражены в ноте Форин-офиса европейским державам и Турции от 3 января 1883 г.¹

Что касается попыток России связать своих партнеров по Союзу трех императоров (Германию и Австро-Венгрию) обязательством совместно отстаивать свое право участвовать в урегулировании египетского вопроса, то они не увенчались успехом. Ни программа-минимум российской дипломатии (сохранение статус-кво Египта как политической автономии в рамках Османской империи), ни программа-максимум (создание эффективного контроля над Египтом с участием всех европейских держав), так и не были реализованы. Не увенчались успехом и призывы России к османскому султану вмешаться и потребовать рассмотрения египетского вопроса всем «Европейским концертом». Остальные же державы поддерживали действия Англии; лишь Франция внесла оговорку, в которой выражалось недовольство упразднением двойственного контроля Великобритании и Франции в Египте.

По итогам Конференции было принято решение побудить Турцию послать войска в Египет для подавления национально-освободительного движения. При этом была сделана оговорка, согласно которой западные державы оставляли за собой свободу действий в случае возникновения «непредвиденных обстоятельств»². В ходе конференции также произошло важнейшее событие, которое окончательно определило раскол между Россией, с одной стороны, и Тройственным союзом и англо-французским блоком, с другой. 11 июля 1882 г. подверглась бомбардировке Александрия. Бомбардировка продолжалась 10 часов, а через два дня произошла высадка британских матросов.

Даже с точки зрения международного права XIX века подобная акция виделась незаконной. Россия послала своим делегатам приказ немедленно оставить конференцию, заявив, что «Его Императорское Величество согласен принимать участие в конференции, доколе ее решения будут приниматься самостоятельно, но не желает просто соглашаться с свершившимися фактами»³. Другие же державы вполне одобрили действия Лондона. Существовавшее положение дел их вполне устраивало. Им было выгодно не брать на себя ответственности за те действия, которые могли бы совершить британцы. К тому же за «Европейским концертом» всегда оставалось бы право обуздать Англию, когда понадобится.

Однако неучастие России в конференции тоже было невыгодно ее участникам. Ведь в случае хотя бы формального присутствия царских представителей в Константинополе, создавалась какая-то иллюзия международного консенсуса; в случае же отсутствия российских делегатов, Петербург не считал бы себя связанным решениями конференции. Не стоило забывать и о Суэцкой проблеме, которую опять же желательно было решать при участии России.

Учитывая подобные факторы, германская сторона внесла предложение о создании международной морской полиции для охраны Суэцкого канала. Помимо этого, страны Тройственного союза заявили о намерении добиваться принятия конференцией заключительной декларации (о международном договоре, имеющем обязательную силу для всех участников, речь не шла). Державы рассматривали данную декларацию как гарантию против попыток Англии осуществлять какие-либо изменения статус-кво Египта без согласия «Европейского концерта». В ответ британское правительство заверило участников, что только после окончания войны с ватанистами в Египте, оно обратится к другим державам за содействием в урегулировании египетского вопроса. Однако в результате противодействия Великобритании и Тройственного союза, резолюция 14 августа о коллективной охране Суэцкого канала оказалась всего лишь листом бумаги, а переговоры о заключительной декларации так ни к чему и не привели.

Россию, покинувшую Константинопольскую конференцию, заманили туда вновь, но она так и не получила того, что хотела. Это было серьезное поражение петербургской дипломатии, – тем более заметное, что ему предшествовал Берлинский конгресс, созванный по итогам русско-турецкой войны 1877-1878 гг.⁴ Важно, однако, отметить, что по информации британского военного атташе, интересы Петербурга в Египте по сравнению с другими европейскими державами были на самом деле не столь значительны, и египетский вопрос интересовал российские власти только в контексте международной дипломатии, в частности, в том, что имело отношение к Османской империи⁵.

¹ Беккин Р.И. Дипломатическая борьба вокруг Египта и участие в ней России (в период с 1881 по 1896 г.) // New Africa.ru. – 4 ноября 2006 г. URL: http://newafrica.ru/digest/egypt_russia_history.htm.

² Там же.

³ Egypt (Blue Book). London, 1882. № 17. P. 259-260. Цит. по: Ротштейн Ф.А. Захват и закабаление Египта. М., 1959.

⁴ Беккин Р.И. Указ. соч.

⁵ The National Archives (United Kingdom). – Foreign Office (FO) 65/1157. – Mr Kennedy № 237: To the Earl Granville. St. Petersburg, October 4, 1883. P. 183 (back).

Захвату Англией Египта и Суэцкого канала способствовала также сложившаяся международная обстановка, которая обеспечила ей позицию несопротивления со стороны других крупных держав. Великобритании весьма благоприятствовали затруднения ее постоянного соперника в Египте Франции в связи с образованием в 1882 г. Тройственного союза. Перед угрозой со стороны Германии Париж вынужден был переориентировать свою внешнюю политику на сближение с Лондоном. Свои причины не препятствовать действиям британского правительства имела и царская Россия, предпочитавшая «завязать» Англию в Египте, с тем, чтобы обеспечить себе свободу действий в Средней Азии⁶.

Тем не менее, Египет не был включен в состав Британской империи. Премьер-министр Соединенного Королевства Уильям Гладстон был противником прямой аннексии или даже установления протектората. Он был сторонником фактического владения Египтом, юридически никак не оформленного, через институт генерального консульства. Он считал это весьма выгодной позицией, поскольку она позволяла осуществить проведение необходимых мероприятий, обеспечивающих соблюдение жизненно важных интересов Британии, в том числе, и единоличного владения Суэцким каналом⁷.

Правовой статус этой территории продолжал оставаться неопределенным. До 1882 г. полунезависимая страна формально находилась под сюзеренитетом турецкого султана, а фактически, по выражению Ф.А. Ротштейна, совершенно серьезно считалась «компанией трёх партнёров» Англии, Франции и Турции⁸. После оккупации внешне мало что изменилось. Египет, как и раньше, оставался самоуправляющейся частью Османской империи, имел наследственного правителя — хедива и уплачивал ежегодную дань Порте; Франция только в 1904 г. официально отказалась от притязаний на преобладание в этой стране. Что касается Великобритании, то эта держава постепенно приобретала исключительную власть над Египтом. Однако британский «сюзеренитет» не был закреплен каким-либо международно-правовым актом.

Неопределенность статуса англо-египетских отношений вполне устраивала руководителей имперской политики Великобритании. Она позволила отладить совершенно уникальную систему контроля над внутренней и внешней политикой Египта, получившую неофициальное наименование — «завуалированный протекторат»⁹. Данное предположение подтверждается также тем, что в письме британского премьер-министра маркиза Солсбери руководителю специальной миссии в Египте Драммонду Вульффу от 7 августа 1885 г. даются особые распоряжения по определению фактических полномочий британского дипломатического корпуса в Египте, в том числе, и по ограничению власти хедива в стране¹⁰. По определению британского журналиста и дипломата В. Чирола, эта система представляла собой «пеструю смесь из удобных фикций, предназначенных скрывать неудобные факты»¹¹.

Основа, на которой строились англо-египетские отношения в период «завуалированного протектората», была двусмысленной. Ее контуры были определены министром иностранных дел Британской империи Джорджем Гренвиллом (1815-1891) в послании главам государств от 3 января 1883 г. и его депеше на имя генерального консула в Каире от 4 января 1884 г. Первый из документов предназначался для широкого употребления и должен был создать впечатление, что англичане оставляли за собой лишь право давать «советы» египетским должностным лицам в случае, если в этом возникает необходимость. Второй — конфиденциальный — полностью рассеивал иллюзии. «Необходимо, — инструктировал лорд Гренвилл верховного резидента Египта, — чтобы египетские министры и губернаторы провинций уяснили себе: ответственность, лежащая в настоящее время на Великобритании, вынуждает правительство Ее Величества настаивать на одобрении политики, которую оно рекомендует. Те министры и губернаторы, которые не будут следовать указанному курсу, неизбежно потеряют право занимать свои посты»¹². Как видно, любая «рекомендация» Уайтхолла представляла собой приказ, обязательный к исполнению. Жизнеспособность системы «завуалированного протектората» обеспечивалась тремя факторами: экономическим господством Великобрита-

⁶ Никитина Г.С. Суэцкий канал — национальное достояние египетского народа. М., 1956. С. 20.

⁷ Knaplund P. Gladstone's Foreign Policy. L.: Frank Cass & Co. Ltd, 1970. P. 208.

⁸ Ротштейн Ф.А. Захват и закабаление Египта. М., 1959. С. 135.

⁹ Бурьян М.С. Египет во внешней и колониальной политике Великобритании в 20-х гг. XX века. Луганск, 1994. С. 39.

¹⁰ The British Library. — India Office Records (IOR): L/Parl/2/229. — Egypt. № 1. Correspondence: H. Drummond Wolff's Special Mission. — The Marquis Salisbury to Sir H. Drummond Wolff. — Foreign Office, August 7, 1885. P. 1-2.

¹¹ Цит. по: Бурьян М.С. Указ. соч. С. 39.

¹² Там же.

нии, присутствием в Египте британской оккупационной армии и наличием в этой стране контингента официальных представителей британского правительства «на местах»¹³.

Что касается позиции египетского руководства, то оно, будучи абсолютно несамостоятельным в принятии каких-либо решений, не возражало против установления британского господства в стране. При этом, как явствует из депеши секретаря генконсульства Великобритании в Египте Э. Эгертона маркизу Солсбери, только духовенство было категорически против иностранного вмешательства в религиозные дела и выступало за сохранение духовного сюзеренитета османского султана¹⁴.

Экономические позиции Великобритании и других европейских держав в Египте после 1882 г. были уже очень сильными. Общий объем иностранных капиталовложений в этой стране составлял к 1914 г. 210 млн. ф. ст. Приблизительно восьмую часть вложений представлял британский капитал, пятую – французский. Весь капитал иностранных банков – а египетских практически не было – был ввезен из-за рубежа. Египет оказался во власти европейских кредиторов. По данным Л.А. Фридмана, в расчете на душу населения государственный долг этой страны был в 17-20 раз выше, а платежи по долгу в 20 раз больше, чем в Индии. В начале 80-х гг. XIX в. эти платежи составляли до 70-80% государственных расходов, к началу XX в. – до 50%¹⁵. Главные кредиторы – Англия и Франция – определили развитие египетской экономики. При этом в торговом, ипотечном и банковском деле, в транспортных и земельных компаниях, в индустрии Англия играла, по оценке А. Краучли, «важную, иногда важнейшую» роль¹⁶.

Следует иметь в виду, что среди ведущих мировых держав второй половины XIX в. Великобритания была наиболее влиятельной, что давало ей возможность оказывать серьезное давление на своих геополитических соперников в таких жизненно важных для нее регионах как Индия и Египет. Не только экономическое, но и военное могущество Великобритании способствовало тому, что вплоть до начала Первой мировой войны протекторат над Египтом оставался «необъявленным». Британские военные подразделения были расквартированы в различных частях Империи и в случае необходимости могли быть применены в этом регионе. Однако главную надежду Лондон возлагал на воинский контингент, оставшийся в Египте после подавления восстания Ораби-паши.

При этом, несмотря на неоднократные заявления о временном пребывании британского контингента в Египте, Лондон отказывался указывать определенную дату вывода своих войск, мотивируя это тем, что в стране до сих пор сохраняется угроза европейским интересам, поскольку египетские вооруженные силы не в состоянии противостоять каким-либо вызовам как внутри страны, так и вне ее, и защитить установленный иностранцами режим, гарантирующий их интересы. В переговорах очередной комиссии по определению статуса британских войск англичане заявляли, что они «искренне желают как можно раньше вывести свои войска, но возложенная на них ответственность по оккупации страны не позволяет их эвакуировать, пока не будет завершена работа по [финансовой] реорганизации»¹⁷. Кроме того, по заявлению британского правительства положение в Египте было столь неустойчиво, что преждевременная эвакуация оккупационных войск могла дестабилизировать обстановку в стране¹⁸. Как мы видим, Лондон под любыми предлогами намеревался сохранить свое военное присутствие в Египте с тем, чтобы гарантировать в будущем свое единоличное экономическое и политическое влияние в зоне Суэцкого канала, являющегося стратегически важной международной волной артерией, соединяющей колониальную Индию с ее метрополией.

Положение британских вооруженных подразделений в этой стране не укладывалось в рамки традиционных международных отношений. «Они, – писал в своей книге А. Милнер, – не являются солдатами хедива, или наемниками, приглашенными им. Они также не являются солдатами державы-протектора, поскольку теоретически такой державы не существует»¹⁹. Тем не менее, оккупационная армия оставалась в Египте до 1956 г. и была опорой британской администрации, как в условиях «зауалированного протектората», так и после провозглашения независимости этой страны в 1922 г.

¹³ Там же.

¹⁴ The British Library. – IOR: L/Parl/2/229. – Egypt. № 1. Correspondence: H. Drummond Wolff's Special Mission. – Mr. Egerton to the Marquis of Salisbury. Cairo, August 23, 1885. P. 4.

¹⁵ Фридман Л.А. Капиталистическое развитие Египта (1882-1939). М., 1963. С. 10.

¹⁶ Цит. по: Бурьян М.С. Указ. соч. С. 40.

¹⁷ The British Library. – IOR: L/Parl/2/229. – Egypt. № 1. Correspondence: H. Drummond Wolff's Special Mission. – Sir H. Drummond Wolff to the Marquis of Salisbury. Inclosure № 22. Therapia, September, 15, 1885. P. 13-16.

¹⁸ Ротштейн Ф.А. Указ. соч. С. 277.

¹⁹ Milner A. England in Egypt. New Jersey, 2002. P. 29.

Особую роль в деле сохранения господствующего положения Великобритании в Египте играли так называемые официальные представители министерства иностранных дел «на местах», небольшая часть из которых составляла штат каирской резиденции во главе с «полномочным министром и генеральным консулом». Гораздо более многочисленным был корпус британских советников, находившихся на службе у египетского правительства. Положение «советников» было довольно двусмысленным. Номинально подчиняясь официальному Каиру, они фактически работали под руководством главы британской резиденции, статус которого был также достаточно своеобразным. Формально он являлся лишь одним из более чем десятка генеральных консулов, представлявших европейские государства в Египте, и ничем не отличался от них. На деле, будучи выразителем воли оккупирующей державы, «полномочный представитель» Британской империи был, по оценке А. Милнера, «реальным, хотя и не объявленным повелителем» Египта²⁰.

Власть главы каирской резиденции была огромна. Сэр Эвелин Бэринг (1841-1917), занявший этот пост летом 1883 г., первым смог оценить это. Его правление в стране с точки зрения британских историков можно считать вполне успешным. Он в полной мере использовал выгоды своего положения для укрепления позиций Великобритании в долине Нила, при этом приведя в порядок финансовую систему Египта и устранив основные недостатки периода «двойственного контроля» и «европейского кабинета», породившие восстание Ораби-паши²¹. Позднее за свои труды он был возведен в звание пэра, получив имя лорда Кромера.

После отставки Кромера в 1907 г., система «завуалированного» протектората продолжала действовать практически без изменений. Новым верховным резидентом стал сэр Эдмон Горст (1861-1911), разделявший взгляды своего предшественника и служивший при нем в качестве финансового советника. И сам Горст, и сменивший его через 4 года генерал Горацио Китченер (1850-1916), и пришедшие ему на смену во время войны Генри Макмагон (1862-1949) и Реджиналд Уингейт, продолжали более или менее последовательно проводить политику Кромера и по-прежнему оставались настоящими хозяевами Египта²².

Возвращаясь к статусу пребывания британских войск в Египте, стоит отметить, что этот вопрос так и не был решен Лондоном вплоть до 1914 г. Главными «виновниками» нерешенности этого вопроса для Англии по-прежнему оставались Франция и Россия, не желавшие признавать легитимность британского присутствия в этой стране. Франция по-прежнему заявляла свои претензии на египетские долговые обязательства и на совместное с Великобританией владение Суэцким каналом. В Петербурге также не желали единоличного владения каналом британскими представителями, поскольку он имел важное стратегическое значение и для Российской империи. Во многом именно твердая позиция России и ее отказ от английского предложения получить проливы в обмен на согласие с аннексией Египта британцами повлияли на то, что Лондон так и не решился объявить эту территорию своей колонией²³. В результате, в обстановке обострения противоречий Великобритания была вынуждена пойти на компромисс, коим явилась многосторонняя Константинопольская конвенция, подписанная 29 октября 1888 г. представителями Франции, России, Германии, Австро-Венгрии, Италии, Испании, Голландии и Турции и установившая международно-правовой режим Суэцкого канала²⁴.

Данная конвенция подтверждала, что «морской Суэцкий канал как в военное, так и в мирное время будет всегда свободен и открыт для всех коммерческих и военных судов без различия флага»²⁵. Согласно ей, Англия не имела права держать свой флот в пределах Суэцкого канала и строить там свои укрепления. Такие условия, конечно, не устраивали британское правительство, и оно всячески препятствовало осуществлению Константинопольской конвенции. В итоге, при ее подписании консервативное правительство Солсбери сделало оговорку, которая практически полностью обесценило его подпись. Фактически Англия отказалась присоединиться к конвенции²⁶, заявив, что в случае возникновения угрозы британскому присутствию в Египте, она имеет право не выполнять условия данно-

²⁰ Ibid. P. 31.

²¹ Marlowe J. *Anglo-Egyptian Relations 1800- 1953*. L.: The Cresset Press, 1954. P. 190.

²² Бурьян М.С. Указ. соч. С. 41.

²³ Египет глазами россиян середины XIX – начала XX в. Политика, экономика, культура // Народы и культуры. Выпуск XV: Народы Ближнего Востока. Книга 2. М., 1992. С. 14.

²⁴ Никитина Г.С. Указ. соч. С. 20-21.

²⁵ Луцкий В.Б. *Новая история арабских стран*. М., 1966. С. 204.

²⁶ Там же.

го соглашения. Лишь в 1904 г. при общем урегулировании британо-французских отношений эта оговорка была изъята из текста конвенции²⁷.

Итак, привязав Египет к экономической системе Британской империи, опираясь на оккупационную армию и захватив ключевые посты в административном аппарате этой страны, англичане могли править, не прибегая к аннексии. Как отмечал Ф. Ротштейн, «английская оккупация Египта была первым экспериментом новейшей колониальной политики под эгидой финансового капитала»²⁸.

Прямым следствием стремления британского правительства к сохранению «аномального» положения Египта в рамках международной правовой системы явилось то, что ответственность за положение дел в этой стране была возложена на министерство иностранных дел, внутри которого был создан так называемый Египетский департамент. Тем самым, противоречия, обнаружившиеся в области британо-египетских отношений в скором будущем, оказались как бы заранее спланированными. Штат Египетского департамента был весьма малочисленным. Там работали в основном профессиональные дипломаты и разведчики. Но после оккупации и особенно после англо-французского соглашения 1904 г. египетская проблема фактически утратила черты «международной». Следовательно, она должна была решаться не дипломатами, а опытными администраторами. В таком случае подчинение Министерству колоний было бы более логичным.

Правда, время от времени британское правительство подключало к решению проблем, связанных с управлением Египтом, ведомства, не имевшие к этому прямого отношения. Но система англо-египетских отношений становилась лишь еще более запутанной. Надлежащей координации действий между этими ведомствами не существовало. И Военное министерство, не желавшее ослаблять контроль над стратегически важным регионом, и англо-индийские власти, стремившиеся играть все возрастающую роль в колониальной эксплуатации Египта, и Форин-офис, вынужденный учитывать не только ситуацию в долине Нила, но и международную обстановку в целом, и наконец, каирская резиденция, сотрудникам которой приходилось проводить в жизнь не всегда дальновидные решения британского кабинета и на месте находить выход из кризисных ситуаций — по сути дела проводили свою собственную политику.

Разногласия между ведомствами, так или иначе участвовавшими в процессе выработки «египетской» политики Великобритании, делали эту политику непредсказуемой. Единая концепция развития англо-египетских отношений выработана не была. В этих условиях большую роль в разработке и претворения в жизнь «египетской» политики Лондона играли упоминавшиеся выше представители британского правительства «на местах». Конечно, только от министров зависело в каждый определенный момент принять или отвергнуть рекомендации советников различного ранга и влияния в Лондоне и Каире. И все же, эти последние оказывали значительное, а порой и решающее воздействие на формирование точки зрения британского кабинета. Интересна оценка А. Милнера. По мнению этого государственного деятеля, англичане добились определенных успехов в Египте только потому, что «люди на местах» проявляли «инстинктивную практичность». В обстановке полной неразберихи, писал он, британские советники и резиденты «пытались выработать для себя и своего государства что-то вроде определенной, логичной и последовательной линии поведения»²⁹.

До начала 20-х гг. XX в. «египетская» политика Великобритании была настолько изменчивой, что возникает сомнение, можно ли вообще говорить о существовании в то время определенного внешнеполитического курса в отношении этой страны. Стремление утвердиться в долине Нила появилось у англичан, по крайней мере, уже в середине 70-х гг. XIX в. Однако очевидно, что такие наиболее важные шаги в этом направлении, как вступление в число пайщиков Всеобщей компании Суэцкого канала, бомбардировка Александрии и оккупация Египта не являлись частями сколько-нибудь продуманного плана. Такого плана, в привычном для европейской дипломатии смысле этого слова, просто не существовало.

В каждом из приведенных случаев руководители имперской политики действовали, опираясь лишь на определенные принципы, и принимали решения, скорее подчиняясь ходу событий, чем предвидя или планируя их. «Не было ни определенной системы, ни какой-либо логики в действиях британских политиков»³⁰, — писал французский историк Ж. Берк. Эту же

²⁷ Франко-английское «сердечное согласие» (8 апреля 1904) // Юровская Е.Е. Практикум по новой истории. 1870-1917. М., 1979. С. 287-291.

²⁸ Цит. по: Ротштейн Ф.А. Англичане в Египте. М.-Л., 1925. С. 61.

²⁹ Milner A. Op. cit. P. 24-27.

³⁰ Цит. по: Бурьян М.С. Указ. соч. С. 43.

мысль подтверждает профессор А. Хаурани, говоря о склонности британских политиков к «импровизациям». А. Милнер считал характерными чертами «египетской» политики Уайтхолла прежде всего такие как «нерешительность», «изменчивость» и «неопределенность», писал о неспособности своих соотечественников «постичь ситуацию с самого начала», предвидеть последствия предпринимаемых шагов.

Неопределенность статуса Египта и отсутствие концепции развития англо-египетских отношений создавали дополнительные и весьма серьезные трудности для тех, кто отвечал за положение дел в этой стране. Приходилось скрывать от всего мира и, в том числе, от самих англичан – «явную», по выражению известного британского дипломата Г. Николсона, «аномалию британского присутствия в этом регионе, равно как и «священное таинство» неограниченной власти Уайтхолла. По мнению первого верховного резидента Египта Э. Бэринга, простого раскрытия «тайны» было бы «достаточно, чтобы расшатать всю систему взаимоотношений двух стран. Кроме того, любой конфликт внутри Египта, или связанный с этой страной, также подвергал эту структуру серьезному испытанию»³¹.

Отсутствие «логически последовательной линии поведения привело к тому, что каждый шаг по преодолению кризиса давался официальному Лондону очень нелегко и предпринимался позже, чем это было необходимо. Британское правительство старалось выиграть время и оттянуть принятие решения до того момента, когда необходимость в этом либо уменьшится, либо отпадет совсем. Если конфликт не утихал сам по себе, то после вмешательства представителей Форин-офиса «на местах», следовала демонстрация силы. Только затем начинались поиски политического решения, результатом которых обычно был компромисс, разрешавший сиюминутную проблему, но не исключавший возможности возникновения подобной кризисной ситуации в ближайшем будущем. Вследствие этого, Египет, по оценке английского исследователя К. Кросса, всегда оставался «одним из самых уязвимых мест в структуре Британской империи»³².

В то же время, не желая действовать согласно нормам, установленным международным правом, импровизируя, Лондон проявлял гибкость, умение приспособиться к изменяющимся условиям, и, в конечном счете, обычно добивался успеха. Египетскому и мировому общественному мнению представлялись все новые и новые фикции, маскирующие, по сути дела, колониальный характер британского присутствия в долине Нила. Определение истинного характера англо-египетских отношений было затруднено. Принятие конкретных и ясных решений можно было отложить до более благоприятного момента. Единственная трудность заключалась в том, чтобы не упустить тот момент, после которого промедление становилось уже опасным.

Таким образом, после оккупации вплоть до 1914 г. Египет представлял собой фактическую колонию Великобритании, в эксплуатации народа которой участвовали также другие державы. Последние, несмотря на то противодействие, которое они оказывали Великобритании в вопросе определения статуса, одновременно были заинтересованы в ее военном присутствии в Египте, так как высвободившиеся подразделения могли бы свободно использоваться и в других регионах мира³³, что угрожало действиям таких держав как Россия, Франция и Германия, имевших там собственные геополитические интересы.

При этом формальное изменение юридического статуса страны не казалось неизбежным. В 1914 г. разразилась Первая мировая война, и это стало удобным предлогом для того, чтобы, наконец, официально закрепить статус Египта в качестве подконтрольной Великобритании территории. В том же году правительство Асквита объявило протекторат над этой страной после того, как Турция вступила в войну на стороне Германии. Отныне делами Египта занималось не министерство иностранных дел, а специальный представитель британской короны в Каире, что по сути ничего не меняло, поскольку Египет не имел какой-либо собственной внешней политики ни до, ни после объявления протектората.

Добавим только, что официальное изменение статуса теперь уже бывшей османской провинции было призвано заморозить ситуацию в стране на время войны и сохранить там позиции британской короны³⁴.

³¹ Там же. С. 45.

³² Там же.

³³ Ленъко А.В. Соединенное Королевство Великобритании и Ирландии. Эпоха выбора между империализмом и либерализмом. 1868-1918. СПб., 2012. С. 168.

³⁴ Mansfield P. The British in Egypt. L., 1971. P. 209-210.

УДК 94(4)

**ПОЛИТИКА АДМИНИСТРАЦИИ ГАРРИ С. ТРУМЭНА
В ПОЛЬСКОМ ВОПРОСЕ В АПРЕЛЕ 1945 г.: ЖЕСТКАЯ ЛИНИЯ
ИЛИ НЕПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ?**

**THE HARRY S. TRUMAN ADMINISTRATION POLICY TOWARDS POLISH
QUESTION IN APRIL 1945: A HARD LINE OR INCONSISTENCY?**

В.В. Василенко

V.V. Vasilenko

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*

*Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: vasilenko_v@bsu.edu.ru

Ключевые слова: Гарри С. Трумэн, США, СССР, 1945, внешняя политика, польский вопрос, В.М. Молотов.

Key words: Harry S. Truman, USA, USSR, 1945, foreign policy, Polish question, Viacheslav Molotov.

Аннотация. Автор рассматривает внешнеполитическую деятельность администрации Трумэна в апреле 1945 г. в связи с польским вопросом. Эти первые недели деятельности нового президента США интересны тем, что именно тогда американская дипломатия стала играть ведущую роль в переговорах по польскому вопросу, действуя в русле двустороннего урегулирования между Соединенными Штатами и Советским Союзом с минимальным участием Великобритании. Значительное внимание при анализе внешней политики США опыту нового американского президента, специфике обстоятельств и его окружению позволяет пересмотреть некоторые устоявшиеся тезисы о значении польского вопроса в контексте развития отношений конфронтации в антигитлеровской коалиции в условиях становления Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений.

Resume. The author considers the Truman administration's policy towards the Polish question in April 1945. These first weeks of the new U.S. President's activities are especially interesting because it was the time when the American diplomacy started to play a leading role in negotiations on the Polish question, steering towards a bilateral settlement between the United States of America and the Soviet Union with minimal participation of Britain. While analyzing the U.S. foreign policy, she attaches particular importance to the experience of the new President, peculiar conditions at that time and his circle of advisors that help revise some assumptions about meaning of the Polish question in the context of confrontation development in the Anti-Hitler coalition in the conditions when the Yalta-Potsdam system was being formed.

Проблема происхождения «холодной войны» по-прежнему актуальна. Особенно в настоящее время – в условиях, когда на самом высоком уровне звучит риторика периода конфронтации, а итоги Второй мировой войны в ряде стран зачастую оцениваются в терминах «исторической политики».

Наше внимание привлекли первые недели внешнеполитической деятельности администрации Трумэна в связи с польским вопросом. Именно в это время американская дипломатия стала играть ведущую роль в переговорах по польскому вопросу, действуя в русле двустороннего урегулирования между Соединенными Штатами и Советским Союзом с минимальным участием Великобритании, которая фактически всю войну выступала защитником польских интересов. Цель данной работы – выявить мотивы американского руководства, главным образом Трумэна, в то время и трудности, с которыми сталкивался новый президент после вступления в должность при формулировке политики по отношению к Советскому Союзу в связи с польским вопросом, а также значение действий Трумэна в рассматриваемый период в контексте американо-советских взаимоотношений.

Исследований, в значительной мере посвященных политике США по отношению к странам Восточной Европы и Польше в частности в рассматриваемый период, не так много. Это обусловлено, как в свое время справедливо отметил В.А. Потехин, тем, что политика США

в Восточной Европе рассматривалась прежде всего как производная от политики в отношении СССР¹ и, следовательно, не заслуживала особого внимания.

Среди доступных нам исследований необходимо выделить серию работ видных российских американистов В.О. Печатнова и В.Л. Малькова, в которых проанализированы дебаты в правящих кругах США по «русскому вопросу», включавшие судьбу стран Восточной Европы и Польши в частности, в начале первого президентства Трумэна²; при этом были выявлены сходные тенденции в послевоенном планировании в отношении стран данного региона в 1943-1945 гг. во внешнеполитических ведомствах США, Великобритании, с одной стороны, и СССР – с другой³. Особо стоит отметить вышедшие в 2006-2007 гг. монографии В.М. Зубока и В.О. Печатнова, которые очень полезны для понимания логики развития американско-советских отношений на завершающем этапе войны и выявления в них места польского вопроса⁴. Фундаментальная коллективная монография ведущих российских полонистов по политической истории Польши в XX веке дает понимание сложности обстановки в освобожденной стране в ходе обсуждения польского вопроса на международной арене⁵.

Из работ зарубежных историков нужно особо отметить труды американских историков У. Мискэмбла, который анализирует влияние наследия Ф.Д. Рузвельта (ФДР) на внешнеполитический курс Трумэна в первые месяцы его президентства⁶, и Э. Марка, который проясняет основные принципы политики США в отношении советской сферы влияния в Польше и Восточной Европе в целом, присущие американскому внешнеполитическому планированию как при Рузвельте, так и при Трумэне⁷. Также полезна статья британского исследователя Дж. Робертса, на основе документов из Архива внешней политики РФ обозначившего ряд новых вопросов относительно значения бесед Трумэна с Молотовым в апреле 1945 г.⁸

Среди привлекаемых нами источников необходимо упомянуть основные сборники документов по дипломатии «Большой Тройки», изданные в советское время⁹, а также документальные публикации из серии «Foreign Relations of the United States»¹⁰. Представляют интерес опубликованные в 2004 г. документы по советско-американским отношениям в годы Второй мировой войны из Архива внешней политики РФ, которые, помимо прочего, освещают сложные неофициальные переговоры представителей СССР, США и Великобритании накануне и в ходе Сан-Францисской конференции¹¹. В настоящее время некоторые документы администрации Трумэна опубликованы в сети Интернет; наиболее полная подборка доступна на сайте Библиотеки (архива) Гарри С. Трумэна. Нам полезны некоторые тематические документальные публикации, в частности по идеологическим основам «холодной войны»¹². Кроме того, стенограммы интервью с представителями администрации Трумэна, хранящиеся в Библиотеке, также доступны онлайн; для нас представляет интерес интервью с Э. Дюрброу, который в 1944-1946 гг. возглавлял Отдел восточноевропейских стран Госдепартамента¹³. Часть

¹ Потехин А.В. Дипломатия США в Восточной Европе: 1945-1950 гг. Киев, 1991. С. 4.

² См., напр.: Мальков В. 1945: как понимали в Америке национальный интерес // Россия XXI. 2000. № 1. С. 158-169; Печатнов В.О. США: скрытые дебаты по «русскому» вопросу весной 1945 г. // Новая и новейшая история. 1997. № 1. С. 107-121. Печатнов В. Ялта – кто виноват? Размышления американского дипломата // Россия XXI. 2000. № 2. С. 124-139.

³ Pechatnov V. The Big Three after World War II: New Documents on Soviet Thinking about Post War Relations with The United States and Great Britain. CWINP Working Paper No. 13.

⁴ Печатнов В.О. От союза – к холодной войне: советско-американские отношения в 1945 – 1947 гг. М., 2006; Zubok V. A Failed Empire: The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev. Chapel Hill, 2007.

⁵ Польша в XX веке. Очерки политической истории / отв. ред. А.Ф. Носкова. М., 2012.

⁶ Miscamble W. From Roosevelt to Truman: Potsdam, Hiroshima, and the Cold War. Cambridge, 2007.

⁷ Mark E. American Policy Toward Eastern Europe and the Origins of the Cold War, 1941-1946: An Alternative Interpretation // The Journal of American History. 1981. No. 2. P. 313-336.

⁸ Roberts G. Sexing up the Cold War: New Evidence on the Molotov-Truman Talks of April 1945 // Cold War History. 2004. No. 3. P. 105-125

⁹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. М., 1986; Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: Сборник документов. Т. 4-6. М., 1984 и др.

¹⁰ Foreign Relations of the United States (далее – FRUS). 1945. Vol. I. Wash., 1945; FRUS. 1945. Vol. V. Europe. Wash., 1967; FRUS. The Conference of Berlin (The Potsdam Conference). 1945. 2 vols. Wash., 1960.

¹¹ Советско-американские отношения. 1939 – 1945 / Под ред. Г.Н. Севостьянова. М., 2004. Отчасти они представляют собой советские стенограммы бесед, американский вариант которых издан в соответствующих томах «Foreign Relations of the United States».

¹² «Ideological Foundations of the Cold War», «Truman and United Nations», «The Decision to Drop the Atomic Bomb». URL: www.trumanlibrary.org. Также оцифрован многотомный сборник документов, изданный в 1966, – «Public papers of the Presidents of the United States, Harry S. Truman, 1945-1953».

¹³ Oral History Interview with Elbridge Durbrow. URL: www.trumanlibrary.org.

источниковой базы нашего исследования представляют неопубликованные архивные документы, хранящиеся в Библиотеке Трумэна (г. Индепенденс, США).

Известен тот факт, что Трумэн с первого дня, точнее вечера, своего президентства заявлял о намерении продолжать политику Ф.Д. Рузвельта (ФДР), что, разумеется, включало и курс в отношении Советского Союза. Новый американский президент был вполне искренен. Однако здесь важно отметить, что речь идет о его интерпретации политики предшественника. Видный российский историк В.О. Печатнов емко охарактеризовал непростую концепцию советской политики Рузвельта: президент рассчитывал на постепенную интеграцию СССР «в семью великих держав при условии постепенного освоения Москвой западных норм международного поведения»; для достижения этой цели Рузвельт выстраивал целую систему негативных (сохранение тайны разработки атомного оружия и др.) и положительных (в их числе признание законных советских интересов безопасности в Восточной Европе) стимулов¹⁴. Рузвельт не был склонен широко обсуждать свои внешнеполитические взгляды и концепции, а с Трумэном и вовсе в последнюю очередь. Редкие беседы касались в основном внутренней политики. ФДР даже не считал нужным поставить вице-президента в известность о разработке ядерного оружия. В результате Трумэн формировал представление о внешнеполитических взглядах Рузвельта главным образом на основе его официальной политики¹⁵. Вместе с тем новый президент верно выявил один из рузвельтовских приоритетов – создание универсальной международной организации по поддержанию мира при обязательном членстве США. Как следствие, необходимо было обеспечить успех грядущей конференции по учреждению Организации Объединенных Наций в Сан-Франциско.

Но Трумэну вскоре пришлось осознать, что успех конференции в Сан-Франциско напрямую зависел от разрешения польского вопроса. В то время его ключевым компонентом была проблема образования польского «временного правительства национального единства» в соответствии с решениями Ялтинской конференции. Польское правительство в эмиграции («лондонское») не признало ялтинских решений. Поэтому основными претендентами, помимо поддерживаемых СССР «варшавских» поляков, были деятели «пролондонского» польского подполья и С. Миколайчик, один из руководителей влиятельной в Польше крестьянской партии и бывший премьер правительства в эмиграции, а также его единомышленники. Последний рассматривался англо-саксонскими державами в качестве самой перспективной кандидатуры. Правда, Миколайчик занял двойственную позицию по отношению к ялтинским соглашениям, понимая, что их публичное признание может оттолкнуть подавляющее большинство его сторонников. Советский Союз затягивал процесс формирования правительства «национального единства», намереваясь упрочить как собственные позиции в Польше, так и положение «варшавских» властей¹⁶. В конце марта 1945 г. органы НКВД арестовали шестнадцать крупнейших деятелей польского подполья, которые прибыли на переговоры с советскими военными властями. Таким образом уменьшилось число претендентов на участие в новом правительстве. Вплоть до мая советское руководство демонстрировало неосведомленность о судьбе руководителей подполья¹⁷.

Новому президенту Соединенных Штатов было непросто принимать решения по польскому вопросу. На Трумэна явно влияла обеспокоенность предшественника накануне смерти польскими делами и в целом политикой СССР¹⁸. Но еще большие сложности создавало то, что смена лидера страны усугубила раскол в администрации по поводу оценки советского поведения. Стали активнее выступать сторонники более жесткой линии по отношению к Советскому Союзу, в том числе А. Гарриман, в то время посол в СССР, который был вхож в «близкий круг» Рузвельта¹⁹. При этом советники ФДР давали противоречивые комментарии о сущности его советской политики. Но поскольку даже доверенные лица Рузвельта не были посвящены в его замысел, как точно подметил У. Мискэмбл, особое значение приобретали

¹⁴ Печатнов В. Ялта – кто виноват? С. 128.

¹⁵ Miscamble W. Op. cit. P. 31.

¹⁶ Польское временное правительство было образовано в конце 1944 г.; переехало из Люблина в Варшаву 18 января 1945 г., сразу после освобождения города Красной Армией и Войском Польским. Это правительство было признано СССР в начале января 1945 г.

¹⁷ Из Варшавы. Москва, товарищу Берия...: Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944 – 1945 гг. М. – Новосибирск, 2001. С. 20-21; Польша в XX веке. Очерки политической истории / отв. ред. А.Ф. Носкова. М., 2012. С. 439-444.

¹⁸ См. особенно: Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. М., 1995. С. 799. В первые дни своего президентства Трумэн изучал состояние польского вопроса незадолго до смерти Рузвельта на основе корреспонденции последнего с И.В. Сталиным и У.С. Черчиллем.

¹⁹ Печатнов В.О. США: скрытые дебаты по «русскому» вопросу весной 1945 г. С. 108-109.

письменные соглашения, заключенные предшественником²⁰. Поэтому Трумэн стал придавать большое значение соблюдению решений Ялты.

Самыми важными в то время были следующие положения: временное польское правительство должно быть учреждено на основе «варшавского» правительства, реорганизованного «на более широкой демократической базе с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы»; «комиссия трех» из представителей СССР, США и Великобритании уполномочивалась проконсультироваться «в первую очередь с членами теперешнего Временного правительства и с другими польскими демократическими лидерами как из самой Польши, так и из-за границы»²¹.

Администрация Трумэна, как свидетельствует американский дипломат Э. Дюрброу, трактовала данные положения как устанавливающие равенство упомянутых трех групп в консультациях²², а затем и в правительстве. Такой же была и позиция Великобритании. Советская сторона (следуя букве Ялты, вполне обоснованно) заявляла, что ядром будущего правительства Польши должны быть именно «варшавские» поляки и необходимы первоначальные консультации с «варшавским» правительством. Однако фактически решение единолично взял на себя Сталин.

Острота вопроса о судьбе послевоенной Польши привела к мобилизации достаточно многочисленной польской диаспоры в США. Не случайно Госдепартамент представил Трумэну в первый полный день его президентства, 13 апреля, польский вопрос в двух аспектах – внешнем и внутреннем²³. Наличие миллионов американцев польского происхождения было одним из факторов политики Рузвельта в польском вопросе. Данный аспект был весьма значим и для Трумэна, который к тому же занял президентский пост не в результате волеизъявления граждан. Первое, по сути программное, послание Трумэна Конгрессу 16 апреля, в котором он акцентировал важность создания ООН и упомянул о правах «малых» стран²⁴, вызвало большой резонанс в польской диаспоре в стране, а также весьма приветствовалось правительством Польши в эмиграции²⁵, которое поддерживали большинство польских американцев. Так, уже на следующий день на имя госсекретаря был направлен меморандум от имени активного конгрессмена польского происхождения Дж. Лесински и президента самой влиятельной польской организации в США Польско-Американского Конгресса Ч. Розмарека, в котором одобрялись принципы послания Трумэна Конгрессу и на их основе гарантировалась поддержка шести миллионов польских американцев²⁶. Кроме того, негативная реакция на советскую политику в Польше не ограничивалась представителями только польской диаспоры. Основная озабоченность Трумэна в этой связи состояла в том, что при неудовлетворительном состоянии польского вопроса Конгресс мог отказаться ратифицировать Устав ООН, как в свое время Устав Лиги наций²⁷.

Участие советского наркома по иностранным делам В.М. Молотова в конференции по учреждению ООН позволяло надеяться на обсуждение и разрешение насущных вопросов в Соединенных Штатах²⁸. Хотя не сильно обнадеживало то, что советское руководство усилило поддержку на международной арене «варшавских» поляков – 16 апреля Гарриман узнал о намерении правительства СССР заключить советско-польский договор о дружбе и взаимопомощи²⁹. На следующий день эта информация фигурировала на первой странице в ежедневном меморандуме из Госдепартамента для Трумэна, но возглавляло сообщение Гар-

²⁰ Miscamble W. Op. cit. P. 84.

²¹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: Сборник документов. Т. 4. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февр. 1945 г.). М., 1984. С. 251; FRUS. Conferences at Malta and Yalta. 1945. Wash., 1945. P. 980.

²² Oral History Interview with Elbridge Durbrow. URL: www.trumanlibrary.org. Только У. Леги признавал возможность двойного толкования.

²³ Special Information for the President. 13 April 1945 // HSTL. Papers of Harry S. Truman. President Secretary's File. Subject File, 1940-1953. Foreign Affairs. Box 163.

²⁴ Address before a Joint Session of the Congress. 16 April 1945 // Public papers of the Presidents of the United States, Harry S. Truman, 1945-1953. URL: www.trumanlibrary.org.

²⁵ W. Racziewicz to H. Truman. 18 April 1945 // HSTL. Papers of Harry S. Truman. WHCF. Official File. Box No. 1297.

²⁶ Memorandum to the Secretary of State. 17 April 1945 // HSTL. Papers of Harry S. Truman. President's Secretary's File. Subject File, 1940-1953. Foreign Affairs. Box 163.

²⁷ Memorandum of Conversation. 20 April 1945 // FRUS. 1945. Vol. V. P. 233.

²⁸ В результате «бернского инцидента» был резко снижен статус советской делегации. См.: Рощин А.А. На конференции в Сан-Франциско 1945 года. К созданию Организации Объединенных Наций // Дипломаты вспоминают. Мир глазами ветеранов дипломатической службы. М., 1997. URL: <http://militera.lib.ru/opinions/0014.html>

²⁹ Советско-польский договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве был заключен 21 апреля 1945 г.

римана о согласии Сталина на проведение Молотовым в США переговоров по польскому вопросу³⁰.

Советское правительство в развитие своей линии на поддержку «варшавских» властей добивалось участия их представителей в Сан-Францисской конференции. Администрация Трумэна оказалась в непростой ситуации – участия в конференции требовали оба польских правительства, при этом правительство Польши в эмиграции одним из первых подписало декларацию Объединенных Наций в начале 1942 г. Госдепартамент выработал 19 апреля компромиссное решение: приглашение на конференцию будет направлено «только новому временному правительству национального единства, сформированному в соответствии с ялтинским соглашением»³¹. Вероятно, в ведомстве иностранных дел США намеревались таким образом и ускорить процесс формирования нового временного правительства Польши.

Однако с началом переговоров по польскому вопросу с прибывшим в США Молотовым стало ясно, что быстро достичь соглашения не удастся. В настоящее время известно, что глава советской делегации на конференции в Сан-Франциско получил указание Сталина твердо держаться заявленной позиции и уклоняться от попыток союзников «решить ... польский вопрос в Америке» без «варшавского» правительства³².

За два дня до встречи с советским представителем Трумэн в ходе беседы с Гарриманом согласился с тем, что необходимо проводить более твердую линию по польскому вопросу; в то же время президент признал, что «без России от всемирной организации мало что останется»³³.

22 апреля на первой встрече с Молотовым американский президент обозначил важность решения польского вопроса и передал обсуждение проблемы руководителям ведомств иностранных дел «Большой тройки». Жесткость позиции советского наркома оказалась неожиданной для глав ведомств иностранных дел США и Великобритании. Переговоры сразу же встали в тупик, потому что Молотов отказался принимать решение по персональному составу будущего правительства Польши без участия «варшавских» поляков³⁴. Было очевидно, что не удастся, как надеялся госсекретарь Э. Стеттиниус, еще до начала конференции в Сан-Франциско прийти к соглашению по этому вопросу и обнародовать его результаты³⁵.

23 апреля, незадолго до второй встречи с наркомом, Трумэн созвал представительное совещание для обсуждения советской политики в связи с польским вопросом. Мнения руководства США о возможности жесточайшей американской позиции по польскому вопросу разделились. Большинство, включая разочарованного президента, считало проведение твердой линии в отношении СССР необходимым. При этом главный эксперт по советским делам Гарриман утверждал, что при этом вполне можно избежать серьезного ухудшения отношений с Советским Союзом. В меньшинстве остались генерал Маршалл и военный министр Стимсон, опасавшиеся последствий такого шага³⁶.

Вторая беседа Молотова и Трумэна (23 апреля) – широко известный сюжет и зачастую считается одним из ключевых событий в хронологии нарастания напряженности. На наш взгляд, она не была столь значима. Безусловно, американский президент достаточно резко выразил свое недовольство советскому наркому и напомнил о необходимости соблюдать ялтинские соглашения по Польше. Однако тон беседы в целом был в духе уже прошедших американо-советских дискуссий, причем ее жесткость со стороны Трумэна была преувеличена уже впоследствии самим американским президентом³⁷. Также важно отметить то, что в советской записи данной беседы, наоборот, явно сглажена резкость Трумэна³⁸. Поэтому Сталин, сам принимавший все сколько-нибудь значимые решения по делам Польши, на основе этой записи вряд ли мог счесть риторику Трумэна демонстрацией нового американского курса по отношению к СССР.

³⁰ Memorandum for the President. 17 April 1945 // HSTL. Papers of Harry S. Truman. President's Secretary's File. Subject File, 1940-1953. Foreign Affairs. Box 163.

³¹ Secretary of State Memorandum for the President. 19 April 1945 // HSTL. Papers of Harry S. Truman. WHCF. Official File. Box 525.

³² Печатнов В.О. От союза – к холодной войне. С. 37.

³³ Memorandum of Conversation. 20 April 1945 // FRUS. 1945. Vol. V. P. 231-233.

³⁴ Советско-американские отношения, 1939 – 1945. С. 647-650, 653-661; FRUS. 1945. Vol. V. P. 237-251.

³⁵ Minutes of Second Meeting Regarding the Polish Question // FRUS. 1945. Vol. V. P. 250.

³⁶ Memorandum of a Meeting at the White House, 23 April 1945 // FRUS. 1945. Vol. V. P. 252-255.

³⁷ Roberts G. Sexing up the Cold War: New Evidence on the Molotov-Truman Talks of April 1945 // Cold War History. 2004. No. 3. P. 105-125.

³⁸ Запись была отредактирована Молотовым. См. об этом: Zubok V. Op. cit. P. 15. Советскую и американскую записи данной беседы см.: Советско-американские отношения, 1939 – 1945. С. 650-651; FRUS. 1945. Vol. V. P. 256-258.

В итоге встреча Трумэна и Молотова 23 апреля оказалась более значимой для формулировки американской политики. Приверженцы твердой линии вначале были удовлетворены риторикой Трумэна. Но вскоре даже Гарриман посчитал резкость президента ошибкой, так как опасался, что в Москве это может счесть отходом от политики Рузвельта³⁹. Кроме того, активизировались сторонники сотрудничества с Советским Союзом, прежде всего бывший посол в СССР Дж. Дэвис, который также ранее входил в круг советников ФДР.

Таким образом, в рассматриваемый период президента США Трумэна вряд ли можно рассматривать в качестве инициатора жесткой линии в отношении СССР. Его политика в польском вопросе, который вызвал первые значительные разногласия среди союзников по вопросам послевоенного устройства, яркое тому подтверждение. К началу президентства у Трумэна, который ранее не занимался внешнеполитическими вопросами, просто не сложилось собственной позиции; очень многое зависело от советников, мнения которых были часто противоположны, а известная беседа с Молотовым 23 апреля явно не была результатом продуманной стратегии американского президента по отношению к СССР.

---

³⁹ Abel E., Harriman W.A. Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941 – 1946. N.Y., 1975. P. 453-454.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(47).043

ПРОБЛЕМА ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ РЯДА МОСКОВИТСКИХ КРЕПОСТЕЙ НА РУССКО-ЛИТОВСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI В. *

THE PROBLEM OF THE GEOGRAPHICAL LOCATION OF A NUMBER OF MUSCOVITE FORTRESSES ON THE RUSSIAN-LITHUANIAN BORDER IN THE SECOND HALF OF THE XVI CENTURY

Д.А. Бессуднов

D.A. Bessudnov

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб. д.7-9.*

Saint-Petersburg State University

7-9 Universitetskaya embankment, Saint-Petersburg, 199034, Russia

E-mail: d.bessudnov@mail.ru

Ключевые слова: Литва, Великое княжество Литовское, Московское государство, Московия, Ливонская война, Иван Грозный.

Key words: Lithuania, the Grand Duchy of Lithuania, the Muscovite state, Muscovy, the Livonian War, Ivan the Terrible.

Аннотация. В статье будет рассмотрена проблема географического расположения ряда московских крепостей, построенных в ходе Ливонской войны (1558-1583) в захваченных литовских землях. В основу данной работы легли результаты исследовательской экспедиции, проведенной в рамках российско-белорусского проекта «Свои» и «чужие»: феномен пограничья в средние века и раннее Новое время в Восточной Европе как фактор формирования социо- и этнокультурной идентичности населения», возглавляемой А. И. Филюшкиным, а также результаты работы конференции, проведенной в Полоцком Государственном университете (Белоруссия) в рамках того же проекта. Непосредственное ознакомление группы исследователей с остатками укреплений в ходе полевой экспедиции служило основой для формирования ряда гипотез касательно необычного географического расположения ряда московских крепостей, построенных на захваченных литовских землях после взятия Полоцка в 1563 году. В ходе дискуссии с белорусскими коллегами на конференции полученные выводы были подвергнуты критическому анализу и сформирован ряд наиболее вероятных гипотез, объясняющих подобное месторасположение крепостей.

Resume. The article is the problem of the geographical location of a number of Muscovite fortresses built during the Livonian War (1558-1583) captured in the Lithuanian lands. The basis of this work based on the results of research expeditions conducted in the framework of the Russian-Belarusian project "their" and "foreign": the phenomenon of Borderland in the Middle Ages and the early modern period in Eastern Europe

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований: «Свои» и «чужие»: феномен пограничья в средние века и раннее новое время в Восточной Европе как фактор формирования социо- и этнокультурной идентичности населения регионов», проект 15-21-01003 а(м).

as a factor of socio- and ethno-cultural identity of the population ", headed by A. I. Filyushkin, as well as the results of the conference held in Polotsk State University (Belarus) within the same project. The immediate introduction of the research team with the remains of the fortifications in the field expedition was the basis for the formation of a number of hypotheses about the geographic location of a number of unusual Muscovite fortresses built in the occupied lands of Lithuania after the capture of Polotsk in 1563. During the discussion with the Belarusian colleagues at the conference the findings were subjected to critical analysis and formed a series of the most likely hypotheses to explain the location of such fortresses.

Ливонская война 1558-1583 гг., начавшаяся с вторжения московского войска в земли Дерптской епархии, стала самой крупной военной кампанией, в которой довелось принять участие Московскому государству в XVI веке. Начавшись как карательный военный поход против Ливонии, конфликт в конечном счете перерос в масштабное противостояние, в котором, кроме Московии и Ливонии, приняли участие также Дания, Швеция и Польско-Литовское государство. Вмешательство европейских держав привело к тому, что основной театр боевых действий для Московии вскоре переместился из Ливонии в Литву. В данной статье на примере нескольких московитских крепостей, построенных в течение Ливонской войны, будет критически рассмотрен географический аспект формирования оборонительной системы Московского государства на границе с Литвой, где боевые действия велись наиболее активно.

Особенностью изучения военного строительства московитов в XVI в. является тот факт, что наибольшее внимание в историографии вопроса уделялось проблемам фортификации отдельных крепостей и оборонительной системе юго-восточных границ, и гораздо меньше – общей тактике формирования обороны государственной границы Московии на западных рубежах¹. В исторической литературе широко представлен материал, касающийся строительства крепостей на южных, восточных границах, однако касательно строительства московитских крепостей на границе с Литвой во второй половине XVI века в историографии существует значительный пробел². Между тем, уже начиная с конца XV века в Московии начинает формироваться полноценная концепция государственной границы³. Эта граница нуждалась в постоянной защите от внешнего врага, одним из которых являлось Великое княжество Литовское. В конечном счете это привело к формированию оборонительных линий, представленных в виде цепочки отдельных крепостей. Эти крепости, по возможности, располагались таким образом, чтобы в промежутке между «звеньями» находились естественные (леса, болота) либо искусственно созданные препятствия (засека, см. далее), затрудняющие перемещение противника. Подобная система ранее использовалась для защиты земель Псковского и Новгородского княжеств⁴, однако для централизованного Московского государства это было чем-то исключительно новым.

Следует отметить, что военная техника Московии не была явлением однородным для всей территории государства. Тип и положение крепостей изменялись, подстраиваясь для противодействия определенному типу угрозы. К примеру, южные и восточные рубежи Московского государства укреплялись с расчетом на противостояние внезапным и быстрым нападением татар, которые, впрочем, не обладали артиллерией. Это предопределило характер оборонительных сооружений – здесь мы можем видеть большое количество слабо укрепленных крепостей, построенных в качестве укрытия для жителей окрестных сёл⁵. Именно здесь формируется такой тип укреплений как засека, представляющая собой сплошную стену из поваленных друг на друга деревьев, которая крайне эффективно работала против татарской конницы, лишая их главного преимущества – мобильности.

Совсем другая картина вырисовывается на северо-западных границах. Здесь московитам приходилось иметь дело с европейскими армиями, хорошо организованными и снабженными сильной артиллерией. Подобные условия требовали создания хорошо укрепленных

¹ Косточкин В. В. Русское оборонное зодчество конца XIII – начала XVI веков. М., 1962; Раппопорт П. А. Древние русские крепости. М., 1965; Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси. Л., 1976.

² Никитин А. В. Оборонительные сооружения засечной черты XVI–XVII веков. М., 1954; Глазьев В. Н., Новосельцев А. В. Российская крепость на южных рубежах. Документы о строительстве Ельца, заселения города и окрестностей. Елец, 2001; Назарова И. В. Архитектурно-пространственная организация оборонительно-крепостных комплексов Волго-Камья середины XVI–XVII веков. Казань, 2009.

³ Темушев В. Н. Первая московско-литовская пограничная война 1486-1494. М., 2013. С. 96-97.

⁴ Кирпичников А. Н. Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984; Артемьев А. Р. Города Псковской земли в XIII-XV вв. Владивосток, 1998.

⁵ Раппопорт П. А. Древние русские крепости. М., 1965. С. 83-84.

крепостей. Однако возможность к строительству таковых, ввиду постоянной угрозы нападения, имела далеко не всегда. Непосредственные боевые действия на границе с Литвой в течение 1558-1570 гг. поставили перед москвитями вопрос о защите приобретенных у неприятеля территорий. И после захвата царским войском сильной крепости Полоцк в 1563 году в его окрестностях почти сразу начинается активное строительство ряда крупных московских крепостей, таких как Сокол, Туровля, Красный, Кречет, Ула, Суша и др. Эти крепости выстраивались вдоль границы боевых действий в виде цепочки и формировали собой оборонительный рубеж на случай нападения литовского войска.

Однако географическое расположение части построенных в этот период крепостей (таких как Нещердо, Ситно, Козьян и др.) вызывает ряд вопросов касательно целесообразности их географического местоположения. Перечисленные крепости были сильно удалены в тыл, и своим положением не могли служить непосредственно защите границ новоприобретенных территорий. Данный тезис также подтверждается и малочисленностью их гарнизонов, что следует из весьма скромных размеров площади, занимаемой укреплениями этих крепостей. Этот факт был обнаружен в ходе полевой экспедиции, возглавляемой профессором А.И. Филюшкиным в рамках российско-белорусского научного проекта «Свои» и «чужие»: феномен пограничья в средние века и раннее Новое время в Восточной Европе как фактор формирования социо- и этнокультурной идентичности населения», организованном при поддержке гранта РГНФ. Данная экспедиция, проходившая с 18 по 25 июля 2015 года, имела своей целью изучение остатков укреплений ряда московских крепостей XVI века (таких как Езерище, Сокол, Туровля и ряда других), располагающихся на территории современной Беларуси, в непосредственной близости от города Полоцка. Были также исследованы и две «тыловые» крепости – Ситно и Козьян (Козьяны). Крепость Ситно представляла собой деревянную конструкцию, полые стены которой были засыпаны землёй для большей прочности. Согласно иллюстрациям королевского картографа Стефана Батория Станислава Пахоловицкого, крепость имела треугольную форму и оснащалась тремя башнями с двускатной крышей. В 1579 году крепость была захвачена польско-литовским войском и полностью разрушена. Крепость Козьян также была деревянной и, в целом, была аналогична Ситно, отличаясь лишь формой и количеством башен – четыре башни соединялись стенами на манер равнобедренной трапеции. В том же 1579 году крепость была взята войсками Речи Посполитой и предана огню. Обе крепости занимали сравнительно небольшую площадь, но были хорошо укреплены при помощи естественных преград – и Ситно и Козьяны располагались на излучинах рек таким образом, что подойти к ним было возможно лишь с одной стороны, поскольку остальные три были отрезаны водой. Выгодное расположение этих крепостей предоставляло гарнизону значительные стратегические преимущества, однако их географическая удалённость от театра боевых действий оставляет открытым вопрос о целесообразности самого их создания. В ходе исследования остатков этих крепостей в рамках вышеупомянутой экспедиции ее участниками было выдвинуто несколько гипотез касательно их практического назначения, которые будут рассмотрены и подвергнуты критике далее.

Первая гипотеза объясняет географическую удаленность вышеупомянутых крепостей необходимостью создания инфраструктуры и поддержания связи с более значимыми порубежными крепостями. Взятие Полоцка в 1563 году немедленно поставило вопрос о его удержании и снабжении. Начавшееся строительство новых укреплений внутри самого города было также подкреплено созданием ряда крепостей, носивших вспомогательный характер, главной задачей которых являлся контроль над дорогами и обеспечение регулярного подвоза необходимых припасов к Полоцку и другим крепостям на границе. Данную гипотезу подтверждает тот факт, что «тыловые» крепости неизменно располагались в непосредственной близости от рек, связывающих их с крепостями порубежными. Кроме того, упоминание о снабжении крепостей по рекам мы можем обнаружить у Гейденштейна: «Есть озеро Усция, (Uscia), из которого вытекает река того же названия, что река эта затем впадает в озеро Ужицу (Uscia) и затем, переименовав свое название в озеро Дриссу, а по выходе из сего последнего дает начало реке одного с ним наименования, и что, благодаря главным образом такому удобному положению, Москвитяне снабжают Сокол провиантом и другими необходимыми предметами»⁶. Однако данная гипотеза имеет и слабые стороны. Как уже было сказано, в ходе ознакомления группы исследователей с остатками укреплений было обнаружено, что сами «тыловые» крепости занимали весьма скромную площадь и не предполагали наличие гарнизона свыше 100-200 человек. Столь малый отряд (учитывая, что его часть так или иначе оста-

⁶Гейденштейн Р. Записки о Московской войне. Кн. III. СПб., 1889. С. 162.

валась в самой крепости для ее охраны) едва ли мог эффективно обеспечить поддержание инфраструктуры, а также контроль за дорогами и\или реками, что ставит первую гипотезу под сомнение.

Согласно второй гипотезе, подобное расположение крепостей должно было осложнить возможную осаду порубежных крепостей. В случае осады гарнизон малых крепостей, находившихся в непосредственной географической близости, даже учитывая их малочисленность, создавал постоянную угрозу осаждавшим и мешал установлению круговой осады, поскольку в этом случае противник оставлял уязвимым свой тыл. Не исключается также чисто информативная функция этих крепостей, которые могли при помощи сигнальных костров и дыма сообщать о контакте порубежной крепости с противником. К сожалению, данное предположение имеет исключительно гипотетический характер и почти не имеет фактического подтверждения. Дело в том, что в местах расположения «тыловых» московитских крепостей фактически не проводились раскопки, что обусловило отсутствие археологического материала, который мог бы служить ее доказательством или опровержением. Использование сигнальных огней и дыма также видится сомнительным. Подобный вид связи в основном использовался на открытой местности и был особенно эффективен в степи. Однако местный рельеф изобилует густыми лесами и впадинами, что ограничивает видимость и изрядно снижает эффективность данного средства коммуникации.

Третья гипотеза объясняет необычное расположение ряда московитских крепостей их принципиально иной функцией, по сравнению с порубежными укреплениями. Согласно данному предположению, «тыловые» крепости были построены не для защиты, а в целях установления административного контроля над захваченными территориями и их постепенной колонизации. Данный подход отчасти подтверждается хронологией строительства московитских крепостей на литовской границе. Исходя из датировок, можно увидеть, что в первую очередь была построена цепочка пограничных, «внешних» крепостей (Сокол – 1566 год, Туровля – 1568 год, Ула – 1566 год, Суша – 1567 год), которые обладали лучшими укреплениями и явно предназначались для формирования оборонительного рубежа против литовцев. «Тыловые» крепости, в свою очередь, были построены уже после того, как закончилось строительство более приоритетных крепостей: Ситно в 1570 году, а Нещерда в 1571 году. Вероятнее всего, данные крепости строились с расчетом на установление административного контроля над захваченными территориями, что вполне объясняет малочисленность военного контингента, основной целью которого являлось установление и поддержание царской власти, а не военные действия. Вполне вероятно, что Иван IV просто перенял практику своего отца, Василия III, который закреплял захваченные литовские земли при помощи назначения великокняжеского наместника, чья власть поддерживалась силами минимального военного контингента⁷. Данное предположение, на наш взгляд, является наиболее обоснованным, и, кроме того, не исключает возможного синтеза с другими высказанными гипотезами. Впрочем, подобный подход никак не объясняет причины строительства крепости Козьян, которая также сильно занесена в тыл, но при этом была построена одной из первых, в 1563 году. Кроме того, данная гипотеза, к сожалению, также никак не основывается на археологическом материале по причинам уже указанным выше, что оставляет значительный простор для критики и обсуждения в дальнейшем.

Как можно видеть, проблема тактики формирования обороны государственной границы Московии на западных рубежах в XVI веке по-прежнему остается открытым. Отрицательно сказывается на ходе исследования значительный пробел в археологическом материале и данную лауну заполнить пока что нечем. Остается надеяться, что белорусские археологи всё же проявят интерес к наследию Ивана Грозного и в скором времени в научный оборот будут включены новые материалы, которые позволят исследователям с большей уверенностью судить о принципах формирования системы оборонительных рубежей Московского государства в XVI веке.

⁷ Кром М. М. *Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV-первой трети XVI в. М., 2010. С. 250-259.*

УДК 930.85

**ЦЕРКОВНЫЙ РАСКОЛ XVII ВЕКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
РУССКОЙ ЖИВОПИСИ****CHURCH SCHISM OF THE SEVENTEENTH CENTURY
IN THE WORKS OF RUSSIAN PAINTING****С.Е. Лазарев, О.Г. Курдюмов****S.E. Lazarev, O.G. Kurdyumov**

*Орловский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации,
Россия, 302028, г. Орёл, бульвар Победы, 5 «а»*

*Технологический институт имени Н.Н. Поликарпова Приокского государственного университета,
Россия, 302030, г. Орел, ул. Московская, 34*

*Orel branch of the Russian Academy of national economy and state service under the President Russian Federation
5 «a» Pobeda boulevard, Orel, 303028, Russia*

*Technological Institute named after N.N. Polikarpov Prioksky State University,
34 Moscovscaja St, Orel, 302030, Russia*

E-mail: lasarev2009@yandex.ru, olego31@mail.ru

Ключевые слова: Церковный раскол, старообрядчество, царь Алексей Михайлович, патриарх Никон, протопоп Аввакум, художники-передвижники, портрет, историческая живопись, бытовая живопись, пейзаж.

Key words: Church schism, old believers, Tsar Alexei Mikhailovich and Patriarch Nikon, Avvakum, artists Wanderers, portrait, history painting, genre painting, landscape.

Аннотация. Статья повествует о том, как раскол русской православной церкви XVII в. отобразился в изобразительном искусстве. По жанрам живопись, посвящённую Церковному расколу, можно подразделить на: портреты участников тех событий; историческую живопись, изображавшую важные события прошлого; бытовую живопись, посвящённую повседневной жизни людей в Московском государстве; пейзажи, передающие красоты средневековой Москвы и дальних уголков России, где прятались от властей старообрядцы; батальную живопись со сценами различных сражений, участниками которых были старообрядцы. В статье выделены основные периоды становления отечественной живописи. Упоминаются как хорошо знакомые ценителям искусства, так и малоизвестные художники и их работы.

Resume. The article tells the story of how the schism in the Russian Orthodox Church of the XVII century, displayed in the fine arts. Genre painting, dedicated Church schism, which can be divided into: portraits of participants of those events; historical paintings depicting important events of the past; household painting, dedicated to the everyday life of people in the Muscovite state; landscapes that convey the beauty of medieval Moscow and the far corners of Russia, which was hidden from authorities, the old believers; battle paintings with scenes of various battles in which the participants were believers. The article highlights the main periods of formation of native art. Referred to as familiar to art lovers, and little-known artists and their work.

Раскол русской православной церкви в XVII в. ознаменовал собой новый период в духовной жизни общества. Следы его пронизывают самые разные сферы отечественной культуры – своеобразная архитектура, музыка и песнопения, целые пласты литературных произведений. Но особое влияние реформа Никона оставила в живописи. Причин тому несколько: это и важная роль изобразительного искусства в религиозной практике христиан, и совпадение раскола со свежими веяниями западноевропейской культуры на русской земле.

Анализ развития отечественной живописи предпринимался в фундаментальных исследованиях¹; защищались диссертации по различным аспектам проблемы²; историю созда-

---

¹ Алпатов М.В. Всеобщая история искусств: в 3-х т. М., 1948–1955; История русского искусства: в 13 т. / Под ред. И.Э. Грабаря, В.С. Кеменова и В.Н. Лазарева. М., 1953–1969; Искусство стран и народов мира / Гл. ред. Б.В. Иогансон. М., 1962–1981.

ния живописных изображений главных противников времён раскола – патриарха Никона и протопопа Аввакума – проследили в своих работах Кевин М. Кейн³ и В.И. Малышев⁴. Однако попытка комплексного представления произведений, посвящённых расколу, предпринимается, пожалуй, впервые.

По жанрам живопись, посвящённую Церковному расколу, можно подразделить на: портреты выдающихся личностей и рядовых участников тех событий; историческую живопись, изображавшую важные события прошлого; бытовую живопись, посвящённую повседневной жизни людей в Московском государстве; пейзажи, передающие красоты средневековой Москвы и дальних уголков России, где прятались от властей старообрядцы; батальную живопись со сценами различных сражений, происходивших в ходе Соловецкого и других народных восстаний XVII в., участниками которых были старообрядцы.

Начало разработке темы Церковного раскола в русской живописи было положено уже в XVII в. Как известно, в отечественном искусстве той поры, особенно во второй половине столетия, усилились светские черты и реалистические тенденции. Художники начали внимательнее присматриваться к окружающему миру, более правдиво передавать в живописи впечатления действительности. Переосмысливались библейские сюжеты, акцент в них начал ставиться не на главном, с религиозной точки зрения, а на моментах, лишённых религиозного значения; возрос интерес к историческим темам и бытовому жанру. Развивались светские жанры – портрет (парсуны) и пейзаж, русское искусство вливалось в общеевропейскую художественную культуру.

Примечательно, что обе стороны раскола резко негативно воспринимали новые тенденции в изобразительном искусстве. Положение усугубляли личностные особенности главного реформатора – патриарха Никона. В 1654 г. патриарх велел собрать из частных домов, в т. ч. и домов государственных сановников, иконы нового письма. Он приказал выколоть глаза изображённым на них святым, а затем стрельцы носили их по городу, объявляя указ, который грозил строгим наказанием всем, кто будет писать такие иконы⁵. В 1655 г., во время торжественного богослужения в Успенском соборе, в присутствии царя, Никон произнёс сильную речь против новых тенденций в русской иконописи. При этом он брал новые образа, показывал их народу и, выкрикивая имена владыцелей, бросал иконы на железные плиты пола так, что иконы разбивались, а затем приказал их сжечь⁶.

При всём том патриарх вовсе не был безоговорочным противником Запада даже в искусстве. Стены трапезной устроенного Никоном Иверского монастыря (Новгородская область) были украшены облачениями «армянских и польских священников», и для монастыря патриарх выписал «из франкских земель люстру из жёлтой меди, вышиной с большое дерево, с цветами, птицами и неопикуемыми диковинками»⁷. Никон охотно позировал приезжим иноземным мастерам, и сохранилось, по крайней мере, два его портрета, приписываемых работе последних. Причиной борьбы Никона с иконами была боязнь влияния западных религиозных идей. В этом отношении патриарх отличался от протопопа Аввакума, который вёл борьбу против нового мироощущения в искусстве⁸.

Одну из своих «Бесед» Аввакум посвятил современному ему состоянию иконописи. Он был страстным противником новшеств в искусстве. Аввакум нападал на рост реалистических тенденций в живописи и на связанное с этим сближение последней с искусством Запада. «По попущению Божию, – начинает он четвёртую «Беседу», – умножились в нашей русской земле иконного письма неподобные изографы. Пишут люди незначительные, а большие власти благоволят им, и все идут в пропасть гибели, уцепившись друг за друга, как пишется: когда слепой ведёт слепого, оба падают в яму»⁹. «Взгляни на святые иконы и смотри на угодивших Богу, как хорошие изографы изображают их облик: лица и руки, и ноги, и все чувства тонки и измождены от поста и труда, – пишет Аввакум в другом месте. – А вы ныне подобие их пере-

² Анкудинова Л.Е. Социально-политическая сущность религиозно-общественного движения в русском государстве 3-й четверти XVII в. Диссертация... кандидата ист. наук. Л., 1951; Быкова Е.В. Старообрядческая икона XIX–XX вв. в Волго-Вятском регионе. Диссертация... кандидата искусствоведения. СПб., 2006.

³ Кейн Кевин М. Образ патриарха Никона в российской культуре: художественные источники и электронные технологии // *Круг Идей*. Т. 8. М.-Барнаул, 2003. С. 61–114.

⁴ Малышев В.И. История «иконного» изображения протопопа Аввакума // *Труды отделения древнерусской литературы*. 1966. Т. XXII. С. 382–401.

⁵ Ключевский В.О. Русская история. М., 2005. С. 510.

⁶ Карташов А.В. История Русской Церкви: в 2-х т. Т. 2. М., 2005. С. 217–218.

⁷ Там же. С. 197.

⁸ История русского искусства... Т. IV. М., 1959. С. 42.

⁹ История русского искусства... Т. IV. С. 48–49.

менили, пишете таковых же, как вы сами – толстобрюхих, толсторожих, и ноги и руки как тумба»¹⁰.

Произведения живописцев первого этапа осмысления трагедии Церковного раскола представляют собой исключительно портретные изображения. Благодаря этому, и в наши дни можно составить мнение о внешности многих участников известных событий. Связано это с началом создания светского официального искусства и попыткой его использования в целях пропаганды.

Преуспел на этой ниве С.Ф. Ушаков, с 1664 г. – первый жалованный «царский изограф» и главный эксперт по всем вопросам искусств в Оружейной палате. Симон Фёдорович был последовательным сторонником «нового искусства», стремившимся к тому, чтобы икона в первую очередь была красивой, подменяя понятие божественного понятием прекрасного. К тому же он выдвигал новый для древнерусского искусства критерий схожести. Утверждая, что художник – это тот, кто «набрасывает в образах и лицах» то, «что он видит и слышит», он, по существу, пусть неосознанно, ставил под вопрос дальнейшее существование традиционного религиозного искусства¹¹.

В 1668 г. С.Ф. Ушаков пишет икону, которую можно назвать своеобразным групповым портретом или картиной, изображающей триумф русской государственности. Называлась она «Насаждение древа государства Российского» (ныне хранится в Государственной Третьяковской галерее). В нижней части иконы изображена кремлёвская стена, за ней Успенский собор. У подножия собора расположились собиратель русских земель князь Иван Калита и митрополит Пётр, первым перенёсший кафедру из г. Владимира в г. Москву, которые сажают древо Русского государства. На ветках древа укреплены медальоны с портретами всех видных политических деятелей Древней Руси. Самый большой медальон занимает изображение Владимирской богородицы, почитавшейся покровительницей г. Москвы. Внизу стоит царь Алексей Михайлович и царица Мария Ильинична с царевичами Алексеем и Фёдором. Эта икона призвана была показать преемственность власти новой династии Романовых и её исконную связь с собирателями Русской земли.

К образу царя С.Ф. Ушаков возвращался неоднократно. В 1670 г. он выполнил портрет Алексея Михайловича, предназначенный в подарок александрийскому патриарху Паисию, в 1676–1677 гг. снова пишет портрет государя, а затем в 1677–1678 гг. выполняет несколько царских портретов вместе с И.А. Безминим и Б. Салтановым.

Сохранилось несколько прижизненных портретов Никона, в т. ч. групповых. Среди них – икона «Кийский крест с предстоящими», написанная в 1670-е гг. придворным живописцем Б. Салтановым. В период патриаршества Никона в России стали изготавливать кресты «мерюю и подобием Креста Христова». Никоном в Палестине был заказан ряд таких крестов для создаваемых им монастырей, в т. ч. и для Онежского Крестного монастыря на о. Кий. Кийский крест был изготовлен «из дерева кипарисного, в высоту и в ширину во всём подобен мерюю Кресту Христову». Освящение креста состоялось в августе 1656 г. После освящения крест под охраной был перевезён на о. Кий (ныне находится в храме преподобного Сергия Радонежского в Крапивниках, г. Москва). На правой стороне иконы изображались римский император Константин, царь Алексей Михайлович и патриарх Никон, а с левой стороны – мать римского императора Елена, способствовавшая распространению христианства, и царица Мария Ильинична. Стилистика изображения вполне соответствует древнейшей византийской традиции изображения сцен поклонения императора и членов его семьи самому Иисусу Христу или Его Кресту¹².

Ассоциация же самого Никона и династии Романовых с первыми православными царями способствовала укреплению позиций Никона, т. к. она напоминала легенду о завещании Константина, якобы отдавшего церкви бразды правления Римом, а также упрочению легитимности династии Романовых как наследников Константина, в соответствии с идеей «Москва – Третий Рим». Впервые на иконе Б. Салтанова высшие государственные лица страны – царь и патриарх – совершали крестное знамение троеперстием¹³.

Из других работ, посвящённых Никону, выделим портрет в рост, писанный на тафте в начале 1680-х гг. (хранится в Государственном Историческом музее), автором которого был талантливый живописец И.А. Безмин. Некоторые исследователи считают, что написанный маслом на холсте портрет Никона с клиром (хранится в Государственном краеведческом му-

¹⁰ Там же.

¹¹ История русского искусства: в 2-х т. 2-е изд. Т. 1 / Под ред. М.М. Раковой и И.В. Рязанцева. М., 1979. С. 98–99.

¹² Грабар А. Император в византийском искусстве. М., 2000. С. 115.

¹³ Кейн Кевин М. Образ патриарха Никона... С. 68.

зее г. Истры) был создан работавшим в г. Москве голландским мастером Д. Вухтерсом около 1667 г. Судя по манере его исполнения, его мог написать только художник, владевший средствами западноевропейской живописи того времени¹⁴.

Отметим и другие работы мастеров Оружейной палаты. Например – написанный в конце 1670-х – начале 1680-х гг. портрет царя Алексея Михайловича на коне (хранится в Государственном Историческом музее). Здесь нам бросается в глаза почти натуралистическая передача лица, живого взгляда, волос, одежды, украшений. Поражает живость изображения лица по контрасту с плоскостной трактовкой непропорционально построенных фигур. Голова персонажа непомерно велика, туловище его тщедушно, конь же кажется карликовым¹⁵.

Ещё одна работа – это светский, гораздо менее торжественный портрет Алексея Михайловича с натуры, относящийся к 1670-м гг. и также хранящийся в Государственном Историческом музее. Живость трактовки лица и, видимо, большое портретное сходство, стремление художника точно воспроизвести пристальный взгляд, придать выразительность губам, мягкая моделировка лица и тонких пушистых волос, усов и бороды, тщательная, почти натуралистическая передача фактуры ткани и драгоценных камней на одежде невольно заставляют забыть о жёсткой, плоской трактовке складок и несколько застылой позе¹⁶.

В те же годы в старообрядческой среде идёт своя пропагандистская деятельность. Персонажами произведений искусства становятся видные деятели раскола протопоп Аввакум и боярыня Ф.П. Морозова. Они почитались старообрядческой церковью в качестве святых и писались раскольниками на иконах¹⁷. Подвиги менее именитых противников реформ Никона так же использовались в пропагандистских целях. Примером может послужить посвящённая восстанию монахов Соловецкого монастыря старообрядческая икона «Казни соловецких иноков»; работа неизвестного художника, посвящённая расправе воеводы И.А. Мещеринова с участниками Соловецкого восстания, датируемая началом XIX в., и т. д. Необходимо было показать, что к подвигу нужно быть готовым любому человеку в любой момент. В этом отражается эсхатологическая направленность учения старообрядцев.

Отдельным сюжетным рядом в старообрядческом искусстве прослеживается контр-пропаганда по отношению к официальной идеологии. Изображения «Бесовской Троицы» запечатлевали Никона в роли «лжепророка», а царя в качестве «предтечи зверя», подрывали авторитет как официальной церкви, так и царской власти, выставляя и Никона, и царя слугами дьявола¹⁸.

Весь XVIII в. и первую половину XIX в. в русском изобразительном искусстве господствовал классицизм, который диктовал свои условности. Обращение к теме русского раскола было возможным, по сути, лишь в рамках иконографии и портретной живописи (примером может служить портрет царевны Софьи работы А.П. Антропова).

Особый, революционный, вклад в развитие русской исторической и бытовой живописи внесли передвижники. Живописцы всё смелее стали обращаться к теме старообрядчества. Художественные круги привлекали фигуры выдающихся деятелей и сильных характеров XVII в., наиболее яркими из которых были вожди «борьбы за старину»¹⁹. Передвижников в расколе интересовали, прежде всего, яркие моменты его истории, в которых можно было отразить всю драматургию произошедшей в обществе трагедии. Известность получила картина «Стрелецкий бунт» (1862 г.) одного из первых передвижников Н.Д. Дмитриева-Оренбургского, повествовавшая о временах царевны Софьи. «Стрелецкий бунт возбудил надежду, что теперь можно добиться перемен, – писал Н.И. Костомаров. – Поднялись раскольники, поражённые проклятием собора и преследуемые мирской властью... Как только почувяли они нетвёрдость тяжёлой руки, давившей их, тотчас подняли голову»²⁰.

Основоположителем историко-бытового жанра в русской живописи считается В.Г. Шварц, который создал ряд полотен на мотивы средневековой Руси. Творческий метод В.Г. Шварца характеризуется вполне удачной попыткой вписать сюжеты, связанные с расколом, в общекультурный контекст эпохи²¹. Интересна картина художника «Патриарх Никон в Новоиерусалимском монастыре» (1867 г.). Этот монастырь был основан патриархом под г.

¹⁴ История русского искусства... Т. IV. С. 453.

¹⁵ Там же, с. 455–456.

¹⁶ Там же, с. 458.

¹⁷ Мальшев В.И. История «иконного» изображения... С. 384–385.

¹⁸ Кейн Кевин М. Образ патриарха Никона... С. 68.

¹⁹ История русского искусства... Т. IV. С. 29.

²⁰ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. М., 2012. С. 600.

²¹ Популярная художественная энциклопедия: в 2-х т. Т. 2 / Гл. ред. В.М. Полевой. М., 1986. С. 388.

Москвой в 1656 г. с целью воссоздать комплекс святых мест Палестины. Некоторые здания, возведённые по воле Никона, повторяли очертания сооружений Иерусалима, как, например, Воскресенский собор создан по образу и подобию Храма Гроба Господня.

Творчество М.П. Боткина ориентировано на возвращение к тенденции портретных изображений, и не парадных, как это было в XVII в., а глубоко психологических. Его «Старовер» (1877 г.), ныне хранящийся в Государственной Третьяковской галерее, мрачен и мудр, устало поглядывает на зрителя из-под седых бровей и, кажется, обладает каким-то сверхъестественным, вселенским знанием²². Михаил Петрович неоднократно возвращался к теме старообрядчества: «Старообрядческий начётчик», «Старообрядец», «Монахини» и др.

И.Е. Репин написал, пожалуй, один из самых известных портретов царевны Софьи (1879 г.), который сегодня можно увидеть в Государственной Третьяковской галерее. Царевна являлась яростной противницей старообрядчества. «При Софье было смягчено законодательство о несостоятельных должниках, ослаблены некоторые уголовные кары, отменена варварская казнь – закапывание в землю живого, – писал С.Ф. Платонов. – Однако в отношении к раскольникам незаметно было большой гуманности: раскол преследовался по-прежнему строго»²³.

Большую известность получила картина А.Д. Кившенко «Патриарх Никон предлагает новые богослужебные книги» (1880 г.). Эта работа была написана для книги С.Е. Рождественского «Отечественная история в картинах для школы и дома» (1881 г.)²⁴. Алексей Данилович изобразил конфликт между официальной церковью и будущими раскольниками: с недоумением воспринимают многие священнослужители исправленные Никоном старые книги. Патриарх на картине изображён рядом с царём, который спокойно наблюдает за событиями, как бы со стороны.

Почти одновременно, в 1880–1881 гг. была закончена картина В.Г. Перова «Никита Пустосвят. Спор о вере». События, изображённые на картине, относились к 1682 г. Именно тогда начался под политическими лозунгами, а завершился под религиозными знаменитый стрелецкий бунт. По наущению князя И.А. Хованского взбунтовавшиеся стрельцы сочинили челобитную с призывом «постоять за старую православную христианскую веру и кровь свою пролить за Христа»²⁵. От лица челобитчиков действовал суздальский протопоп Никита Добрынин (оппоненты прозвали его Пустосвят), вызвавший никониан на церковный диспут. 5 июля 1682 г. патриарх, царевна Софья, маленькие царевичи Пётр и Иван встретились в Грановитой палате с «богопротивным сомнищем» старообрядцев. Страсти разгорелись довольно быстро, царевна с царевичами демонстративно покинули Грановитую палату, что дало основание «нечестивому Пустосвяту» заявить о своей победе на диспуте. Однако на следующее утро Софья приказала схватить раскольников²⁶.

Картина Г.Г. Мясоедова «Самосожигатели» (1884 г.) запечатлела такую черту раскола, как сопротивление староверов никоновской реформе путём массовых самосожжений в избах²⁷. «Раскольники составили себе убеждение, что этого рода мученическая смерть ведёт в царствие небесное, – читаем мы у Н.И. Костомарова, – а потому не только не утраивались её, но сами искали»²⁸.

Служители культа часто становились героями произведений Н.В. Неврева. Особый интерес испытывал живописец к личности патриарха Никона, которому посвятил работу «Патриарх Никон перед Собором 1 декабря 1666 г.» (1885 г.), а затем вернулся к этой теме с непарадным портретом патриарха (ранее 1904 г.)²⁹.

Другой крупный зачинатель движения передвижников А.Д. Литовченко в работах «Боярыня Морозова» (1885 г.) и «Алексей Михайлович и Никон перед гробницей святителя Филиппа» (1886 г.) точно передал повседневную жизнь Московской Руси, сделал меткие зарисовки исторических деятелей, постаравшись избежать в своих сюжетах конфликтных ситуаций.

Но, пожалуй, самая известная картина на тему Церковного раскола – «Боярыня Морозова» (1887 г.) В.И. Сурикова, которая хранится в Государственной Третьяковской галерее.

²² Собрание М.П. Боткина. СПб., 2009.

²³ Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. М., 2006. С. 460.

²⁴ Кейн Кевин М. Образ патриарха Никона... С. 78.

²⁵ Масси Р.К. Пётр Великий: в 3-х т. Т. 1. Смоленск, 1996. С. 91–92.

²⁶ Костомаров Н.И. Русская история... С. 600–604.

²⁷ Романова Е.В. Массовые самосожжения старообрядцев в России в XVII–XIX вв. СПб., 2012.

²⁸ Костомаров Н.И. Русская история... С. 493.

²⁹ Артёмов В.В. Николай Неврев. М., 2004.

Художник показал момент, когда в голубой дымке зимнего утра, по рыхлому влажному снегу, по многолюдным московским улицам везут в заточение закованную в цепи раскольницу. В знак своей приверженности старым обрядам боярыня Ф.П. Морозова высоко поднимает руку с двуперстным знаменем. В её взоре – фанатичная уверенность и сила, говорящие о том, что она готова пойти на всё во имя сохранения «старой веры»³⁰.

Настоящим явлением в русской живописи стал ученик В.Г. Перова и один из поздних передвижников М.В. Нестеров. Его интересы находились в области духовно-религиозных и этических проблем, поисков просветлённой и чистой душевной красоты людей, пренебрежённых суетой мира. На многих полотнах М.В. Нестерова был отображён рельеф Соловецких островов, ставших в XVII в. одним из центров сопротивления никоновской реформе. Два столетия спустя, желая углубить своё знакомство с духовным миром русских монастырей, художник специально отправился в путешествие в Соловецкий монастырь на Белом море. Под впечатлением от русского Севера, суровой природы и соловецких монахов М.В. Нестеров написал картины «Лисичка», «Мечтатели», «Молчание», «Обитель Соловецкая», «Пустынный», «Соловки», «Тихая жизнь».

Среди них выделяется картина «Пустынный» (1888–1889 гг.), которая полна задушевности, трепетного лиризма, тонко переданного настроения. Изображён седой, согбенный прожитыми годами старец-отшельник, напоминающий своим обликом какого-нибудь обыкновенного деревенского деда. Осенним днём он медленно, с трудом передвигая ноги, бредёт в одиночестве по берегу небольшого озера. Тихая умиленная улыбка освещает лицо старика. Такая же чуткая осенняя тишина разлита и в природе³¹.

Под влиянием романов П.И. Мельникова-Печерского, посвящённых жизни заволжских старообрядцев, М.В. Нестеров написал цикл картин о горестной судьбе русской женщины: «Две сестры», «Думы», «За Волгой», «Лето», «На Волге», «На горах», «Одинокие», «Усталые». Всех их пронизывала чисто-русская «любовь-жалость» автора к героиням, раскрывалась тема чуткой, глубокой женской души, напрасно одарившей любовью не стоящего такого чувства человека и готовой скрыться в поисках покоя за стеной старообрядческого скита. Особо среди произведений этого цикла выделяется картина «Великий постриг» (1898 г.). На ней изображена юная девушка с глубокой печалью на лице, идущая на постриг в сопровождении монахинь из затерявшегося в лесной глуши старообрядческого скита. Главная тема картины – реквием по несбывшемуся счастью.

Выразительным и трагическим полотном является картина П.Е. Мясоедова «Сожжение протопопа Аввакума» (1897 г.). В основу работы легло одно из самых драматических проявлений раскола – казни приверженцев старой обрядности. Преследуя раскольников, власти приняли древний способ казни – сожжение. Так, 1 апреля 1681 г., в Пустозёрске (исчезнувший город в нижнем течении Печоры) были сожжены в срубе, за хулы на церковь, протопоп Аввакум и его соратники, сосланные сюда 14 лет назад. По преданию, сохранившемуся у раскольников, Аввакум перед смертью показал народу двуперстное крестное знамение и сказал: «Кто будет таким крестом молиться, вовек не погибнет, а покинет этот крест, и город ваш песок занесёт, и свету конец настанет!»³².

Но художником, в творчестве которого Церковный раскол отобразился, пожалуй, наиболее полно, стал С.Д. Милорадович, написавший немало сцен из истории духовенства и монашества. Известнейшие из них: «Чёрный собор. Восстание Соловецкого монастыря против новопечатных книг в 1666 г.» (1885 г.), «Аввакум, идущий в Сибирь» (1898 г.), «Протопоп Аввакум в заключении в башне Братского острога» (1899 г.). Дважды художник рисовал «Суд над патриархом Никоном» (1885 г., 1906 г.).

Трагические события XVII в. в русской истории писал и талантливый живописец К.А. Вещилов, выставлявшийся в годы Первой мировой войны в Товариществе передвижных художественных выставок. В работах К.А. Вещилова изображены яркие персонажи времён раскола («Стенька Разин», «Суд над протопопом Аввакумом», «Арест царевны Софьи» и др.)³³. В 1922 г. художник эмигрировал во Францию (в середине 1930-х гг. переехал в США), поэтому долгие годы соотечественники не могли познакомиться с его творчеством.

Из талантливых живописцев начала XX в. выделим также И.С. Куликова, мастера портретов и бытовых сцен³⁴. Наибольшую известность Ивану Семёновичу принесла картина

³⁰ Шинкарчук С.А. История России в живописи. СПб., 2008. С. 38.

³¹ История русского искусства: в 2-х т. Т. 2. Кн. 2 / Под ред. М.Г. Неклюдовой. М., 1980. С. 32–33.

³² Костомаров Н.И. Русская история... С. 493.

³³ Толмацкий В. Константин Вещилов // Антикварное обозрение. 2003. № 3. С. 8.

³⁴ Беспалов Н.А. Иван Куликов. М., 2003.

«Портрет старообрядца» (1911 г.), которая внешне перекликается со «Старовером» М.П. Боткина и находится ныне в Муромском историко-художественном музее.

Краткий анализ, приведённый выше, показал, что художников XIX – начала XX вв. в расколе интересовал, прежде всего, мотив отчаянной борьбы за убеждения. Путём открытого противостояния, бунта или пассивного – от ухода в глухие лесные скиты до крайних мер, вроде самоожжений. Эти сюжетные линии вполне вписываются в общекультурный фон эпохи – ожидание перемен, революций, поиск сил для спасения Отчизны в незатейливой народной религиозности.

В советский период разработка темы Церковного раскола в отечественной живописи несколько приостановилась. В силу политики государственного атеизма, полотна на религиозные, церковные мотивы не приветствовались. И касаться истории раскола художники не решались. Попытки уйти от догматических условностей прослеживаются в творчестве М.В. Нестерова («У монастырских стен», «Отцы-пустынники и жёны непорочны»), П.Д. Корина («Реквием. Русь уходящая»), И.С. Глазунова («Вечная Россия», рисунок протопопа Аввакума), которые религию, веру и служителей культа не отделяли от истории и культурной жизни страны.

В последней трети XX в. у историков и искусствоведов возник интерес к старообрядческой иконе, во многом благодаря экспедиционной и собирательской деятельности, в результате которой были спасены многие памятники. За последнее время выявлены значительные центры старообрядческой культуры, сумевшие создать свои мастерские и иконописные школы. Одной из центральных для старообрядцев была тема преемственности русским православием древнего христианства, поскольку представления о такой преемственности, выделявшей русскую церковь среди других христианских церквей, и понимание в связи с этим необходимости сохранения «русской веры» в конечном итоге и привели к резкому столкновению старообрядцев и официальных церковных властей. На данный момент старообрядческая иконопись остаётся одним из самых «закрытых» и в то же время многогранных пластов русской культуры.

Завершая повествование об отражении трагедии раскола русской православной церкви, нельзя не упомянуть о некоторых современных живописцах. Работы, связанные с Соловками, этим красивым и уникальным местом, созданным руками человека, занимают особое место в творчестве крымского живописца И.И. Орлова-Троицкого. Среди его лучших пейзажей: «Колокола православия», «Северная башня Соловецкого монастыря», «Соловецкий монастырь», «Утро Соловецкого монастыря» и др.

С целью получения художественного вдохновения осенью 2009 г. совершил поездку на Соловецкие острова питерский живописец П.В. Еськов. В результате появился цикл картин, в которых передана неброская северная природа, драматизм истории монастыря, оптимизм возрождения обители: «Бухта Благополучия. Соловецкий монастырь», «Закат над Святым озером», «Соловецкий монастырь. На восходе солнца», «Утро на Соловках».

Устойчивая тенденция изображения мест, связанных с драматическими событиями прошлого, говорит о том, что существуют общечеловеческие ценности, выстраданные, вечные, над которыми не властно время, и которые всегда будут привлекать внимание деятелей искусства.

Предлагаемый перечень произведений живописи о временах раскола и видных его представителях не является исчерпывающим. По-видимому, найдётся ещё немало работ в библиотеках, государственных архивах, действующих церквях и монастырях, картинных галереях, музеях, частных коллекциях и т. д. Однако, как справедливо заметил искусствовед В.И. Малышев, «искать всё заново труднее, чем дополнять уже что-то собранное, найденное»³⁵. Авторы данной статьи надеются, что представленные сведения послужат основой для дальнейшего изучения и собирания изобразительных материалов, посвящённых теме раскола русской православной церкви XVII в., такой трагической и величественной.

³⁵ Малышев В.И. История «иконного» изображения... С. 394.

УДК 94(47).08

РОЛЬ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ В РАЗВИТИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ ПОРЕФОРМЕННОГО ПЕРИОДА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

THE ROLE OF COMMERCIAL BANKS IN THE DEVELOPMENT OF RURAL ECONOMY OF KURSK AREA IN POST-REFORM PERIOD OF THE RUSSIAN EMPIRE

Я.В. Валяев, Е.А. Ганжов, А.Н. Мошкин

Y.V. Valyaev, E.A. Gangov, A.N. Moshkin

*Белгородский государственный аграрный университет им. В.Я. Горина,
Россия, 308503, Белгородская обл., Белгородский р-н, п. Майский, ул. Вавилова, 1*

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*

*Belgorod State Agricultural University named by Gorin,
1 Vavilova St, p. May, Belgorod R-n, Belgorod region, 308503, Russia*

Belgorod National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: rufahnen@rambler.ru, gangovevgeniy@mail.ru, moshkin@bsu.edu.ru

Ключевые слова: коммерческие банки, кредитно-финансовые учреждения, пореформенный период, сельское хозяйство, Курская губерния.

Key words: commercial banks, financial institutions, post-reform period, agriculture, Kursk province.

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о роли коммерческих банков в развитии сельского хозяйства Курской губернии пореформенного периода с 1861 по 1914 гг. Дается характеристика значимых для региона кредитно-финансовых структур. Анализируется организация банковской сети, включающей филиалы крупных столичных банков, ориентированных на развитие отраслей сельскохозяйственного и промышленного производства рассматриваемого региона. Выявлено взаимодействие коммерческого и государственного банков. Показана экономическая ниша и деятельность частных финансовых учреждений. Рассмотрена проблема формирования и привлечения (расширения) клиентской базы.

Resume. The article discusses the role of commercial banks in the development of agriculture Kursk province in post-reform period from 1861 to 1914. We give a description of important region-bank financial institutions. We analyze the organization of the banking network of branches of large banks' capital, development-oriented sectors of agricultural and industrial production of the region. We revealed the interaction of commercial and state banks. The investigation shows the economic niche and the activities of private financial institutions. The article also deals with the problem of formation and involvement (extension) customer base.

В отечественной историографии в последнее время большое внимание уделяется изучению переломных исторических эпох отечественной истории через призму трансформирующегося общества, вынужденного постоянно приспосабливаться к новым реалиям жизни. Среди таких значимых промежутков времени особое место занимает пореформенный период российской истории, где впервые, по сути, зародилась и развилась новая экономическая (кредитно-финансовая) модель, ранее не свойственная нашему государству (во всероссийском масштабе).

Её появление после отмены крепостного права выглядело вполне логичным, а распространение в провинции – весьма полезным. Поэтому изучение влияния работы коммерческих банков на экономику Курской губернии представляется весьма актуальным, особенно в условиях современной политики государства, направленной на инвестирование в отечественное народное хозяйство и импортозамещение. Таким образом, наше исследование является не только актуальным, но и весьма своевременным, так как, изучая опыт прошлого поколения, мы избегаем возможных ошибок в будущем.

Целью данной работы является всестороннее изучение влияния коммерческих кредитно-финансовых учреждений на отрасли сельского хозяйства Курской губернии в период с 1861 по 1914 гг.

Новизна работы заключается в том, что данная тема не являлась объектом специальных исследований, а на основе ранее не изученного архивного материала выявлена роль акционерных земельных банков на территории Курской губернии и показана специфика их деятельности по развитию основных отраслей народного хозяйства. Источниковая база исследования базируется на широком круге архивных материалов.

Проблема создания новой финансовой системы негосударственных учреждений родилась во второй XIX века, когда в 1860 году изменилось отношение к кредиту, выразившееся в уменьшении монопольных финансовых организаций, зарождении новых банкирских домов и контор¹.

Развитие Курской губернии без коммерческих банковских учреждений было бы затруднительно. Так как одни государственные банки спасти положение не могли, поэтому появление акционерных негосударственных земельных банков было логично и уместно. Такие финансовые структуры являлись особенным звеном ипотечного кредита в экономике России, так как заняли лидирующие позиции в системе долгосрочного кредитования под залог недвижимого имущества. Среди них особое место занимают: Харьковский земельный банк, открывшийся в сентябре 1871 года и создавший филиалы в Курской губернии с основным капиталом в 13 млн. руб. на 1913 г.², и Московский земельный банк, открывшийся в августе 1872 года, деятельность которого как раз распространялась на те же территории, а основной капитал банка, например, на тот же 1913 год, достигал 12, 5 млн. руб.³.

Так, Московский земельный банк занимал одно из ведущих мест в своей отрасли, несмотря на то, что не считался самым крупным, но привлекал к себе достаточное число клиентов⁴. Председателем данного банка являлся Л.С. Поляков. С 1910 по 1913 г. банк входил в группу крупного общеимперского Азовско-Донского банка⁵.

Основная деятельность банка в Курской губернии характеризуется учётом векселей и разных срочных обязательств, выдачей ссуд под процентные бумаги, залогом земли или имущества и прочими операциями. Непосредственно выдача ссуд проводилась преимущественно в промышленном секторе, что, бесспорно, способствовало развитию производства на территории Курской губернии⁶. Источники кредитования данного банка суммировались путем выпуска акций и ипотечных облигаций. Выдача ссуд производилась только после оплаты как минимум 25% акционерного капитала в Государственном банке⁷. То есть данное финансовое учреждение для банковского сектора является вполне типичным предприятием, специализирующимся на кредитовании частного сектора под залог имущества.

Негосударственные земельные банки старались кредитовать и под залог городской недвижимости, что свидетельствует о потребности развития самого городского хозяйства. Кредитование под залог городской недвижимости первоначально было на конкретный срок до 18 лет 7 месяцев, а затем до 36 лет 4 месяцев, правда, коммерческие банки предлагали клиентам ссуды на гораздо менее выгодных условиях, чем государственные⁸, поэтому к ним обращались в основном в том случае, если человеку или организации было отказано в государственных учреждениях⁹. Таким образом, в вопросе кредитования города частные банки уступали государственным вследствие их более гибких условий (низкая процентная ставка).

Суммы платежей по долгосрочным кредитам к концу XIX века в коммерческом банке вносились по полугодиям в зависимости от их продолжительности и составляли от 2,5 до 3%. Кроме того, до 3,4% изымалось на образование запасного капитала, так же отдельно – на дивиденды акционерам и на различные финансы по расходам за банковским учреждением. Оплата на погашение кредита исчислялась из его общей продолжительности и колебалась от

¹Батюшков Д.Д. Банки. Их значение, операции, историческое развитие и счетоводство. Владикавказ, 1995. С. 112.

²Лаврушин О.И. Российская банковская энциклопедия. М., 1995. С. 452.

³Ананьич Б.В. Банкирские дома в России, 1860 - 1914. Очерки истории частного предпринимательства. Ленинград, 1991. С. 86-87.

⁴Главный архив Курской области (далее ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2154. Л. 17.

⁵Устав акционерных земельных банков с разъяснением вопросов, возникших на практике при его применении с включением Решений Гражданского Д-та Правит. Сената. Изд. 4-е, доп. СПб., 1894. С. 2-4, 77-78.

⁶ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1412. Л. 95-96.

⁷ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 14487. Л. 14.

⁸Устав акционерных земельных банков с разъяснением вопросов, возникших на практике при его применении с включением Решений Гражданского Д-та Правит. Сената. Изд. 4-е, доп. СПб., 1894. С. 2-4, 77-78.

⁹Бабст И.К. Мысли о современных нуждах нашего народного хозяйства. М., 1999. С. 21.

1,5 до 1,8% за 6 месяцев, так же принимались во внимание издержки, которые уходили на производство, изготовление и оценку закладных листов, с чего снимался 1% от суммы кредита. Данные надбавки, естественно, приводили заёмщиков в полное негодование, вынуждая их обращаться в Министерство финансов с просьбами об уменьшении оплаты за ссудный капитал¹⁰. К сожалению, такие обращения были неэффективны, так как получение кредита было делом сугубо добровольным, и имело альтернативу в лице государственных финансовых учреждений.

К достоинствам коммерческих земельных банков Курской губернии следует отнести их всесловную доступность. Тем не менее, основное место в кредитуемой среде занимало дворянство, на которое приходилось 85 % всей задолженности. Данное процентное выражение свидетельствует о двух фактах. Первый – это большое количество представителей дворянства, нуждающихся в кредите, и второй – привлекательность условий, предоставляемых банком, для дворянского сословия.

Сфера коммерческого кредита в Курской губернии первоначально была представлена Киевским промышленным банком, открывшимся 25 октября 1872 г. Однако деятельность Курского отделения данного банка оказалась недолгой. На рубеже XIX – XX вв. Курская губерния стала привлекательным регионом ещё для одного крупного в стране Московского международного торгового банка, который открыл три отделения: в Курске (в 1896 г.), Белгороде (1902 г.) и Рыльске (1904 г.)¹¹. Видимо, заинтересованность коммерческих банков в Курской губернии связана с хозяйственной специализацией (в основном, – с хлеботорговлей).

Коммерческие банки с момента начала своей деятельности (1870-е гг.) обладали правом как земельного кредитования (то есть брать в залог частновладельческие земли в сельской местности), так и городского – под залог недвижимости и построек. В основном же в этот период времени банки направляли свою деятельность главным образом в сферу земельных ссуд, о чём свидетельствует приведённая ниже таблица¹²:

Таблица 1
Table 1

Сумма выданных ипотечных ссуд акционерным земельным банком
The amount of issued mortgage loans of joint stock land Bank

Годы	Земельные ссуды	Городские ссуды
1874	63,6	28,6
1880	151,8	48,5
1890	290,6	81,2
1891	293,6	86,5
1892	306,6	98,6

Как видно из таблицы, со времени основания коммерческих земельных банков и до начала промышленного подъема 1890-х гг. сумма земельных ссуд увеличилась почти в 5 раз, а сумма городских – лишь в 3 раза. К началу 1892 г. общая сумма ссуд под залог частновладельческих земель более чем в 3 раза превышала сумму ссуд под залог городской недвижимости.

Министерство финансов впоследствии отмечало, что в начале деятельности земельных банков, «когда землевладение наше крайне нуждалось в капиталах, а города развивались медленно, в операциях банков преобладали ссуды земельные»¹³.

Так, например, Московский международный торговый банк перешел к непосредственному кредитованию торговли и к финансированию промышленных предприятий на территории Курской губернии. Сотрудничество Московского международного коммерческого банка с промышленными предприятиями Курска можно считать положительным на основании следующих цифровых данных: 28 % своих средств банк выделял под развитие сахарной промышленности, 12 % уходило на нужды текстильной промышленности¹⁴.

Середина 90-х гг. XIX века характеризуется ростом промышленного производства, развитием торговли и увеличением городского строительства, что вызвало потребность в «городском» кредите. Это обстоятельство привело к тому, что коммерческие земельные банки,

¹⁰Устав акционерных земельных банков с разъяснением вопросов, возникших на практике при его применении с включением Решений Гражданского Д-та Правит. Сената. Изд. 4-е, доп. СПб., 1894. С. 81.

¹¹ Государственный архив Харьковской области (далее ГАХО). Ф. 71. Оп. 1. Д. 344. Л. 4.

¹² Российский Государственный Исторический архив (далее РГИА). Ф.583. Оп.3. Д. 2084. Л. 160-166 об.

¹³ РГИА. Ф. 583. Оп. 1. Д. 93. Л. 15, Д. 201. Л. 45, Д. 96. Л. 164.

¹⁴ ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 402. Л. 1-5.

используя конъюнктуру, начинают усиленно заниматься выдачей ссуд под залог городской недвижимости. Приведенная ниже таблица показывает соотношение городских и земельных ссуд в процентах¹⁵:

Таблица 2
Table 2

Соотношение городских и земельных ссуд в процентах
The ratio of urban and land loans in percent

Годы	Земельные ссуды	Городские ссуды	Всего
1893	76	24	100
1894	76	24	100
1895	75	25	100
1896	73	27	100
1897	69	31	100
1898	64	36	100
1899	59	41	100
1900	56	44	100

Таким образом, за 1893 по 1900 гг. произошло существенное изменение в соотношении земельных и городских ипотечных ссуд в сторону последних. После увеличения урожая зерновых банки, ближе к концу XIX века, переориентировались на промышленное производство в губернии¹⁶. За десятилетие – с января 1893 г. и до 1 января 1902 г. земельные ссуды банков увеличились на 182,4 млн. рублей, а городские – на 334,8 млн. рублей. Если по состоянию на 1 января 1892 г. сумма земельных ссуд была больше суммы ссуд городских в 3 с лишним раза (306 млн. руб. и 98 млн. руб.), то на 1 января 1902 г. первая превышала вторую лишь на 16% (505 млн. руб. и 435 млн. руб.)¹⁷.

В 1907 г. было открыто Курское отделение Петербургского международного коммерческого банка, занимавшего 3-е место в банковской иерархии,¹⁸ и Русско-Азиатского финансового учреждения, который сумел в условиях жесткой конкуренции основать свое отделение в Белгороде, Старом Осколе, Новом Осколе, а также в Валуйках. Необходимо отметить тот факт, что в конце 1900-х гг. в Старом Осколе уже существовало отделение менее крупного Санкт-Петербургского Северного банка, но оно закрылось, столкнувшись с более сильным соперником¹⁹.

Таким образом, из описанной нами картины видно, что банки с определённой последовательностью развивали свою сеть на территории Курской губернии, но в условиях жесткой конкуренции не все смогли там закрепиться. Это свидетельствует о формировании определённых условий для развития финансовых учреждений конкретного региона и росте серьёзной конкуренции на рынке кредитования, бесспорно, влиявшего как на выбор человека, так и на финансирование определённой отрасли народного хозяйства.

Деятельность представительств коммерческих банков в Курской губернии характеризуется тем, что они занимались учетом векселей и разных срочных обязательств, выдачей ссуд под процент. Так, банковские кредиты составляли 1/10 доли основного и запасного капиталов банка и выдавались на срок свыше 30 дней²⁰, с одной стороны, дублируя Государственный банк, а с другой, – предоставляя кредиты тем людям, которые не могли воспользоваться услугами Государственных финансовых учреждений. Тем самым оказывалось влияние на развитие региональной экономики, так как коммерческие банки заполняли определенную нишу в финансовой системе губернии. Примером здесь может являться Курское отделение Московского международного торгового банка (Соединенного банка), осуществлявшего «полный перечень банковских операций»²¹.

Говоря о финансовых возможностях некоторых коммерческих банков, следует отметить, что они были весьма внушительными: так, в Курском отделении Петербургского коммерческого международного банка к 1 июля 1912 года счёт на кассе приходился в сумме 75 740

¹⁵ РГИА. Ф. 583. Оп. 3. Д. 2084. Л. 160-166 об.

¹⁶ ГАКО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 29. Л. 17.

¹⁷ Андриюшин С.А. Банки Российской империи. Томск, 1997. С.102.

¹⁸ ГАКО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 19. Л. 1.

¹⁹ РГИА. Ф. 626. Оп. 1. Д. 1283. Л. 7.

²⁰ ГАКО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 12. Л. 153.

²¹ Кауфман И.И. Кредит, банки и денежное обращение. СПб., 1873. С. 26.

руб. 97 коп., а суммарный общий баланс – 5 235 312 руб. 72 коп. Всего к 1 июля 1912 г. аванс данных финансовых заведений составил 104 612 руб. 49 коп., баланс – 6 110 363 руб. 37 коп. Отделение Петербургского коммерческого международного банка на своём текущем счёте в отделении Курского Госбанка имело сумму в размере 32 832 руб. 13 коп., а векселей, – учтённых на сумму 171 990 руб.²². Таким образом, данный банк был не просто состоятелен и кредитоспособен в финансовом плане, но и явно пользовался популярностью среди жителей Курской губернии.

Изучив операции Петербургского коммерческого банка в Курской губернии, мы пришли к выводу, что деятельность его была направлена преимущественно на ссуды, займы и покупки. Причём предпочтение отдавалось кредитованию промышленных предприятий региона (например, на покупку оборудования)²³.

Итоговый баланс Старооскольского отделения Петербургского международного коммерческого банка к 1 января 1913 г. составил 534 084 руб., то есть на порядок меньше, чем в отделении г. Курска. Операции, именуемые вкладными, стали привлекать в центральное отделение около 420 981 руб., что составило 78,8% от годового общего баланса. На текущие счета поступило вкладов на сумму 374 771 руб., что составило 89% от общей суммы вкладов. На бессрочные счета поступило 12 400 руб., на 96,7% меньше, а на срочные – 33 310 руб., то есть на 91 % меньше, чем на текущие счета²⁴. Это также свидетельствует о доверии данному банку со стороны вкладчиков.

Так, среди предпринимателей города Курска стоит отметить владельцев 4 заводов маслобойных (Дьяков и братья Лихушины), 4 мельниц паровых (братья Сошниковы), 2 водяных мельниц (Коренев), 3 просорушек (Котенев), 2 канатных фабрик (Шестаков), 2 табачных фабрик (Волчанский)²⁵.

Такая популярность банка объясняется, во-первых, их готовностью сотрудничать со всеми сословиями российского общества, а не только дворянского, во-вторых, – в нём оказывали финансовую помощь тем, кто не мог воспользоваться услугами государственных финансовых учреждений, и, в-третьих – те, кто сочли частные акционерные банки более выгодными для себя²⁶.

Рассмотрев ситуацию на примере отделения Международного коммерческого банка в городах Курске и Старом Осколе, можно сделать вывод, что данный банк своей деятельностью оказывал значительное влияние на развитие народного хозяйства региона²⁷.

Помимо кредитования предприятий коммерческие банки занимались покупкой предприятий, пытаясь вывести их на новый уровень развития. Так, например, Азовско-Донской банк приобрёл в 1907-1908 гг. горнопромышленные и сахарные предприятия юга России, в том числе и в Курской губернии²⁸, что также подтверждает мнение о важной роли коммерческих банков в развитии местной экономики, в данном случае, – промышленной отрасли сельского хозяйства.

Другое коммерческое финансовое учреждение – Курское представительство Московского земельного банка – осуществляло выдачу ссуд под залог земли или другое недвижимое имущество²⁹. 1 сентября 1893 г. правление Московского земельного банка докладывало инспектору г. Курска о том, что «в 1892 г. в городе Курске в банковском учреждении было заложено 218 недвижимых имуществ, под которые были выданы ссуды на общую сумму 997 800 руб.»³⁰. Таким образом, Московский земельный банк занимаясь вопросами залога имущества, способствовал выделению финансовой помощи для предпринимателей и хозяйств сельского хозяйства Курской губернии.

Первоначально банковский кредит составлял 7% годовых, но так, чтобы к полугодовому платежу прибавлялось и погашение долга. Долг банку постепенно погашался платежами в срок от 18 до 54,5 лет. Делалось это для того, чтобы банк не оказался в убытке³¹. За недоимки, неплатежи банком назначалась продажа заложенного имущества с торгов, о чём незамедлительно информировала периодическая печать. Так, «Курские губернские ведомости» в те-

²²РГИА. Ф. 626. Оп. 1. Д. 1283. Л. 7 об. – 8.

²³РГИА. Ф. 626. Оп. 1. Д. 1057. Л. 9 – 14.

²⁴РГИА. Ф. 626. Оп. 1. Д. 1283. Л. 7 об. – 8.

²⁵ГАКО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 12. Л. 24.

²⁶ГАКО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 12. Л. 1-6.

²⁷РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 315. Л. 11-13.

²⁸РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 548. Л. 36, 52, 71, 73, 86.

²⁹РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 548. Л. 13, 14, 33, 36.

³⁰РГИА. Ф. 616. Оп. 1. Д. 194. Л. 213.

³¹РГИА. Ф. 71. Оп. 1. Д. 52. Л. 13.

чение долгих лет сообщали на своих страницах о предстоящих торгах. Например, Московский земельный банк объявлял о продаже 28 мая 1910 г. «за неплатежи срочных платежей» в Курской губернии: в Дмитриевском уезде – 7 имений, в Щигровском и Новооскольском – по 4, Тимском – 3, Суджанском, Фатежском – по 2, Львовском, Корочанском, Обоянском, Рыльском, Путивльском – по 1 имению³². Отсюда следует, что политика банка была так чётко отлажена и задолженность, если и была, то незначительная.

В документах Российского Государственного Исторического архива отмечается факт о том, что представительства столичных государственных банков вкладывали свои денежные накопления под определенные проценты в частных финансовых учреждениях. Так, «к 1 января 1915 г. Курское отделение государственного банка расположило в кредитных частных учреждениях вклады на общую сумму 88 373 руб. 73 коп.»³³. Отсюда следует вывод, что коммерческие акционерные банки действовали в тесной связи с государственными финансовыми учреждениями, тем самым дополняя друг друга³⁴.

Примечательна особенность политики Петербургского коммерческого банка в 1900-е годы: по данным банковской статистики, к 1908 году основные активы филиала в Курске на 40% превысили основные активы правления. Это свидетельствует о заинтересованности в провинциальной хозяйственной жизни. Из-за этой выбранной позиции, на момент начала хозяйственного подъёма, который выпал на пятилетку перед Первой мировой войной, Петербургский коммерческий банк стал единоличным лидером среди кредитных учреждений в Курской губернии. Усиление его позиций обусловлено и внутренней реорганизацией большинства коммерческих банков³⁵.

Коммерческие банки также отметились в финансировании железнодорожного строительства Курской губернии. К началу Первой мировой войны контроль за железными дорогами был сосредоточен в руках банкиров, которые скупили их по прибыли от эмиссий железнодорожных облигаций.³⁶ Благодаря развитию железнодорожного строительства, финансируемого коммерческими банками, произошло ускорение товарооборота между регионами страны, что отразилось на уровне торговли как внутри Курской губернии, так и за её пределами.

Непосредственно своих коммерческих финансовых учреждений в Курской губернии не было. На её территории свою деятельность осуществляли различные филиальные представительства частных коммерческих банков³⁷.

Таким образом, коммерческие банки значительно способствовали развитию народного хозяйства Курской губернии, выделяя кредиты на модернизацию промышленности, финансирование сельхозпроизводителей и инвестирование в строительство железных дорог как главной артерии товарооборота между регионами.

³²ГАКО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 48. Л. 15.

³³ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 2538. Л. 5.

³⁴Бовыкин В.И. Формирование финансового капитала в России. Конец XIX в.-1908 г. М., 1995. С. 111.

³⁵ГАКО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 46. Л. 112.

³⁶ГАКО. Ф. 48 Оп. 1. Д. 46. Л. 142.

³⁷РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 127. Л. 9-12.

УДК 930

**ОБРАЗОВАНИЕ КУПЕЧЕСКИХ ДЕТЕЙ ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ
В 1861-1915 ГГ.****THE EDUCATION OF MERCHANTS CHILDREN OF TULA REGION
IN 1861-1915 YEARS****И.Н. Лобачева****I.N. Lobacheva**

*Тулский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
Россия, 300026, г. Тула, пр. Ленина, 125*

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Lenin avenue, 125, Tula, 300026, Russia

E-mail: irina3478@yandex.ru

Ключевые слова: купечество, Тульская губерния, классическая гимназия, реальное училище, коммерческое училище.

Key words: merchants, Tula region, classical gymnasium, real college, commercial college.

Аннотация. В статье на основе архивных материалов и данных статистических отчетов о деятельности Тульской мужской гимназии, Тульских реального и коммерческого училищ рассматривается отношение купечества к вопросу образования детей. Привлеченные автором материалы свидетельствуют о росте заинтересованности купечества в получении сыновьями среднего и высшего образования, в то время как купеческие дочери редко завершали курс среднего образования, поскольку их воспитание было ориентировано на подготовку к роли домохозяйки. Проанализированы мотивы выбора купечеством того или иного типа учебного заведения в разные десятилетия пореформенного периода (доступность для поступления, уровень требований к учащимся, возможность после окончания поступить в университет).

Resume. In the article on the basis of archive material and statistic accounts about the activity of Tula classical gymnasium for men, Tula real and commercial colleges the attitude to the problem of children's education is considered.

The materials used by the author give evidence about the growth of interest of Tula's merchants in getting secondary and high education by their sons, while merchant's daughters rarely completed the course of secondary education, as their upbringing was directed at the preparation for the part of a housewife. The causes of choosing this or that type of an education establishment in different decades of the second half of the nineteenth century (availability for entering, the level of demands towards the students, the possibility of entering the university after graduating) have been analyzed.

Последние пятьдесят лет существования Российской империи были временем интенсивных перемен, часто именуемых эпохой капиталистической модернизации. Развитие образования было как целью, так и важнейшей движущей силой преобразований. Расширение системы учебных заведений, существенное изменение их характера, направленное на подготовку необходимых кадров для стремительно развивавшейся экономики страны, способствовали и глубоким социокультурным изменениям в обществе.

В этой связи представляется немаловажным анализ изменения подходов к образованию детей в купеческой среде. Купечество, как основная социальная база российской буржуазии в условиях второй половины XIX – начала XX вв. стало в постсоветский период объектом пристального интереса со стороны ученых, изучающих процессы модернизации в Российской империи.

Данная статья освещает проблемы образования купеческих детей на примере Тульской губернии. Материалом для работы послужили дела из фондов Государственного архива Тульской области (ГАТО): образовательных учреждений (Дирекции училищ, Тульского реального училища и Тульской женской гимназии), органов городского самоуправления (Тульских Казенной платы, Городской Думы, Городской Управы), судебных учреждений (Тульских Сиротского суда и Палаты Гражданского суда). Кроме того, в статье использованы издававшиеся в начале XX вв. отчеты о работе различных образовательных учреждений Тульской губернии. Стоит от-

метить, что изучение представительства купеческих детей в разного рода учебных заведениях затруднено тем, что в материалах статистического учета образовательных учреждений губернии эта социальная группа с середины 60-х гг., как правило, не рассматривалась отдельно, а включалась наряду с мещанством в категорию «городское сословие». В отчетах о работе отдельных образовательных учреждений купечество чаще всего выделялось в особую группу «купцы и почетные граждане» вплоть до конца изучаемого периода. Однако такие отчеты, как было указано выше, в большинстве своем содержат статистику лишь на начало XX века.

Исследователи купечества неоднократно констатировали, что многие представители этого сословия в начале пореформенного периода не отличались, как правило, сколь-нибудь достойным уровнем образования, а зачастую и вовсе были неграмотны¹. При этом, не имея образования кроме «домашнего», и не умея, подчас, писать, купцы с началом пореформенного периода все чаще старались обеспечить образование своим детям.

Данные о численности учащихся по сословиям в 3-х классных уездных училищах Ведомства министерства народного просвещения Тульской губернии в 1862 г. свидетельствуют о том, что купечество достаточно скромно было представлено в данном типе школ, уступая лишь крестьянству (всего 149 человек – 17,5%)². Интересно, что наименьшее представительство купечества мы наблюдаем в Тульском уездном училище (11 человек – 4,8%), в то время как численность этого сословия в губернском городе намного превосходила таковую в остальных городах губернии. Объяснение этому факту находим при рассмотрении численности и социального состава учащихся в приходских уездных училищах, содержавшихся за счет городских обществ³. Оказывается, что данный тип учебных заведений пользовался куда большим спросом в купеческой и мещанской среде Тулы, чем уездные училища (97 человек купеческих детей – 18,4%), да и в большинстве остальных уездов губернии купечество отдавало ему некоторое предпочтение. Видимо, к началу 60-х гг. купечество в основной своей массе еще не было ориентировано на получение сыновьями как можно более полного образования, полагая достаточным знание грамоты и счета, которое обеспечивали одноклассные приходские училища. К тому же в этот период часть купеческих детей, предположительно, по-прежнему оставалась вне системы «регулярного» образования, традиционно отдавая предпочтение небольшим частным школам лиц духовного звания (именно они, чаще всего, подразумевались под формулировкой «домашнего образования»)⁴.

Обратившись к социальному составу учеников Тульской мужской гимназии – единственного среднего учебного заведения губернии в начале 60-х гг., мы находим подтверждение в целом низкой заинтересованности купечества в среднем и высшем образовании в тот период⁵. Так, доля купеческих детей в гимназии в 1861 г. была довольно незначительна (19 человек – 6,8%), а в ее старших классах представительство купеческих детей становилось единичным (как, впрочем, и других учащихся недворянского происхождения). При этом из трех купеческих детей, обучавшихся в VI классе гимназии, в следующий класс перешли только двое, а закончить гимназию удалось лишь одному из них. Конечно, препятствием для получения более полного образования купеческими детьми могли в определенной мере выступать и объективные трудности на пути к его приобретению: ограниченность мест в учебном заведении, высокий уровень требований к учащимся. При этом уже в 60-е гг. встречаются упоминания купеческих детей, получивших высшее образование: в Московском университете обучался сын купца К.А. Соболева, в Технологическом институте – купца С.И. Татарина, один из сыновей потомственного почетного гражданина Тулы купца Н.Н. Добрынина в 1860 г. окончил Санкт-Петербургское коммерческое училище.

В уездных училищах и школах для девочек количество учениц-представительниц купеческих семейств в 1862 г. было чуть более чем в два раза ниже числа купеческих мальчиков в системе государственных начальных школ (всего 218 человек). В процентном же отношении доля купеческих девочек среди прочих учениц заметно превосходит таковую мальчиков (29,7 против 17,5%). Это обстоятельство было следствием низкого представительства в таких учеб-

¹ Галимова Л.Н. Симбирское купечество во второй половине XIX - начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Ульяновск, гос. пед. университет им. И.Н. Ульянова, Ульяновск, 2005. С.200; Гончаров Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX–начала XX в. М., 1999. С.165; Кусова И.Г. Рязанское купечество: Очерки истории XVI–начала XX в. Рязань, 1996. С. 112, 120.

² Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 468.

³ ГАТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 469.

⁴ Дружинин А.Г. Начальное образование в Тульской губернии с 1800 по 1900 г. Тула, 1901. С. 19, 25.

⁵ ГАТО. Ф.7. Оп. 1. Д. 458.

ных заведениях дворянок, которым чаще давали образование дома, и крестьянок, родители которых, видимо, не имели еще заинтересованности в образовании дочерей.

В тульском 6-классном женском училище I разряда (существовавшего с 1859 г., а в 1870 г. преобразованного в гимназию) также встречались представительницы купеческих семейств. Так, в 1867 г. там обучалась четырнадцатилетняя киевская купеческая дочь А.Н. Авчинникова, взятая под опеку своей тульской родственницей – купеческой дочерью К.А. Золотаревой⁶.

С течением времени возрастала заинтересованность купечества в среднем и высшем образовании для сыновей, подстегиваемая как запросом на специалистов в российской экономике, так и возможностью получения образовательной льготы при прохождении юношами военной службы. В конце 90-х исследователи системы начального образования констатировали, что купечество, как и остальные привилегированные сословия, «не ощущает сильной потребности в обучении своих детей в начальных училищах»⁷. Видимо, основная часть купечества предпочитала для своих сыновей уже как можно более полное среднее образование. В 1895 г. во всех земских школах губернии обучалось всего 37 учеников купеческого происхождения (0,2%).

Напротив, количество учеников купеческого происхождения в средних учебных заведениях неуклонно росло вплоть до конца изучаемого периода. Так, число учащихся из купеческих семей, поступавших в Тульскую мужскую гимназию (с 1864 г. – «классическую») в 1871 г., более чем в два раза увеличилось по сравнению с таковым 1861 г. Возрастает и доля купеческих детей среди всех учащихся гимназии (14,9 против 10,3%)⁸.

В 1875 г. в губернии появилось еще одно среднее учебное заведение – Тульское реальное училище, выпускники которого, лишённые возможности поступить в университет, могли продолжить обучение в институте технической направленности. На второй год работы училища количество в нем купеческих детей было ниже числа купеческих сыновей, поступивших в мужскую классическую гимназию пятью годами ранее (11 человек против 15)⁹. Меньше была и доля представителей купечества среди прочих учеников училища (11,7%). Интересно, что и среди этих одиннадцати учащихся как минимум один – Аким Гудков – перешел из классической гимназии, в которой имел явные проблемы с успеваемостью (остался на второй год во втором классе). В следующем, 1877 г., в училище из гимназии перешло еще как минимум трое учащихся купеческого происхождения – Глаголев Н., Маторин Н., Коротков В.¹⁰. Т.е. та часть купечества, которая была в принципе ориентирована на получение среднего образования для своих детей, отдавала все же предпочтение классической гимназии. Первоначальное прохладное отношение купечества к реальному училищу могло быть обусловлено недоверием к новому типу учебного заведения, имевшему, к тому же, ограниченные возможности для своих выпускников по сравнению с гимназией наряду с весьма слабым набором учеников первых лет. Сотрудники реального училища впоследствии вынуждены были констатировать, что первые наборы учащихся состояли из малоуспешных детей, имевших, подчас, проблемы с дисциплиной. Правило, позволявшее ученикам гимназии поступать в училище без экзаменов, привлекло в его стены мальчиков, оказавшихся в гимназии на грани отчисления за «малоуспешность» (именно такими учениками были все дети купеческого происхождения, перешедшие из гимназии). Другим фактором низкой успеваемости учеников реального училища в первые годы его существования были, видимо, «слабые старания родителей по подготовке детей», в надежде «что новое заведение не может быть очень требовательным при приемных испытаниях»¹¹. Из 14 купеческих мальчиков, обучавшихся в реальном училище в 1876-1877 гг. ни одному не удалось закончить это учебное заведение.

Тем не менее, уже в 1880 г. купеческих детей в училище по данным официальной статистики насчитывалось свыше 60, причем 6 человек – в дополнительных отделениях VII класса¹². Объяснением такого всплеска интереса купечества к училищу может быть именно относительно невысокие требования для поступления в него. Так, в том же 1880 г. в Тульской классической мужской гимназии обучалось уже меньшее количество купеческих детей, неже-

⁶ ГАТО. Ф. 202. Оп. 1. Т. 2. Д. 2687. С. 59.

⁷ Начальное народное образование в Тульской губернии в 1896-97 учебном году. Тула, 1898. С. 11.

⁸ ГАТО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 691.

⁹ ГАТО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 20.

¹⁰ ГАТО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 42.

¹¹ Отчет о состоянии Тульского реального училища за первое XXV-летие его существования 1875-1900 гг. Тула, 1900. С. 11.

¹² Университеты и средние учебные заведения в 50-ти губерниях Европейской России и 10-ти Привислянских. СПб., 1888. С. 118-119.

ли в реальном училище (52 человека против 61), а их доля среди всех учащихся гимназии не изменилась с начала 70-х гг. и составляла около 15% (в реальном училище – больше 25%). Обосновывая необходимость открытия в Туле реального училища, гласные Тульского губернского земского собрания отмечали, что единственное до сих пор в городе среднее учебное заведение для мальчиков – мужская гимназия – отказывает из-за нехватки мест даже детям, успешно выдержавшим экзамен¹³. Вполне возможно, что при приеме в гимназию определенное преимущество отдавалось детям дворянского происхождения, что вынуждало купеческие семьи, чьи дети не сумели пробиться в число учеников гимназии, делать выбор в пользу реального училища.

С 1883 г. в реальном училище начали действовать новые правила: прекращён прием без экзаменов гимназистов и запрещено оставлять учащихся в одном и том же классе для повторного обучения более трех раз в течение всего курса обучения. Все это привело к появлению тенденции сокращения числа учащихся училища, сохранявшейся до 1888 г. Тем не менее, доля детей купеческого происхождения во 2-й половине 80-х среди учеников училища сохраняется на относительно стабильном уровне, хотя их количество заметно снижается по сравнению с 1880 г.

Располагая данными о сословной принадлежности учеников реального училища, их передвижении по классам и, в ряде случаев, продолжении обучения после окончания среднего учебного заведения, за период 1886-1903 гг.¹⁴ можно прийти к следующим выводам:

- на протяжении периода отмечается некоторый рост успешности купеческих детей: если ученики, покинувшие училище в 1886-1894 гг., оканчивали в среднем около 3-х классов, то в 1895-1903 гг. – уже 4.

- купеческие дети выгодно отличались от остальной массы учащихся, чья совокупная успешность, напротив, несколько снизилась. Роль здесь, видимо, играло растущее понимание значимости образования, подкрепляемое финансовыми возможностями купечества. Так, трудности в освоении учеником какого-либо из предметов приводили к рекомендациям Педагогического Комитета о найме репетиторов, а достойная дошкольная подготовка, которую стремились обеспечить появившиеся в Тульской губернии различные частные школы (Конопацкой, Бурцевой, Полюбиной, Любомудровой и др.), повышала шансы при поступлении в училище по экзамену и могла быть залогом дальнейшего успешного обучения ребенка.

- доля купеческих детей, вынужденных покинуть училище, не сумев закончить даже первого класса, заметно сокращается в 1895-1903 гг. (3,1 против 13,8%) и, напротив, растет процент учеников, совладавших с программой старших классов училища (26,2 против 20%).

Косвенно сделанные выводы подтверждают данные о причинах выбытия купеческих детей из училища до окончания курса. «Малоуспешность» ученика, как самая распространенная причина выбытия в 1886-1894 гг. уступает место в 1895-1903 гг. «домашним обстоятельствам». Последнее, правда, могло подразумевать под собой как действительные перемены в жизненных планах купеческой семьи (в отношении одного из учеников училища встречаем дополнительную пометку – «за смертью отца»), так и благовидное прикрытие все той же «малоуспешности». Зато сокращается и количество ситуаций, когда родители забирали ребенка «к практическим занятиям» (с 18,8 до 8,9%), что еще раз говорит о возросшей значимости образования в мировоззрении пореформенного купечества.

Как складывалась судьба купеческих детей, сумевших закончить все семь классов реального училища? К юбилею существования училища его сотрудники постарались собрать сведения о дальнейшей биографии своих выпускников¹⁵. Полученные ими данные свидетельствуют, что из 22 выпускников купеческого происхождения, покинувших училище в период с 1887 по 1899 гг., большая часть – 16 человек, благополучно поступили в различные институты.

Между тем сеть средних учебных заведений в Тульской губернии продолжала расширяться. В 1901 г. по инициативе и на средства тульского купеческого общества в Туле было открыто семиклассное Коммерческое училище с приготовительным классом, призванное «наиболее полно отвечать целям торгово-промышленного класса»¹⁶. По Положению о коммерческих учебных заведениях 1896 г. такого рода учебные заведения, с одной стороны, были направлены на подготовку своих выпускников к практической коммерческой деятельности, а с другой, наравне с реальными училищами, открывали доступ к получению высшего технического образования. При открытии заведения его директор П.А. Верещагин выразил надежду,

¹³ Отчет о состоянии Тульского реального училища... С. 7

¹⁴ ГАТО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 149.

¹⁵ Отчет о состоянии Тульского реального училища... С. 67-83.

¹⁶ Отчет Тульского коммерческого училища за 1901-1902 гг. Тула, 1902. С. 4.

что в недалеком будущем выпускники коммерческих училищ смогут поступать и в университеты. Программа училища включала в себя в старших классах такие специфические дисциплины как Законоведение, Политическая экономия, Коммерческая география (наряду с обычной Географией), Коммерческая арифметика, Бухгалтерия и Товароведение.

Численность учащихся купеческого происхождения в Тульском коммерческом училище устойчиво возрастала вплоть до 1908 г. в дальнейшем их количество заметно снижается, как впрочем, и остальных учеников училища (подсчеты произведены на основе данных Отчетов о деятельности Тульского коммерческого училища за 1901-1915 гг.)¹⁷ Сокращение числа учеников происходило как за счет окончания ими училища (в 1908 г. был первый выпуск этого учебного заведения), так и, большей частью, за счет снижения притока новых учащихся. Причин было несколько: во-первых, ввиду финансовых трудностей училища, в 1905 г. по городу поползли слухи о его скором закрытии. Во-вторых, к 1909 г. в Туле были открыты еще две мужские гимназии, а коммерческие училища для своих выпускников права поступления в университеты так и не получили. С тревогой руководители училища отмечали, что его стены начали покидать даже отдельные ученики старших классов, переходя в гимназии или же реальное училище, абитуриенты которого могли поступать по экзамену в университеты с 1888г.¹⁸ Уже в 1910 г. во все еще «дворянской» Первой тульской мужской классической гимназии учеников купеческого происхождения оказывается на 11 человек больше чем в «купеческом» коммерческом училище¹⁹.

Рост заинтересованности выпускников училища в продолжении образования вопреки «практической коммерческой деятельности» наглядно демонстрируют данные о дальнейшей судьбе выпускников училища. С каждым годом все больший процент юношей предпочитал поступить в институты (чаще всего в Коммерческий в Москве), нежели устроиться на службу или продолжить дела родителей. Причем фамилии известных тульских купеческих династий за редким исключением неизменно находятся среди выпускников, продолжающих обучение в каком-либо ВУЗе или же готовящихся к поступлению в него. Если говорить о предпочтениях купеческих юношей при выборе института или университета для поступления, то на основе имеющихся достаточно неполных сведений (пометки в объявлениях купеческих капиталов, объясняющие выбытие сына или племянника из сословия, сведения о судьбе выпускников реального и коммерческого училищ) можно выделить определенные тенденции. До начала 90-х гг. достаточно часто купеческие сыновья стремились приобрести профессии в медицинской сфере (всего зафиксировано 6 случаев с 1865 по 1890 гг.). Выбор военной профессии встречается у купеческих сыновей с конца 70-х гг. и вплоть до начала двадцатого века (как минимум 5 случаев). Вероятно, определенную роль здесь сыграло введение всеобщей воинской повинности в 1874 г., вовлекшее купеческую молодежь в армейскую среду: чаще всего отправной точкой пути к офицерскому званию становился призыв на военную службу, нежели поступление в военный ВУЗ. После окончания Тульского реального училища юноши из купеческих семей чаще всего делали выбор в пользу Лесного института, ВУЗов сельскохозяйственного профиля, или какого-либо из политехнических институтов. Выпускники коммерческого училища начала XX века, как уже отмечалось, в основном ориентировались на Коммерческий институт. Упоминания о получении высшего юридического образования редки среди купеческих юношей (всего два случая), хотя один из крупных купцов Белева А.С. Собилин еще в середине 50-х гг. отмечал, что для купеческих занятий необходимы, прежде всего, знания как в «мануфактурной части», так и в «законоведении»²⁰. Некоторые купеческие юноши обнаруживали в себе тягу к искусству. В начале XX века был настроен поступить в Академию художеств Н.А. Сушкин. Из пяти учителей уездных и приходских училищ купеческого происхождения в 1861-1863 гг. четверо были учителями рисования и черчения. Возможно, творческий склад личности мешал таким юношам сочетать свои интересы с продолжением семейного дела, «вытalkingвая» их в профессию педагога, в целом достаточно непопулярную в купече-

¹⁷ Отчет Тульского коммерческого училища... С. 63; Отчет Тульского коммерческого училища за 1906/7 учебный год. Тула, 1908. С. 37; Отчет Тульского коммерческого училища за 1907-8 и 1908-9 учебные годы. Тула, типография И.Д. Фортунатова, 1910. с.40; Отчет Тульского коммерческого училища за 1909-1910 учебный год. Тула, 1911. С. 28; Отчет Тульского коммерческого училища за 1911/12 учебный год. Тула, 1913. С. 23; Отчет Тульского коммерческого училища за 1912/13 учебный год. Тула, 1914. С. 39; Отчет Тульского коммерческого училища за 1913/14 учебный год. Тула, 1915. С. 34; Отчет Тульского коммерческого училища за 1914/15 учебный год. 1916. Тула, С. 33.

¹⁸ Отчет Тульского коммерческого училища... 1910. С. 32-32.

¹⁹ Отчет о состоянии Тульской мужской гимназии за 1910-1911 учебный год. 1911. Тула, 158. С. 14.

²⁰ ГАТО. Ф. 819. Оп. 1. Д. 573. С. 220.

ской среде (в 1880 г. по всей Тульской губернии работали учителями всего четыре человека купеческого происхождения – 4% от всей учителей)²¹.

Отношение купечества к образованию дочерей менялось, видимо, несколько медленней. В 1880 г. в Тульской женской гимназии обучалось 56 учениц купеческого происхождения²². Еще 50 учениц из купеческих семей посещали в этот период женские прогимназии Тульской губернии (существовали в Ефремове и Крапивне). Доля учениц купеческого происхождения в гимназии и прогимназиях (23% и 20% соответственно) превышала таковую учеников Тульской мужской классической гимназии. При этом стоит учитывать, что выбор средних учебных заведений для девочек в Тульской губернии на тот момент был более ограничен: альтернативой гимназии было только открытое в 1874 г. 6-классное Тульское женское епархиальное училище. Однако, в нем в 1880 г. мы находим лишь 8 учениц купеческого происхождения (2,7% от всех учащихся училища)²³. Число купеческих девочек в гимназии заметно сокращалось к старшим классам: по 14 учениц в I и во II классах, 11 – в III, 7 – в IV, по 1 ученице в V, VII и VIII классах и 3 – в VI. Таким образом, купечество к началу 80-х гг. продемонстрировало меньшую заинтересованность в получении своими дочерьми полного среднего образования по сравнению с сыновьями.

К 1901 г. численность девочек из купеческих семей в Первой тульской женской гимназии возрастает до 79 человек, но их доля среди всех учениц сокращается до 11%²⁴. С 1895 г. в Туле существовала прогимназия, в дальнейшем (1914 г.) преобразованная во Вторую Ольгинскую (названа в честь первенца императорской четы) гимназию. Позже появляются и частные гимназии (сестер Жесмин с 1904 г., Никольской с 1907 г., Боровиковой с 1913 г. и др.). Наиболее преуспевающие купцы, вероятно, предпочитали отправлять своих дочерей учиться в столичные города. Так, дочери купца А.П. Карсунского сначала обучались в частной школе в Москве, а вскоре были приняты на учебу в Московский Елизаветинский институт благородных девиц²⁵. Очевидно, воспитание купеческих дочерей и к началу XX века было ориентировано на подготовку домохозяек, в отдельных случаях – домохозяек со светскими манерами. В ситуации, когда педагогическая деятельность была наиболее доступным способом профессиональной самореализации для женщин в императорской России, в среде учительства Тульской губернии 90-х гг. учительницы купеческого происхождения составляли наименьшую долю среди всех сословий и исчислялись единичными примерами (всего семь человек)²⁶.

Подводя итог работы можно констатировать, что с начала 60-х гг. и до начала XX века заинтересованность в образовании среди купечества возрастала. Если в начале пореформенного периода представители сословия в основной массе предпочитали довольствоваться лишь изучением детьми азов грамотности, то уже к 80-м гг. их не устраивало менее чем среднее образование для сыновей. С 90-х же годов все отчетливее проявляется и тенденция продолжения юношами из купеческих семей своего образования после окончания средней школы. Выбор ВУЗа был обусловлен типом оконченного среднего училища (именно поэтому гимназия, дававшая больше возможностей при поступлении, неизменно была наиболее востребована купечеством), веяниями моды и, конечно же, личными интересами абитуриентов.

Ориентация на получение профессии к началу XX века была все еще мало характерна для девушек из купеческой среды, чьи родители, видимо, оказывали значительное влияние на своих дочерей. Проявляя растущую заинтересованность в получении женщинами образования, причем, по возможности, в наиболее престижных учебных заведениях, купечество в то же время не поощряло выход представительниц слабого пола за пределы круга семейных обязанностей.

²¹ Университеты и средние учебные заведения ... С. 439.

²² Там же. С. 322-323.

²³ Там же.

²⁴ ГАТО. Ф. 303. Оп. 3 Д.120.

²⁵ ГАТО. Ф. 174. Оп. 1. Т. 8. Д. 21919. С 40, 43.

²⁶ Начальное народное образование... С. 5.

УДК 94/99

РАЗВИТИЕ ФОТОДЕЛА В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ (НА ПРИМЕРЕ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.)

THE EVOLUTION OF PHOTOGRAPHY IN THE RUSSIAN PROVINCES (ON THE EXAMPLE OF KURSK PROVINCE OF THE SECOND HALF OF THE 19TH – THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURIES)

И.М. Плаксин

I.M. Plaksin

Курский областной краеведческий музей
Россия, 305000, г. Курск, ул. Луначарского, 6

Kursk regional museum of local lore
6 Lunacharskogo St, Kursk, 305000, Russia

E-mail: kokm.imp@yandex.ru

Ключевые слова: городская культура и быт, фотодело, Курская губерния, вторая половина XIX – начало XX в.

Key words: the city's culture and way of life, photography, Kursk province, the second half of the 19th – the beginning of the 20th centuries.

Аннотация. В статье рассматривается процесс развития фотодела в Курской губернии – одной из типичных губерний российской провинции. Прослежены изменения количественного состава фотографических заведений, установлены даты их открытия, фамилии владельцев, сословная принадлежность, выявлена география размещения фотозаведений, изложена организация их работы.

Resume. The article is devoted to the process of evolution of photography in Kursk province – one of the typical provinces of Russia. Some changes in structures of photo institutions, the dates of their foundations, the surnames of their owners, their class ownership, their locations, the basic principles of their work are described.

В последние десятилетия заметно усилился интерес исследователей к региональной истории. Ими рассматриваются многие сферы жизни российской провинции – экономика, политика, культура, быт и др. В региональной историографии все больше заявляет о себе такая проблема, как история развития фотодела. Ей посвящены отдельные научные публикации, тематические издания, диссертационные исследования¹. В курской регионалистике история фотодела как самостоятельная тема практически не привлекала внимание исследователей; можно назвать лишь несколько статей обзорного характера² и работы, посвященные видовой съемке губернского и уездных центров³.

¹ Идрисова Р.Р. По старым улицам Казанским. Казань в фотографиях XIX – начала XX века. Казань, 2005; Идрисова Р.Р. Становление и развитие фотографического дела в Казани и Казанской губернии. Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2011; Копылов В.Е. Былое светописы. У истоков фотографии в Тобольской губернии. Тюмень, 2004; Костюченко К.В., Никонов С.В. Фотографы и фотографические ателье Ярославской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.) Ярославль, 2015; Маркова Т.Е. Фотографы Владимирской губернии конца XIX – начала XX в. // Материалы исследований. Научно-практическая конференция ГВСМЗ. Сборник № 7. Владимир, 2001. С. 109–116; Нижний Новгород и нижегородцы в старинных фотографиях / сост. О.И. Наумова, С.Ю. Пожарская. Н. Новгород, 2013; Ногайкина С.И. Фотография в Астрахани. 1861 – 1920. Очерки по истории губернской фотографии. Астрахань, 2011; Панфилова Н.В. Из истории появления фотографии в Ярославском крае (1850-е гг. – 1903 г.) // Краеведческие записки. Вып. 8. Ярославль, 2005. С. 520–525; Попов А.П. Российские фотографы (1839 – 1930): словарь-справочник: [в 3-х т.]. М., 2013; Рязань в фотографиях XIX – первой трети XX века / сост. Е.В. Чумичева, Д.Ю. Филиппов. Рязань, 2012; Санакина Т.А. Развитие фотографии в Архангельской губернии в XIX – начале XX в. // Поморский летописец: Альманах. Вып. 1. Архангельск, 2002. С. 118–127; Саран А.Ю. История профессиональной фотографии в Орловской губернии (1855 – 1928). Орел, 2007; Семенов А.Н. Фотографы Твери и Тверской губернии (1858 – 1929). М., 2011; Фотографы Харьковской губернии. 1851–1917. / сост. С.А. Голота, М.Е. Жур, А.Ф. Парамонов, А.Е. Хильковский. Харьков, 2008; Шишкин И.С. Пенза. Листая старый альбом... Фотографии 1860 – 1910 гг. Пенза, 2012.

² История провинциальной фотографии конца XIX – начала XX веков. URL: http://bf-gallery.ru/history_photo/; Плаксин И.М. Фотографы // Курск. Краеведческий словарь-справочник. Курск, 1997. С. 431–432; Плаксин И.М. Фотографы // Большая Курская энциклопедия. Т. II. Общественная история. Курск, 2010. С. 360–

Попытаемся восполнить этот пробел. Источниковой базой при этом будут выступать не только документы, отложившиеся в фондах Государственного архива Курской области, но и сама продукция деятельности фотографических заведений (фотографии, паспарту, рекламные объявления владельцев фотомастерских и т. д.) из музейных и частных собраний.

Первый известный по имени профессиональный фотограф Курска – Федор Пригожев. Упоминание о нем относится к 1854 г.⁴ Причем, занятие фотографией стало семейным делом – в 1870 г. фотомастерскую в Курске регистрирует его сын, Георгий Федорович Пригожев⁵.

В 1860 г. в Курске отмечено 3 фотографических заведения, к сожалению, без указания фамилий владельцев⁶.

Одним из направлений деятельности курских фотографов стало производство видовых снимков губернского центра. В тот период они встречались еще сравнительно редко и воспроизводились в местных официальных изданиях⁷. С 1860 г. губернский статистический комитет с определенной периодичностью стал выпускать «Памятные книжки Курской губернии» с целью «познакомить читателей с предметами, заслуживающими в губернии особого внимания»⁸. В трех их выпусках имеются видовые фотографии губернского центра: в книжке на 1860 год 1 снимок (без указания фамилии фотографа), в книжках на 1892 и 1893 годы по 6 работ Т.Н. Нужденко – одного из самых известных фотографов города. В 1860 г. приехавший в Курск из г. Кролевец Черниговской губернии государственный крестьянин Нужденко купил фотографическое заведение у мещанина Ченовского⁹; стаж его работы в Курске составит более 40 лет.

Наибольшую популярность видовая съемка получила в конце XIX – начале XX в., когда прочное место в быту занял новый вид почтовой корреспонденции – иллюстрированное открытое письмо или почтовая карточка (открытка). Подавляющее большинство сюжетов занимают виды городов Российской империи.

Не стали исключением и города Курской губернии. Появился большой спрос на подобный товар: почтовая карточка становится не только популярным средством общения (ее используют как возможность послать по почте небольшое письменное сообщение), но и предметом коллекционирования (многие из них сохранились «чистыми», т.е. не прошедшими почтового гашения). Массовое производство почтовых открыток было организовано не только местными заказчиками; на курском рынке значительное место занимала продукция центральных российских и зарубежных издательств. Фотографами запечатлены городские площади и улицы, храмы, гимназии и училища, банки и заводы, торговые заведения, гостиницы, театры и сады для гуляний, сцены обыденной жизни горожан.

К сожалению, авторы большинства снимков остаются неизвестными. Исключение составляют 2 серии открыток с видами Курска (издания магазина «Детский мир» Михалины Болеславовны Нужденко [автор серии Трофим Несторович Нужденко] и Товарищества «К.П.» (Контрагент печати) [автор серии Александр Дмитриевич Ермаков] и 2 серии с видами Белгорода (издания магазина Александра Александровича Вейнбаума [автор серии Алексей Михайлович Иваницкий] и Товарищества «К. П.» (Контрагент печати) [автор серии А.Д. Ермаков])¹⁰.

В период с 1903 по 1905 гг. и в 1911 гг. в Курской губернии производил видовую съемку известный фотограф Сергей Михайлович Прокудин-Горский, разработавший в начале XX в. способ получения цветных фотографий и предложивший идею создания фотографического

361; Плаксин И.М. Остановись, мгновенье! Из истории фотодела в Курской губернии // Открытый музей. Курский альманах истории и культуры. 2015. № 1 (6). С. 31-34.

³ Курск на старой открытке / сост. И.Е. Монастырев, Ю.В. Донченко. Курск, 2001; Курская губерния на старой открытке / сост. Ю.В. Донченко. Курск, 2004; Маслов Ю.В., Трусов В.М., Донченко Ю.В. Каталог почтовых открыток г. Курска. Конец XIX века – 1917 год. Изд. 2-е. Курск, 2005; Монастырев И.Е. Курск в старой открытке. Курск, 1999; Плаксин И.М. Курская губерния на цветной фотографии // Открытый музей. Курский альманах истории и культуры. 2015. № 1 (6). С. 30; Раздорский А.И. Панорама Курска на фотографии 1860 г. // Открытый музей. Курский альманах истории и культуры. 2012. № 2. С. 34; Старые курские открытки. Каталог иллюстрированных почтовых карточек 1899 – 1930 годов с объяснением видов города / сост. В.И. Склярчук, Н.Ф. Логачев, Ю.В. Озеров. Курск, 2005.

⁴ Попов А.П. Указ. соч. Т. 2. С. 211.

⁵ Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1826. Л. 7.

⁶ Памятная книжка Курской губернии на 1860 год. Курск, 1860. С. 149.

⁷ Самый ранний известный нам фотоснимок Курска (без указания фамилии фотографа) относится к 1858 г. – на нем запечатлен Сергиево-Казанский собор. Оригинал хранится в Церковно-археологическом кабинете Московской духовной академии в г. Сергиев Посад.

⁸ Памятная книжка Курской губернии на 1860 год. Курск, 1860. С. 1.

⁹ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2425. Л. 44.

¹⁰ Без учета открыток, изданных фотоспособом, не тиражированных в типографских изданиях и не подпадающих учету.

обзора Российской империи. Сохранилось несколько снимков, произведенных им в Белгороде и окрестностях Путивля¹¹.

Говоря о видовой съемке, следует упомянуть о стереофотографии, использовавшей метод двухмерной плоскости. Усиливая зрительное восприятие реального изображения, стереофотография выполняла функцию развлечения и была в то время достаточно популярна. Просмотр таких фотографий при помощи стереоскопа стал видом домашнего досуга, когда члены семьи и друзья могли совершить заочное путешествие по городам России или на другой конец света или поучаствовать в создании так называемых «живых картин», театрализованных сенок на популярный литературный или исторический сюжет. И в этом случае автор снимков также оставался неизвестным, а ключевая роль принадлежала компании, выпускавшей стереографические карточки. Например, набор по Курску был выпущен немецкой фирмой «Конрад А. Мюллер и К^о».

В последующие годы в Курской губернии открылось множество фотомастерских, одни из которых работали довольно долго, другие в условиях жесткой конкурентной борьбы смогли продержаться лишь незначительное время. Социальный состав их владельцев был неоднороден – крестьяне, мещане, купцы, почетные граждане, дворяне. К тому же он не был статичен по причине возможности перехода из одного сословия в другое. Например, Г.Ф. Пригожев вначале обозначен как представитель купечества, в ведомостях за 1893 г. он значится почетным гражданином¹².

Среди владельцев фотозаведений были и иностранцы: в Курске – баварский подданный Иоганн Дункель (открыл мастерскую в 1870 г.), в Льгове и Рыльске – австрийский подданный Леонид Стахарский (мастерские открыл в 1872 г.)¹³.

Фотография была преимущественно мужским занятием. Среди владельцев мастерских, работавших в Курской губернии, женщин было лишь 7: в Курске – дочь коллежского секретаря Александра Александровна Ершова (открыла мастерскую в 1874 г.), жена коллежского регистратора Елена Михайловна Роговская (1878 г.), жена почетного гражданина Екатерина Михайловна Афанасьева (1893 г.), вдова надворного советника Мария Николаевна Тетерина (1901 г.), в Белгороде – жена профессора Курской духовной семинарии Мария Михайловна Вознесенская (1870 г.), в Путивле – жена казака Александра Ивановна Фесик (1888 г.), в Старом Осколе – дворянка Любовь Александровна Огонь-Догановская (1901 г.)¹⁴.

И если данные об открытии фотографических заведений достоверны, то время их закрытия определить достаточно сложно. Вслед за Главным Управлением по делам печати Министерства внутренних дел, собиравшим сведения о фотографиях, нам приходится лишь посоветовать на то, что в их ведомстве «вовсе не получалось извещений о заведениях, прекративших свое существование»¹⁵.

Вполне естественно выглядят данные о количественном росте численности фотографий губернского центра (см. табл. 1).

Таблица 1
Table 1

Количество фотографических заведений в г. Курске
The number of photo institutions in Kursk

Год	Количество заведений	Год	Количество заведений
1860	3	1910	12
1875	9	1911	13
1882	7	1912	19
1893	5	1913	23
1900	7		

Составлена по: Памятная книжка Курской губернии на 1860 год. Курск, 1860. С. 149; ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1826, 2578, 4741, 6689, 8437.

¹¹ В настоящее время почти вся коллекция С.М. Прокудина-Горского (1902 тройных негатива) хранится в Библиотеке Конгресса США. В 2001 г. все снимки были оцифрованы, выложены в Интернет и стали культурным достоянием человечества. См. Prokudin-Gorskii Collection. URL: <http://www.loc.gov/pictures/collection/prok/>

¹² ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1826. Л. 7; Д. 4741. Л. 16 об.

¹³ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1826.

¹⁴ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1826, 2425, 4741, 6965.

¹⁵ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1826. Л. 1.

Большинство фотомастерских, как правило, располагалось в центре города, на улицах Московской (ныне ул. Ленина) и Херсонской (ныне ул. Дзержинского). Некоторые из них, сменив несколько владельцев, проработали по одному и тому же адресу вплоть до известных событий 1917 года. Например, ателье, располагавшемся в доме мещанки Варвары Николаевны Грог в Курске на ул. Московской, попеременно владели Т.Н. Нужденко, Г.Ф. Пригожев, Леонид Васильевич Красовский и Николай Николаевич Чернышев.

Первое время было трудно с фототоварами, так как это новое дело еще не получило развития и не обслуживалось курскими магазинами. Все необходимое можно было заказать по каталогам. Однако позже и в Курске стал появляться соответствующий ассортимент: фотокамеры, фотобумага, различные фотопринадлежности, химикаты, альбомы и рамки для фотографий и др. В «Прейскуранте фотографических принадлежностей аптекарско-косметического магазина и техно-косметической лаборатории Ф.И. Грошковского в Курске» отмечалось, что в продаже имеются штативные камеры и моментальные ручные аппараты различных модификаций, объективы и затворы, пленочные кассеты и фотобумага, кюветы и фонари.

Множество полезных советов для улучшения и совершенствования своей работы можно было прочитать на страницах многочисленных периодических изданий, выходявших в России и рассчитанных на целевую аудиторию – их перечень составляет более 30 наименований; наиболее авторитетными и содержательными среди них были журналы «Фотографический вестник», «Фотографическое обозрение», «Фотографические новости», «Профессионал-фотограф» и другие.

Преобладающим в работе курских фотографов становится портретный жанр. Иметь на память фотографии родственников или друзей желали многие, и в фотоателье потянулись представители всех слоев городского населения. Визит в фотомастерскую был настоящим событием – он требовал от посетителей особого внимания к одежде, прическе. Постепенно сложился круг фотографов, пользовавшихся особой популярностью. Многие семьи отдавали предпочтение тому или иному, и сниматься ходили исключительно в его мастерскую. Об этом свидетельствуют старинные семейные альбомы – в них всегда можно заметить преобладание работ какого-либо мастера.

Фотограф не только фиксировал внешний облик человека, но при помощи позы, которую принимал клиент, взгляда, использования различных предметов в качестве сопутствующего антуража, специального фона создавал определенный его образ. Для поясных или грудных портретов фон делался светло-тоновым, нейтральным; при изображении в рост (одиночных или групповых композиций) использовались специальные сменные конструкции – декоративные фоны. Их рисовали на холсте, а для придания иллюзии пространства на переднем плане выставляли несколько реальных или бутафорских предметов по теме. Хороший мастер для удовлетворения вкусов своих клиентов имел обычно несколько фонов: интерьер жилой комнаты, деревенская околица, панорама лесного озера ... Для маленьких клиентов имелся целый набор детских игрушек: куклы, мячи, лошадки на колесиках и др.

Старинные фотографии имели различные форматы. «Визит-портрет» (Visit Portrait или Victoria Portrait) наиболее подходил для того, чтобы дарить карточку или оставлять на память при визите (отсюда – их название); «Кабинет-портрет» (Cabinet Portrait или Portrait Album) был удобен для того, чтобы в кабинете поставить в рамке на столе или повесить на стену (способ применения дал название этому формату); «Макарт-портрет» (Makart Portrait) почти равен кабинетному по высоте, но отличался от него шириной – он более узкий, подходящий для изображения в полный рост; «Променад-портрет» (Promenade) – такой же удлиненный, но размерами побольше; немного крупнее (главным образом шире) «Будуар-портрет» (Boudoir Portrait); еще больше – Империял (Imperial); и, наконец, Рояль (Royal) и Панель (Panel).

Большинство фотографий, сохранившихся в семейных альбомах или имеющих хождение у коллекционеров, относятся к первым двум видам. Они были самыми популярными, и до нашего времени дошли в значительном количестве.

Постоянно увеличивающееся количество фотографий в доме поставило вопрос о способах их хранения. Рынок быстро наводнили фотоальбомы. Среди них были и совсем простенькие, приобрести которые могли люди небогатые, и роскошные экземпляры с золотыми обрезами, переплетами из кожи, плюша, бархата, с дорогими застежками и украшениями из кости, перламутра и др. Листы альбомов из толстого картона имели сквозные окошки различных размеров – можно было оставить открытой оборотную сторону паспарту, или же вставить в то же окошко на обороте еще одну карточку.

Кроме альбомов большой популярностью пользовались фоторамки – резные деревянные, литые бронзовые, тисненные картонные. Вставленные фотографии в них всегда были доступны для обозрения домочадцев и гостей дома; их ставили на письменные столы, этажерки, вешали на стены.

Для популяризации своих заведений фотографы прибегали к услугам рекламы. Вывеску старались сделать поярче, получше, чтобы заметна была издали. Многие помещали свою рекламу в печатных изданиях – возможности такой рекламы были гораздо шире: в ней сообщались сведения не только о том, где располагалось фотографическое заведение, но и давался подробный перечень оказываемых услуг, оговаривались цены и т. д.

Однако лучшим способом привлечь внимание публики были профессионализм фотографа и высокое качество его работ. Большое значение имела ретушь, которая была двух видов: технической – на негативе с помощью кисти и туши, и художественной – на фотографии с помощью карандаша, кисти, туши, акварели или пастели. В каждой мастерской в штате состоял ретушер, который и скрадывал все недостатки, убирая какие-либо дефекты.

Много внимания уделялось оформлению фотографии. Изображение печаталось на тонкой фотобумаге, которую затем аккуратно наклеивали на специальный фотографический бланк – паспарту из многослойного картона. Это обеспечивало длительную сохранность фотографии, а, чтобы предохранить ее от возможных повреждений (царапины, загрязнения, выцветание), на тыльной стороне по верхнему краю тонкой линией приклеивалась папиросная бумага, чистая или с рекламным текстом фотографического заведения (так называемый «фартук»), которая перекидывалась на лицевую сторону. Поскольку полученные в ателье фотографии по большей части вставлялись в альбомы или в рамки, «фартуки» редко сохранялись.

Самые ранние паспарту были безымянны; в лучшем случае фотограф, обрезая картон непосредственно в мастерской, на обороте ставил штампель с указанием своей фамилии. В 1860-х гг. появляются паспарту всевозможных цветов, от нежно-розового до темно-коричневого и даже черного с золотым или серебряным обрезом (один из самых качественных – так называемый бристольский картон, яркой белизны), выполненные в художественном оформлении – на лицевой стороне тиснением обозначалась фамилия фотографа, на обороте тоновой печатью в красивом вычурном оформлении – фамилия, адрес мастерской, изображения полученных медалей и информация о благодарностях различных обществ и выставок. Например, Андрей Степанович Беликов (Курск) был удостоен Похвального отзыва Петербургской Императорской Художественной академии, Иоаким Петрович Борковский (Белгород) – благодарности Курской губернской ученой архивной комиссии. Иногда на оборотах паспарту встречаются изображения мольберта, палитры, кистей для рисования, которые должны были подчеркнуть принадлежность фотографа к миру искусства.

Вначале паспарту поступали из-за границы, а в 1872 г. в Петербурге появилась первая фабрика по производству бристольского картона с собственным литографическим заведением, специализировавшимся на изготовлении паспарту. Одним из известных владельцев подобных литографий был Иосиф Иосифович Покорный, производственные мощности заведений которого располагались в Одессе, Киеве, Москве, Ростове-на-Дону и Ливаве. Его заказчиками часто выступали и курские фотографы.

У владельцев литографий имелись готовые клише – менялась только фамилия мастера и адрес его ателье; иногда рисунок паспарту разрабатывался индивидуально – многие из них имеют действительно высокохудожественное оформление. Зачастую для исследователя оборотная сторона снимков интереснее, чем сам фотографический портрет.

С 1880-х гг. на паспарту стал появляться текст – «Негативы сохраняются». Если заказчику позже вдруг потребуются еще несколько понравившихся снимков, сделать дополнительный отпечаток с хранящегося в ателье негатива было легче, нежели снова повторять весь процесс съемки и изготовления фотографии.

На рубеже XIX – XX веков появилась плотная фотобумага с таким же бланком на обороте, как у обычной почтовой карточки; теперь фотографии можно было отправлять почтой в открытом виде. Никакого художественного оформления не применялось; иногда фотограф, желая сохранить авторство, царапал иголкой на негативе свою фамилию.

В 1910-х годах производство паспарту значительно сократилось, и искусство фотографического бланка стало угасать.

К услугам известных мастеров прибегали не только частные лица, но и различные учреждения. В 1903 г. Курская духовная семинария типографским способом издала альбом XXI выпуска ее воспитанников – все фотографические работы выполнил Вильгельм Карлович Накельский (мастерскую открыл в 1892 г.); Курское губернское жандармское управление под-

готовило фотоальбом всех своих чинов – в реализации такого широкомасштабного мероприятия приняло участие несколько фотографов губернского и уездных центров.

Фотография фиксировала многие значимые события. Например, в 1902 г. в Курской губернии проходили Большие военные маневры русской армии, на которых присутствовал Николай II. 1 сентября он побывал в Курске и посетил Знаменский собор, отстояв Божественную литургию и краткое молебствие Божией Матери с возгласением царского многолетия; Сергиево-Казанский кафедральный собор; Курско-Знаменскую общину сестер милосердия Российского общества Красного Креста, обойдя больничные палаты; и Дворянское собрание, где принял участие в открытии памятника своему отцу Александру III. 5 сентября под Курском император принял парад, посвященный завершению маневров. В память об этом было сделано множество фотографий местными мастерами, получившими на это особое разрешение, и придворным фотографом Карлом Карловичем Буллой. Через 10 лет член Курского Окружного суда Казимир Викторович Абрамович преподнес императору памятный альбом с фотографиями, на которых были запечатлены исторические моменты (в настоящее время альбом хранится в Государственном Эрмитаже).

Можно назвать еще несколько тематических фотоальбомов из собрания Курского областного краеведческого музея: «204-й Обоинский резервный батальон. г. Курск. 1910 г.», «Курские лазареты. 1914 г.», «Снимки из быта военнопленных в Курской губернии. 1915–1917 гг.».

Насыщенный рынок фотоуслуг не исключал возможность появления заезжих фотографов. В 1914 г. в Курск прибыл представитель фирмы «С. Случанский и сын в Париже». Он обошел многие учебные заведения города (классическую мужскую гимназию, реальные училища – 1-е им. М.И. Кутузова и 2-е частное городское, женские гимназии – Мариинскую, 2-ю гимназию, частную гимназию З.А. Каменевой, епархиальное женское училище) и сделал постановочные снимки, в результате чего было выпущено несколько фотоальбомов. На их страницах запечатлены основные моменты учебной жизни – теоретические и практические занятия, ученический состав и учительский персонал, экстерьер и интерьер зданий и др.

Профессиональное фотодело также активно развивалось и в целом по Курской губернии. В нашем распоряжении имеются данные за 1910-е гг. (сведения приводятся с учетом губернского центра): в 1910 г. насчитывалось 58 фотографических заведений, в 1911 г. – 61, в 1912 г. – 71, в 1913 г. – 86¹⁶.

Эти цифры можно конкретизировать отдельно по каждому уезду (см. табл. 2).

Таблица 2
Table 2

Количество фотографических заведений в Курской губернии
The number of photo institutions in Kursk province

Уездный центр с уездом	Год			
	1910	1911	1912	1913
Белгород / уезд	2/1	2/1	3/1	5/2
Дмитриев / уезд	2/1	2/1	2/1	3/1
Короча / уезд	3/-	3/-	4/-	4/-
Курск / уезд	12/2	13 2	19 2	23 2
Льгов / уезд	3/-	3/-	3/-	3/-
Новый Оскол / уезд	4/2	4/2	4/2	4/3
Обоянь / уезд	3/-	3/-	3/-	3/-
Путивль / уезд	1/-	1/-	1/-	1/-
Рыльск / уезд	3/2	3/2	3/2	4/2
Старый Оскол / уезд	4/-	5/-	6/-	6/-
Суджа / уезд	2/6	2/6	3/6	4/6
Тим / уезд	1/-	2/-	2/-	4/-
Фатеж / уезд	3/-	3/-	3/-	3/-
Щигры / уезд	1/-	1/-	1/-	1/-

Составлена по: ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8437. Л. 10.

Со временем фотография приобретает массовый характер; она становится занятным увлечением курян, в основном людей образованных, творческих профессий и с определенным

¹⁶ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8437. Л. 12.

достатком. Так как никакой обязательный учет на категорию фотографов-любителей не распространялся, не представляется возможным сказать, сколько их насчитывалось в Курской губернии¹⁷.

Одним из курских фотографов-любителей был Лев Васильевич Киреевский – помещик с. Быстрецы Тимского уезда. На его любительских фотографиях запечатлена практически вся повседневная жизнь усадьбы помещика средней руки: дом – простой, одноэтажный, деревянный, не вписывающийся в представление о «дворянских гнездах», интерьер и домашняя обстановка, обыденная жизнь семьи Киреевского – увлечения взрослых (охота, домашнее музицирование) и забавы детей (пускание воздушного змея, ловля раков, катание на санях).

Дальнейшее совершенствование техники фотодела вызвало появление так называемых «моментальных фотографий». В 1913 г. в Курск «прибыла и остановилась на самое короткое время американская фотография». Ее преимущество состояло в том, что «вечную, никогда не портящуюся карточку на металле» можно было получить уже через 5 минут после съемки¹⁸. Вскоре это новшество перестало быть диковиной, и подобные фотографии уже действовали и в Курской губернии. Например, владельцы фотоателье братья Василий Петрович и Евграф Петрович Никитины в Старом Осколе получили разрешение на «открытие в летнем саду Коммерческого собрания временного (сезонного) фотографического отделения для производства моментальных снимков с публики»¹⁹.

Технический прогресс удешевил затраты на производство фотографий. Занятие профессиональным фотоделом становится возможным практически для любого желающего. Фонд канцелярии губернатора в Государственном архиве Курской области буквально пестрит прошениями на разрешение производить фотосъемку. Теперь география работ распространяется преимущественно на сельскую местность. В 1916 г. получили разрешение на открытие своих заведений крестьянин Нестор Георгиевич Буцень в с. Глушково Рыльского уезда, мещанин Николай Михайлович Злочевский в с. Бурынъ Путивльского уезда и др., а крестьянин Троицкой волости Щигровского уезда Николай Алексеевич Панов просил разрешения «производить фотографические работы во всех городах и уездах Курской губернии»²⁰.

Таким образом, фотодело является важной экономической, социальной и культурной составляющей региональной истории, и грани изучения его развития весьма многообразны.

¹⁷ Всего нами зафиксировано более 150 имен профессиональных фотографов и фотографов-любителей, действовавших на территории Курской губернии в исследуемый период времени.

¹⁸ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10649. Л. 2.

¹⁹ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8207. Л. 1-10.

²⁰ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8750.

УДК 9 (с) 17

**ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ РАБОТ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
ВО ВРЕМЯ ГОЛОДА 1891-1892 ГГ.****PUBLIC WORKS IN THE RUSSIAN EMPIRE DURING THE FAMINE
OF 1891-1892.****А.С. Рогожина****A.S. Rogozhina***Орловский государственный университет
Россия, 302026, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 95**Orel State University, 95 Komsomol'skaya St, Orel, 302026, Russia**E-mail: rogozhinaas@yandex.ru*

Ключевые слова: общественные работы, голод, неурожай, кредит, Ликвидационная комиссия, заведующий, уполномоченные.

Key words: community service, famine, crop failure, credit, the Liquidation Commission, Head, authorized.

Аннотация. Статья посвящена организации общественных работ для населения губерний, пострадавших от неурожая и голода 1891-1892 гг. В статье изучены основные этапы организации, виды и результаты общественных работ. Представлены количественные данные о численности рабочих, видах общественных работ, а также размер денежных затрат на их организацию. Проанализированы значение общественных работ как меры профилактики и помощи населению во время неурожая и голода, а также причины неуспеха общественных работ в 1891-1892 гг. В статье сделан вывод о неэффективности и убыточности общественных работ во время продовольственной кампании 1891-1892 гг. как меры помощи населению, постигнутому неурожаем.

Resume. The article is devoted to the organization of public works for the population of the provinces affected by crop failure and famine of 1891-1892. The main stages of organization, types and results of public works are studied in the article. Quantitative data on the number of workers, the kinds of public works, as well as the size of the monetary costs of their organization are presented. The value of community service as a measure of prevention and assistance to the population during the crop failure and famine, as well as the reasons for the failure of public works of 1891-1892 are analyzed. Conclusion that loss of efficiency and public works during food campaign of 1891-1892. as a measure of assistance to the population, comprehend bad harvest is made in the article.

Проблема организации и устройства общественных работ, особенно в кризисные периоды российской истории, является весьма актуальной. Тотальная перестройка административно-хозяйственного управления, включение в состав Российской Федерации новых субъектов, активно развивающиеся программы переселения соотечественников, экономические санкции со стороны стран Запада, повышение цен на продовольствие (при повышении уровня инфляции) привели к закрытию целого ряда предприятий и организаций с огромным штатом сотрудников и, как следствие, появлению большого количества нетрудоустроенных граждан работоспособного возраста. Для поддержки такой категории населения в нашей стране существует институт общественных работ, действующий при Центрах занятости населения субъектов РФ. Общественные работы предназначены для обеспечения потребностей городов, организаций и предприятий и заключаются в выполнении работ временного характера за соответствующее вознаграждение. В кризисные периоды значимость общественных работ неизменно повышается. В 90-е гг. XIX в. такой кризис был порожден голодом 1891-1892 гг. Именно тогда одним из способов государственной поддержки голодающего населения стало устройство общественных работ в наиболее пострадавших районах империи.

Вопросы, затрагивающие организацию общественных работ в России в 1891-1892 гг. не получили достаточного освещения в отечественной историографии. Эта тема поднималась

на страницах работ, посвященных организации продовольственного дела в имперской России и непосредственно истории голода 1891-1892 гг.¹ Так, работа А.С. Ермолова, будучи одним из первых фундаментальных исследований продовольственного обеспечения населения во время неурожая и голода, затрагивала проблему организации общественных работ в рамках продовольственной кампании 1891-1892 гг.² Не вдаваясь в подробности и рассуждения, автор ограничился лишь перечислением видов общественных работ, выдвигая на первый план лесную операцию, и общих сведений относительно их устройства. Проблема организации общественных работ рассматривалась историками, также, в связи с исследованием российской благотворительности во второй половине XIX – начала XX веков³. Историки рассматривают общественные работы как разновидность трудовой помощи населению, постигнутому неурожаем. Единственной на сегодняшний день специальной работой по истории общественных работ в России является «Очерки по истории общественных работ в России» В. Максимова, написанная еще до революции⁴. В ней автор проводит последовательный анализ истории возникновения общественных работ в России, механизмов их организации и принесенных ими результатов. Однако эта работа носит весьма обобщенный характер, где общественные работы рассматриваются как социально-экономическое явление в целом. Что же касается специального изучения общественных работ в контексте борьбы с голодом 1891-1892 гг., то в современной отечественной историографии таких исследований предпринято не было.

Через неурожайных лет начала 90-х гг. XIX в., повлекших за собой страшный голод на территории шестнадцати губерний Европейской части России, потребовали развертывания масштабной продовольственной кампании. Мероприятия, предложенные правительством, носили разноплановый характер и были направлены, с одной стороны, на борьбу с последствиями голода посредством государственных субсидий, а с другой стороны, стимулировали население собственными силами справляться с возникшей продовольственной нуждой. В первом случае для губерний, пострадавших от неурожая, правительством был открыт кредит из имперского продовольственного капитала. Во втором случае для того, чтобы отвлечь нуждающееся население от голодного бедствия и дать возможность заработка для трудоспособных членов семей в начале 1892 г. и были открыты общественные работы. Организация общественных работ должна была обеспечить значительный приток дешевой рабочей силы, что потенциально было весьма выгодно для государственной казны.

Для общего руководства общественными работами в Петербурге было учреждено Главное управление общественными работами в местностях, пострадавших от неурожая. Оно включало в себя технический, бухгалтерский отделы и собственно канцелярию. Во главе организации общественных работ стоял заведующий. Ближайшее ведение было сосредоточено в местных отделениях Главного управления, которое действовало под руководством губернаторов. Во главе каждого из местных отделений могли стоять уполномоченные заведующего, или избираемые, по соглашению с местными губернаторами, из числа лиц, пользующихся известностью в губернии, или же лица, назначаемые по выбору заведующего, с утверждения министра внутренних дел.

18 декабря 1891 г. открылось первое заседание членов Особого совещания об общественных работах в местностях, пострадавших от неурожая. В его состав входили министр внутренних дел И.Н. Дурново, министр финансов И.А. Вышнеградский и государственный контролер Т.И. Филиппов.

Общее руководство делом организации общественных работ было поручено участнику Крымской и русско-турецкой войн, бывшему управляющему Закаспийской железной дорогой, генерал-лейтенанту М.Н. Анненкову. Финансовая сторона общественных работ регулировалась двумя правилами: «Правило о порядке отпуска денег на производство общественных работ» и «Правила для ведения счетоводств по работам в губерниях, пострадавших от неурожая»⁵.

¹ Соколов Н.П. Голод 1891-1892 гг. и общественно-политическая борьба в России. Автореф. дис. на соис. степ. канд. ист. наук 07.00.02. М., 1987; Рогожина А.С. Формирование системы продовольственного обеспечения в российской деревне в 30-90-е гг. XIX века (по материалам Орловской и Тамбовской губерний). Автореф. дис. на соис. степ. канд. ист. наук 07.00.02. Брянск, 2013.

² Ермолов А.С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос. 1-2 ч. СПб., 1909

³ Бобровников В.Г. Благотворительность и призрение в России. Волгоград, 2000; Гатилова Л.С. Благотворительность в российской провинции в конце XIX – начале XX вв. (по материалам губерний Центрального Черноземья). Автореф. дис. на соис. учен. степ. канд. ист. наук 07.00.02. Курск, 2001.

⁴ Максимов В. Очерки по истории общественных работ в России. СПб., 1905.

⁵ Государственный архив Орловской области (ГАОО). Орловские губернские ведомости. №26, 1893. Л. 83 об.-84.

На Особом совещании был определен основной перечень предполагаемых работ. В зависимости от объекта деятельности они делились на лесные работы, строительные работы, земельные работы, работы по обводнению, а также кустарное производство, и включали в себя, в частности: устройство небольших шоссе в Казанской, Самарской, Тамбовской и Воронежской губерниях; улучшение грунтовых дорог в Нижегородской, Симбирской, Саратовской, Пензенской, Самарской, Тамбовской и Воронежской губерниях; разработку до 25 тыс. десятин казенного леса практически во всех губерниях, постигнутых неурожаем, а также во Владимирской, Новгородской и Тверской губерниях; благоустройство Нижнего Новгорода; устройство бухты близ Самары для зимней стоянки судов; заготовка материалов для мостовых; сооружение колесной дороги в Тобольской губернии; постройку шоссе от г. Новороссийска до Сухума; устройство оросительных сооружений в Самарской губернии; устройство сети элеваторов; устройство дополнительных дорожных сооружений; организация прудов и запруд в десяти уездах Рязанской, Тульской, Орловской, Тамбовской и Воронежской губерниях; устройство церквей-школ и церковно-приходских школ в шестнадцати губерниях⁶.

Параллельно с организацией общественных работ в губерниях, пострадавших от неурожая и голода 1891-1892 гг., министр внутренних дел обратился к губернаторам 45 губерний с циркулярным предложением провести в каждой губернии продовольственное совещание. На их рассмотрение было передано 12 вопросов, среди которых были вопросы относительно устройства общественных работ. Необходимо было определить порядок заведывания работами и способы их организации, указать наиболее полезные виды общественных работ и изыскать денежные средства на их производство.

Вопрос о порядке заведывания общественными работами и способах их организации вызвал наибольшую дискуссию. Мнения продовольственных совещаний разделились: одни высказывались за предоставление заведывания и организации работами земствам; другие отстаивали систему их административного учреждения, предлагали возложить его на местные административные органы или на уполномоченного, специально назначенного правительством, или же на особое ведомство общественных работ⁷.

Особая комиссия Вятского совещания и член Рязанского губернского совещания приводили мысль, что организация работ должна основываться на артельном начале. Согласно этому проекту, «артель следует образовать по участкам, с выборными из грамотных и отличающихся распорядительностью крестьян, для учета производимых работ, наблюдения за безостановочным ходом их и представления в земские управы еженедельной отчетности по произведенным работам, для неотложной выдачи рабочим заработной платы и т.д.»⁸.

Другой вопрос, поставленный на повестку губернских продовольственных совещаний, касался определения наиболее полезных видов общественных работ. Большинство отзывов рекомендовало работы по устройству новых и улучшению старых путей сообщения, по обводнению и лесонасаждению. Реже указывались работы по благоустройству селений, по разработке существующих лесов, постройке и ремонту зданий. Некоторыми совещаниями признавались желательными развитие и поощрение кустарных промыслов. В единичных случаях предполагались работы по осушению болот, разработке торфа, улучшению лугов, вывозу навоза на поля, их удобрению, истреблению вредных животных и насекомых, мощению городов и снабжению их водой.

Наконец, решение вопроса об изыскании денежных средств на организацию общественных работ обуславливалось задачей, на кого возложить ответственность за заведование делом организации общественных работ. Те совещания, которые считали целесообразным предоставить дело трудовой помощи земским учреждениям, естественным образом стояли за их производство на земские средства. Сторонники же административной организации работ, расходы на их производство возлагали на общегосударственные суммы.

После проведения Особого совещания, назначения заведующего общественными работами и выбора уполномоченных на местах начали поступать многочисленные ходатайства, прежде всего, от земств и городов относительно проведения наиболее предпочтительных общественных работ. Первыми такими ходатайствами были земские. Так, согласно постановлению Орловского губернского земского собрания 19 декабря 1891 г. были созваны уездные земские собрания «для окончательного решения вопроса о полезности и целесообразности

⁶ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Особое совещание об общественных работах в местностях, пострадавших от неурожая (Ф. 1225). Оп. 1. Д. 1. Л. 19-21.

⁷ Максимов В. Очерки по истории общественных работ в России. СПб., 1905. С. 153.

⁸ Там же. С. 156.

общественных работ и сооружений, намеченных губернским собранием»⁹. В результате земство спроектировало различных видов общественных работ по Орловской губернии на сумму около 2 064 100 руб.¹⁰. При этом на свой счет земство принимало 662 830 руб. на срок от 20 до 30 лет (причем практически во всех случаях беспроцентно). Из городов об общественных работах на сумму 388 500 руб. ходатайствовали Орел, Мценск и Болхов.

Из всех этих ходатайств был удовлетворен лишь весьма незначительный процент. Например, на производство общественных работ в той же Орловской губернии было ассигновано лишь 287 000 руб.¹¹.

Дело организации общественных работ уже с самого начала обнаружило явные несовершенства. Во-первых, работы были разбросаны по всей России, от Новгорода и Твери до Черноморского побережья, а не ограничены лишь нуждающимися губерниями. Во-вторых, некоторые работы (постройка церквей, элеваторов) требовали специальных навыков и умений и не были рассчитаны на простой неквалифицированный труд нуждающихся.

Среди основных видов общественных работ были строительные, лесные, земельные, работы по обводнению, а также кустарное производство.

Строительные работы включали в себя постройку элеваторов, хлебных магазинов, церквей и школ. Расход на них составил 3 039 516 руб.¹². Однако, в результате, вместо 55 элеваторов и зернохранилищ (как планировало Особое совещание), построено было только 43, причем сама постройка в некоторых случаях оказалась крайне неудовлетворительной, а стоимость произведенных работ на 438 406 руб. превысила первоначальное ассигнование.

В то же время организация земляных работ, расход на которые составил 1 375 655 руб., вовсе не преследовала цели оказать профилактическую помощь сельскому населению. Главной задачей их было благоустройство городов. Правда качество работ оставляло желать лучшего.

Наиболее полезными для сельского населения стали работы по обводнению. Они были сосредоточены в двух неурожайных районах: на р. Иргиз (Самарская губерния) и в бассейне р. Дон (уезды Тульской, Орловской, Рязанской, Тамбовской и Воронежской губерний). Работы по обводнению, улучшая почвенные и климатические условия местностей, вызывали симпатию населения. Например, по Тульской губернии были получены просьбы о копке 434 прудов, причем большая часть их сопровождалась предложениями возратить затраченный Управлением капитал. Не меньший успех общественные работы имели в Самарской губернии.

Однако, самые большие затруднения были связаны с лесной операцией, в результате которой рабочие получили лишь 1 622 100 руб. (вместо 3 456 310 руб.)¹³ Кроме того, часть этих денег была получена нанятым населением негодных губерний и опытными рабочими. Так, согласно сведениям государственного контролера, разработка леса в Новгородской губернии производилась с помощью только местного населения, за невозможностью привлечь к работам крестьян неурожайных губерний. По заключению Ликвидационной комиссии в некоторых губерниях (Казанской, Нижегородской) лесные работы производились уже в начале 1892 г. опытными рубщиками и дроводелами из местностей, не пострадавших от неурожая. Варварское истребление лесных угодий, практиковавшееся во многих местностях, имело весьма пагубные последствия. В отчете государственного контролера содержались следующие сведения: «Вырубленный в Нижегородской губернии лес был сначала брошен без разделки и завален снегом, а потом, когда пришлось его откапывать из-под снега, то много деревьев пропало; весною же местным крестьянам приходилось очищать лесосеки от остатков заготовок. В других лесничествах, заготовленные и уже сплавленные 15-аршинные бревна переделывались для шпал в 13,5 аршинные, а отрубки обращались в дрова. Из превосходных сосен Воздвиженской, бывшей корабельной рощи, выделялись простые шпалы, и притом крайне неумело, так что железные дороги их браковали. Вместе с тем, части деревьев, казавшиеся негодными, продавались, как брак, промышленникам, а последние выделяли из них годные шпалы»¹⁴.

Кроме того, Управление общественных работ заключило целый ряд убыточных для казны сделок. Так, оно особым контрактом обязалось поставить французскому подданному Перрену не менее 4,5 млн. шт. клепки, ценою по 100 руб. за тысячу штук, тогда как действительная стоимость тысячи равнялась 230 руб.; а купцу Рогову – 1 млн. шт. английской клепки ценою от

⁹ ГАОО. Орловские губернские ведомости. №25, 1893 г. Л. 78 об.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Максимов В. Очерки по истории общественных работ в России. СПб., 1905. С. 142.

¹³ Там же. С. 138.

¹⁴ Там же. С. 139-140.

225-600 руб. за тысячу, при действительной стоимости последней от 440-930 руб. за тысячу¹⁵. Наконец, постройка Ока-Пенкинской железной дороги, произведенная без ведома как Особого совещания, так и Министерства внутренних дел, в которой М.Н. Анненков одновременно являлся представителем как казенных, так и частных интересов явилась наиболее характерным выражением порядков, практиковавшихся при производстве общественных работ.

Таким образом, лесные работы были выгодны не столько нуждающемуся населению и государственной казне, которая понесла от них огромные убытки, сколько лесопромышленникам, с которыми Управление заключало сделки. Кроме того, лесные работы не только не принесли продовольственной пользы, а даже ухудшили почвенные и климатические условия пострадавших районов.

Организационная составляющая дела общественных работ также вызывала много нареканий. Один из современников событий, наблюдавший постройку Новороссийского шоссе, оставил свои воспоминания: «Людей привозили по несколько сот человек и высаживали на берег, а потом через некоторое время опять увозили, т.к. работы не оказывалось – некуда было поставить, все уже было занято раньше прибывшими. А не было работы, не было и хлеба. Приходилось прожидаться, продавать одежду, должать. Иногда, чтобы дать хоть какой-нибудь заработок вновь прибывшим, увольняли и отправляли назад тех, которые пришли раньше и работали. Это порождало взаимное неудовольствие, и кроме того, в общем, было крайне не выгодно. Были случаи, когда люди, потратив времени на проезд и просидев несколько месяцев в ожидании работы, получали таковую только на месяц или на два и могли заработать как-нибудь 10-15 руб.»¹⁶.

Нередко из-за отсутствия помещения сотни людей вынуждены были ютиться под открытым небом не только весной, но и осенью и зимой. В небольших местечках и городках собирались часто рабочие массы, превышавшие количественно число коренного населения. О поддержании благочиния и порядка среди сотен голодных людей, разумеется, нечего было и думать. Например, в Туапсе «вся пристань была усеяна крестьянскими таборами и до того перепачкана, что нельзя было положить груза или багажа на чистое место. Люди слонялись группами по вокзалу, переходили от одного духана к другому, кто-нибудь ставил ребром последний грош и происходила выпивка, а за ней – шум и драка. То же самое было и в других местах»¹⁷.

Подобные беспорядки усилились, когда были прекращены платежи по работам, в следствие выяснившегося полутора-миллионного перерасхода. В голодные годы группа орловских крестьян отправила телеграмму на имя орловского губернатора: «Прибыли, получили работу; продолжали под дождем, холодом – хуже, чем на своей родине. Харчи получали по 1 фунту в день. Были случаи, что три дня работая, хлеба не получали. Продали на харчи последние вещи и остались голые, босые, бесприютные, отчего многие страдают болезнями. Просим Вашего Превосходительства распоряжения возвратить нас на Родину, не допустить гибели, оставления семейств несчастными»¹⁸. Через 5 дней губернатором была получена новая телеграмма, извещавшая о том, что наблюдающий за рабочими полковник, в ответ на просьбы рабочих о выдаче продовольствия, приказывает их сечь.

Преимущества общественных работ не были в полной мере реализованы, в следствие, некачественного их исполнения. Так, Симбирская губернская земская управа ходатайствовала об ассигновании 12820 руб. на исправление устроенных управлением моста и гатей, ввиду невозможности проезда по ним; крестьяне Новой деревни Липецкого уезда Тамбовской губернии ходатайствовали о восстановлении прежней дороги, проезд по которой из-за начатого управлением сооружений шоссе сделался невозможным; Ливенская уездная земская управа ходатайствовала о возмещении ей убытков, причиненных устройством шоссированной подъездной дамбы к мосту на р. Тим, которая спровоцировала обвал моста на значительном протяжении дороги и т.д.¹⁹. Некоторых сооружений, запланированных и построенных согласно отчету, вообще не оказалось на лицо. Такое положение сложилось преимущественно в Пермской губернии: так исчезли дорожные сооружения и мосты по Ирбитскому, Сибирскому, Иссетскому и Шадринскому трактам²⁰.

¹⁵ РГИА. Управление общественными работами в местностях, пострадавших от неурожая (Ф. 389). Оп. 1. Д. 7. Л. 5.

¹⁶ Максимов В. Очерки по истории общественных работ в России. СПб., 1905. С. 135.

¹⁷ Там же. С. 136.

¹⁸ Там же. С. 137.

¹⁹ РГИА. Особое совещание об общественных работах в местностях, пострадавших от неурожая (Ф. 1225). Оп. 1. Д. 1. Л. 138.

²⁰ Там же.

Сложившееся положение дел побудило Министерство внутренних дел настоять на предоставлении разрешения Государственному контролеру произвести ревизию всех денежных операций Управления общественных работ²¹. 9 августа 1893 г. эти предположения были утверждены и государственный контролер притупил к ревизии. В ходе проверки выяснилось, что Управление общественными работами нарушает правила единства кассы, а также расходуют поступающие от продажи лесных материалов крупные суммы на продолжение общественных работ, вместо того, чтобы вносить их в доход казны.

Подобная ситуация вынудила министерство принять энергичные меры: все распоряжения Главного управления общественных работ в местностях, пострадавших от неурожая по дальнейшему исполнению каких бы то ни было сооружений были совершенно прекращены и деятельность его ограничена передачей как исполненных, так и незаконченных еще работ в подлежащие учреждения и составлением отчетов по всей операции. Для окончательной ликвидации дела была образована Временная комиссия под председательством товарища государственного секретаря Н.А. Неклюдова из представителей от министерств: Министерства внутренних дел, финансов, путей сообщения, государственных имуществ и государственного контролера. На расходы по расплате за произведенные управлением общественных работ операции и по исполнению, заключенных им в законном порядке, обязательств, были ассигнованы из государственного казначейства – 2 млн. руб. А в июне 1894 г. Управление общественных работ, после завершения своей деятельности по сдаче сооружений и составлению отчетов, было упразднено. Дальнейшая судьба общественных работ оказалась в руках, так называемой, ликвидационной комиссии, которая немедленно после назначения председателя и членов, приступила к своей работе.

За 16 месяцев своей деятельности ликвидационная комиссия провела 55 заседаний, рассмотрела более 800 расчетов и вопросов и по окончании своей работы составила «Заключение по вопросу об исполнении Управлением общественных работ, Высочайше порученного ему дела»²².

Его основное содержание сводилось к тому, что, во-первых, Управление общественных работ, не испросив Высочайшего разрешения и не предупредив своевременно Особое совещание, произвело перерасход на сумму до 4 млн. руб., но все-таки оставило почти все капитальные сооружения незаконченными.

Во-вторых, Управление общественных работ не только вышло из определенного ему круга территориальной деятельности, организуя работы в местностях, не указанных совещанием, но и производило некоторые неразрешенные ему работы.

В-третьих, заведующий, вопреки инструкциям, призвал население на работы, без посредства местного начальства и не взаимодействуя с губернаторами по вопросам об установлении заработной платы, продовольствия, размещения рабочих и т.д.

В-четвертых, ликвидационная комиссия, обнаружила нецелесообразное расходование сумм на содержание центрального и местных управлений. Так, назначение уполномоченным себе и своим агентам разъездных и суточных стояло вне всякого контроля, хотя цифры этого накладного расхода были весьма велики.

Что касается типов работ, организованных Управлением общественных работ, то характеризуя их, ликвидационная комиссия нередко отмечала неудовлетворительность, дороговизну и бесполезность некоторых сооружений.

14 марта 1895 г. Ликвидационная комиссия, а вместе с ней и Особое совещание были упразднены. А Комитет министров, рассмотрев дело М.Н. Анненкова, пришел к заключению, что все неудачи генерала были обусловлены трудностью порученной ему задачи, отсутствием определенных указаний на границы его власти, а также его «стремительностью». Исходя из данного заключения Комитет министров постановил: во-первых, испросить Высочайшее соизволение на разрешение дела о личной ответственности заведывающих общественными работами в административном порядке, и, во-вторых, предоставить государственному контролеру произвести окончательное исчисление размера имущественной ответственности генерала М.Н. Анненкова. 23 декабря 1895 г. Николай II утвердил Журнал Комитета министров Высочайшей резолюцией: «Исполнить с объявлением выговора без опубликования»²³.

Наконец, что касается имущественной ответственности ген. М.Н. Анненкова, то она, по исчислению государственного контролера, определялась в 134 504 руб. 50 к. Но 9 апреля

²¹ Там же. Л. 147-155.

²² Там же. Л. 156-198.

²³ Максимов В. Очерки по истории общественных работ в России. СПб., 1905. С. 131-132.

1897 г. состоялось Высочайшее повеление ограничить начет 18 933 руб., а 13 июня 1897 г. М.Н. Анненков был освобожден от всякого взыскания.

По результатам организации общественных работ общая сумма расхода на них составила 14 076 647 руб., а также 828 848 руб. было потрачено на содержание центральной и местной администрации. За период с 1892 по июнь 1894 г. на общественных работах было задействовано 88 076 чел.²⁴. Наиболее востребованы общественные работы оказались в Орловской, Пензенской, Нижегородской, Самарской и Рязанской губерниях. Общий заработок рабочих составил 5 812 945 руб. (39% от суммы расхода на общественные работы).

Еще в начале 1892 г., на пороге открытия общественных работ, великий русский писатель, выдающийся общественный деятель, организатор благотворительных столовых для голодающих Тульской губернии Л.Н. Толстой написал брошюру «О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая», в которой отмечал, что «для достижения цели, если не поддержи крестьянского хозяйства, то хотя бы задержания его от разорения, есть по моему мнению, только это средство – устройство работ»²⁵. Однако, задуманные как средство помощи постигнутому неурожаем и голодом населению и с такой надеждой встреченные передовой общественностью, работы, по форме и содержанию своей фактической реализации, оказались весьма неэффективны и зачастую убыточны для казны. Причины неуспеха общественных работ крылись, прежде всего, в организационных основах и недостатке внимания со стороны администрации к интересам рабочих. Общественные работы были плохо подготовлены, не имели заблаговременно составленного плана, некоторые из них были устроены в значительном удалении от нуждающихся районов. Это приводило к значительной бюрократизации процесса заведывания работами. В то же время, устроенные в самый разгар «народного бедствия», общественные работы дали заработок более 88 тыс. человек. Некоторые виды работ принесли реальную пользу для государства (например, работы по обводнению, дорожные работы, кустарные промыслы). Именно поэтому, правительство не стало отказываться в дальнейшем от системы общественных работ, как меры по поддержанию крестьянского хозяйства в неурожайные и голодные годы. А вопрос об изменении порядка организации общественных работ был передан на обсуждении комиссий по пересмотру продовольственного Устава, который продолжался до конца XIX века.

²⁴ РГИА. Управление общественными работами в местностях, пострадавших от неурожая (Ф. 389). Оп. 1. Д. 7. Л. 28.

²⁵ ГАОО. Орловские губернские ведомости. №30, 1893. Л. 99-99 об.

УДК 94 «18/19»(470.32):281.92

**ИНСТИТУТ ЕПАРХИАЛЬНЫХ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ В СИСТЕМЕ
РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ЦЕРКОВНЫМИ ШКОЛАМИ
В РОССИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.***

**THE INSTITUTION OF THE DIOCESAN OBSERVERS
IN THE REGIONAL CHURCH SCHOOL MANAGEMENT SYSTEM
IN RUSSIA IN THE LATE XIX AND EARLY XX C.**

Е.В. Дворецкий, К.В. Козлов

E.V. Dvoretzkiy, K.V. Kozlov

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*

*Belgorod National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia
E-mail: DEV@bsu.edu.ru, kozlov@bsu.edu.ru*

Ключевые слова: церковно-приходская школа, Епархиальный училищный совет, епархиальный наблюдатель церковных школ, православное духовенство.

Key words: church school, the diocesan school board, the diocesan observer of church schools, the Orthodox clergy

Аннотация. В статье рассматривается процесс складывания института епархиальных наблюдателей как составной части региональной системы управления церковными школами. Требования к кандидатам на замещение должности епархиального наблюдателя церковных школ свидетельствовали о стремлении Синода к созданию корпоративной системы управления школами. Однако, сохранялась практика назначения светских лиц на эту должность. В число обязанностей епархиальных наблюдателей входило осуществление контроля деятельности церковных школ, уездных отделений Епархиальных училищных советов и уездных наблюдателей. Итогом их работы являлось предоставление в Епархиальный училищный совет аналитической информации о состоянии школ в епархии. Сложности, сопровождавшие в работе епархиальных наблюдателей, были связаны с недостаточным материальным обеспечением и отсутствием аппарата помощников. В первую очередь остро стояла жилищная проблема. Отсутствие аппарата помощников предопределяло необходимость епархиальным наблюдателям лично посещать школы, уездные отделения и т.д. Это приводило с одной стороны к редкости таких посещений, а во-вторых, к частым заболеваниям епархиальных наблюдателей.

Resume. The article discusses the process of the formation of the diocesan institution of observers as a part of a regional church schools management system. The requirements for the candidates for the position of the diocesan church schools observer showed the Synod's pursuance of creation of a corporate system of schools management. However, the practice of appointing laities for the position remained uncontested. Among the duties of the diocesan observers was the supervision of church schools activities, county offices of diocesan school boards and district observers. The result of their work was the provision of the Diocesan school board with analytical information on the state of the schools in the diocese. The difficulties that accompanied the diocesan observers were related to the insufficient financial support and the lack of a staff of assistants. The housing problem was the first acute one. The lack of the staff of assistants predetermined the need for the diocesan observers' personal visiting of schools, county offices, etc. As a result, on the one hand, there was the rarity of such visits, and secondly, frequent diseases of the diocesan observers.

Создание церковных школ в России в конце XIX - начале XX вв. предопределило необходимость решения задачи организации системы управления ими. И если создание органа осуществляющего высшее руководство школами – Училищного совета при Синоде, было предопределено самой логикой организации управления Русской Православной церковью, то региональный сегмент данной системы формировался в условиях отсутствия каких-либо структурных аналогий.

---

* Статья подготовлена в рамках Государственного задания Министерства образования и науки РФ подведомственным вузам в 2015 году (код проекта 327).

На епархиальном уровне структурными элементами системы управления церковными школами являлись Епархиальный училищный совет и епархиальный наблюдатель. Общее руководство церковными школами в епархии осуществлял епархиальный архиерей. Ключевым моментом в процессе определения нормативных основ их деятельности являлось «Положение об управлении школами церковно-приходскими и грамоты» 1896 г. Однако, фактически должность епархиального наблюдателя начала вводиться в отдельных епархиях еще до принятия данного «Положения», что было связано с наличием потребности в осуществлении координации и контроля за деятельностью церковных образовательных учреждений¹.

По «Положению об управлении школами церковно-приходскими и грамоты» 1896 г., получив нормативное оформление, продолжал создаваться институт епархиальных наблюдателей, на которых возлагалось, прежде всего, осуществление контроля за деятельностью церковных школ и уездных отделений Епархиальных училищных советов. Епархиальные наблюдатели назначались на эту должность епархиальным архиереем. Кандидаты должны были соответствовать требованиям, предъявляемым к председателям Епархиальных училищных советов: быть священнослужителями, иметь высшее богословское образование или доказать «многолетними трудами свою педагогическую опытность»². Но, по всей видимости, далеко не все епархиальные наблюдатели имели священный сан. Так, в 1895 г. из 63 епархиальных наблюдателей священников было 47, светских – 12, а статус четверых был неизвестен³.

После утверждения «Положения об управлении школами церковно-приходскими и грамоты» 1896 г. не было предпринято каких-либо мер по приведению кадрового состава корпуса епархиальных наблюдателей в соответствие с требованиями данного документа. Среди епархиальных наблюдателей Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской епархий подавляющее большинство составляли священники. Но, например, П.В. Никольский, занявший должность Воронежского епархиального наблюдателя, в конце 1904 - начале 1905 г., священнослужителем не был.

Утверждались в должности епархиальные наблюдатели Синодом. И мнение обер-прокурора было в этом утверждении или неутверждении решающим. Так, в ходе переписки по поводу назначения епархиального наблюдателя церковных школ Тамбовской епархии В.И. Шемякин в письме от 4 января 1899 г. епископу Тамбовскому Георгию (Орлову) сообщал следующее: «Спешу уведомить, что шансы о. Успенского на назначение его епархиальным наблюдателем весьма слабы. К.П. (Константин Петрович. – авт.) решительно не согласен назначить кого-либо из консисторских деятелей на церковно-школьную службу»⁴. И действительно, епархиальным наблюдателем был назначен А. Левочский.

В ходе укрепления системы церковно-школьного управления участие епархиальных архиереев в назначении епархиальных наблюдателей становилось номинальным. Назначения, увольнения и перемещения епархиальных наблюдателей осуществлялись Синодом. Так, указом Синода от 20 марта 1904 г. были перемещены один на место другого епархиальные наблюдатели Самарской епархии А. Матюшинский и Воронежской – В. Дорошевский⁵.

По-видимому, с целью предотвращения возможных затруднений, вызванных усложнившейся процедурой назначения епархиальных наблюдателей, Синод определением от 17-29 марта 1905 г. предоставил епархиальным архиереям право назначать на вакантную должность епархиального наблюдателя одного из уездных наблюдателей, «исполняющим должность» до ее замещения⁶.

После утверждения «Положения об управлении школами церковно-приходскими и грамоты» епархиальные наблюдатели в своей деятельности столкнулись с проблемой отсутствия единой инструкции, определявшей их служебные обязанности и полномочия. В «Положении» об этом упомянуто одной строкой: «Епархиальные наблюдатели, состоя в распоряжении епархиальных преосвященных, обозревают церковно-приходские школы и школы грамоты и проверяют деятельность уездных отделений Епархиальных училищных советов»⁷.

¹ Дворецкий Е.В., Козлов К.В. Складывание системы управления церковными школами в России в 1884-1896 гг. // Научные ведомости БелГУ. Серия История Политология Экономика Информатика. 2014. № 15 (186). Выпуск 31. С.112-115

² Законы и справочные сведения по начальному народному образованию / Сост. А. С. Пругавин. СПб., 1898. С. 387.

³ Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 803. Оп. 1. Д. 1420. ЛЛ. 483-484.

⁴ Там же. Оп. 12. Д. 122. Л. 43.

⁵ Государственный архив Воронежской области (далее ГАВО). Ф. 70. Оп. 1. Д. 13. Л. 79.

⁶ Сборник узаконений и распоряжений о церковной школе ведомства православного исповедания / Сост. Ф.Федоров. СПб., 1907. С. 45.

⁷ Законы и справочные сведения... С. 388.

Более того, отдельные местные «Инструкции», которые продолжали действовать и после 1896 г., противоречили «Положению». Так, в Тамбовской епархии после вступления в действие «Положения об управлении школами церковно-приходскими и грамоты» епархиальный наблюдатель С.Д. Бельский оказался в двусмысленной ситуации. Согласно местной «Инструкции» он подчинялся Епархиальному училищному совету, а по «Положению» – епархиальному архиерею и по должности являлся членом Совета⁸.

В феврале 1897 г. проекты «Инструкций» епархиальным и уездным наблюдателям были разосланы для обсуждения в епархии, но окончательно так и не были утверждены. И в епархиях продолжали самостоятельно разрабатывать необходимые инструкции. Так, 6 февраля 1909 г. Воронежский епархиальный училищный совет представил для рассмотрения в Училищный совет при Синоде «Инструкцию епархиальному наблюдателю церковных школ Воронежской епархии». При разработке данной «Инструкции» была взята за основу прежняя «Инструкция», утвержденная епископом Анастасием (Добрадиным) в январе 1896 г., а также подобные «Инструкции» епархиальным наблюдателям Вятской, Тверской и Херсонской епархий. Кроме этого, авторы руководствовались ранее принятыми Воронежским епархиальным училищным советом определениями, касающимися обязанностей епархиального наблюдателя. Данная «Инструкция» была передана наблюдателю церковно-приходских школ и школ грамоты А.М. Ванчакову, который 22 июня 1909 г. представил в Училищный совет отрицательный отзыв об этом проекте в виду того, что «многие параграфы... противоречат этим законоположениям (о церковной школе – авт.), а другие изложены так, что возлагают на наблюдателя целый ряд обязанностей, составляющих предмет деятельности частию Епархиального училищного совета, частию уездных отделений, а частию даже заведующих школами и учащих»⁹. Указывая далее, что «вопрос об инструкции для епархиальных и уездных наблюдателей церковных школ бывал не раз предметом обсуждения в Училищном совете, но остался недоведенным до конца», он вместе с отзывом предложил рассмотреть и утвердить проект «Инструкции» епархиальным и уездным наблюдателям, «составленный в свое время еще при наблюдателе церковных школ В.И. Шемякине»¹⁰. Видимо, А.М. Ванчаков имел в виду проект «Инструкции», составленный в конце 1896 – начале 1897 гг., который, впрочем, вновь не был утвержден. В отношении Училищного совета от 2 июля 1909 г. Воронежскому епархиальному училищному совету было указано на то, что «Инструкция... не может быть утверждена впредь до выработки общей инструкции для епархиальных наблюдателей»¹¹.

Несмотря на отсутствие детально разработанной нормативной базы, деятельность епархиального наблюдателя заключалась, прежде всего, в осуществлении контроля за учебно-воспитательным процессом церковных школ в ходе инспекторских поездок. Наряду со школами, епархиальные наблюдатели также контролировали деятельность уездных отделений Епархиальных училищных советов и уездных наблюдателей. Кроме этого, в обязанности епархиальных наблюдателей входила организация педагогических курсов и составление ежегодного отчета об учебно-воспитательной деятельности церковных школ (с 1897 г.). Отчет по вопросам финансово-экономического обеспечения церковных школ составлялся Епархиальным училищным советом. Отчеты по итогам проверок школ, а также свои предложения епархиальные наблюдатели представляли Епархиальному училищному совету в виде докладов.

Труд епархиального наблюдателя оплачивался, и его зарплата неоднократно повышалась и к 1915 г. была доведена до 3400 руб. в год. Необходимо отметить, что вопрос о выделении средств из казны на оплату труда епархиальных наблюдателей рассматривался отдельным пунктом. Так, в марте-апреле 1895 г. состоялось обсуждение обер-прокурором К.П. Победоносцевым и министром финансов С.Ю. Витте вопроса об ассигновании денежных средств на церковные школы. Указывая на завышенность запрашиваемой обер-прокурором суммы, С.Ю. Витте предложил свое распределение средств. В числе прочего он приводил статью расходов под названием «На вознаграждение епархиальных наблюдателей во всей Империи», по которой предлагает расходовать 130 500 руб. Итогом этих переговоров стало выделение на церковные школы с 1 января 1896 г. 3 279 205 руб. казенных денег, из которых 141 500 руб. приходилось на «содержание 63 епархиальных наблюдателей церковных школ»¹².

Но, тем не менее, для епархиальных наблюдателей достаточно остро стояла жилищная проблема, особенно из-за установившейся практики перемещений. Так, Орловский епар-

⁸ См.: РГИА. Ф. 803. Оп. 12. Д. 13. Л. 233.

⁹ Там же. Оп. 3. Д. 1227. Л. 7.

¹⁰ Там же. Л. 8 об.

¹¹ Там же. Л. 9.

¹² ГАВО. Ф. 70. Оп.1. Д. 4. ЛЛ. 148-150.

хиальный наблюдатель В. Фиалкин, в дополнение к представлению Епархиального училищного совета в Училищный совет при Синоде о выделении 10000 руб. на покупку здания для Совета, где одновременно предполагалось предоставить ему квартиру, просил В.И. Шемякина в письме от 15 февраля 1903 г. «посодействовать и чтобы точно оговорили «было отведено помещение епархиальному наблюдателю», указывая на то, «как заинтересован каждый епархиальный наблюдатель в казенной квартире, в особенности где он не получает добавочного содержания из епархиальных средств»¹³.

Результаты деятельности епархиального наблюдателя во многом определялись тем характером отношений, который складывался у него с епархиальным архиереем и Епархиальным училищным советом. Как пример крайности следует рассматривать взаимоотношения В. Фиалкина и епископа Орловского Иринея (Орды), который, как указывал епархиальный наблюдатель в письме к В.И. Шемякину от 15 февраля 1903 г., «весьма и весьма не жалует весь институт наблюдателей, начиная с высших и кончая низшими, и в частности... в отношении ко мне до невероятности строг и злобен»¹⁴. И как следствие, в мае 1904 г. В. Фиалкин заболел «нервным расстройством в самой тяжелой форме»¹⁵.

Епархиальный наблюдатель церковных школ Воронежской епархии П.В. Никольский, находившийся в достаточно натянутых отношениях с председателем Воронежского епархиального училищного совета епископом Острогожским Владимиром (Шимковичем), встретил союзника в лице епископа Анастасия (Добрадина). В письме к В.И. Шемякину от 7 января 1907 г. он указывал на следующее: «Архиепископ Анастасий просил меня не торопиться с нововведениями, а действовать исподволь»¹⁶.

В Епархиальных училищных советах также по-разному воспринимали инициативы епархиальных наблюдателей. И зависело это, прежде всего, от позиции председателей советов. Так, епархиальный наблюдатель церковных школ Тамбовской епархии С.Д. Бельский в письме к В.И. Шемякину от 9 января 1897 г. писал: «Моих мероприятий, не принятых Советом, я не припомню, то есть, кажется, таких случаев не было»¹⁷. Его преемник – А. Левочкин в своем письме тому же адресату от 22 сентября 1901 г. рисовал совершенно иную картину: «Не смею повторить, что постоянные мои напоминания только служат к разладу, и на меня же пишут частые письма в разные стороны»¹⁸.

Епархиальный наблюдатель церковных школ Воронежской епархии В. Дорошевский в письме к В.И. Шемякину от 20 января 1897 г. указывал на вполне деловой характер отношений с Советом: «Между епархиальным наблюдателем и Епархиальным училищным советом... отношения пока вполне нормальные, способствующие успешному ведению школьного дела. Епархиальный наблюдатель об обозренных школах и о проверенных отделениях письменно докладывает Совету, а последний сии доклады со своим заключением препровождает на благоусмотрение епархиального архиерея»¹⁹. Предложения же П. Никольского, в 1904 г., занявшего должность епархиального наблюдателя, зачастую игнорировались Воронежским епархиальным училищным советом, и, прежде всего, его председателем епископом Владимиром (Шимковичем).

Епархиальный наблюдатель церковных школ Курской епархии И. Каплинский оценивал свои отношения с Епархиальным училищным советом как «добрые». Все его доклады рассматривались в Совете, и на их основании принимались необходимые решения, а в отдельных случаях Совет запрашивал отзывы по обсуждаемым вопросам²⁰. А когда председатель Курского епархиального училищного совета Я. Новицкий просил об отставке, то И. Каплинский, характеризуя их совместную работу, сказал: «Я 14-й год служу в названной должности и никогда между мною и о. Председателем Совета не было недоразумений, я готов и умереть у ног этого о. Председателя»²¹.

Значительно затрудняло работу епархиального наблюдателя отсутствие у него помощников, и ему лично приходилось посещать школы и уездные отделения. На это уходило

¹³ РГИА. Ф. 803. Оп. 12. Д. 109. ЛЛ. 155-155 об.

¹⁴ Там же. Л. 155 об.

¹⁵ Там же. Л. 180.

¹⁶ Там же. Д. 62. Л. 20 об.

¹⁷ Там же. Д. 13. Л. 233 об.

¹⁸ Там же. Д. 122. Л. 93.

¹⁹ РГИА. Ф. 803. Оп. 12. Д. 13. Л. 30.

²⁰ Там же. Л. 96 об.

²¹ Протоколы заседаний Съезда председателей уездных отделений Курского епархиального училищного совета уездных наблюдателей церковных школ Курской епархии и благочинных с 27 по 31 сентября 1905 г. // Курские епархиальные ведомости. 1905. № 41. Ч. оф. С. 422-423.

очень много времени. Так, Курский епархиальный наблюдатель И. Каплинский в 1897 г. подсчитал, что ему понадобится более 200 дней, чтобы проинспектировать в течение года все школы и уездные отделения в епархии. А.М. Топоров, учившийся в 1900-1903 гг. в Бродчанской церковно-приходской школе Старооскольского уезда Курской губернии, позднее вспоминал, что за всё время его учебы епархиальный наблюдатель посетил ее один раз. Да и вообще «приезд епархиального (наблюдателя – авт.) был событием чрезвычайным. Едва он отбывал из Курска, как по всей епархии летела весть: «Протоиерей Каплинский едет!» Священники и дьяконы дрожали от страха, дотемна натаскивая школьников, репетировали заранее вопросы и ответы»²². Многообразная и беспокойная работа епархиальных наблюдателей, связанная с частыми поездками по епархии, часто отражалась на их здоровье: бронхит и катарр горла и желудка были профессиональными заболеваниями наблюдателей²³.

Впрочем, со стороны, по отзывам местных Комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности, полученным из 49 губерний Европейской России, деятельность епархиального наблюдателя виделась следующим образом: «Губернский наблюдатель является чисто канцелярским чиновником, у которого масса входящих и исходящих бумаг, и потому ему некогда ездить по всем церковным школам губернии. Сам лично ознакомиться со школами он не всегда может, и потому, если и знает что-либо об отдельной школе, то только случайно или по донесениям с места; годовой отчет его составляется по отчетам уездных наблюдателей, которыми он заранее дает свои инструкции»²⁴.

В целом, по оценкам специалистов, работавших в системе управления церковными школами, сложность работы епархиальных наблюдателей была связана с отсутствием четкой функциональной регламентации их деятельности. На наш взгляд, достаточно сложно дать однозначную оценку подобной ситуации, так как наличие жесткой регламентации деятельности органов церковно-школьного управления в условиях стремительного развития системы церковных школ на определенном этапе неизбежно бы тормозило этот процесс. Но отсутствие детальных инструкций имело отрицательное значение для исполнителей, в данном случае – епархиальных наблюдателей, так как ставило их в ситуацию постоянного выбора при принятии решений и разработки алгоритмов своей управленческой деятельности. Следствием этого становилось исключительная роль субъективного фактора (личность человека, его компетентность, отношение к делу) и диаметрально противоположные подходы и результаты решения возникавших проблем в одних и тех же ситуациях.

²² Топоров А.М. Я – учитель. Воспоминания. М., 1980. С. 59.

²³ См.: РГИА. Ф. 803. Оп. 12. Д. 20. Л. 26 об.

²⁴ Просвещение. Свод местных Комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности по 49 губерниям Европейской России / Сост. Н.Л. Петерсон. СПб., 1904. С. 65.

УДК 94(470.2):63

**КРЕСТЬЯНСКАЯ ПОЗЕМЕЛЬНАЯ ОБЩИНА
КАК СУБЪЕКТ РЕАЛИЗАЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ)¹**

**THE PEASANT LAND COMMUNITY AS THE SUBJECT OF IMPLEMENTATION
OF THE ECOLOGICAL FUNCTIONS (ACCORDING TO THE PRIMARY
SOURCES OF THE NORTHWEST RUSSIA)**

Л.В. Алиева

L.V. Alieva

Псковский государственный университет, Россия, 180000, г. Псков, пл. Ленина, 2

Pskov State University, Lenin Square, 2, Pskov, 180000, Russia

E-mail: rada510@rambler.ru

Ключевые слова: крестьянство, община, Северо-Запад России, экология, социальное пространство, деревня.

Key words: peasantry, community, Northwest of Russia, ecology, social space, village.

Аннотация. Составить полное представление о месте и роли крестьянской общины в социальном пространстве северо-западной русской деревни без анализа ее экологической функции сложно, в тоже время данный вопрос до сих пор не являлся предметом специального рассмотрения исследователей. На основе анализа приговоров сельских сходов деревни Северо-Запада России в статье рассматривается вопрос реализации экологической функции крестьянской поземельной общиной. Автор приходит к выводам о том, что на изучаемой территории преобладало «традиционное природопользование», основой правового регулирования которого являлось преимущественно обычное право, руководствуясь которым общинное крестьянство решало проблему сохранения и воспроизводства природных ресурсов доступными для себя способами.

Resume. It is difficult to compose a complete picture of place and role of the peasant land community in the social space of the Northwest Russian village without analyzing community's ecological functions. At the same time this issue has not yet been the subject of a special scientific study. Based on the analysis of peasant gatherings' verdicts, the article deals with implementation of the ecological functions by the peasant land community on the Northwest of Russia. The author have made conclusion that in the mentioned before region had prevailed so called "traditional type" of natural resource management. As a rule, the last one was regulated by custom laws, and peasants, being guided by them, solved the problem of preservation and reproduction of natural resources by means of available for them methods.

В истории каждого народа от поколения к поколению передаются опыт хозяйственной деятельности, практические навыки природопользования, экологические знания, необходимые для адаптации общества к природной среде. В настоящее время отмечается повышение внимания к изучению экологических проблем, в том числе в историческом разрезе. Среди исторических исследований, затрагивающих поднимаемую в данной статье проблему реализации экологической функции важнейшим институтом сельского социума – крестьянской поземельной общиной, следует выделить работы М.М. Громько², П.Н. Зырянова³, Л.В. Даниловой и В.П. Данилова⁴, Л.В. Милова⁵, М.М. Есиковой⁶ и др.⁷

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 14-11-60001) и Государственного комитета Псковской области по культуре.

² Громько М.М. Мир русской деревни. М., 1991.

³ Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России в 1907 – 1914 гг. М., 1992.

⁴ Данилова Л.В., Данилов В.П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России: XIX–XX вв.: материалы международной конференции (Москва, 14–15 июня 1994 г.). М., 1996. С. 22–39.

⁵ Милова Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001.

⁶ Есикова М.М. Агротехнический прогресс и община (конец XIX – начало XX вв.) // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2011. № 1 (32). С. 333. URL: // <http://vernadsky.tstu.ru/pdf/2011/01/52.pdf> (дата обращения: 25.06.2012); Есикова М.М. Труд крестьянина и аграрная

Актуальность рассматриваемой проблемы обусловлена также тем, что для решения задачи комплексного изучения крестьянской поземельной общины необходимо, на наш взгляд, анализировать ее деятельность не только в контексте разнообразных социальных отношений, но и во взаимосвязи с природой, формировавшей объективную среду существования крестьянства. При этом следует учесть, что в силу сложившихся особенностей развития общинного института в России, а также специфики имеющейся в распоряжении исследователей исторической базы, экологическая составляющая деятельности общины может быть рассмотрена почти исключительно сквозь призму хозяйственной жизни крестьян.

Под экологической функцией крестьянской поземельной общины нами понимается деятельность данного института в области (1) природопользования, (2) охраны природы и (3) обеспечения экологического правопорядка.

Природопользование. Крестьянская поземельная община в России начала XX в., регламентируя практически все стороны жизни и деятельности крестьян, была социальным институтом, выполнявшим многочисленные функции, к числу которых следует отнести и экологическую, осуществляя которую, община выстраивала определенную линию взаимодействия с окружающим миром в рамках системы «общество – природа». На территории сельского общества всеми видами природных ресурсов и формами их эксплуатации распоряжался сельский сход, который в принятии решений руководствовался, в первую очередь, необходимостью удовлетворения экономических потребностей крестьян и государства. Этот исходный методологический посыл предопределял, прежде всего, потребительское отношение к имеющимся в распоряжении общины природным ресурсам, основным среди которых была земля.

В рамках выполнения государственных обязательств и организации хозяйственной деятельности крестьян поземельная община начала XX в. устанавливала свой порядок пользования угодьями, в состав которых входили, как правило, усадебная и пахотная земля, сенокосные угодья, выгоны для скота, участки леса, земли под дорогами, пустоши, водоемы, болота.

К усадебной земле относилась земля под домом, хозяйственными постройками и огород. Поскольку усадебные угодья в правовом сознании крестьян считались собственностью, имели относительно небольшие и стабильные размеры и находились в непосредственной близости от места проживания крестьянской семьи, здесь велось более интенсивное хозяйство, а земля тщательнее обрабатывалась и удобрялась. Однако значительно большую ценность для крестьянства представляла пахотная земля, поэтому необходимость ее эффективного использования и распределения налогового бремени породила сложный механизм земельных переделов, приводивших к полной перетасовке земли между домохозяевами⁸, каждый из которых имел не только свои представления о необходимости удобрения, очистки участка, его осушения и т.д., но и ограниченные возможности в реализации своих намерений. П.Н. Зырянов отмечал проблему восстановления и повышения плодородия почвы на пахотных участках в начале XX в., когда в условиях расслоения крестьянства сокращалось поголовье скота, и маломощным хозяйствам было не под силу удобрить даже озимое поле, что приводило к еще большему запустению их земельных наделов, переходить на которые желающих не было.

Сенокосные угодья общины состояли обычно из нескольких разнокачественных лугов. Каждое из крестьянских хозяйств получало свою долю в каждом из них. Принцип раздела луга на полосы, как правило, соответствовал принципу раздела пахотной земли: хозяйство получало полосу луга по той же разверсточной единице, по которой получало пашню. Различие заключалось в том, что обычно переделы сенокосных угодий происходили ежегодно. Причем ежегодные переделы лугов были распространены даже в беспередельных общинах⁹. Таким образом, каждый год крестьянское хозяйство носило сено на новом месте в соответствии с результатами жеребьевки. В некоторых общинах сенокосные угодья не разделялись на части между дворами крестьян-однообщинников и, соответственно, не подвергались периодическим переделам. В

культура // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 1 (7). С. 102–104. URL: // http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2011_1_23.pdf (дата обращения: 10.08.2015).

⁷ Перепелицын А.В., Фурсов В.Н., Касаткин В.П. Трансформация крестьянского полеводческого хозяйства Черноземного центра России в пореформенный период // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». Белгород, 2012. № 1 (120). Вып. 21. С. 131–136; Белобородова И.Н. Власть и общество на Европейском Севере России: проблема взаимодействия в области модернизации народной агрикультуры (конец XIX – начало XX в.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». Белгород, 2014. № 1 (172). Вып. 29. С. 120–127.

⁸ Виды и механизм земельных переделов рассмотрен автором: Алиева Л.В. Поземельные отношения в крестьянской общине Северо-Запада России (1906 – 1928 гг.) // Социально-экономические проблемы деревни Северо-Запада России XIX – XX вв. (К 150-летию отмены крепостного права в России). Псков, 2012. С. 56–88.

⁹ Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 398. Оп. 75. Д. 536. Л. 123об, 126об, 138об. См. также: Зырянов П.Н. Поземельные отношения в русской крестьянской общине во второй половине XIX – начале XX в. // Собственность на землю в России: история и современность. М., 2002. С. 158.

этом случае на период сенокоса каждый крестьянский двор выделял по одному или более работников, которые, объединившись, выкашивали все пожни. Затем смётанное в стога сено делилось по числу разверсточных единиц между крестьянскими дворами¹⁰.

Обычно общины имели в своем владении, кроме перечисленных угодий, участок леса. Заниматься здесь собирательством могли все общинники без какой-либо регламентации. Однако для произведения порубок устанавливался определенный порядок. Одни общины принадлежавший им лес делили ежегодно на том же основании, что и пахотные земли, а после раздела каждый крестьянин пользовался лесом по своему усмотрению: заготавливал дрова, бревна для построек и т.д. Например, в д. Ячменево Городищенского сельского общества Слободской волости Псковского уезда Псковской губернии 30 января 1908 г. мирским сходом было принято решение поделить лес следующим образом: имеющийся участок разделить на три части, две из которых поделить по имеющимся наделным душам, а оставшуюся – по количеству крестьян-хозяев¹¹. В некоторых селениях делился и использовался не весь лес, а только какая-то часть, каждый год новая. Другие общины не разделяли лес на участки между крестьянскими хозяйствами. В этом случае артель, в которую входили работники от каждого двора, производила рубку леса в определенном месте, а затем происходил его дележ возами либо по числу душевых наделов, либо «по дымам». Были, однако, и такие общины, которые не регламентировали даже порубку, руководствуясь при этом принципом «кто нарубил да сvez, тот и прав». Часто случалось, что крестьяне общины, не имеющей своего леса, воровали его у соседнего землевладельца. Таким образом, лес в сознании крестьян считался в определенной мере «божьим», и пользование им не могло быть чьей-то привилегией. Такая ситуация была характерна для богатых лесом местностей. Те же общины, которые имели мало леса, могли вообще налагать запрет на порубку. Тогда лес называли заказанным.

Пастбищные угодья (выгоны) повсеместно находились в общем пользовании всех хозяйств общины¹², и скот на них выпасался единым стадом. Пастбищами служили лес, болота, огороженные прогоны, пахотные поля, когда они были свободны от посевов. Для Северо-Запада России был характерен недостаток удобных пастбищ¹³. Если деревня не имела иного места для выпаса, кроме пахотной земли, то применялся следующий его порядок: «Весной с 23 апреля до сева, то есть до начала мая, скот выпасался на яровом поле; затем до начала августа – на паровом; в начале августа, после уборки озимой ржи, – на озимом, а после уборки яровых посевов в середине августа – также и на яровом»¹⁴.

В состав общинных угодий входили и водные ресурсы. На глубине, вдали от берега, вода считалась «вольной», у берегов же каждая деревня имела свои «территориальные воды», для которых также устанавливались правила пользования¹⁵. Стирка белья, пользование водой в хозяйственных целях, непромышленная ловля рыбы, как правило, не возбранялись. Вместе с тем, в отдельных общинах практиковалась сдача в аренду водных угодий для рыбной ловли. Особенно актуально это было для Озерного края, как называли Псковскую губернию. Так, на сходе крестьян Малотростницкого сельского общества Псковского уезда Псковской губернии 24 апреля 1912 г. крестьянину Слободской волости Яну Ритцланду было передано в безвозмездное пользование пространство воды около сенокоса с правом рыбной ловли в означенных водах на шесть лет, с 1912 по 1918 гг., за что он был обязан выполнять функции сторожа сенокосного участка «Пусто-берег»¹⁶. Частный промысел община всегда ставила под контроль, облагая индивидуальным налогом.

Община определяла и характер использования «пустопорожных мест» на своей территории. Время от времени они осваивались сообща, но сохранялось и индивидуальное пользование.

Природоохранная деятельность. Право общины распоряжаться различными угодьями проявлялось и в общих подходах к хозяйственному освоению природной среды. В основе взаимодействия общины с природной средой лежала система рационального природопользования и природоохранных мер. Сочетание окультуренных и естественных ландшафтов обеспечивали крестьянству важный дополнительный резерв продовольствия: рыбу озер и рек, лесные поляны с целебными травами, дары леса, продукты дикого пчеловодства.

¹⁰ Историко-этнографические очерки Псковского края. Псков, 1999. С. 134.

¹¹ Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. 42. Оп. 1. Д. 8. Л. 206 – 3.

¹² РГИА. Ф. 398. Оп. 75. Д. 536. Л. 1300б, 1360б, 1380б, 1420б, 1500б, 1610б; Д. 537. Л. 500б, 530б.

¹³ РГИА. Ф. 408. Оп. 1. Д. 429. Л. 23.

¹⁴ Историко-этнографические очерки Псковского края. Псков, 1999. URL: <http://edapskov.narod.ru/pskov/obiobb.htm> (дата обращения: 23.06.2015).

¹⁵ Шубина Т.Г. Рыболовство и связанные с ним промыслы // Историко-этнографические очерки Псковского края / Под ред. А.В. Гадло. Псков, 1999. С. 75-82, 85-86.

¹⁶ ГАПО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 15. Л. 21.

Рациональное природопользование – это и опыт распланировки территории общины под хозяйственную деятельность и подворные места. Выделяя то и другое, общины руководствовались разными критериями. Дома крестьяне строили в сухих, хорошо проветриваемых и освещаемых солнцем местах, имеющих доступ к родниковой воде. Крестьянские общественные и культовые постройки – при всей их внешней простоте – обладали важными достоинствами с точки зрения выбора места их расположения и планировки: сомасштабностью окружающим природным объектам, учётом рельефа местности, гидрологического режима, растительного покрова и т.д. Часовни, приходские церкви всегда ставились на перекрестке дорог, вершине холма, на берегу реки.

Природосообразность трудовой деятельности и образа мышления крестьян проявлялись и в подборе сельскохозяйственных культур в зависимости от качества почв, особенностей климата, что во многом определяло урожайность и, в том числе, помогало земледельцу в борьбе с вредителями растений. Например, в Псковской губернии озимое поле (аржанище) обычно засеивалось рожью, что было более целесообразным во многих отношениях, и лишь в некоторых местах крестьяне сеяли немного пшеницы: «для кутьи», «чтоб потешить себя».

Имея в своем распоряжении многочисленные угодья, община была вынуждена заботиться об их сохранности. В первую очередь, необходимо было защитить имеющиеся ресурсы от грабежа, в связи с чем крестьяне ежегодно избирали на сходе лесного и полевого сторожей.

Сторожа сенокосных участков должны были добросовестно следить за целостностью еще не поделенного сенокоса (как это было, например, в д. Невелика Кулейского сельского общества Псковского уезда Псковской губернии¹⁷) или же за сохранностью уже скошенного сена, а о всяческих злоупотреблениях уведомлять жителей селения. За исполняемые обязанности сторож получал либо денежную плату, либо право безвозмездного (или на льготных основаниях) пользования участком каких-либо общинных угодий. Плата за исполнение обязанностей полевого сторожа в д. Сельцо Середкинской волости Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии составляла девять рублей в год, однако здесь Петру Соколову, избранному на эту работу, в 1909 г. полагался еще и штраф с каждого уличенного в самовольной жатве травы. Штраф же составлял 20 коп. с корзины¹⁸.

Функцией лесного сторожа была охрана надельного не поделенного леса от самовольных порубок. Иногда лесной сторож исполнял одновременно и функции полевого сторожа¹⁹, который охранял полевые угодья от потрав. О замеченных им нарушениях он должен был докладывать жителю селения с целью привлечения потравщиков и порубщиков к ответственности. В Заходском обществе Псковской губернии замеченных в потравах односельчан штрафовали: по 50 коп. с головы крупного скота (лошадь, корова), по 20 коп. – с мелкого (овцы, свиньи)²⁰. Труд лесного сторожа тоже оплачивался. Лесному и полемому сторожу Большекулейского сельского общества Псковского уезда Псковской губернии крестьянину Константину Филиппову, избранному на период с 1 февраля 1909 по первое февраля 1912 г., решением сельского схода от 5 января 1909 г. было положено жалованье в размере десяти рублей в год, а также предоставлено право безвозмездной охоты на земельных угодьях сельского общества²¹. Крестьянин д. Большие Забудовицы Слободской волости Псковской губернии Яков Власов по решению сельского схода от 4 января 1912 г. за исполнение своих обязанностей должен был получить до 25 декабря 1912 г. 15 руб. 50 коп. А в дополнение к указанной сумме ему предоставлялось право годового пользования селенным покосом²².

Большое значение в общине придавалось природоохранным мероприятиям. Поддерживать культуру отношений человека с природной средой в целом была призвана этика крестьянского мира. В общинной культуре поощрялось бережное отношение к растительности, к животному миру. В сравнении с традиционной системой индивидуальных подворных ограничений, возможности общины в установлении рационального природопользования были гораздо выше. Она добивалась от крестьянских хозяйств сохранения и восстановления ресурсов, хотя бы и на уровне их простого воспроизводства, поскольку постоянно приходилось сталкиваться с проблемой недостатка разного рода средств. В качестве примера можно привести ситуацию с систематическим удабриванием почв. На Северо-Западе России удобрений, позволяющих повысить плодородность почвы в условиях ее сверхэксплуатации в рамках сохранявшегося крестьянского малоземелья/аграрного перенаселения, не хватало. Минеральные удобрения медленно входили в практику крестьянских хозяйств, а недостаточное количество скота

¹⁷ ГАПО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 15. Л. 22.

¹⁸ ГАПО. Ф. 159. Оп. 1. Д. 45. Л. 65об.

¹⁹ ГАПО. Ф. 159. Оп. 1. Д. 46. Л. 90.

²⁰ ГАПО. Ф. 159. Оп. 1. Д. 46. Л. 90.

²¹ ГАПО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 11. Л. 8, 8об.

²² ГАПО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 15. Л. 34.

предопределяло нехватку органических удобрений. Так, Н.М. Кисляков отмечал, что «1/5 всех крестьянских хозяйств Псковской губернии имеет менее 5 десятин на двор, почти половина от 5 до 10 десятин и только 1/3 свыше 10 десятин. Дворов безлошадных считается 17,11%. Рогатого скота приходится в среднем на двор 2,4 голов, причем 7,4% дворов совсем его не имеют, 27% имеют по 1 корове, 28% по 2 коровы и только 1/3 всех хозяйств имеют более 2 коров, и это в такой полосе России, где без удобрения земледелие совершенно невозможно, а без скота не может быть и удобрения»²³.

Забывая о сохранении природы, крестьяне рассчитывали, прежде всего, на свои собственные денежные и трудовые ресурсы, однако работы крупных масштабов зачастую требовали гораздо больших вложений, нежели крестьяне могли себе позволить. Так, крестьяне деревень Масельки²⁴ и Новая Розальвинского сельского общества Коркомякской волости Санкт-Петербургского уезда Санкт-Петербургской губернии 16 января 1910 г. обсуждали вопрос о необходимости и возможности осушения принадлежащих сельскому обществу покосов на р. Сай-юкки. Покосы указанного общества занимали более 200 десятин земли и были окружены лесом и речкой. Чрезвычайная засоренность рек привела к заболоченности покосов, в силу чего в стогах наблюдалось сено плохого качества, с мхом. Крестьянам данного общества не представлялось сложным провести осушение крестьянских покосов ввиду близости к реке естественного стока. Поэтому они обратились к земскому начальнику с просьбой разрешить вычистить реки. Подобное предложение земскому начальнику показалось нерациональным, и он, в свою очередь, предложил прорыть канаву по длине покоса и две канавы, которые переняли бы воду речек в местах выхода их из леса, а также расчистить р. Сай-юкки до открытого ее течения от места впадения первой канавы. Также земский начальник предлагал каждому отдельному домохозяину предоставить возможность собственными средствами соорудить по своему участку необходимые вспомогательные канавы²⁵. Видимо, это решение не устроило крестьян, и они добились проведения осушительных работ. 31 мая 1910 г. собрался сход Розальвинского сельского общества Коркомякской волости в составе 53 домохозяев из 100, имеющих право голоса, под председательством сельского старосты А. Пённиё. Собранием было принято решение предоставить за счет общины в распоряжение командированных лиц все необходимые материалы в требуемом количестве, подсобных рабочих, квартиру с освещением и отоплением на все время производства работ²⁶. Однако домохозяева недооценили свои ресурсы, и на сельском сходе было принято решение о непосильности для общины единовременной суммы в 4000 руб. и ходатайстве перед Санкт-Петербургской землеустроительной комиссией о ссуде²⁷. Комиссией было принято решение о выдаче пособия в размере 3979 руб. 86 коп. для передачи земскому начальнику, которому было поручено выполнение осушительных работ при помощи местных специалистов²⁸. Итоги крестьянского ходатайства материалы дела не отражают, однако сама постановка проблемы показывает заботу крестьянства о сохранении имеющихся в их распоряжении природных ресурсов.

Подтверждает этот вывод еще один документ. 13 декабря 1909 г., в соответствии с предписанием Псковской уездной земской управы от 18 ноября, на общий сход собрались рыболовы и рыбопромышленники Киршинского и Кулейского сельских обществ с целью обсудить нужды местного населения в рыболовном промысле. Участниками схода было отмечено, что некоторые практикуемые способы лова рыбы вредны²⁹: «заколы»³⁰ имеют губительное влияние на сокращение всякой рыбы в озере вообще, кроме сетков»; «сетковые ризцы»³¹ применяются и в весеннее время, и в период икрометания. Остальные рыболовные снаряды, на взгляд участников схода, не имели столь вредоносного значения для сокращения численности видов рыбы в озере. Сельским сходом было принято решение запретить ловлю рыбы мелкочейистыми сетями с 27 июня по 15 августа, «по бедности» разрешить в этот период только лов ершей особо установленными запасами под названием «мережки»³², не запечатывать на это

²³ Псковский голос. 1906. № 20 (26 февраля).

²⁴ В разные годы на картах название этого поселения писалось, как: Мааселька, Маселька, Мааселька, Маселька, Масалки, Масилка, Мазельки, Максельки и Масельки.

²⁵ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 297. Оп. 3. Д. 299. Л. 1, 10б.

²⁶ ЦГИА СПб. Ф. 297. Оп. 3. Д. 299. Л. 6.

²⁷ ЦГИА СПб. Ф. 297. Оп. 3. Д. 299. Л. 14.

²⁸ ЦГИА СПб. Ф. 297. Оп. 3. Д. 299. Л. 16.

²⁹ ГАПО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 11. Л. 1050б – 106.

³⁰ Заколы – система рыболовных снастей, расставленных поперёк реки или в озере. Ряды длинных шестов, воткнутых в дно озера, к которым крепились сетки, периодически выбираемые рыбаками.

³¹ Ризцы – огромные плетеные ловушки.

³² Мережка, или ботальная сеть – состоит из трех прилегающих одна к другой сетей: средней – частой провязи – и двух боковых, с более крупной по размеру ячейкой. Мережками ловят преимущественно летом в таких заросших травой местах, где другие способы рыбной ловли недоступны.

время снетосушильные печи и позволить в них сушку ершей, запретить использование «заколов», но разрешить «клеенку и тканцы»³³. В феврале 1912 г. крестьяне Будовижского сельского общества Псковского уезда Псковской губернии на сельском сходе избрали двух уполномоченных для участия в заседании рыбоводного комитета, где планировалось обсуждение правил ограничения лова рыбы в Псковском и Чудском озерах³⁴.

Протоколы заседаний показывают, что для всех участников сходов было очевидно, что ограничения рыбного лова в Псковском озере должны пересматриваться в сторону ужесточения, поскольку в существующем виде они не имели большого значения для сохранения озерной экосистемы, могли привести к нарушению экологического равновесия и отрицательно повлиять на биоразнообразие псковских водоемов, т.к. эффект от их применения перекрывался приобретенными громадными размерами хищническими видами ловли рыбы.

Обеспечение экологической безопасности и правопорядка. Сход был правомочен принимать оперативные хозяйственные решения, касающиеся всех членов общины. Устанавливались, например, некоторые агротехнические правила, обязательные для всех хозяйств: никто не мог отступать от общего севооборота, огораживать свои полосы или оставлять какие-либо сооружения, препятствующие осеннему выпасу скота. На сходах объявлялось общее время сбора лесных плодов, время лова рыбы в озерах. Иногда устраивали общий лов с последующим разделом добытой рыбы между хозяйствами. Подчас сходами устанавливались экологические по своему характеру ограничения – например, запрет купаться и сбрасывать сор в водоемы, из которых брали воду для питья и приготовления пищи.

Поддерживать экологический правопорядок в начале XX в. было сложно. Повсюду отмечалось падение общинной дисциплины³⁵. В Новгородской губернии, как говорили сами крестьяне, стали приходиться в негодность внутринадельные дороги и канавы: один хозяин прорыл канаву вдоль своего участка, а сосед и не подумал ее продолжить; в результате урожай в дождливый год пропал у обоих. Такими нерадивыми крестьянами, согласно солидарной точке зрения общинников, природа воспринималась как неисчерпаемый ресурс, хотя повседневная практика хозяйствования опровергала этот взгляд. Поэтому, выполняя экологическую функцию, крестьянская поземельная община решала, в том числе, проблему сохранения и восстановления ресурсов локальных экосистем.

Таким образом, анализ составляющих экологической функции крестьянской поземельной общины Северо-Запада России начала XX в. показывает, что:

1. На изучаемой территории, несмотря на имевшие место процессы капиталистического развития, преобладало «традиционное природопользование».
2. Проблема охраны сельскохозяйственных угодий в начале XX в. не являлась одной из острых, однако в свете обозначившихся проблем именно крестьяне первыми выступили в защиту общинных угодий.
3. Проблему сохранения и воспроизводства природных ресурсов общинное крестьянство решало доступными для себя способами, однако крупномасштабные работы требовали финансовых затрат, непосильных даже для относительно многочисленного коллектива, что позволяет говорить, скорее, о поддержании имеющихся в распоряжении общины природных ресурсов в приемлемом состоянии, нежели о повышении их качества.
4. Основой правового регулирования экологической безопасности общины являлись преимущественно нормы обычного права, сложившиеся традиции природопользования и хозяйствования.

Следует подчеркнуть, что экологическая функция деятельности общины нуждается в дальнейшем изучении как в рамках общей проблемы отношения русского общества к вопросам сохранения имеющихся природных ресурсов с начала капиталистической эпохи, так и в рамках конкретных региональных исследований, которые, безусловно, потребуют тесного взаимодействия исследователей наук о Земле и общественных наук³⁶.

³³ Тканец – специальный редкий холст, задерживающий не только рыбу, но и икру.

³⁴ ГАПО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 15. Л. 37.

³⁵ Есикова М.М. Агротехнический прогресс и община (конец XIX – начало XX вв.) // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2011. № 1 (32). С. 333. URL: // <http://vernadsky.tstu.ru/pdf/2011/01/52.pdf> (дата обращения: 25.06.2012).

³⁶ См., например: Корнилов А.Г., Гененко И.А., Жеребченко Ю.С., Милостной А.А. Геоэкологические аспекты землепользования и устойчивого развития сельских поселений (на примере села Завидовка Яковлевского района Белгородской области) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Естественные науки». Белгород, 2011. № 9 (104). Вып. 15. С. 176–183. URL: // <http://dev.docme.ru/doc/1043834/11.nauchnye-vedomosti-belgu.-ser.-estestvennye-nauki-N3-2011> (дата обращения: 10.08.2015).

УДК 656.07(470.13)

**КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА В АВТОТРАНСПОРТНОЙ ОТРАСЛИ
РЕСПУБЛИКИ КОМИ (1930 – сер. 1940-х гг.)****THE PERSONNEL POLICY OF THE AUTOMOBILE INDUSTRY
OF THE KOMI REPUBLIC (1930 – mid 1940)****Д.В. Логинова****D.V. Loginova**

*Сыктывкарский лесной институт (филиал)
Санкт-Петербургского государственного лесотехнического университета имени С. М. Кирова
Россия, 167982, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Ленина, 39*

*Syktuykar Forest Institution (Branch) of St. Petersburg State Forestry university named after S. M. Kirov,
39 Lenina St, Syktuykar, The Republic of Komı, 137982, Russia*

E-mail: dianalog2010@mail.ru

Ключевые слова: автомобильный транспорт, Республика Коми, кадры, профсоюзы, зарплата.
Key words: road transport, the Republic of Komı, pictures, trade unions, wages.

Аннотация. Автомобильный транспорт России – это один из наиболее динамично развивающихся видов транспорта. В связи с этим, все более важным становится его всестороннее изучение, особенно исторической ретроспективы в отдаленных и труднодоступных регионах, к которым относятся и Республика Коми, характеризующаяся огромной протяженностью, дальностью и недоступностью населенных пунктов, неравномерностью природно-климатических условий на севере и юге и вытекающих отсюда отличий экономического и социального развития. Одним из малоизученных аспектов в этом направлении являются вопросы кадровой политики и социальной защиты работников автотранспортной отрасли Республики Коми в 1930 – середине 1940-х гг. XX столетия.

Resume. The automobile industry is the most rapidly developing branch. In connection with it, becomes the most important scrutiny, especially historical retrospective in remote and inaccessible areas, to which applies Komı Republic, characterized by enormous length, range and the inaccessibility of settlements, uneven climatic conditions in the north and south and the resulting differences Economic and Social Development. One of the poorly studied questions of the personnel policy and social protection of the automobile industry workers of the Komı Republic in 1930 – mid 1940 of the 20th century.

Проблемы формирования и развития отечественной автотранспортной отрасли, учитывая рост объемов перевозок этим видом транспорта, приобрели сегодня особую значимость. Поэтому на государственном уровне заявлено о необходимости выделения прикладного направления в традиционных исследованиях по истории данной отрасли, считая, что уважительное отношение к собственной истории должно рассматриваться как один из вариантов поддержки отечественной автомобильной промышленности. Всесторонняя оценка исторических событий, происходивших в автомобильном транспорте, будет возможна только тогда, когда будут изучены и региональные особенности развития отрасли, прежде всего тех территорий, которые были слабо вовлечены в транспортную систему. Таким примером является Республика Коми. В связи с этим работе поставлена исследовательская задача изучить и дать оценку основных направлений в работе по организации кадровой работы и социальной защиты работников автотранспортной отрасли Республики Коми в 1930 - сер. 1940-х гг.

Историческая ретроспектива развития кадровой политики в автотранспортной отрасли, как впрочем всего автомобильного транспорта и дорожного строительства довоенного периода, отличается краткостью и обобщенностью информации. Незначительные сведения

можно встретить в очерках по истории Коми АССР¹. То же самое можно сказать о сборниках, посвященных юбилеям Коми АССР, составленных из отдельных очерков об экономике и культуре республики², и о ряде энциклопедических изданий, в которых история развития автомобильного транспорта в республике рассматривается в комплексе формирования транспортной системы республики, что не позволяет выявить основные проблемы отрасли³.

История автомобильного транспорта, в том числе и кадровая политика, Республики Коми впервые специально рассматривалась в исследованиях М.П. Дмитрикова⁴. Итогом исследований этого историка стала диссертационная работа, где комплексно рассмотрены все виды транспорта, которые развивались в Коми крае с 1938 по 1960 г.⁵ Это первая работа в республике, в которой автомобильный транспорт показан в своем историческом развитии и дана оценка его развития в общей линейке транспортного развития региона.

Среди современных исторических исследований следует выделить монографию В. Мاستракова, посвященную юбилею дорожного строительства Республики Коми⁶. Здесь же укажем переизданное двухтомное издание «История Коми с древнейших времен до современности», где автотранспортное развитие республики освещено шире, чем в предыдущем издании⁷.

Таким образом, необходимо отметить, что изучение кадровой политики в автотранспортной отрасли носит в исследованиях преимущественно фрагментарный характер, что не позволяет воссоздать единую картину развития как отдельно взятого исторического направления, так и развития отрасли в целом.

Формирующаяся автотранспортная отрасль Республики Коми предвоенных лет поставила перед предприятиями ряд экономических и организационных проблем, касающихся всех сфер жизнедеятельности их предприятий, в том числе решение вопросов кадровой политики, обусловленной спецификой труда основной категории работников. Процесс формирования кадров для автомобильной отрасли региона отмечался медленными темпами развития. Прежде всего, это было связано с неразвитой системой собственных автошкол и иных образовательных учреждений соответствующего профиля в регионе. Поэтому на начальном этапе формирования кадров для автотранспортной отрасли республики основу инженерно-технических и счетно-бухгалтерских специалистов в ней составляли административно высланные (далее – адмовысланные), численность которых в 1933 г. составляла 70 %⁸. Многие из них были сосланы из Украины (Черкасской, Полтавской, Харьковской, Киевской губерний), осужденные в основном по ст. 58, п. 10., а также по ст. 34, 54, 75. Одними из первых адмовысланных, работавших в Автогужтресте, были бухгалтер Иосиф Иванович Тычина, осужденный на 5 лет по ст. 54, п. 10, и плановик из Польши Марвин Михайлович Хайнацкий⁹.

Часть работала счетоводами, кассирами, но большая часть водителями. А местное население работало в основном по специальностям, не требовавшим высокой квалификации. Причиной столь высокого должностного положения высланных, полагаем, было то, что большинство местного населения не владело русским языком – ни устным, ни письменным, а также имело низкий образовательный уровень, что было немаловажным препятствием для профессионального роста.

Анализ социального положения ссыльных показывает, что это были безземельные, колхозники, редко кулаки¹⁰. Адмовысланные жили во дворе Союзтранса (в бане), в доме М.Н. Савиной (местечко «Париж» (дом Суханова)), в доме Заболоцкого (д. Габдино, входив-

¹ Очерки по истории Коми АССР. Сыктывкар, 1962, Т. 2 ; История Коми АССР с древнейших времен до наших дней. Сыктывкар, 1981 и др.

² Коми Область к 10-летию Октябрьской революции (юбилейный сборник). Усть-Сысольск, 1927. С. 66-72 ; Десять лет социалистического строительства Автономной области Коми с 1921 по 1931 гг. Сыктывкар, 1931 и др.

³ Республика Коми : энциклопедия. Т. 1. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1997 ; Историко-культурный атлас Республики Коми. М., 1997 и др.

⁴ Дмитриков М.П. Трудовое участие сельского населения Коми АССР в дорожном строительстве (1926 – июнь 1941 г.) // Из истории сельского хозяйства Коми АССР. Сыктывкар, 1977 (Труды ин-та яз., лит. и истории Коми филиала АН СССР. Вып. 19); Его же. Тадзи совмис Коми му (Так возродился Коми край) // Войвыв кодзув (Полярная звезда). 1981. № 5 и др.

⁵ Дмитриков М.П. Создание единой транспортной системы Коми АССР (1938– 1960 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986.

⁶ Мастраков В.Н. Дороги Республики Коми. М., 1997.

⁷ История Коми с древнейших времен до современности. 2-е изд. Сыктывкар, 2011.

⁸ Национальный архив Республики Коми (далее – НА РК). Ф. Р-1117. Оп. 1. Д. 3. Л. 12.

⁹ НА РК. Ф. Р-1117. Оп. 1. Д. 4. Л. 17.

¹⁰ НА РК. Ф. Р-1117. Оп. 1. Д. 5. Л. 6.

шая в черту г. Сыктывкара)¹¹. Отметим, что такого рода вынужденные переселенцы жили в непригодных для постоянного проживания помещениях (баня, перестроенный хлев и т.д.). Конструкция жилого северного дома предусматривала стены из более массивных бревен, двойной уровень пола с утеплителем, более тщательной отделки, чего не требовалось для бань и хлевов, да и размеры подсобных помещений были совсем крошечными, не предусматривавшими обустройства там быта. Представив себе только это, можем понять насколько трудным была жизнь высланных, не привыкших к многомесячным лютым морозам. Следует отметить, что местное население достаточно хорошо относилось к высланным, стараясь помогать им жить в тяжелых северных условиях.

С ростом количественного состава работников Автогужтреста изменяются его национальные и профессиональные показатели. Если в 1933 г. на предприятии числилось 43 человека, из которых 15 – административный и конторский состав, при полном отсутствии квалифицированных и полуквалифицированных кадров¹² и преимуществом адмовысланных, то уже в следующем году ситуация изменилась. На предприятии стало больше рабочих, выходцев из близлежащих к Сыктывкару деревень, по социальному положению являвшихся колхозниками (4), единоличниками (6), из артели (2) и безземельными, работавшими агентами, конюхами, кузнецами, свинарками, кассирами и возчиками.

Разрыв с деревней у работников автотранспортной отрасли был весьма условный. Учитывая то, что Сыктывкар на тот момент не был индустриальным центром, здесь преобладали частные деревянные дома с приусадебным хозяйством, также в черту города входили близлежащие деревни. Из работающих в Автогужтресте 10 жили в Слободе Сыктывдинского района, 17 – в городе, 3 – в местечке Чит, 1 – в Зеленце, 2 – в Граддоре. Кроме того, выходцы из коми деревень не прекращали заниматься промыслами (охотой и рыбалкой), что значительно поддерживало их в части обеспечения продовольствием¹³.

В 1935 г. на работе в тресте числилось уже 68 человек, из которых только 19 адмовысланные. В тресте были следующие должности: директора, его заместителя, плановика, статиста, секретаря-машинистки, заведующего обозом, конюхов, плотников, агентов, шорников, возчиков, свинарки, кузнеца, механика¹⁴. Отсутствие в штатном расписании должностей водителя, механика, слесаря и иных специалистов по обслуживанию автотранспорта подтверждает отсутствие автомашин в Автогужтресте.

Резкий скачок количества работников отрасли произошел в 1937 г., когда в составе Автогужтреста числилось уже 153 человека, которые работали шоферами и их помощниками (45), возчиками и конюхами (34) и конторскими служащими (49)¹⁵. За два года количество автомашин в регионе заметно возросло, что позволило не только появиться новой должности (шофера) в кадровом составе предприятия, но и заметно преобладать над другими категориями рабочих.

К концу 1930-х гг. система автотранспортной отрасли республики не была обеспечена инженерно-техническими кадрами: 13 человек, числившиеся по форме инженерно-техническими работниками, являлись такими не по образованию, а по занимаемой должности. Фактически со специальным средним и с незаконченным образованием имелись лишь три человека.

Не лучше обстояло дело и с водительским составом: в автохозяйствах республики 94 % водителей имели квалификацию третьего класса. Но с ростом автопарка не хватало и таких шоферов: общая обеспеченность шоферами составляла всего лишь 39 %, большая часть из которых не имела даже годичный стаж работы. Также ощущался дефицит механиков колонн и по ремонту автомобилей. В связи с этим на этих должностях работали шоферы III класса, выдвинутые из более опытных шоферов¹⁶.

Начавшаяся война чрезвычайно осложнила решение и без того трудного кадрового вопроса. Многие работники автотранспортной отрасли ушли на фронт. Место водителей-мужчин и иных специалистов автотранспортной отрасли заняли женщины. К 1945 г. в Автоуправлении осталось 115 человек или, по сравнению с 1940 г., меньше в 3,2 раза¹⁷.

Автотранспортники Коми АССР, вставшие на защиту Родины, принесли в воинские подразделения богатый опыт вождения, эксплуатации и ремонта автомобилей, накопленный

¹¹ НА РК. Ф. Р-1117. Оп. 1. Д. 4. Л. 21.

¹² НА РК. Ф. Р-1117. Оп. 1. Д. 8. Л. 11.

¹³ НА РК. Ф. Р-1117. Оп. 1. Д. 10. Л. 18.

¹⁴ НА РК. Ф. Р-1117. Оп. 1. Д. 10. Л. 22.

¹⁵ НА РК. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 14. Л. 5.

¹⁶ НА РК. Ф. Р-520. Оп. 1. Д. 16. Л. 15.

¹⁷ НА РК. Ф. Р-140. Оп. 2. Д. 2856. Л. 63, 91, 109.

ими за годы работы в мирных условиях, заняв места за рулем автомобилей, тягачей, бронетранспортеров, у рычагов танков и в воинских походных мастерских по ремонту автомашин и другой техники.

Работа автотранспортников в тылу многократно осложнилась. На производстве руководство, как техническое, так и организационное, осуществлялось формально, без всякого контроля исполнения возникающих вопросов. Кадровый голод в годы войны, несомненно, сказывался на объемах перевозок, качестве выполняемой работы. Так, в военные годы остро встал вопрос об отсутствии счетно-бухгалтерских работников. Его дефицит ощущался как в центральной автобазе, так и в Айкинской и Печорской автоконторах. Работу бухгалтеров и кассиров выполняли оставшиеся конторские работники во внерабочее время. Неоднократные публикации объявления в местной газете «За новый Север», а также индивидуальный поиск результатов не приносили¹⁸. Нехватка этой категории работников отражалась, прежде всего, на правильности составления финансовых документов. Многочисленные поправки, исправления, замечания вышестоящих инстанций лишней раз показывают сложившиеся в отрасли проблемы.

Таким образом, повсеместно отмечалось, что количество рабочих и служащих значительно меньше намеченного по плану и преодолеть этот кадровый кризис не представлялось возможным, особенно в годы Великой Отечественной войны. Автотранспортники республики проявили массовый трудовой героизм в тылу. Например, шоферы совмещали профессии шофера, грузчика, экспедитора. Работая в условиях дефицита топлива, было развернуто движение автомобилей с прицепами, в результате чего значительно повысилась производительность автомобиля и достигнута экономия горючего.

Как видим, в автотранспортной отрасли республики в рассматриваемый период наблюдался дефицит специалистов массовых профессий, но особенно остро ощущалась нехватка инженерно-технических работников. Анализ архивных материалов показывает, что среднегодовой состав работников автотранспортной отрасли на 1940 г. составил 0,7 тыс. работников, уменьшившийся к 1945 г. до 0,5 тыс., что существенно меньше в сравнении с речным видом транспорта (3,6 тыс. и 2,3 тыс. соответственно в рассматриваемый период), а также с интенсивно развивающимся железнодорожным видом транспорта, где с 1940 по 1945 г. среднегодовой состав увеличился до 5,9 тыс. чел.

Кадровый вопрос, который оставался сложным на каждом этапе развития автотранспортной отрасли, рассмотрим с позиций главного показателя устойчивости предприятия – системы оплаты труда, которая в рассматриваемый период претерпевала существенные изменения. Шоферов несколько раз переводили с системы твердых окладов на сдельную оплату труда, стимулируя перевезти большее количество грузов и пассажиров за единицу времени. Впервые сдельная оплата труда была введена в январе 1936 г.¹⁹ и действовала до 1938 г., когда временно вновь были введены фиксированные оклады.

Но уже в 1939 г. помесечная система оплаты труда вновь была ликвидирована, а партийная группа исполкома Коми АССР должна была создать единую систему сдельной оплаты шоферов всех автохозяйств республики²⁰. Вместе с тем служащие Автоуправления получали заработную плату согласно штатному расписанию, утвержденному в Народном комиссариате финансов (НКФ) Коми АССР и его органах на местах, варьирующуюся от 900 (начальник конторы) до 150 руб. (дворник-истопник)²¹. Зарплата шоферов рассчитывалась в машино-часах, причем имелась существенная разница между водителем «полторки» ГАЗ-АА (1 руб. 70 коп.) и «трехтонки» ЗИС-5 (2 руб. 05 коп.)²².

В 1941 г. были приняты единые нормы выработки на автотранспорте и оплата труда шоферов и грузчиков и кондукторов. В связи с этим для шоферов, работающих на грузовых автомобилях, устанавливалась прямая сдельная система оплаты труда. Нормы выработки исчислялись исходя из времени на погрузку и выгрузку машин. Кроме того, устанавливалась система надбавок, которые варьировались от 10 % на автомобили с кузовом типа «Люкс» до 40 % на автопоездах.

За отличную работу без единой аварии раз в квартал полагалась премия в размере 120 руб.; за каждые 100 т. км – надбавка в 5 руб.²³ К сожалению, премиальная оплата в отрасли не была постоянной из-за постоянных пережогов горючего по климатическим условиям и нарушений правил дорожного движения. Простой и брак оплачивались по кодексу законов о труде (КЗОТ).

¹⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. А-398. Оп. 1. Д. 329. Л. 168.

¹⁹ НА РК. Ф. Р-727. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

²⁰ НА РК. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 12. Л. 5.

²¹ НА РК. Ф. Р-520. Оп. 1. Д. 4. Л. 13.

²² НА РК. Ф. Р-520. Оп. 1. Д. 4. Л. 18.

²³ Единые нормы выработки на автотранспорте. М., 1941. С. 6–7.

Также имелась надбавка за классность шофера – от 15 до 35 %. За каждого стажера водителю доплачивали 150 руб., но, правда, после того, как подопечный сдавал экзамены в ГАИ. Поясной коэффициент, учитываемый при начислении зарплаты, значительно ее поднимал: в Коми АССР он был 1,2²⁴.

Таким образом, заработная плата работников автотранспортной отрасли республики складывалась из многих показателей, начиная от типа эксплуатируемой машины и заканчивая начислением северных и районных коэффициентов, часто сокращаемая по причине пережога горючего.

Стабильная заработная плата работников отрасли, а также высокая социальная защита позволили бы значительно сохранить кадровый состав, уменьшить увольнения, оздоровить дисциплину, но автотранспортное предприятие республики не отличалось в этой области жесткой политикой. Это подтверждает, несмотря на кажущуюся укомплектованность штатов, большая «текучесть» кадров. К примеру, только за 1939 г. принято на работу 227 человек, уволено 212²⁵. Основная причина заключалась в том, что шоферы, не получившие жилье, после нескольких месяцев скитания по углам покидали предприятие и уходили туда, где их обеспечивали жилплощадью. То же касалось и всех прочих автоработников, в особенности автослесарей, прибывавших в город из колхозов в поисках работы.

Узловая жилищная проблема решалась в автотранспортной отрасли республики очень медленно. По отчету 1935 г., у Автогужтреста имелось общежитие общей жилой площадью 451, 2 кв. м, где не было никаких удобств – водопровода, канализации, центрального отопления, даже электрического освещения²⁶. В 1937 г. в Сыктывкаре было начато строительство нового общежития, но уже в следующем году ее законсервировали и, несмотря на множество попыток продолжения строительства, средства на окончание работ так и не отпускались. Поэтому общежитие было введено в строй только в 1940 г.

Тогда же в Сыктывкаре было создано домоуправление для обеспечения жильными помещениями рабочих и служащих в системе Автоуправления. Оно занималось эксплуатацией как собственных зданий, так и арендой помещений под общежития. Вскоре при анализе проверки расходов на аренду домов под общежития рабочих оказалось, что они нерентабельны, в результате чего с 1 января 1941 г. некоторую часть арендных домов пришлось ликвидировать. Причиной тому являлась высокая стоимость койко-места – свыше 40 руб. в месяц. Правда, проблем с общежитиями у домоуправления было не меньше: это и несоблюдение порядка в общежитиях, и случаи пьянства, необходимость подготовки дров, обеспечения общежитий постельными принадлежностями и систематический контроль за соблюдением правил внутреннего распорядка для проживающих²⁷.

Несмотря на столь острые проблемы в отрасли, отметим положительные моменты политики социальной защиты работников. Так, на автотранспорте работала и система ежегодных отпусков для работников. Шоферам предоставлялся отпуск в 24 рабочих дня. Исключение составляли водители легковых автомобилей, работающие личными шоферами у руководства, которые из-за ненормированного рабочего дня получали дополнительных 12 дней к основному отпуску²⁸. Такой же дополнительный отпуск полагался водителям и грузчикам, работающим на вывозе нечистот и гниющего мусора. Им же выдавали в сутки 0,6 л молока и 400 г мыла в месяц²⁹.

В годы Великой Отечественной войны во всех государственных, кооперативных и общественных предприятиях и учреждениях были отменены очередные и дополнительные отпуска и заменены денежной компенсацией за неиспользованный отпуск. Отпуска разрешалось предоставлять лишь в случае болезни. Но приказом НКВД № 111 от 30 июня 1944 г. подросткам моложе 16 лет, работающим на предприятиях автохозяйств, предоставлялся гарантированный день отдыха один раз в неделю, а также очередной отпуск продолжительностью 12 дней³⁰. Такая забота позволяла сбереечь подрастающее поколение от чрезмерных трудовых нагрузок.

Еще одним способом заботы о своих работниках являлось обеспечение их спецодеждой³¹. Правда, требования выдать спецодежду были услышаны только с 1939/40 хозяйственного года. Работнику выдавали комбинезон, пиджак летний, брюки ватные, рукавицы ватные и вязаные, валенки, халат, фуфайку, женщинам – летние юбки³². Особо обеспечивались шоферы. Им полагался

²⁴ Единые нормы выработки на автотранспорте. С. 12.

²⁵ НА РК. Ф. П-287. Оп. 1. Д. 67

²⁶ Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 1850. Оп. 1. Д. 47. Л. 103.

²⁷ ГА РФ. Ф. А-398. Оп. 1. Д. 129. Л. 68.

²⁸ НА РК. Ф. Р-520. Оп. 1. Д. 25. Л. 45.

²⁹ НА РК. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 11. Л. 111–112.

³⁰ НА РК. Ф. Р-520. Оп. 1. Д. 1. Л. 174.

³¹ НА РК. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 5. Л. 11.

³² НА РК. Ф. Р-520. Оп. 1. Д. 20. Л. 262–275.

большой комплект спецодежды с разными сроками носки. Со сроком на один год выдавались костюм из плотной ткани и зимние перчатки. На двухлетний срок были рассчитаны телогрейки и брюки ватные, валенки с галошами, полушубок или ватное пальто. Быстрее всего можно было получить новые летние кожаные перчатки, рассчитанные на полгода³³.

Отраслевая специфика потребовала также решения вопросов о комфорте людей, находящихся в рейсе. Решение этого вопроса уходит своими корнями еще в 1920-е гг., когда перевозки пассажиров и грузов осуществлялась только гужевым транспортом. Утрачено были разработаны санитарные правила по содержанию помещений совстанций, в которых указывалось, что, кроме пассажиров, в этих помещениях никого не должно быть, предписывалась ежедневная влажная уборка помещений, категорически запрещалось иметь в них мягкую мебель и постельные принадлежности. Особое внимание обращалось на борьбу с клопами, тараканами и мухами, которых следовало немедленно выводить дезинфекцией, вымораживанием и ядами. За несоблюдение правил содержания совстанций ответственные лица отвечали перед Нарсудом³⁴.

Уже в эпоху массовой эксплуатации автомобилей автотранспортные предприятия также пытались решить вопросы обеспечения отдыха шоферов и пассажиров на трактах длительной протяженности, таких как мурашинский. В связи с этим в декабре 1939 г. было предписано организовать в селах Визинга, Занулье, Мураши комнаты отдыха, обеспеченные постельными принадлежностями. Также при этих комнатах отдыха предполагалось открыть чайные и буфеты с горячим чаем и закусками. Кроме того, там же предполагалось организовать и культурное обслуживание автотранспортных работников и пассажиров, подключив радио и распространяя газеты и журналы³⁵. Но даже через год ничего не было сделано. Поэтому предписывалось хотя бы устроить водогрейки и организовать охрану автомобилей³⁶. Таким образом, социальная защита работников автотранспортной отрасли требовала усиленного внимания со стороны руководства, дополнительных средств. В помощь решению этих задач была направлена культурно-массовая работа, которая ставила перед собой очень трудновыполнимую задачу объединения и сплоченности коллектива.

Чаще всего эта работа заключалась в выписке газет, журналов бюллетеней, как это было сделано в начале 1930-х гг. в Печорском отделении Союзтранса, где получали газеты «Известия ВЦИК», «Правда Севера», районную газету, бюллетень «Союзтранса»³⁷. Понимая, что наличия средств массовой информации недостаточно для культурно-массовой деятельности, некоторые руководители старались еще и на словах донести смысл опубликованного материала до рабочих, как это делал управляющий Автогужтрестом трестом Гречицкий. Впоследствии, правда, большинство газет разбиралось как ценный материал для курящих. Тогда для усиления эффекта было решено образовать в Автогужтресте политический кружок среди шоферов и возчиков путем агитационно-разъяснительной работы. Ежедневно перед работой в 7 часов утра среди шоферов и возчиков предполагалось проводить чтение политических новостей из газет и журналов³⁸. Но и эта попытка тоже потерпела поражение.

Проведение культурно-массовых мероприятий среди работников автотранспортной отрасли имело свою специфику. Связано это было с тем, что водитель длительное время находится в рейсе один, реже – с напарником. Поэтому полноценных культурно-массовых мероприятий удавалось проводить редко. В связи с этим особое значение для шофера приобретали комнаты отдыха на станциях, красный уголок, клуб, т. е. места, где можно отдохнуть, прочесть газету или журнал, поговорить с товарищами.

Еще хуже обстояло дело в Печорской автобазе, где из-за отдаленности участка культурно-массовая работа среди возчиков наемного гужа почти не велась. Только во время осенне-зимних перевозок предлагалось иметь в каждом постоянном дворе достаточное количество журналов и периодически проводить лекции и беседы, для чего заключили договор по линии народного образования³⁹.

Подъему морального духа рабочих автотранспортной отрасли, помощь в культурно-массовой работе мог бы оказать профсоюз. К сожалению, в республике не было обкома союза шоферов, а имевшийся один освобожденный член профкома был не в состоянии объединить весь большой коллектив автотранспортников. Коллективные договоры заключались без уча-

³³ НА РК. Ф. Р-520. Оп. 1. Д. 25. Л. 46.

³⁴ НА РК. Ф. Р-430. Оп. 1. Д. 3. Л. 127.

³⁵ НА РК. Ф. Р-520. Оп. 1. Д. 2. Л. 35.

³⁶ НА РК. Ф. Р-520. Оп. 1. Д. 4. Л. 166–167.

³⁷ ГААО. Ф. 1850. Оп. 1. Д. 31. Л. 34.

³⁸ НА РК. Ф. П-285. Оп. 1. Д. 2. Л. 16.

³⁹ ГА РФ. Ф. А-398. Оп. 1. Д. 24. Л. 213.

ствия профсоюза, и никаких сумм на охрану труда работников автотранспортной отрасли не оформлялось.

В то же время нельзя забывать, что коллектив авторботников был весьма разнороден как по уровню политического, так и общекультурного развития. Наряду с обладающими большим производственным стажем работниками за рулем автомобиля работала молодежь с небольшим опытом. Очень медленно происходило вовлечение в ряды профсоюзов автотранспортников, одной из причин была большая текучесть кадров.

Помощь профсоюза была бы необходимой при решении одной из острых проблем на автотранспорте в рассматриваемый период – низкой трудовой дисциплины. И хотя принимались решительные меры борьбы с нарушителями, но эффект от них был невелик. В особенности трудным участком для борьбы за укрепление трудовой дисциплины являлись мурашинский и ухтинский тракты, где из-за большой протяженности трудно было установить фактический контроль за производственным поведением водителей, среди которых наблюдались случаи пьянства, лихачества и т. п. Протоколы заседаний тех лет пестрят количеством разборок таких фактов.

Примерами могут служить обсуждение действий шофера Конькова, предлагавшего за пол-литра перевозить грузы⁴⁰, или рассмотрение дела работника Визингского агентства Худяева, продававшего бензин за бутылку водки⁴¹. Такая же проблема была и на заправочных пунктах в Ношуле, Мурашах, Занулье, где из-за бесконтрольности процветала продажа бензина на сторону и присвоение денег. Отсутствие дисциплины среди заправщиков выказывалось в появлении на работе нетрезвом виде и в запущенном состоянии рабочего места⁴². Отмечалось, что коллектив автотранспортников совершенно не был мобилизован на выполнение производственного плана.

В Автоуправлении не велся учет лучших людей производства, систематически выполняющих и перевыполняющих план. Условия труда с точки зрения санитарной техники находились на крайне низком уровне. Руководство предприятия и их цехов еще не осознало всей важности этого процесса и его влияния на производительность труда⁴³.

Но среди стольких проблем были и моменты, показывающие реальные успехи в автотранспортной отрасли. На этом участке хозяйства выросло много энтузиастов своего дела. Стахановское движение на автотранспорте дало немало достижений в борьбе за повышение производительности труда, образцов высококультурной эксплуатации машин. Прежде всего, в 1940 г. Автотранспортное управление в г. Сыктывкаре перешло на двухсменную работу, что сразу же показало хорошие производственные результаты. На производственных совещаниях было внесено 86 предложений по улучшению деятельности автопредприятий, из которых реализовано 47. Это свидетельствовало о том, что сами работники внимательно относились к развитию своей производственной базы и пытались осуществлять намеченное.

В 1940 г. соцсоревнованием было охвачено 57 рабочих и 5 служащих. Имелись на производстве 37 стахановцев и 20 ударников. Среди них шоферы Томов, Ермолин, Сивков, Мальцев, Елькин, Красенов, Кучеров, Зиновьев и автослесари Куратов, Одинцов, Ляшев, Чеусов, Сабков, Баев и др., которые выполняли нормы на 150–200 % и более⁴⁴. Автотранспортники участвовали в соревновании «имени Третьей пятилетки» в честь XVIII Всесоюзной партийной конференции, вызвав в январе 1941 г. на трудовое состязание работников автотранспорта Якутской АССР. В обязательствах об улучшении производственных показателей они принимали предложения об организации кружков по техминимуму для механиков, шоферов и слесарей⁴⁵. Но нужно учесть, что не все работники были охвачены индивидуальным соцобязательством.

Таким образом, формирование в Коми АССР кадровой политики на автотранспорте, складывание системы оплаты труда, ежегодных отпусков, снабжения спецодеждой, обувью, жильем или просто койко-местом в общежитии позволило сформироваться в 1930-е гг. большому коллективу автотранспортников. Такое поощрение дало возможность повысить производительность труда, добросовестность выполнения своих обязанностей, привлечь в отрасль молодые трудовые резервы, сократить текучесть кадров. Но вся система социального обеспечения развивалась настолько медленно, что многие «узловые» проблемы были решены только в послевоенные годы.

⁴⁰ НА РК. Ф. П-285. Оп. 1. Д. 2. Л. 18.

⁴¹ НА РК. Ф. П-285. Оп. 1. Д. 2. Л. 33.

⁴² ГА РФ. Ф. А-398. Оп. 1. Д. 129. Л. 130.

⁴³ ГА РФ. Ф. А-398. Оп. 1. Д. 129. Л. 128.

⁴⁴ НА РК. Ф. Р-521. Оп. 1. Д. 11. Л. 12.

⁴⁵ За новый Север. 1941. 17 янв. С. 3.

УДК 94(47).084.8=161.1(045)"+"(470.325)

**ПРОБЛЕМЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
О РОЛИ ИСТРЕБИТЕЛЬНО-ПРОТИВОТАНКОВОЙ АРТИЛЛЕРИИ
РЕЗЕРВА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ
В БОЯХ НА КУРСКОЙ ДУГЕ 5 ИЮЛЯ – 23 АВГУСТА 1943 Г.**

**PROBLEMS OF PERIODIZATION OF NATIONAL HISTORIOGRAPHY OF THE
ROLE OF ANTI-TANK ARTILLERY OF SUPREME COMMAND RESERVE
IN THE BATTLES AT THE KURSK SALIENT ON 5 July – 23 August 1943**

О. А. Колякина

O. A. Kolyakina

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*

Belgorod National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: e-mail: Olga-costickova@yandex.ru

Ключевые слова: истребительно-противотанковая артиллерия, структурная единица, полк, бригада, принципы боевого применения.

Keywords: anti-tank artillery, structural unit, regiment, brigade, the principles of combat employment.

Аннотация. За короткие 50 дней Курской битвы (5 июля – 23 августа 1943 г.) войска Красной Армии сломили сопротивление противника, измотали основные движущие силы и доказали всему миру, что способны противостоять мощным бронетанковым силам. На сегодняшний день широко освещены события на всех фронтах Курской дуги, количественный состав живой и материальной силы Красной Армии и Вермахта, их роль в значении операций проводимых в ходе Курской битвы. Подробно раскрыта роль командиров отдельных частей и соединений, командующих армий и фронтов, в том числе собраны биографические данные. Но, несмотря на большой труд проделанный историками в изучении Курской битвы все еще остаются белые пятна. Не достаточно освещена роль таких соединений, история создания и существования которых также скоротечна, как и сама битва на Курской дуге – это истребительно-противотанковая артиллерия РВГК. Она же стала той силой, которая помогла успешно осуществить оборонительный этап Курской битвы. В годы Великой Отечественной войны командованием Красной Армии накоплен богатейший опыт создания и применения резервов Ставки. Роль этого опыта исключительно велика, поскольку он приобретался в ходе войны. Уникален опыт создания и боевого применения резервов Ставки в ходе Великой Отечественной войны и в период Курской битвы в особенности.

Resume. During short 50 days of the Battle of Kursk (July 5 - August 23 1943), the Red Army forces broke the resistance of the enemy, tired out the main driving forces and proved to the whole world that they are able to withstand the powerful armoured forces. Today the events at all fronts of the Kursk Salient, the quantitative representation of the living and material forces of the Red Army and the Wehrmacht, their role in the importance of operations carried out during the Battle of Kursk are widely covered. Role of commanders of individual units and formations, army and fronts commanders is covered in details and also biographical data are collected. But despite the great work done by historians in studying the Battle of Kursk, there are still blank spaces. The role of such military units, the history of creation and existence of which is as swift passing as the Battle of Kursk, is not enough covered - this is anti-tank artillery of Supreme Command Reserve. It also became the force that helped to carry out a defensive stage of the Kursk battle successfully. During the Great Patriotic War the Red Army commanders accumulated a wealth of experience in the creation and use of High Command reserves. The role of this experience is extremely great since it was acquired in the course of the war. The experience of creation and combat employment of High Command reserves during World War II is unique and particular during the Battle of Kursk.

В настоящее время историографии по Великой Отечественной войне 1941-1945 года посвящено множество научных изданий. Опубликовано множество монографий и исследований, которые подробно раскрывают события Великой Отечественной войны, где особенно широко освещена одна из важнейших стратегических битв – Курская битва.

Курская битва 5 июля – 23 августа 1943 года, несмотря на скоротечность событий, является одной из важнейших битв Великой Отечественной войны, которая положила начало разгрому «фашистского зверя».

В годы Великой Отечественной войны командованием Красной Армии накоплен богатейший опыт создания и применения резервов Ставки. Его ценность исключительно велика, поскольку данный опыт приобретался в ходе войны, а уникальность в опыте создания и боевого применения резервов Ставки в период Курской битвы.

Начиная с 1941 года и на протяжении 1942 года, создавая и применяя истребительно-противотанковые артиллерийские резервы Верховного Главнокомандования (далее РВГК) разной структуры, одновременно при этом, оценивая их по различным критериям, командование Красной Армии приходило к выводу о необходимости создания оптимальной структурной единицы данного соединения. Изначально такой единицей должны были стать дивизионы, но все новое требовало апробации в условиях войны. Обоснованным было проведение экспериментов в структурной среде, изменяющиеся с каждым годом войны.

Конечным результатом было введение в бой отдельных истребительно-противотанковых полков и бригад РВГК. Создание такой структурной единицы, как полк и бригада сокращало время на формирование. В ходе создания и применения истребительно-противотанковых артиллерийских резервов ВГК был накоплен значительный опыт их формирования, боевой подготовки, ввода в строй в них молодого состава, а также применения различных способов восполнения потерь. Четкая налаженная подготовка в совокупности с применением оптимальных способов восполнения потерь обеспечивали длительное сохранение боеспособности при решении сложных боевых задач. Данный опыт не всегда был удачным. К примеру, в начале Великой Отечественной войны, пополнение данных соединений составляли в основном призванные по мобилизации войск, не обученные артиллерийскому делу. Ситуация кардинально изменилась в конце 1942 года¹, когда на пополнение полков или бригад поступали военнослужащие, имевшие боевой опыт, а так же курсанты, закончившие артиллерийские курсы.

Применяя истребительно-противотанковые артиллерийские резервы ВГК Ставка, накопила ценный опыт организации и выполнения различных видов маневров: из тыла к фронту, вдоль фронта, в том числе между фронтами, дивизиями, полками, ведения огня по цели прямой наводкой. Причем ведение огня по цели прямой наводкой давало наибольшее преимущество, так как на вооружении противника находилась мощная бронированная техника, с помощью которой и наносился основной удар. Маневрируя силами истребительно-противотанковых артиллерийских резервов ВГК на различных территориях, было достигнуто выгодное соотношение сил. Выработаны основные принципы боевого применения. Важнейшими из них стали массированное применение, централизованность, внезапность ввода в бой на избранном направлении с учетом вооружения.

Данные соединения с марша могли вступить в бой, без предварительной подготовки, что давало преимущество для прикрытия подходящих (или отходящих) сил Красной Армии, своего рода истребительно-противотанковая артиллерия резерва ВГК использовалась для прикрытия в интересах дивизии наиболее вероятных направлений атак противника, а также стыков дивизий и полков основных армейских соединений.

Для применения истребительно-противотанковых артиллерийских резервов ВГК была разработана специальная инструкция, где четко фиксировалось применение данных соединений на линии фронта, за линией фронта, где четко устанавливались задачи истребительно-противотанковой артиллерии резерва ВГК, где Командование Красной Армии ставило определенные задачи, на решение которых были задействованы их максимальные силы.

Сегодня при множестве научных трудов, исследований, монографий, нет тех, в которых подробно бы освещалась роль истребительно-противотанковой артиллерии резерва ВГК, нет четкой структуры строительства, взаимодействия с основными частями действующих армий. То есть, нет четкой истории строительства, применения, использования, сведения отрывочные без четкой структуры.

Историографию истребительно-противотанковой артиллерии РВГК условно можно разделить на пять периодов. В первый период имеет временные рамки периода Великой Отечественной войны до начала 1950-х годов. Среди работ данного периода можно выделить издания, из которых можно получить представление о истребительно-противотанковой артиллерии резерва ВГК по средствам описания артиллерии в целом. Это исследования военно-

¹ Драбкин А. Я дрался с Панцерваффе. М., 2007. С. 352.

технического характера, с описанием материальной части, узкоспециальной тематики по истории артиллерии в целом, которые не дают конкретного описания истребительно-противотанковой артиллерии резерва ВГК, но вместе с тем раскрывают боеготовность и способы подготовки будущих «истребителей танков»².

Второй период ограничивается временем с середины 1950-х годов до начала 1980-х годов. В этом периоде был внесен заметный вклад в освещение истории истребительно-противотанковой артиллерии 1941-1945 годов, подготовленный военными специалистами. Исследования этого периода практически не были известны широкому кругу исследователей и при этом больше носили закрытый характер. Авторами был произведен анализ, сделаны подробные выводы о применении истребительно-противотанковой артиллерии. Отправной точкой для проведения анализа для исследователей послужили документы и материалы, которые были доступны лишь узкому кругу. Данное издание содержало информацию только о наличии противотанковых средств в крупнейших операциях Великой Отечественной войны. Речь шла об истребительно-противотанковой артиллерии в размытых рамках, но не об истребительно-противотанковой артиллерии РВГК³.

Третий период ограничивается временными рамками с середины 1980-х годов по 2000-е годы. Данный период освещается исследователями по средствам статей Военно-исторического и Артиллерийского журналов, где представлен анализ с военной точки зрения действий артиллерии в Великой Отечественной войне⁴. В ряде статей представлена полная информация об артиллерийских орудиях и системах, состоявших в периоды Второй мировой войны на вооружении армий СССР и Германии. Кратко излагается история создания артиллерийского вооружения, раскрывается его конструкция и тактико-технические характеристики. В изданиях присутствуют множество фотографий, рисунков и схем, однако боевое применение и роль артиллерии освещено весьма кратко, а роль истребительно-противотанковой артиллерии РВГК вообще выпадает из общего описания.

Период с 1990-х годов до начала 2000-х годов исследователями представлен не был. Это было связано с внутренней ситуацией в стране, временем нестабильности и застоя.

Четвертый период охватывает начало 2000-х годов до современного времени. Большим количеством исследований данный этап не располагает. Начало 2000-х годов было ознаменовано появлением энциклопедических изданий, в которых подробно рассматривалось создание и боевое применение противотанковой артиллерии (без характеристики РВГК) Красной Армии в годы Великой Отечественной войны, в период с 1941 года по 1945 год. В оборот вводятся архивные документы, редкие (ранее закрытые для широкого ознакомления) книги, военно-исторические исследования, воспоминания, фотографии и схемы⁵. Однако, прорывом в освещении истории истребительно-противотанковой артиллерии РВГК следует считать научный труд, где была обоснована необходимость создания впервые месяцы войны единой системы противотанковой обороны от стрелкового батальона до армии. Было установлено, что отдельные противотанковые орудия, установленные в обороне стрелкового батальона и полка, должны объединяться единым управлением и действовать во взаимодействии с другими средствами борьбы, что оптимальная структурная единица - полк и бригада⁶. Исследователями приводятся сведения о времени появления противотанковой артиллерии, и это время связывалось со временем появления на поле боя танков. Подробно описывается становление истребительно-противотанковой артиллерии и появления истребительно-

² Козловский Д. Е. Курс артиллерии. Книга 4. Основные устройства материальной части артиллерии / Под общей ред. А.Д. Блинова. М., 1941. С. 331.; Никифоров Н. Н. Учебник сержанта артиллерии: Книга первая. Стрелково-артиллерийская подготовка». М., 1944. С. 288.; Дьяконов В. Г. Курс артиллерии. Книга 10. Стрельба / Под общей ред. А.Д. Блинова. М., 1947. С. 176.; Столбошинский А. П. Курс артиллерии. Книга 8. Теория вероятностей. Рассеивание при стрельбе / Под общей ред. А.Д. Блинова. М., 1949. С. 284.; Алексеев И.И. Стрельба орудиями прямой наводкой. М., 1954. С. 124.

³ Казаков В.И. Роль артиллерии в защите социалистической Родины. М., 1959. С. 193.; Передельский Г.Е. Артиллерия в бою и операции по опыту Великой Отечественной войны. М., 1980. С. 136.

⁴ Казаков В.И. Огонь по Берлину // Артиллерийский журнал № 11. М., 1985. С. 11-15.; Медведев Н.Е. Артиллерия РВГК в первом периоде войны // Военно-исторический журнал. № 11. М., 1987. С. 53-54.; Чистяков М.Н. Артиллерия под Сталинградом // Артиллерийский журнал № 11. М., 1988. С. 23-28.; Стрельбицкий И.С. Советские артиллеристы в борьбе с танками противника // Артиллерийский журнал № 2. М., 1988. С. 22-25.; Чернов В. М. Оружие победителей // Артиллерийский журнал. № 11. М., 1988. С. 11-14.

⁵ Широкоград А.Б. Энциклопедия отечественной артиллерии. М., 2000. С. 1156.; Он же. Гений советской артиллерии. М., 2003. С. 429.; Иванов А.А. Артиллерия СССР во Второй мировой войне. М., 2003. С. 67.; Шунков В.Н. Артиллерия Красной Армии и вермахта во Второй мировой войне. М., 2005. С. 391.

⁶ Макаров М., Пронин А. «Противотанковая артиллерия Красной Армии». Серии Фронтальная иллюстрация № 05. М., 2003. С. 73.

противотанковой артиллерии РВГК. В данном периоде было выпущено исследование, основанное на воспоминаниях участников истребительно-противотанковой артиллерии РВГК.⁷

В пятый период историографии не будет ограничиваться временными рамками, ввиду нахождения в закрытом доступе для широкого круга исследователей и ранее не опубликованных многочисленных воспоминаний, а также послевоенных писем ветеранов истребительно-противотанковой артиллерии РВГК, находящиеся на хранении в музеях⁸. Воспоминания непосредственных участников данного вида артиллерии, более объективный и ценный источник в сложившейся ситуации, так как процент дошедших до конца войны был не большим. В данных видах источников можно найти информацию об участии данных соединений в Великой Отечественной войне, и получить ответы на все интересующие исследователя вопросы: быт воинов истребительно-противотанковой артиллерии РВГК, взаимоотношения не только внутри соединения, но и с другими частями действующей армии. Можно получить информацию о ходе боевых действий не глазами командующего, а простого рядового, чего особенно не хватает в историографии не только послевоенного времени, но и историографии современности. К этому же периоду можно отнести материалы, находящиеся на хранении в ЦАМО, которые доступны исследователю в полном объеме.

В целом же на сегодня нет исследований, которые достаточно полно освещали бы роль истребительно-противотанковой артиллерии РВГК. Ведь эти соединения явились той прочной основой, благодаря которой стал возможным разгром противника на Курской дуге. Поэтому задача исследователей сегодня, досконально изучить историю истребительно-противотанковой артиллерии РВГК и заполнить белые пятна истории.

⁷ Драбкин А. Я дрался с Панцерваффе... С. 352.

⁸ Филиал Белгородского государственного историко-краеведческого музея Мемориал Курская дуга (ФБГИКМ МКД) 2, Оп. 2.3. Д. 2.3.1, 2.3.2, 2.3.3, 2.3.4, 2.3.5, 2.3.6, 2.3.7

УДК 334.7.021

**ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СССР (1987-1991)****CAUSES AND CONDITIONS CRIMINALIZATION BUSINESS IN USSR
(1987-1991)****С.В. Богданов, В.Г. Остапук, Ю.А. Комнатная****S.V. Bogdanov, V.G. Ostapuk, J.A. Komnatnaya***Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85**Belgorod National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia**E-mail: dr.bogdanov_sv@mail.ru*

Ключевые слова: предпринимательство, кооперативы, теневая экономика, экономическая преступность, спекуляция, хищения государственной собственности.

Key words: entrepreneurship, cooperatives, informal economy, economic crime, speculation, theft of state property.

Аннотация. В статье анализируются основные причины и факторы, которые способствовали широкому распространению правонарушений и преступлений в легализованной государством индивидуально-трудовой деятельности и кооперации в СССР периода перестройки. Особое внимание уделено историческим условиям, в которых происходило возрождение предпринимательской деятельности в стране.

Resume. The paper analyzes the root causes and factors that contributed to widespread violations and crimes legalized by the state-individual work and cooperation in the USSR during perestroika. Particular attention is paid to the historical conditions in which there is a revival of business activity in the country.

Возрождение кооперативного движения и разрешение индивидуально-трудовой деятельности в СССР во второй половине 1980-х гг. мыслились партийно-государственным руководством как приводные механизмы, которые способны насытить советский рынок потребительскими товарами, необходимыми услугами. Дополнительный приток товаров должен был решительно сократить дефицит, стабилизировать ситуацию с потребительским спросом¹.

Общая атмосфера гласности, перспектива зарабатывать больше, нежели в государственном секторе, самостоятельность и свобода деятельности привели к тому, что в сферу предпринимательства сразу же стали вовлекаться самые социально-мобильные граждане. Не случайно, общая численность занимающихся индивидуально-трудовой деятельностью выросла с 429 тыс. человек 1988 г. до 723 тыс. человек в 1989 г.²

Еще одной из негосударственных форм организации трудовой деятельности в СССР явились кооперативы, создание которых стало поощряться в стране.

В таблице 1 приведены отдельные статистические показатели развития кооперативов в СССР и РСФСР в 1988-1990 гг.³

---

¹ См.: Никифоров Л., Кузнецова Т. Судьба кооперации в современной России // Вопросы экономики. 1995. № 1. С. 86-96; Глушецкий А. Кооперативная политика: итоги, противоречия, направления оптимизации // Экономические науки. 1990. № 4. С. 52-68; Тенденции развития кооперации и преграда на ее пути // Экономические науки. 1990. № 11. С. 34-40.

² Малый бизнес в России. М., 1998. С. 42-43.

³ Составлено по: Народное хозяйство СССР в 1990 г. М. 1991. С. 55; Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. М., 1991. С. 70.

Таблица 1
Table 1

Развитие кооперативов в СССР и РСФСР в 1988-1990 гг.
The development of cooperatives in the Soviet Union and the Russian Federation
in 1988-1990 years.

Название показателей	СССР			РСФСР		
	1988г.	1989г.	1990г.	1988г.	1989г.	1990г.
Число кооперативов (тыс.)	100	249,2	316	100	262,7	346,0
Численность работающих (тыс. чел.)	100	344,7	436,7	100	379,7	496,0
Доля продукции, реализованной населению (%)	39,1	15,3	12,6	37,8	13,7	10,4
Удельный вес работающих в общей численности занятых в экономике (%)	1,2	4,2	5,4	1,1	4,1	5,5

Из таблицы видно, что в период с 1988 по 1990 гг. увеличивалось и число кооперативов, и численность их работников. Однако в этот же период снижалась доля продукции, реализованной населению.

Государство возлагало значительные надежды на кооперативное движение. Однако, ситуация развивалась в диаметрально противоположном направлении: развитие кооперации привело к обострению противоречий в самом народном хозяйстве, распытыванию сложившихся систем ценообразования, безналичного оборота денег, централизованного материально-технического снабжения.

Однозначно можно утверждать, что попытка возродить в СССР кооперативное движение не принесла положительных результатов. Созданные в годы перестройки кооперативы стали заниматься не производством, а перепродажей товаров массового потребления. Это приводило к вымыванию из государственной торговли дешевых товаров и увеличению дефицита. На IX Пленуме Омского обкома партии (18 декабря 1987 г.) было отмечено: «Сейчас у нас зарегистрировано 96 кооперативов, 60 из которых действует. ... Более 1100 граждан получили патенты и регистрационные удостоверения. ... Кооператив «Омега» при объединении «Кружевница» скупает в государственной торговле готовые трикотажные изделия и перерабатывает их на шапочки, которые реализует на рынках города по спекулятивным ценам»⁴.

Возникла парадоксальная ситуация. В УК РСФСР и союзных республик продолжала сохраняться статья, предусматривавшая уголовное преследование за куплю-продажу товаров с целью наживы (спекуляцию). Однако повсеместно возникавшие кооперативы и «индивидуальщики» в большинстве своем были вовлечены в спекулятивные сделки. Это объясняется тем, что в условиях существовавшего планово-централизованного распределения сырья, материалов, государственного финансирования, всесила бюрократического аппарата любой производительный вид деятельности был чрезвычайно затруднен. Делать деньги «из воздуха» было привлекательней, проще и норма прибыли к тому же была значительно выше.

Обращают на себя внимание изменения, которые произошли среди лиц, совершивших спекуляцию. Так, если в начале перестройки среди выявленных спекулянтов мужчин было 53,7%, то в 1990 г. – 58,2. В то же время снизилось количество женщин: с 46,3 в 1986 г. до 41,8 в 1990 г. Если в обозначенный период среди выявленных спекулянтов происходило уменьшение количества лиц в возрасте от 30 лет и старше, то в возрастах 14-17 лет и 18-29 лет, напротив обозначилась тенденция роста. Среди выявленных спекулянтов возрастала доля учащихся (с 2,6% в 1986 г. до 3,7% в 1990 г.) при одновременном незначительном падении доли рабочих (47,3% в 1990 г. и 48,4% в 1986 г.), служащих (9,7% в 1990 г. и 12,9% в 1986 г.) и колхозников (с 2,8% в 1990 г. до 3,3% в 1986 г.)⁵.

Таким образом, в спекулятивные сделки все активнее стали вовлекаться молодые люди. Спекуляция для отдельных молодых людей выступала более привлекательным, а главное – более доходным занятием, нежели работа на государственном предприятии, в учреждении или организации. Однозначно можно утверждать, что общественное сознание в СССР во второй половине 1980-х гг. все более «рыночнизировалось» и претерпевало серьезные изменения.

В документах партийных форумов открыто уже стала звучать проблема девальвация духовно-нравственных ценностей у части молодого поколения. На январском 1987 г. Пленуме

⁴ Величко С.А. Общественно-политическая жизнь в Сибири в 1985-1991 гг.: дис. ... докт. ист. наук. Кемерово, 2007. С. 49.

⁵ Богданов С.В. Хозяйственно-корыстная преступность в СССР 1945-1990 гг.: факторы воспроизводства, основные показатели, особенности государственного противодействия: дис. ... докт. ист. наук. Курск, 2010. С. 486.

ЦК КПСС констатировалось следующее: «Возросла прослойка, в том числе среди молодежи, для которых цель жизни свелась к материальному благополучию, к наживе любыми способами. Их циничная позиция приобрела все более воинствующие формы, отравляла сознание окружающих, породила волну потребительства»⁶.

Однако вряд ли всплеск спекуляции в советском обществе в этот период можно свести исключительно к девальвации духовно-нравственных ценностей в советском обществе. Спекуляция подпитывалась двумя обстоятельствами: первое – фактическая легализация частно-предпринимательской деятельности с 1986 г., второе – все нарастающий дефицит на широкий круг товаров не только длительного пользования, но и повседневного спроса.

В 1990 г. Госкомстат СССР отмечал следующую ситуацию. В 1990 г. на «черном» рынке по спекулятивным ценам, многократно (в 2-6 раз) превышающим государственные, можно было приобрести практически все виды товаров. Например, цены нелегального рынка на лекарства в 19 раз превышали цены государственной торговли⁷. Констатировалось, что переплаты населения по непродовольственным товарам у спекулянтов увеличились в 1990 г. в 2,8 раза по сравнению с 1989 г.⁸

Первый заместитель Председателя Госкомстата СССР И.А. Логосов в записке под красноречивым названием «Объемы продаж и цены «черного» рынка» от 2 августа 1991 г., направленной первому заместителю Председателя Правительства СССР В.И. Щербакову, следующим образом описал положение вещей: «Ситуация усугубляется тем, что крайне медленно, а в большинстве регионов практически не улучшается наполнение магазинов товарами, сохраняется нормированное распределение многих из них. В связи с дефицитом поддерживается ажиотажный спрос, особенно на импортные товары, не уменьшаются размеры спекуляции»⁹.

В выступлении председателя КГБ СССР В.А. Крючкова на XXVIII съезде КПСС прозвучала следующая оценка кооперативного движения. «На 1 июня 1990 года в стране действовало около 200 тыс. кооперативов, в сфере деятельности которых занято 4,5 млн. человек. Это по официальным учетам. Фактически в этих кооперативах было занято людей больше. Кооперативный сектор развивается, но пока еще не содействует стабилизации потребительского рынка. Более того, рост фонда оплаты труда работающих в кооперативах обостряет инфляционные процессы в стране. Около четырех пятых всех кооперативов создано при предприятиях, организациях, у которых они арендуют основные фонды и приобретают большую часть сырья и материалов.

Появление в массовом порядке «частника» и кооперативов вызвало неоднозначную реакцию в советском обществе. При опросе общественного мнения в 1989 г. 45% респондентов поддержали кооперативное движение благодаря легальной возможности «получать не лимитированные доходы в соответствии с трудовым вкладом». С другой стороны, большинство граждан обвиняло возникшие кооперативы в спекуляции, и 40% опрошенных выступили против них из-за реальной опасности роста имущественного расслоения¹⁰.

Кооперация легализовала некоторые виды деятельности, которые считались ранее незаконными. Это способствовало неизбежной поляризации по доходам советского общества. Заработная плата кооператоров и промышленных рабочих за аналогичный вид деятельности стала значительно разниться – соответственно 350-500 руб. и 150-170 руб.¹¹ При этом нужно принимать во внимание, что это были официальные суммы доходов кооператоров. Какие суммы оставались в «тени» вне сферы налогообложения остается только предполагать.

Значительный перекоп в заработной плате в пользу кооперативного и «теневое» сектора экономики привел к оттоку квалифицированных кадров из государственных предприятий, организаций. Государственные предприятия и учреждения фактически лишались самых мобильных и конкурентных специалистов, которых уже не привлекал сложившийся уровень оценки их трудового вклада в общественное производство.

Еще одним из объективных следствий развития кооперации и индивидуально-трудовой деятельности являлась углубляющаяся имущественная и социальная дифференциация. Пользуясь полученной свободой предпринимательства, бесконтрольностью со стороны властных структур, многие из новых кооператоров в качестве приоритета своей деятельности по-

⁶ Материалы Пленума ЦК КПСС. 27-28 января 1987 г. М., 1987. С. 12.

⁷ Цены на товары народного потребления в 1990 г. // Вестник статистики. 1991. № 3. С. 62-63.

⁸ О преступности и судимости в стране // Вестник статистики. 1991. № 8. С. 66.

⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 163. Д. 185. Л. 66.

¹⁰ Бабаева Л.В., Дмитриев А.В. Социальная справедливость в зеркале общественного мнения. М., 1989. С. 22.

¹¹ Стратегия обновления. Новый социальный механизм. М., 1990. С. 73.

ставили личное обогащение, уклонение от уплаты различных пошлин и налогов, запутывание бухгалтерской отчетности.

«Сверхдоходы», по результатам проведенного в 1989 г. Госкомстатом СССР опроса населения, вызвали негативное отношение большинства респондентов к кооператорам. Рост преступной деятельности и увеличение дефицита в торговле также связывалось в общественном мнении с кооперативным движением¹².

По оценке специалистов: «Важнейшими итогами деятельности нового кооперативного предпринимательства были, во-первых, демонстрация того, что возможно вложение средств преимущественно самого населения в развитие производства и сферу услуг. Во-вторых, в ходе развития кооперации произошла легализация многих ранее находившихся в «тени» предпринимательских структур. Однако в то же время наблюдалось активное создание новых «теневых» конгломератов, куда было вовлечено и кооперативное и государственное хозяйство. В-третьих, было практически доказано, что в стране сохранились мощные социальные силы, включающие разные слои населения, готовые и способные развернуть широкую предпринимательскую деятельность в разных социально-экономических формах. Это означало наличие социальных основ движения страны к смешанной экономике и обществу смешанного типа»¹³.

Органами КГБ сейчас расследуется немало дел, связанных с организованной преступностью. Так, по одному из них, находящемуся в производстве московского управления КГБ, арестованы 6 человек из числа работников банковской системы и кооператива за финансовые операции по превращению безналичных денежных средств в наличные и хищения в особо крупных размерах. По делу изъято денег и ценностей, полученных преступным путем, на сумму более 5 млн. рублей»¹⁴.

Таким образом, разрешение индивидуально-трудовой и кооперативной деятельности в СССР во второй половине 1980-х гг. имело довольно противоречивые последствия для экономической и социальной сферы Советского Союза, что сыграло немаловажную роль в разрастании различных видов преступности в стране.

По мнению западного советолога А. Катценелебогена, уже в конце 1970-х гг. в Советском Союзе сформировалась скрытая многоукладность экономики. По некоторым оценкам, здесь насчитывалось шесть разновидностей рынков¹⁵.

В период перестройки отдельными советскими специалистами предпринимается попытка концептуального осмысления «теневой» экономики. В соответствии с расчетами Т.И. Корягиной, с начала 1960-х и до конца 1980-х гг. объемы нелегальной экономики в стране выросли в среднем в 18 раз (с 5 млрд. руб. до 90 млрд. руб. в год). Наиболее высокие темпы увеличения «теневой» экономики были характерны для следующих отраслей: строительство (в 60 раз), транспорт и связь (в 40 раз), сельское хозяйство и промышленность (более чем в 30 раз)¹⁶. Из данного ряда выпадала сфера неконтролируемого надомного труда и нерегистрируемых услуг, значительное количество «подношений» чиновничеству и различным должностным лицам. По оценкам западных специалистов, рост объемов «теневой» экономики в СССР стал заметен уже в 1970-е гг., а к концу 1980-х гг. он составлял не менее 12% ВВП¹⁷.

¹² Карпунин Ю., Торбин Ю. Правовые и социально-экономические меры борьбы со спекуляцией // Вестник статистики. 1991. № 9. С. 73.

¹³ Смешанное общество. Российский вариант. М., 1999. С. 200.

¹⁴ XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 2-13 июля 1990 г.: стеногр. отчет. Т. 2. М., 1990. С. 122.

¹⁵ Katsenelinboigen A. Coloured Markets in the Soviet Union // Soviet Studies. 1977. Vol. 29. № 1. P. 2.

¹⁶ Корягина Т.И. Теневая экономика в СССР: анализ, оценки, прогнозы // Вопросы экономики. 1990. № 3. С. 117-118.

¹⁷ Johnson S., Kaufmann D., Shleifer A. Politics and Entrepreneurships in Transition Economies // The William Davidson Institute, University of Michigan. Working Paper Series. № 57; Lasko M. Hidden economy - an unknown quantity? Comparative analysis of hidden economies in transition countries, 1989-1995 // Economics of Transition. 2000. Vol. 8. № 1. P. 135.

УДК 39

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ И СТРУКТУРА ИДЕНТИЧНОСТЕЙ
НАГАЙБАКОВ ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИЙ 2014-2015 ГГ.****SOCIAL AND CULTURAL PRACTICES AND THE STRUCTURE OF IDENTITIES
OF NAGAIBAKS ON MATERIALS OF EXPEDITIONS 2014-2015 YEARS****И.Р. Атнагулов****I.R. Atnagulov**

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
Россия, 455000, Челябинская обл, г. Магнитогорск, пр. Ленина, 38*

*Magnitogorsk State Technical University
38 Lenina Pr, Magnitogorsk, Chelyabinsk region, 455000, Russia*

E-mail: i.atnagulov@mail.ru

Ключевые слова: нагайбаки, идентичности, методы этнологических исследований.
Key words: Nagaiyks, identity, methods of ethnological research.

Аннотация. Развитие этнических процессов в современной России часто сопровождается изменениями в динамике и даже трансформациями идентичностей у различных групп. Примордиалистская методологическая база, применяемая в отечественной этнологии весьма широко, не способна зафиксировать подобные процессы. Механизм и логику подобных трансформаций способен объяснить конструктивистский метод исследования.

Сюжет статьи предлагает мониторинг состояния идентичностей нагайбаков по результатам полевых экспедиционных исследований 2014–15 гг. в с. Фершампенуаз, Париж, Остроленка и Кассель. Изучение современных социокультурных практик решает вопрос определения структуры идентичностей нагайбаков, а также векторы развития социокультурных практик, включая характер межэтнических взаимоотношений.

Resume. The development of ethnic processes in contemporary Russia is often accompanied by changes in the dynamics and even the transformation of identity in different groups. Primordial methodological framework used in the national ethnology very broadly, is not able to fix these processes. The mechanism and the logic of such transformations can explain constructivist methods.

The plot of the article offers monitoring of identities Nagaiyks from field research expeditions 2014-15 years in the villages Fershampenuaz, Paris, Ostroleka and Kassel. The study of contemporary socio-cultural practices solves the problem of determining the structure Nagaiyks identities, as well as vectors of development of socio-cultural practices, including the nature of inter-ethnic relations.

Этнические процессы, происходящие на постсоветском пространстве, нередко сопровождаются изменениями в динамике или даже смещением идентификационных полей у некоторых групп, обозначаемых в научной литературе как субэтноты, этнографические, этноконфессиональные, этносословные группы и т.п. Нагайбаки до недавнего времени определялись всеми перечисленными терминами из аппарата отечественной этнографической науки, сформировавшейся в рамках теории этноса Ю.В. Бромлей¹. Слабость последней в том, что она не учитывает способности к трансформациям самоидентификаций подобных групп. Особенно в условиях меняющегося социального и политического климата в стране. В последние два с половиной десятилетия в изучении этнических процессов, наряду с другими, всё чаще применяется конструктивистский методологический подход, способный объяснить механизм и логику подобных трансформаций. История становления идентичностей нагайбаков являются весьма удобным «наглядным пособием» по изучению динамики подобных трансформаций. Нами уже были опубликованы материалы по становлению и развитию идентичностей нагайбаков до начала XXI в. Настоящая статья отражает современное состояние социокультурных практик и идентичностей нагайбаков в условиях современной России.

---

¹ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.

В российской, в том числе бывшей советской, этнографической науке ещё с XIX в. сложилась традиция деления культуры на материальную и духовную. Это было не всегда оправдано и создавало некоторые сложности при структурировании, составлении классификационных схем и т.п. Однако для этнографов, занимающихся исследованием таких аспектов как жилище, одежда, пища, религия и верования, обрядово-праздничная культура и т.п., во многих случаях это было весьма удобно. Разделение культуры на материальную и духовную вносило ясность в обозрении границ предмета изучения и логику в изложении материала. Основная задача исследователя – определение комплекса специфических этнических черт объекта решалась в рамках парадигмы так называемой традиционной культуры (материальной и духовной) как едва ли не единственной обладающей набором этнических маркеров.

В эпоху глобализации и унификации быта материальная культура в смысле традиционной с одной стороны всё меньше становится предметной областью исследователя-этнолога. С другой стороны, и сами акторы – представители изучаемых групп склонны искать основания собственной идентичности за пределами «трёх китов» материальной культуры традиционной этнографии – жилища, одежды и пищи. Современными исследователями предлагается новый подход в осмыслении так называемой «новой материальности»², что делает перспективным дальнейшую разработку антропологами тем, связанных с современной материальной (и не только) средой. Это очень важно в пору кризиса российской этнологии (этнографии) с её предметной областью и методологией исследования³.

По наблюдениям за жителями Нагайбакского р-на и нагайбаками в частности в течение 2014–15 гг., и анкетирования, проведённого летом 2015 г. следует отметить, что в настоящее время для абсолютного большинства населения важнейшими этническими маркерами являются такие признаки как язык, религиозная принадлежность, физическая антропология, черты характера, предпочтения в хозяйственной деятельности, национальная кухня, исторические символы, обрядово-праздничная культура и фольклор⁴. Анкетирование проводилось в июле 2015 г. в с. Фершампенуаз, Остроленка и Кассель. Всего было опрошено 620 чел. Подробные результаты анкетирования оформлены в виде 29 таблиц, хранящихся в настоящее время у автора в рукописном варианте. Монтаж такого объёмного материала в рамки статьи значительно «утяжелил» бы саму работу, поэтому автор счёл возможным указать лишь итоговые значения в виде относительных цифр с округлением десятых долей процентных данных до единиц. В некоторых частях текста ссылки на данные источники обозначены как «полевые материалы автора» (ПМА)

Из материального производства в современных практиках этномаркирующие усматриваются в некоторых элементах хозяйственной деятельности и во многом, как следствие её развития, привычек и устоев в системах питания. Несмотря на многочисленные очевидные трансформации, произошедшие за последние несколько десятилетий в системах питания разных народов, их структурная основа продолжает сохраняться.

Физическая антропология представляет определённый маркирующий фактор при этнической диагностике нагайбаками и их соседями друг друга. На территории Нагайбакского р-на отчётливо выделяются две не равные по численности представительств, и чётко разделённые по входящим в них этносам, расовые группы. Одну составляют казахи, вторую – русские, нагайбаки, татары, мордва, украинцы и др. При физико-антропологической диагностике обеими группами друг друга, учитываются морфологические признаки⁵. Здешние казахи, как и большинство их соплеменников, по классификации Я.Я. Рогинского и М.Г. Левина⁶ относятся к южносибирской смешанной расе⁷. Остальная часть населения принадлежит различным вариантам большой европеоидной расы. Изучение физической антропологии нагайбаков находится на начальной стадии⁸. В повседневных практиках физико-антропологические различия между нагайбаками и русскими отмечаются не по морфологии, а в большей степени по соматическим признакам. Обнаруживая комплекс европеоидных черт, нагайбаки, по сравнению с русскими, в среднем более тёмно пигментированы.

² Соколовский С.В. О новой материальности и тихих революциях // Антропологический форум. № 24 «Незамеченные революции». С. 61-72.

³ Он же. Российская антропология: иллюзия благополучия. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/1/s4.html>

⁴ ПМА. Челябинская обл., Нагайбакский р-н, с. Фершампенуаз, Остроленка, Кассель, 2015.

⁵ ПМА. Челябинская обл., Нагайбакский р-н, с. Фершампенуаз, Остроленка, Кассель, 2015.

⁶ Рогинский Я.Я. Антропология. М., 1978. С. 374.

⁷ Там же. С. 406.

⁸ Макеева А.И. Первые дерматоглифические исследования нагайбаков // Вестник антропологии. 2013. № 2(24). С. 77-87.

Одной из этномаркирующих по представлению населения является «национальный характер». К чертам национальных характеров своих и этнических соседей респонденты чаще всего относили такие качества как гостеприимство, дружелюбие, доброта, трудолюбие, чистоплотность, порядочность, гордость, честность, целеустремлённость, завистливость, злопамятность, наглость, неорганизованность. Среди прочих черт чаще всего в оценках звучит такое качество как гостеприимность. Сами нагайбаки считают себя более гостеприимными по сравнению с русскими, но первенство по этому пункту отдают казахам.

Язык для большинства населения района продолжает, как и прежде, являться обязательным этническим маркером, неотъемлемым фактором существования народа. Даже если какая-то часть местного не русского населения больше употребляет русский, или все на него перешли полностью. Существование нагайбакского языка для большинства нагайбаков является бесспорным. Он же является важнейшим этническим признаком. Даже те респонденты, которые в повседневных практиках отдают предпочтение русскому, считают нагайбакский язык одним из главных своих этнокультурных признаков⁹. Исходя из этого, большинство их считают, что нагайбакский язык существует как самостоятельный лингвистический феномен¹⁰.

В представлении нагайбаков о степени близости родного языка с татарским усматриваются две основные тенденции: понимание идентичности или очень близкого родства языка нагайбаков татарскому и в то же время стремление к позиционированию нагайбакского языка как самостоятельного, весьма отличающегося от татарского. Первое, по всей видимости, связано с жизненным опытом общения, с татароязычным населением Челябинской обл., Республик Татарстан и Башкортостан. Второе стремление, вероятнее всего, связано с активным поиском частью нагайбаков и нагайбакскими элитами собственной этноидентификационной базы. Этот процесс заметно усилился за последние примерно 20 лет после обретения нагайбаками в 1993 г. официального статуса коренного малочисленного народа Российской Федерации¹¹. Основные отличия между нагайбакским и татарским языками нагайбаками видятся в основном в фонетике и меньше – в лексике¹².

С 2005 по 2015 гг. доля нагайбаков, использующих нагайбакский язык в качестве основного разговорного существенного не изменилась. Она, как и прежде, составляет около трети населения. Резко, почти вдвое, увеличилась доля говорящих, в основном, по-русски и, соответственно уменьшилась доля говорящих на двух языках в равной степени. Некоторое уменьшение доли населения говорящего по-нагайбакски не снимает вопроса о лингвистическом статусе нагайбакского говора или языка.

Несмотря на достаточно хорошую степень научной изученности вопроса, среди определённой части нагайбаков продолжается обсуждение проблемы связи нагайбакского языка с татарским¹³. На протяжении нескольких лет нагайбакскими краеведами под руководством жительницы п. Чернореченский Нагайбакского р-на О.И. Барышниковой шла подготовка «Нагайбакско-русского – русско-нагайбакского словаря»¹⁴. Особенности его лексического состава, включающие только архаичный пласт и инновации в правописании, с учётом нагайбакской фонетики, отражают точку зрения автора на говор нагайбаков как явление отличное от татарской языковой культуры.

Народное представление о языке, как одном из главнейших этномаркирующих, усвоенное ещё от идеологов времён советского «национального строительства»¹⁵ до сих пор отражается не только в публикациях здешних краеведов, но и в результатах опросов, проведённых летом 2015 г. среди населения с. Фершампенуаз, Остроленка и Кассель. В перечне отличительных признаков нагайбаков от русских язык занимает третье место – 10 %. Среди отличий от татар язык находится на втором месте – 12 %¹⁶.

Примечательно то, что, несмотря на очевидную разницу в степенях языкового родства, часть нагайбаков в этнических различиях между ними и татарами языковую разницу

⁹ ПМА. Челябинская обл., Нагайбакский р-н, с. Фершампенуаз, Остроленка, Кассель, 2015.

¹⁰ ПМА. Челябинская обл., Нагайбакский р-н, с. Фершампенуаз, Остроленка, Кассель, 2015.

¹¹ Постановление Правительства Российской Федерации 24 марта 2000 года № 255 «О едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации». URL: <http://demoscope.ru/weekly/knigi/zakon/zakon047.html>

¹² ПМА. Челябинская обл., Нагайбакский р-н, с. Фершампенуаз, Остроленка, Кассель, 2015.

¹³ Минеев П.М. По берегам реки Гумбейки. Топонимический словарь. Челябинск, 2008. С. 68.

¹⁴ Барышникова О.И. Нагайбакско-русский словарь. Русско-нагайбакский словарь. Магнитогорск, 2015.

¹⁵ Соколовский С.В. Кряшены во Всероссийской переписи населения 2002 года. Набережные Челны, 2009.

¹⁶ ПМА. Челябинская обл., Нагайбакский р-н, с. Фершампенуаз, Остроленка, Кассель, 2015.

усматривают в большей степени, чем с русскими. Это очень важный показатель степени актуализации поиска народом оснований этнической идентичности. Значительная часть нагайбаков едва ли не главную угрозу потери идентичности видят в том, что их долгое время «учили говорить по-татарски»¹⁷.

До 1960-х гг. подготовка учителей для нагайбакских школ осуществлялась в Троицком педагогическом училище, где работало отделение татарского языка. Учебники в нагайбакские школы доставлялись из Казани. Литературный татарский язык, которому обучали детей по казанским учебникам выпускники Троицкого педагогического училища, конечно, отличался от нагайбакского говора, в равной степени, как и от большинства остальных говоров народного языка волго-уральских татар. Этот факт долгое время вызывал и продолжает вызывать беспокойство среди части нагайбаков. Появление словаря, в котором осуществлён отказ от татарской литературной нормы в пользу правописания в соответствии с народной речью нагайбаков, является ещё одним аргументом, свидетельствующим об активных процессах воплощения идеи нагайбакской идентичности.

Вместе с тем, примерно треть респондентов сочла необходимым указать язык в качестве главного сближающего их с татарами признака. В сравнении с казахами нагайбаки свой язык видят как отличительный – 34 % и сближающий признак – 16 %¹⁸.

Картину современной языковой идентичности нагайбаков отражают мнения респондентов о наиболее близких к нагайбакскому языкам. Абсолютное большинство – 87 % наиболее близким признало татарский язык. Примечательно, что русский занял более высокое место по сравнению с казахским и турецким языками. Общение на русском становится всё более обыденным для большинства нагайбаков, в то время как и среди казахов наблюдается увеличение доли употребления русского языка. Этим обстоятельством объясняется более высокий рейтинг русского языка в народном понимании иерархии лингвистического родства. Турецкий язык в этот список попал как результат личного опыта общения ряда нагайбаков в Турции за последние 10-15 лет. Несмотря на то, что абсолютное большинство нагайбаков первое место по степени родства отдают татарскому языку, всё-таки ещё бóльшая доля респондентов считают, что нагайбакский и татарский отличаются друг от друга скорее значительно – 92 %, чем незначительно – 8 %.

На втором месте, а в некоторых случаях и на первом среди этноидентификационных, по представлению нагайбаков, находятся культурные признаки. Из них наиболее ярким маркером после языка остаётся, как и прежде, религиозная принадлежность. Например, среди признаков, объединяющих нагайбаков с русскими на первом месте – 48 % стоит общность религии. Так же первое место – 53 % занимает религиозный фактор в списке признаков, отличающих, по мнению нагайбаков, их от татар. На втором месте – 26 %, по мнению респондентов, религиозный признак находится в списке этнических отличий нагайбаков от казахов.

Современная религиозная идентичность нагайбаков вполне адекватно отображает этнокультурную картину мира народа. Религия, как и язык, продолжает выполнять этноконсолидирующую функцию. Деление общества на «христиан» и «мусульман» для большинства является понятным и ясным структурированием населения и влияет на выбор приоритетов в различных стратегиях. При этом маркёры «христианин» или «мусульманин» не обязательно должны отражать истинное религиозное состояние человека, например, атеизм. Это скорее народное понимание культурной принадлежности индивидуума по происхождению к какому-либо из этих двух «миров».

Признаки, сближающие хозяйственную культуру нагайбаков с таковой у других народов, были отмечены только те, которые сближают их с казахами. Это касается скотоводства – 2 % респондентов. Материальная культура, включающая, по мнению респондентов, такие параметры как быт, кухня, традиционная одежда и прочее объединяет нагайбаков с русскими – 21 %, казахами – 8 % и татарами – 1 %. Пропорциональное соотношение этих данных реально отражает как этнодемографическую ситуацию в Нагайбакском районе¹⁹, так и частоту контактов нагайбаков с соседями. Этим объясняется то, что нагайбаки видят больше общих черт в материальной культуре с русскими и казахами, чем с татарами.

Среди элементов обрядово-праздничной культуры чаще всего отмечают такие как традиции и обычаи. По этому показателю нагайбаки отмечают отличие их от русских – 31 %, казахов – 5 %, татар – 5 %. Сходство в обычаях и традициях отмечают с татарами – 5 %, ка-

¹⁷ ПМА. Челябинская обл., Нагайбакский р-н, с. Фершампенуаз, 2015 г.

¹⁸ ПМА. Челябинская обл., Нагайбакский р-н, с. Фершампенуаз, Остроленка, Кассель, 2015.

¹⁹ Атнагулов И.Р. Идентичности нагайбаков: генезис, структура, динамика. Челябинск, 2015. С. 195.

захами – 3 %, русскими – 2 %. В обрядово-праздничной культуре современные нагайбаки склонны усматривать больше различий с русскими, татарами и казахами. Больше всего видят отличий с русскими. Сходств больше всего обнаруживают с татарами.

Другой группой признаков, которые респонденты отметили в числе этноидентифицирующих это различные черты этнического характера – гостеприимство, дружелюбие, трудолюбие, общительность, внутригрупповые отношения. По этим характеристикам нагайбаки больше всего сходств видят с русскими – 7 %, казахами – 2 %, татарами – 2 %. Отличий с татарами – 8 %, русскими – 7 %, казахами – 2 %. Кроме того, были отмечены среди признаков отличающих нагайбаков от русских: менталитет – 13 %, внешность – 1 %; от татар: имена – 2 %, внешность – 1 %; от казахов: антропология – 6 %, образ жизни – 3 %, менталитет – 1 %. Признаки, сближающие нагайбаков с русскими: имена – 3 %; с татарами: происхождение – 3 %, песни – 2 %. Никаких отличий не назвали от русских – 30 %, татар – 14 %, казахов – 3 %, и наоборот – ничего общего с казахами – 55 %, русскими – 12 %, татарами – 8 %.

Самоидентификация современных нагайбаков строится как на оппозиции, так и на ощущении общности с соседними народами – русскими, казахами и татарами. Главными этнодифференцирующими признаками для нагайбаков являются наличие родного языка и религиозная принадлежность. Последняя в условиях русского этнического большинства выполняет этнодифференцирующую функцию только по отношению к казахам и татарам, но роль её очень важна, поскольку нагайбаки с этими двумя народами обнаруживают чрезвычайную языковую близость. Язык казахов Челябинской обл. вместе с казахами Оренбургской и других областей западного Казахстана и Нижнего Поволжья относится к западному диалекту, который подвергся влиянию татарского, башкирского и ногайского языков²⁰.

Среди этнообъединяющих признаков наибольшее число упоминаний касалось языка, традиций и религии. Главными положительными чертами нагайбаки у себя видят – гостеприимство, порядочность, трудолюбие, доброту и чистоплотность. Среди отрицательных черт выделяют завистливость и злопамятность. Чуть более половины нагайбаков считают принадлежность к этносу предметом собственной гордости, другая часть оценивает собственную этническую идентичность как обычное состояние, и лишь 2 % затруднились дать твёрдый ответ.

Этническая принадлежность нагайбаков в большинстве жизненных ситуаций никаким образом качественно не влияла на их самочувствие в обществе. Значительная часть респондентов отметила, что принадлежность к нагайбакскому этносу не оказывала никакой помощи ни при каких обстоятельствах – 45 %, либо никак не мешала – 75 %. Большинство из тех, кто ответил, что моя этническая принадлежность мне помогла, предпочли не говорить в каких ситуациях, а несколько человек отметили, что помогала в некоторых ситуациях, где необходимо было знание родного языка в общении с представителями других тюркских народов.

Нагайбаки, как и большинство населения Российской Федерации, обладают многоуровневой самоидентификацией. Лидирующие позиции занимают этническая – 39 % и политическая (гражданская) – 37 % разновидности идентичностей. Три уровня региональных (локальная, областная и общеуральская) идентичностей среди нагайбаков составляют незначительную долю.

Развитие нагайбакских идентичностей сопровождалось формированием их этнонимической номенклатуры, которая имеет несколько уровней. Результаты анкетирования показывают, что все исторически сложившиеся самоназвания нагайбаков (керэшеннэр, нэгэйбэклэр), включая локальные (бакалы, сарашлы, килий) продолжают использоваться до настоящего времени. Существуют различия в частоте применения и произношении тех или иных эндоэтнонимов в зависимости от языка, на котором происходит общение – нагайбакский (татарский) или русский. Кроме того, существуют некоторые различия в применении эндоэтнонимов между нагайбаками южной и северной групп²¹. Наиболее предпочтительными самоназваниями на нагайбакском языке является у южной группы – «керэшеннэр», у северной – «керэшеннэр» и «бакалы». На русском языке у южной группы – «нагайбаки», гораздо реже – «кряшены»; у северной – «русские», реже – «нагайбаки» или «бакалинцы».

На территории Челябинской обл. подавляющему большинству населения этноним «нагайбаки» известен, но за пределами региона, тем более в отдалённых от Южного Урала местах, нередко приходится давать разъяснения. Большинство из представителей нагайбаков в таких ситуациях объясняют свою этническую принадлежность, используя в обозначениях

²⁰ Калиев Г.А. Казахская диалектология. Алма-Ата, 1991. С. 90.

²¹ Атнагулов И.Р. Уровни этнического самосознания и этнонимическая номенклатура нагайбаков // Научные ведомости БелГУ. История. Политология. Экономика. Информатика. 2014. № 15 (186). Выпуск 31. С. 95-104.

слово «татары». Например, «крещёные татары» – 53 % или «близкий к татарам народ» – 8 %. Данный факт говорит о том, что большинство нагайбаков в определённых условиях транслируют татарскую идентичность или ощущают близость к ним. Чуть более трети респондентов в подобных случаях предпочитает ограничиваться обозначением «малочисленный народ» без этнической привязки к татарам.

Различные социальные среды, в которых находились нагайбаки, вынуждали транслировать различные уровни идентичностей. Этническая идентичность нагайбаков является комплексом, исторически сформировавшимся из различных слагаемых – языковой, конфессиональной, сословной. В рейтинге самоидентификаций современных нагайбаков этническая идентичность, как отмечено выше, занимает первое место, едва опережая политическую. Этническая идентичность нагайбаков формировалась, опираясь на оппозицию окружающему этническому большинству. Сначала (до 1843 г.) – татарам, а затем (с 1843 по 1920-е гг.) – русским. В течение XX в. этнический состав окружающего нагайбаков населения изменился. Современное этническое окружение нагайбаков это в большей степени русское (восточнославянское, православно-христианское) и в несколько меньшей степени казахско-татарско-башкирское (тюркское, мусульманское) общества. Если до 1920-х гг. нагайбаки южной группы находились в определённой изоляции, т.е. в моноэтнических посёлках, то с конца 1920-х гг. этнический состав населённых пунктов становится смешанным.

Тесные контакты с русскими и другими в течение XX в. стали причиной возникновения двух тенденций развития этнической идентичности нагайбаков. У северной группы произошла, хоть и не полная, но значительная, ассимиляция русскими. Представители южной группы, в силу ряда перечисленных выше причин, пошли по пути этнической консолидации. Этническая идентичность южной группы в условиях полиэтничного окружения проявляет следующую динамику и социальные сферы актуального функционирования. Большинство респондентов – 47 % ощущают и транслируют собственную этническую идентичность в подавляющем большинстве жизненных ситуаций. Среди ответов на вопрос «когда и где вы ощущаете принадлежность к нагайбакскому народу» чаще всего звучало «всегда и везде». Этот показатель сопоставим с числом респондентов, поставивших собственную этническую идентичность на первый уровень. Заметно меньшая группа респондентов ощущает нагайбакскую идентичность только среди родственников – 20 %, не придавая этому значения в иных ситуациях. Ещё меньшую долю составляют ответы, в которых указано, что этническая идентичность имеет значение очень редко или только в празднично-ритуальные дни – 10 %. Почти четверть опрошенного населения – 24 % считают, что собственная этническая принадлежность не является для них доминирующей.

С утратой и ослаблением таких основных в прошлом идентификационных признаков как сословный, религиозный и языковой возникает вопрос о том, что же на сегодняшний день, при таком высоком уровне этнической самоидентификации является главным этнодифференцирующим признаком нагайбаков? Один из пунктов анкеты содержал вопрос об оценке собственной этнической идентичности, где, как уже говорилось, наибольшее число ответов прозвучало как «гордость». Это чувство, связанное с принадлежностью к нагайбакам, основано на исторической памяти, которая хранит ряд событий из истории народа. Эти исторические события можно разделить на две группы – связанные исключительно с нагайбаками и произошедшие в масштабах страны. В последнем случае народная память хранит имена прославленных нагайбаков, которые участвовали в крупных военных кампаниях.

За последние примерно 20 лет нагайбакскими краеведами было опубликовано большое число статей в периодической печати о подвигах нагайбаков в Великой Отечественной и других крупных войнах, изданы книги, в которых специальные разделы посвящены теме войны²². Публикуются сведения по истории нагайбаков, их крещении, обращении в казачество, истории заселения казаками-нагайбаками Южного Зауралья и др.

На вопрос об известных важнейших событиях в истории нагайбаков больше всего было упоминаний – 26 % об Отечественной войне 1812 г. Чуть меньше – 21 % было сказано об акте обращения в христианство. Ещё меньше, но примерно одинаковое число упоминаний, о таких событиях как обретение статуса коренного малочисленного народа Российской Федерации, Великая Отечественная война, Гражданская война, вхождение в казачье сословие и переселение в 1842–43 гг.

²² Маметьев А.М. Край нагайбакский. Челябинск, 1997; Он же. Нагайбакский район в фактах и цифрах. Челябинск, 2005.

Наибольшее число воспоминаний, связанных с событиями 1812 г. объясняется тем, что в течение нескольких лет наблюдается весьма широкий информационный поток об участии казаков-нагайбаков в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах в составе Российской армии. Особенно много информации появилось в 2012 г. в связи с празднованием 200-летней годовщины этих событий. Как оказалось именно этот фактор на сегодняшний день является наиболее значимым в исторической памяти нагайбаков (см. выше), и, вероятно, он определяет значительную часть их современной идентификационной базы.

Вторым по значимости историческим событием для нагайбаков является акт обращения в христианство – 21 %. Привлекает внимание при этом то, что сама по себе религиозная принадлежность в понимании современных нагайбаков не играет столь важной роли в этнической консолидации, но сам факт перехода в христианство рассматривается как важнейшее событие в истории народа. Кроме того, религиозная идентичность начинает играть принципиальную роль только в том случае, когда необходим поиск этнодифференцирующих признаков по отношению к татарам. Среди большей части нагайбаков существует представление о том, что нагайбаки не являются татарами и имеют больше отличий, чем сходств. В народном представлении нагайбаков среди главных маркёров их этнического своеобразия, помимо языка, является религия. Очевидно, что именно эти параметры чаще всего рассматриваются как особые, отличные от подобных у татар.

Событие, связанное с получением статуса коренного малочисленного народа Российской Федерации – 12 %, по своему рейтингу в ответах на соответствующий вопрос анкеты сопоставимо с периодом Великой Отечественной войны – 11 %. Правительственный документ, в котором нагайбаки внесены в список коренных малочисленных народов, некоторыми из представителей этой группы отмечается в числе главнейших этнодифференцирующих признаков²³.

Если сословная идентичность утратила актуальность ещё в 1920-х гг. и в настоящее время как идентификационный признак рассматриваться не может, то исторический эпизод вхождения предков нагайбаков в казацье сословие является весьма важным и значимым для значительного числа нагайбаков. Данный вариант ответа хотя и стоит на пятом месте в рейтинге, но по частоте повторяемости находится примерно на одном уровне со всеми предыдущими позициями, начиная с третьей. И, наконец, 3 % респондентов отметили важность акции переселения нагайбаков в 1842–43 гг. из Белебеевского уезда в Верхнеуральский.

Три события, сыгравшие в истории нагайбаков принципиально важную роль и определившие возникновение и развитие ряда идентификационных признаков, были отмечены респондентами, и рейтинг их выстроился строго в соответствии с хронологической последовательностью. Это такие события как христианизация, обращение в казачество и переселение.

Историческая память народа, подкрепляющая современную идентификационную базу, включает также степень осведомлённости о знаменитых людях из числа нагайбаков. О людях, которые создали славу Нагайбакскому району и нагайбакам имеет представление практически всё население. Из числа опрошенных респондентов 95 % знают не менее семи таких имён. Чаще всего произносились имена фронтовиков – Героя Советского Союза Е.А. Бикбова, участника Великой Отечественной войны, общественного деятеля, краеведа А.М. Маметьева, Героев Социалистического Труда и кавалеров орденов В.С. Байкина, Н.Н. Васильева, Н.А. Григорьева, кавалеров орденов и успешных работников М.К. Артемьева, И.Е. Арапова и И.Т. Арапова²⁴.

Для абсолютного большинства населения как этноидентификационный признак также имеет важное значение празднично-ритуальная практика. В обрядово-праздничной культуре нагайбаков, как и всего остального их окружения, сочетаются различные влияния. Это годовой цикл как религиозных народных праздников и обрядов, связанных с христианством – Пасха, Троица и т.д., с древними дохристианскими традициями – Аш биреу (Поминальная тризна), так и общегражданских государственных праздников – День Победы, Новый год, профессиональные праздники и т.п.²⁵. Ощущая себя православными христианами, нагайбаки, вместе с тем, подчёркивают этнические особенности во многих празднованиях – новогодний цикл (*Нардуган*), Масленица (*Май чабу*), Вербное Воскресенье (*Бэрмэнчек*

²³ Минеев П.М. Там же. С. 67.

²⁴ ПМА. Челябинская обл., Нагайбакский р-н, С. Фершампенуаз, с. Остроленка, с. Кассель, 2015.

²⁵ ПМА. Челябинская обл., Нагайбакский р-н, С. Фершампенуаз, с. Остроленка, с. Кассель, 2015.

боткасы), Пасха (*Оло көн*), Троица (*Труйсын, Тручын*) и др.²⁶. Пасха и Троица занимают лидирующие позиции в рейтинге наиболее популярных праздников – 36 % и 21 % соответственно. На третьем месте, с примерно одинаковым числом упоминаний, находятся День Победы – 13 % и Покров – 13 %.

Особое место в годовом цикле обрядов и праздников занимает поминовение усопших родственников (*Аш биреу*). Это проводится не ранее чем через три года после смерти человека, поздней осенью или в начале зимы, но обязательно в разных селениях в разные дни. Делается это для того, что чтобы люди из разных сёл могли посетить всех родственников. Данный обряд в регионе характерен только для нагайбаков и является очень важным этническим признаком в самоидентификации народа. В каждой семье этот обряд проводится основательно с обязательным забоем крупного рогатого скота и птицы, угощением большого числа родственников, поэтому его совершают не каждый год. Обрядовая практика «Аш биреу», сохраняя архаичные черты²⁷, строго регламентирует ассортимент и способ приготовления блюд. Исключения составляют сладости и напитки, которые стало допустимо приобретать в магазине. Именно здесь максимально точно воспроизводится древняя система питания, сложившаяся у далёких предков нагайбаков ещё с кочевнических времён. Во-первых, это большой сегмент пищи животного происхождения (больше – мясо крупного и мелкого рогатого скота, меньше – молочные изделия). Во-вторых, это строгое требование к условиям и способу термической обработки мяса – варка в котле во дворе при открытых воротах. Варёное мясо по удельному весу занимает первое место в ритуальном рационе, а тазовая кость жертвенного животного имеет сакральное значение²⁸.

Пища растительного происхождения по многим позициям в повседневных практиках и праздничном столе продолжает конкурировать с животной. Как и прежде, в ежедневной и обрядовой кухне большое место занимают мучные изделия в виде снедей, либо блюда, состоящие из мучных и мясных компонентов. Особенно популярны в ежедневном рационе всевозможные мучные печёные и жареные изделия – *кыстыбый, баурсак, дурычмак, кузикмак, шишара*, хлеб (*ипый*); блюда, сочетающие мучные и мясные составляющие – суп-лапша (*аш*), курник (*курнюк*), бешбармак (*бишбармак*), пельмени (*пильмэн*), а также популярное среднеазиатское зерново-мясо-овощное блюдо – плов.

За последнее десятилетие заметен возрос интерес нагайбаков к своему народному фольклору. Отмечается некоторое увеличение числа людей, знающих до пяти нагайбакских песен и уменьшение числа тех, кто не знает таковых. В гораздо большей степени увеличилось число людей знающих нагайбакские народные сказки. Среди перечисленных произведений народного творчества есть как чисто нагайбакские, так и русские на нагайбакском языке. Лидером рейтинга является сказка «Колобок». Увеличению числа знающих народные сказки способствовала публикация в 2008 г. книги местного краеведа²⁹, где имеется раздел с пересказами фольклорного материала.

Представляет интерес мнение нагайбаков – жителей Нагайбакского района по вопросу о предпочтительной этнической принадлежности человека, претендующего на пост Главы района. Это очень важно в связи с тем, что опрос проводился накануне очередных выборов на эту должность. С 1991 г. и до настоящего времени с небольшим перерывом районом руководит Сеилов Каирбек Хакимович – местный уроженец, этнический казах. Общественный рейтинг руководителя на протяжении многих лет неизменно высок среди всего населения района. В ближайших выборах на должность Главы района он участвовать не планирует, что даёт шансы для других кандидатов, имеющих разную этническую принадлежность.

По результатам анкетирования доля нагайбаков, желающих видеть на должности Главы Нагайбакского района своего соплеменника равна 10 %. Самая малая часть респондентов – 6 % считает, что руководить районом должен кто угодно, только не нагайбак. Больше всего респондентов – 84 % убеждены, что этническая принадлежность руководителя района значения не имеет. В современной ситуации конструирования идентификационной базы самими нагайбаками, вопрос формирования этнополитической элиты остро не стоит. Нагайбакский район не затронул процесс этнизации локальной политики, столь ха-

²⁶ Уразманова Р.К. Годовой цикл общественных обрядов и праздников // Нагайбаки (комплексное исследование группы крещёных татар-казаков). Казань, 1995. С. 75-83.

²⁷ Атнагулов И.Р. Нагайбаки. Магнитогорск, 2007. С. 150-152

²⁸ Там же. С. 152.

²⁹ Вдовина С.В. Соты памяти народной. Челябинск, 2008. С. 155-214.

рактёрный для многих регионов России с конца 1980-х – начала 1990-х гг.³⁰ Причины этого кроются, вероятнее всего, в том, что район с момента своего основания в 1927 г. никогда не подвергался политике коренизации руководящих кадров. За весь период его существования до 1992 г. им руководили люди разной этнической принадлежности – нагайбаки, русские, татары, казахи. Поэтому в политической практике нагайбаков не сложилось традиции создания собственной квази-этнократии.

Результат исследования представлен в виде картины, демонстрирующей, во-первых, современные социокультурные практики нагайбаков, ориентированные на подчёркивание их этнической индивидуальности, что свидетельствует о достаточно высоком уровне этнического самосознания; во-вторых, сформировавшуюся этнонимическую номенклатуру, подтверждающую процесс формирования собственной нагайбакской идентичности; в-третьих, транслируя собственную этническую идентичность, нагайбаки длительное время находятся в непротиворечивом взаимодействии с ближайшими этническими соседями, являющимися в одних случаях не тюркоязычными, а в других – не православно-христианскими.

---

³⁰ Дадуев М.А. Субъекты управления политическими процессами на субнациональном уровне в Российской Федерации // Теория и практика общественного развития. 2014. № 3. С. 227-232.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК – 396 (Женский вопрос)

ЖЕНЩИНЫ И ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ЗА МИР БЕЗ ВОЙН И ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

WOMEN AND WOMEN'S MOVEMENT FOR WORLD WITHOUT WARS AND VIOLENCE CONFLICTS

Н.Л. Пушкарева

N.L. Pushkareva

*Институт этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая,
Россия, 119991, г. Москва, Ленинский пр., 32а*

Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, 32a Leninsky Pr., Moscow, 119991, Russia

E-mail: pushkarev@mail.ru

Ключевые слова: гендер, культура, война, конфликт, женское движение, насилие, агрессия, толерантность, гендерные исследования в исторических науках, феминизм

Key words: gender, culture, war, conflict, women's movement, violence, aggression, tolerance, gender studies in history, feminism

Аннотация. Краткий обзор тезисов выступлений и дискуссий на состоявшейся в Старом Осколе (Белгородская область) 8-ой Международной конференции Российской ассоциации исследователей женской истории 8-11 октября 2015 года, дает читателю разнообразную картину идей и оценок, касающихся конкретных национальных культур, а также инновационных междисциплинарных подходов к изучению гендерных систем в прошлом и настоящем.

Resume. Short overview of abstracts and discussions during the VIIIth International Conference of Russian Association for Research in Women's History held in Saryj Oskol Belgorod Province in October 2015 presents a varied tapestry of ideas and estimations, relating specific national cultures and innovative interdisciplinary and multidisciplinary approaches to the study gender systems in Past and Present.

Вот уже восьмой раз сторонницы и адепты идеи гендерной экспертизы социальных явлений и женской истории собрались на свою (ставшую уже традиционной) объединительную конференцию.

8-11 октября 2015 года в городе Старый Оскол Белгородской области на базе Старооскольского технологического института им. А.А. Угарова (филиал НИТУ "МИСиС") совместно с РАИЖИ (Российской ассоциацией исследователей женской истории, www.garwh.ru), Российским национальным комитетом «Международной федерации исследователей женской истории» (IFRWH), Сектором этногендерных исследований Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва) была проведена VIII-ая всероссийская научная конференция «Женщины и женское движение за мир без войн и военных конфликтов» (к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне) с международным участием.

В работе конференции приняли участие свыше 160 ученых из более, чем из полусотни городов России, стран дальнего (Бельгия, Германия, Италия, Китай, США, Франция) и ближнего (Беларусь, Грузия, Казахстан, Молдова, Украина) зарубежья, представители общественных организаций (в том числе – «Американской ассоциации женщин в исследованиях славянства», AAWSS) и СМИ. Географический охват конференции, как всегда, был обширнейшим – от Владивостока и Тюмени до Минска и Калининграда.

В рамках конференции была организована работа 6 секций (Социальные роли и статусы женщин в годы военных конфликтов: исторический аспект; Вторая мировая война: женщины на фронте и в тылу; Женщина и война в литературе и искусстве; Экономика и наука,

политика и право в годы конфликтов и военных потрясений: гендерный аспект; Борьба женщин за мир: история и современность; Женская повседневность в условиях военно-политической нестабильности: национальные особенности).

Подводя итоги работы как всегда многолюдного и шумного научного форума, привлечшего внимание и иностранных ученых, участники Восьмой научной конференции ИЭА РАН и РАИЖИ, посвященной теме участия женщин и женского движения в противодействии войнам и военным конфликтам отметили тот факт, что конфликты и ситуации нестабильности усугубляют уже существующие модели дискриминации в отношении женщин и девочек, подвергая их высокому риску стать жертвами нарушений прав человека. В то же время практически все собравшиеся отмечали, что в нынешнем столетии женщины, девушки, девочки далеко не всегда оказываются лишь жертвами войн и силовых разрешений споров. И в прошлом, и в особенности в настоящем они подчас оказываются истинными борцами и бойцами, наиболее активной частью организованного гражданского общества, правозащитницами, участницами движений сопротивления, играют самую активную роль и в официальном миростроительстве, и в народной дипломатии, во всех процессах восстановления и упорядочивания. Поэтому участники конференции заметили, что постконфликтные ситуации и реформы могут стать живой возможностью преобразования общественных структур и норм, имевших место до конфликта, для обеспечения более полного (нежели до начала военных споров) осуществления прав женщин и ликвидации гендерной асимметрии.

Отметив высокий научный уровень и отличную организацию конференции (в чем немалую роль сыграл сам вуз, давший для нее площадку – Старооскольский филиал МИСиС), участницы предложили расширить спектр исследований, связанных с определением роли женщин Советского Союза и стран антигитлеровской коалиции в достижении Победы в Великой Отечественной, Второй мировой войне, подчеркнули важное практическое значение результатов исследований прошлого в целом и женской истории в частности для выработки практических решений сегодняшнего дня и заметили в самой постановке вопросов истории миротворчества важную реакцию на острейшие вопросы и вызовы современности, в частности на внезапно обострившуюся потребность обсуждения политик сохранения мира, преодоления межэтнических противоречий, а также изоляции (связанной с наложенными международными санкциями) российских граждан от остального мира, их истинного и искреннего миротворчества.

Призвав в резолютивной части работы конференции средства массовой информации шире и регулярнее освещать итоги состоявшейся научной встречи, равно как информацию о деятельности РАИЖИ и её мероприятиях, участники работы ее секций выразили уверенность, что подобные мероприятия будут способствовать консолидации пацифистски настроенных научных и общественных организаций, становясь площадкой диалога, способного привлечь внимание к многообразным связям, объединяющим представителей разных этносов и культур. Они еще раз напомнили о ключевой роли женщин в предупреждении конфликтов, разрешаемых с применением силы, а также в миростроительстве, призвали социальные службы и структуры принять во внимание разработки историков и опыт прошлого для разработки стратегий удовлетворения потребностей женщин и девочек в повседневной жизни после войн и военных конфликтов.

В заключение все собравшиеся еще раз подчеркнули, что состоявшаяся встреча была бы невозможна без материальной, организационной и иной поддержки администрации Старооскольского городского округа, ОАО "ОЭМК", Кондитерского объединения "Славянка", Американской ассоциации женщин – славистов (American Association of Women in Slavic Studies), а также союза науки и образования в лице СТИ НИТУ "МИСиС" и ФГБУН ИЭА им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ

УДК 351.85(470+571)

ГОСУДАРСТВО И КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ПРОГРАММНОГО ДОКУМЕНТА «ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ»

STATE AND CULTURE IN CONTEXT IN THE PROGRAM DOCUMENT «BASIC CONCEPTS OF STATE CULTURAL POLICY»

А.И. Бардаков, С.С. Шушпанов

A.I. Bardakov, S. S. Shushpanov

Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, 400131, г. Волгоград, ул. Гагарина, 8

The Russian presidential academy of national economy and public administration (Volgograd branch), Gagarina str., 8, 400131, Volgograd, Russian Federation

E-mail: bardakov@mail.ru

Ключевые слова: государство, политика, культура, власть, управление, самоуправление, демократия.
Key words: state, policy, culture, power, government control, self-government, democracy.

Аннотация. В статье раскрываются сущностные различия между институтами государства и культуры, выявляются основные направления деятельности этих институтов и обосновывается ограниченность государства в процессах гуманизации современных социумов. Критически осмысливается институциональный подход исследования культуры и предлагается рассматривать культуру в качестве формы бытия наряду с природой и социумом. Детальный анализ разделов программного документа позволяет увидеть противоречия, возникающие в процессе реализации культурной политики государством и культурой как феноменами разного порядка. Большое внимание уделяется образовательной деятельности, которая имеет особое значение для развития культуры в России. Критически проанализированы многочисленные пункты программного документа о творчестве, определено также, что векторы развития общественного индивида у государства и культуры качественно различны. Реализация государственной культурной политики связывается с совершенствованием управления и развитием самоуправления.

Resume. The article says about the basic differences at activity of institutions of state and culture. The authors find main directions of activity of these institutions and prove the limitation of the state in the process of humanization of modern society. Judging with a critical mind institutional approach the research of culture the authors consider culture as a form of being together with nature and society. Detailed analysis of parts of program document allows determining some contradictions between state and culture as absolutely different phenomena. The authors also pay attention to educational activity because it has great significance for development Russian culture. The critical overview of many parts of program document determines vectors of developments of state and culture as two absolutely different things. The realization of the state cultural policy is linked to the improvement of governance and the development of self-government.

Указом Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808 утверждены «Основы государственной культурной политики»¹, призванные стать базовым документом для разработки нормативно-правовых актов по регулированию процессов развития культуры в Российской Федерации. Принятие этого программного документа – «Основы государственной куль-

---

¹ Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201412250002>

турной политики» (далее Основы) – стало значительным финальным аккордом Года Культуры в России и было положительно воспринято многими деятелями культуры и политики. Отмечая высокий гуманистический потенциал, важность для правовой сферы, следует обратить внимание и на социально-политическую составляющую данного документа. Рассматривая внимательно данный документ, можно заметить несоответствия, неточности и неопределенности в характеристике управленческих аспектов, анализе определения культуры, а также выявлении корреляции культуры с обществом и государством.

Хорошо понимая, что любой нормативно-правовой документ не может соответствовать всем теоретико-познавательным нюансам различных отраслей науки, отметим, что, создавая универсальный комплексный документ, включающий в себя элементы декларации, стратегии и программы, разработчики решали политические задачи, но не смогли избежать серьезных теоретических противоречий и неясностей. Смотри с оптимизмом на развитие нашего отечества, полагаем, что конструктивная критика будет способствовать развитию культуры России. Критический анализ Основ наиболее востребован в социально-политическом научном поле, поскольку философско-культурологический дискурс, раскрывающий трансцендентные², эстетические³, культурно-цивилизационные⁴, нравственные⁵ проблемы, не позволяет понять роль и значение государства для культуры современной России. Для этого необходимо определиться с методологией исследования, категориальным аппаратом.

В Основах используется институциональный подход, обуславливающий смысловое содержание дефиниции культуры. Смысловая нагрузка предлагаемого понятия сводится к тому, что совокупность социальных элементов влияет на духовные ценности. Не оспаривая корреляцию культуры с духовными ценностями, следует заметить, что культура имеет и утилитарное предназначение, о чем и заявляется неоднократно в Основах. Так, используя словосочетание «культурная политика» в документе многократно утверждается о ее влиянии на экономику, политику (государственный суверенитет), национальное развитие (цивилизационную самобытность). Более того, во введении, в первом разделе Основ, культура отождествляется с природными богатствами, что артикулирует в общественном сознании отрицательную коннотацию культуры, поскольку просвещенный и культурный народ России давно для себя уяснил, что декларация о принадлежности природных богатств российскому народу далека от своей реализации.

В нормативно-правовом документе вполне правомерна декларация о значимости наций и религий для развития российской культуры, также вполне уместен призыв к тому, что этническая и религиозная принадлежность не должна разделять народы России. Правда, положения о том, что русская культура, православие являются главными основами и российской государственности, и российской культуры имеют политическое содержание, поэтому вносят определенный диссонанс в продуктивную концепцию о приоритете гуманизма в развитии современного российского общества. Особого внимания заслуживает утверждение о том, что на современном этапе развития России требуется максимальное вовлечение «... потенциала культуры в процессы общественного прогресса»⁶. Разделяя и поддерживая подобные утверждения, хотелось бы понять, что понимается под культурой и как она может или должна способствовать общественному прогрессу?

Из текста Основ достаточно очевидно, что культуру предлагается воспринимать как часть социальности (социальных отношений), так как национальная безопасность, государственная и общественная жизнь, информационное пространство, гражданское самосознание увязываются с культурной политикой. Такой подход имеет методологические изъяны, которые верифицируются в современных политических практиках. Так, военные конфликты, бушующие и вблизи России, и вдали от ее границ, никак нельзя назвать проявлениями культуры, а ведь они сопряжены с национальной безопасностью и государственным строительством,

² Лаврухина И.М. Типология культур при обсуждении проблемы трансцендентного // Соловьевские исследования. 2009. № 23. С. 32-38.

³ Липич Т.И., Липич В.В. Диалог с Западом в русском литературно-философском романтизме // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Философия. Социология. Право. 2014. № 22 (193). Выпуск 30. С.5-14.

⁴ Гриценко В.П., Данильченко Т. Ю. Культурная компетентность в контексте культурного многообразия и лакунарности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Философия. Социология. Право. 2014. № 9 (180). Выпуск 28. С. 66-83.

⁵ Дьякова Т.А. Культура как система нравственных запретов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Философия. Социология. Право. 2014. № 9 (180). Выпуск 28. С. 84-88.

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики».

поэтому есть необходимость попытаться найти другие методологические подходы исследования жизнедеятельности современного человека.

Исходя из уже разработанной нами концепции культуры⁷ и методологии ее исследования, кратко изложим свое видение изучения этих предметов. На наш взгляд, культура – это возделывание гуманистических свойств природно-социального индивида, которые в своей совокупности и образуют человека. Предлагается также рассматривать культуру как форму бытия людей наряду с природой и социумом. Соответственно, природа формирует биотическую, социум – социальную, культура – человеческую составляющие индивида. В развитии каждого общества имеется период доминирования одной из форм бытия, что определяет уровень или стадию развития индивида. В условиях доминирования природы как формы бытия общество имеет естественного или дикого индивида (дитя природы); доминирование социума как формы бытия определяет особую значимость, важность индивида, обладающего общественными свойствами, то есть общественного существа; доминирование культуры как формы бытия обуславливает человека. Такой подход, предложенный задолго до появления Основ, во многом совпадает с декларацией Основ о приоритете культуры как основы развития общества и личности. В методологическом плане также важно понимать, что формы бытия, возникнув последовательно в период дикости, существуют в своем единстве на всех стадиях эволюции общества.

В структурном плане рассматриваемый документ состоит из **8 разделов**, попытаемся кратко охарактеризовать каждый из них. **Первый раздел**, обозначенный как введение, нами уже проанализирован, поэтому перейдем ко второму.

Во **втором разделе** представлены основания, обуславливающие необходимость разработки государственной культурной политики. Констатация факта угрозы гуманитарного кризиса приводит разработчиков Основ к выводу о необходимости инвестиций в человека. Декларация, безусловно, правильная, но сделана явно с большим опозданием. Интересен перечень опасностей, обуславливающих гуманитарный кризис. Так, ведется речь о снижении интеллектуального и культурного уровней общества, о девальвации общепризнанных ценностей, искажении ценностных ориентиров и других опасностях. Солидаризируясь в целом с авторами Основ в том, что это необходимо преодолевать, заметим, что интеллектуальное развитие связано с формами бытия природы, с феноменом просвещения, но никак не культурой. Ценностные установки и ценностные ориентиры тесно взаимосвязаны со стадиями развития общества и индивида, определяемыми формами бытия, а поскольку регионы России неоднородны в своем развитии, то есть необходимость культивирования наряду с общепризнанными ценностями национальных, региональных ценностей.

Нельзя не затронуть содержание пункта 4 раздела 2, поскольку он касается научной обоснованности предпринимаемых мер и приоритета гуманитарных наук, определяемых тесным взаимодействием государства и общества. Решение обозначенных проблем имеет не только свою логику, но и закономерности, проявляющиеся в том, что научные обоснования решений, принятых государством, в подавляющем большинстве являются апологетикой. Постановка же вопроса о возможности влияния общества, а точнее научного сообщества, на государство по закреплению приоритета гуманитарных наук не подтверждается практикой государственной политики в области образования и науки. Кардинальное сокращение гуманитарного блока в образовательном процессе высшей школы, низкий уровень гуманитарной подготовки абитуриентов, обусловленный ЕГЭ, предопределяют сомнения в возможности закрепления приоритета гуманитарных наук. Увеличившаяся в несколько раз отчетность профессорско-преподавательского состава, перманентная разработка учебно-методических материалов вслед за программами очередного «поколения», т.е. бюрократизация учебной и научной деятельности значительно ограничивает продуктивность преподавателя в работе со студентами и в сфере науки. Современные компьютерные технологии значительно расширили инструментарий контроля государства за деятельностью общества в целом и научного сообщества в частности. Так, индекс Хирша, показатель оригинальности текста представляют собой благо для человечества, но в «умелых руках» бюрократов они превратились в инструмент навязывания воли. Написание этой статьи также не является исключением, потому что вместо корректного, прямого цитирования нормативно-правового документа приходится переставлять слова, чтобы доля оригинальности была «дозвоительной» для публикации. Диалог,

⁷ См.: Бардаков А.И. Муниципальное управление: теория, история, практика. Волгоград, 2007. С. 37-55; Бардаков А.И. Просвещение в категориях политики и культуры // Научный Вестник Волгоградской академии государственной службы. Серия Политология и социология. 2010. №2 (4). С. 24-25.

взаимодействие между государством и обществом по вопросам культуры возможны, но их продуктивность не может быть высокой, поскольку государство, являясь продуктом социума, выступает субъектом и объективно заинтересовано в сохранении общества объектом управления. Культура же, возделывая человеческие качества, формирует человека. При этом следует понимать, что человек, оставаясь носителем биотических и общественных свойств, не может не осознавать значимости государства, но доминирующими для него являются межличностные отношения, которые становятся реальностью и могут обрести свою полноту только в формах бытия культуры. В системе отношений «государство – общественные существа» вектор развития культуры определяет государство, а в системе отношений «государство – человек» вектор развития культуры имеет обратное направление. При изменении этих векторов важно не упустить момент, т.е. он должен быть своевременен: для развития общества и человека вредно как опоздание, так и преждевременность.

Не менее интересен и пункт 5 раздела 2, где декларируется детерминация общественного развития культурой. Если исходить из посылки, что в мире все взаимосвязано, то такая редакция вполне допустима, если же уточнить и упорядочить каузальные взаимосвязи, то обнаруживается, что культура формирует человеческие свойства, а общественные свойства, в том числе и гражданское самосознание, определяются совокупностью социальных отношений, то есть идеологией, управлением, властью и многими другими социальными феноменами, но никак не культурой.

Третий раздел, названный «Общие положения», представляет собой категориальный ряд, призванный выполнить теоретико-познавательную функцию, но, поскольку мы сосредоточены на политической проблематике, то оставим эпистемологическую сторону Основ для анализа в другой статье.

В разделе четвертом отражаются цели государственной культурной политики. Соглашаясь с той её частью, где предлагается формировать гармонично развитую личность, хочется заметить, что идея единения российского общества культурой и гуманизмом вызывает сомнения. Первое наше концептуальное возражение состоит в том, что культура есть причина гуманизма, поэтому вместе, через союз «И», они воздействовать не могут. Второе возражение связано с тем, что единство общества, или общественное единство, детерминирует социальность, а культура детерминирует гуманистическое единство, что представляет явление другого порядка. В качестве цели ставится также укрепление гражданской идентичности, что вполне правомерно в рамках государственной политики в социально-экономической, социально-политической сферах общества, но если затрагивается культурная сфера, то это вызывает сомнения. Идентичность, безусловно, может быть результатом культуры, но основанием этой идентификации выступают человеческие качества, а основанием гражданской идентичности является идентификация индивидом себя с нацией, территорией, государством.

В пятом разделе предлагается пять принципов государственной культурной политики. Надо заметить, что количество принципов в Основах, как и в большинстве подобных документов, совершенно произвольно, то есть их могло быть и меньше, и намного больше, поскольку они не выводились из практики бытия культуры, а заимствовались из других нормативно-правовых актов, предназначенных для регулирования социальных отношений. Такой подход предопределяет ложный методологический посыл, состоящий в том, что принципы, которые должны быть основой, началом отдельного и конкретного, обретают характер всеобщности, поэтому их можно использовать в качестве фундамента любой сферы жизнедеятельности людей.

Остановимся на некоторых из принципов. Предлагается невмешательство государства в творчество и свободу творчества считать принципом, то есть основой государственной культурной политики. Содержание данного принципа требует уточнения и пояснения. Социум и культура в процессе социализации естества общества и индивида представляли и представляют определенную целостность, некое единство, у них общая цель – формирование законопослушных, добропорядочных граждан, то есть индивидов с четкой артикуляцией общественных свойств, поэтому в этом процессе вмешательство государства в организацию творческой деятельности является необходимостью и служит общественному прогрессу. Однако по мере достижения цели у культуры выкристаллизовывается цель – возделывания гуманистических свойств у общественного индивида, что не может быть целью социума, поэтому векторы дальнейшего развития социума и культуры расходятся. Государство же как наиболее значимый институт социума начинает поиск инструментария и поводов для сохранения функции организации творческой деятельности, в том числе и посредством учреждения нормативно-правовых актов. Надо заметить, что реальное вмешательство власти в творчество практически

невозможно в связи со спецификой деятельности творцов культуры, но государство делало и делает политический заказ на продукты культуры, призванные возвести общественные свойства в состояния абсолюта, что в условиях наличия бытия культуры обнаруживает свою абсурдность.

Предложение о делегировании полномочий управления сферой культуры общественным, то есть негосударственным, институтам в качестве принципа культурной политики вызывает возражения по нескольким основаниям. Во-первых, делегирование предполагает, что государство, передавая полномочия управления, в любой момент может их забрать, соответственно, снимает с себя ответственность, но оставляет контрольную функцию за собой. Во-вторых, управление является необходимостью, если культура наряду с формированием человеческих свойств индивида выполняет и функцию его социализации, если же культура воздвигает гуманистические свойства индивида, то управление может только вредить этому процессу. В-третьих, советско-российская политическая практика показывает, что общественные институты обнаруживают свою жизнеспособность только, если их деятельность направлена на поддержание государственной политики в той или иной общественной сфере или же они имеют спонсоров за рубежом. Все это может породить, как выражается В.В. Путин, новых «грантоедов», а также коррупцию.

В **шестом разделе** ставятся задачи, разделенные на **девять областей**, которые должны быть решены в процессе реализации культурной политики государства.

В **первой области** задачи по сохранению культурного наследия обозначаются достаточно корректно, решение большинства из них без участия государства невозможно. Однако формулирование задачи о реализации приоритета культурного наследия по отношению к имущественным интересам останется декларацией, поскольку государство как социальный институт призвано удовлетворять материальные потребности, а культура даже в своем материальном воплощении имеет духовную составляющую. Общеизвестно, что государство выражает интересы имущих и/или социальной группы, обладающей функцией распоряжения государственной, муниципальной собственностью, поэтому структуры власти объективно не могут решить эту задачу.

Во **второй области** дискуссионная задача о поддержке творческой деятельности. Любое государство заинтересовано в решении политических проблем, поэтому оно поддерживает деятельность творцов, которые сознательно или бессознательно помогают решать политические задачи, но государство не будет поддерживать творчество, которое не находится в русле существующих политических проектов. Уместно добавить, что творческая деятельность по своей сути является деятельностью культурной и ей свойственно продуцирование, то есть создание нового, а социальной деятельности, нацеленной на производство продуктов культуры, свойственно репродуцирование, поэтому результат всегда предстает в виде суррогата культуры. Но поскольку суррогаты культуры выполняют политическую функцию, то они всегда будут востребованы и финансово поддержаны.

Достаточно абстрактный характер носит задача по передаче части государственных функций по оценке и регулированию творческой деятельности субъектов культуры общественным организациям и профессиональным сообществам. Дело в том, что государство, обладая организационным ресурсом, принимает активное участие в формировании этих общественных структур и уже на этом этапе предпринимает усилия, чтобы эти организации в целом или, по крайней мере, их руководство правильно понимало «политику партии и государства».

Соглашаясь с задачей поддержки архитектуры как важного элемента культуры, хотим добавить, что в нашей концепции культуры вполне уместно вести речь не только о культурной значимости архитектуры, но и об эстетической ценности формы и содержания бесконечного количества результатов развития природы и продуктов деятельности социума. Именно эстетическая ценность результатов, продуктов различных видов деятельности общества способствует преобладанию человеческих свойств индивида над его биотическими и социальными составляющими. Как утверждал Ф.М. Достоевский, «красота спасет мир».

В **третьей области** гуманитарных наук ставится три задачи, первая и третья вызывают определенные возражения. Трактовка культуры, предложенная в третьем разделе, обусловила эклектику при формулировании первой задачи. Так, ставится задача о развитии наук о человеке, при этом выделяется четыре вида его деятельности (духовная, нравственная, культурная, общественная), которые эти науки должны развивать. Конечно, мы не допускаем, что создатели Основ сводят деятельность человека к четырем видам, но представленный перечень свидетельствует, что культурная деятельность существует наряду с духовной и нрав-

ственной. На наш взгляд, культурная деятельность имманентно содержит в себе духовность и нравственность, поэтому их выделение дискуссионно. Более того, развитие общественной деятельности индивида всегда было и остается приоритетом социально-политических, общественных наук, но никак не гуманитарных наук.

Задача повышения качества подготовки работников науки и образования в области гуманитарных наук замечательна по своей постановке, поскольку это сообщество гуманитариев способно профессионально формировать и развивать человеческие свойства россиян. Однако без устранения коммерциализации из науки и образования эта задача не решаема. Внедренное в российскую практику предоставление платных образовательных (научных) услуг в высшей школе широко востребовано вовсе не потому, что потребитель хочет обрести духовность, нравственность и тем самым развить свои человеческие свойства, т.е. стать культурным человеком. Студент за деньги обретает статус, профессию чтобы занять приличное место (нишу) в жесткой, а порой и жестокой социальной системе, поэтому ему не до высокой культуры. С учетом того, что в государственных (казенных) высших учебных заведениях минимум 2/3 обучаются платно, а в заведениях, которые имеют статус некоммерческих организаций и в своем подавляющем большинстве эмитируют учебный процесс, все учатся платно, становится грустно. Грустно потому, что в существующем ныне научном и образовательном российском пространстве люди, которые способны и готовы развивать гуманизм перестали быть востребованы, они стали «вымирающим видом». Наше принципиальное возражение против коммерциализации современного образования и науки связано с тем, что независимо от формы и содержания торговля всегда сопряжена с получением материальной прибыли, что способствует социальному развитию индивида, но не может быть основанием развития его человеческих свойств. Индивид (социальное существо), обучающийся платно, даже в солидных, престижных российских учебных заведениях при минимальных усилиях, а чаще и без них, получает диплом бакалавра, магистра, а затем покупает ученые степени. Современная российская практика показывает, что в водовороте коммерческой деятельности оказались и скромные учителя средних школ, зарабатывающие на «натаскивании» детей к ЕГЭ, и академики РАН, участвующие в масштабных коммерческих проектах.

В четвертой области формулируются задачи языковой и литературной политики в российском обществе. Удачные формулировки и корректное содержание задач не устраняют противоречий, сохраняющихся между институтами государства и культуры в этой области. Феномен языка наиболее нагляден в проявлении социальной и культурной составляющих жизни людей. Социально-политическая атрибутивность языка проявляется в том, что одному, двум языкам на определенной территории придают государственный статус, а остальные десятки, а порой и сотни языков, такого статуса не имеют. В условиях социально-политической стабильности идеологическая интерпретация неравенства языкового статуса, как правило, выглядит убедительной, но любой социальный кризис актуализирует языковую проблему, превращая ее в важный фактор политической борьбы. Деятельность государства в области языка и литературы содержала и содержит момент управления этими феноменами, а культура предоставляет свободу выбора индивиду, поскольку в этой форме бытия нет возможности навязывания воли, нет субъекта и объекта управления.

Пятая область интересна для политического анализа тем, что сформулированные задачи по расширению и поддержке гуманитарных и культурных взаимосвязей на международном уровне априори содержат политические цели. Идея по созданию и расширению деятельности общественных организаций, занимающихся поддержкой и развитием российской культуры в целом и русской в частности, благородна и имеет гуманистическую направленность. Однако сложность ситуации состоит в определении границы, за пределами которой общественные организации обретают функции «иностранных агентов», «пятой колонны». Современная борьба с «иностранными агентами» в России показывает, что в целях, миссиях всех общественных организаций прописана гуманитарная направленность, но российские государственные структуры пришли к выводу, что значительная их часть выполняет политические задачи. Видимо, не стоит обольщаться и по поводу российских государственных и общественных организаций, созданных за рубежом, легко могущих превратиться из организаций гуманитарного плана в организации, выполняющие политические задачи. Надо заметить, что на международном уровне доминанта социального по отношению к культурному проявляется наиболее наглядно. Государства «дружат» по поводу экономики, политики, военного сотрудничества и многого другого, что представляет собой социальные взаимосвязи, а «дружба» отдельных индивидов и некоторых общественных организаций строится на лич-

ностных, человеческих взаимосвязях, что и составляет бытие культуры, которое не подвержено политическому влиянию.

Шестая область задач государственной культурной политикой связана с воспитанием. Основные претензии к задачам этой области обусловлены погрешностями методологического плана. Так, предлагается актуализировать роль семьи, семейных традиций, родителей в воспитательном процессе, что не вызывает возражений, но реализация таких процессов невозможна без изменения организационных основ российского общества. Предлагаемая нами методология выделения природы, социума и культуры как относительно самостоятельных, качественно различных форм бытия позволяет дифференцировать организационные основы воспитательных процессов. Организационная основа воспитания в семье имеет вид самоорганизации, воспитание в социуме имеет вид управления, воспитание в культуре – вид самоуправления. При этом эти три вида организации жизни людей одинаково важны для воспитания, ни один из них не является более значимым или важным. В предлагаемых Основах отдается приоритет управлению, т.е. воспитание рассматривается с позиции социума в целом и интересов государства в частности. Этот подход остается необходимостью, но он утрачивает свою продуктивность без самоорганизации и самоуправления.

Задача по превращению учителя в социальный, нравственный и интеллектуальный идеал в условиях приоритетности социальности не решаема. Во-первых, существование учителя-эталона было связано с тем, что человек этой профессии в определенный исторический период был по отношению к подавляющему большинству других людей просвещенным, грамотным, а, соответственно, индивидом более высокой культуры. Современное российское общество не может вернуться в это архаичное состояние, по крайней мере, в это хочется верить. Во-вторых, социальный и интеллектуальный потенциал учителя, как и людей всех других профессий, сопряжен с такой формой бытия, как социум, что определяет профессиональный рост индивида и позволяет ему изменять свой статус «управляемого» на статус «управляющего». В-третьих, нравственные качества индивида любой профессии в условиях доминирования социальности желательны, но необязательны, поскольку на работе от него ждут профессионализма, а не проявления высоких человеческих качеств. Высокий профессионализм – это результат развития социума, а нравственность – это результат бытия культуры.

В седьмой области поставлена одна задача, имеющая несколько конкретных пунктов, связанных с подержкой просвещения. Основной лейтмотив формулировок направлен на формирование у граждан убеждений в том, что они должны посвящать свою жизнь, прежде всего, обществу, а только затем собственному развитию, что вписывается в известную идеологическую установку о приоритетности социума над культурой. Надо заметить, что культура во многом тождественна просвещению, но не сводима к просвещению, она значительно объемнее, богаче – это другой, следующий уровень развития человечества.

Восьмая область задач нацелена на формирование мировоззрения детей и молодежи. Реализация этой задачи связывается с формированием социально-политического мировоззрения, что всегда было и остается уделом государства, которое заинтересовано в социально активных гражданах, при этом культурное развитие подрастающего поколения опять остается на втором плане.

Девятая область задач об информационной среде является своеобразной данью современным трендам. Сформулированные задачи имеют весьма опосредованное отношение к культуре, однако в них хорошо просматривается социально-политическая направленность.

Седьмой раздел посвящен комплексному совершенствованию системы управления культурой. Нам уже неоднократно доводилось утверждать и доказывать, что управление по своей сущности – это всегда навязывание воли, независимо от того, какая это сфера деятельности – политическая, экономическая или культурная. Управление культурой социальной целостности является необходимостью, а эффективное (грамотное) управление культурой целостного общества всегда приводит к продуктивным результатам. Такое состояние связано с тем, что устойчивость социальной целостности обеспечивается управлением, в том числе и в сфере культуры. Однако управление культурным развитием современного индивида, обладающего весомой составляющей гуманистических свойств, невозможно, поскольку его жизнедеятельность проходит не только в формах бытия социума, но зиждется на организационных основах самоуправления и осуществляется в координатах форм бытия культуры. Предложения по созданию новых институций по осуществлению государственной культурной политики вполне приемлемы для развития социума, государства, но способствовать развитию культуры как формы бытия, где возможна самореализация человека, повышение его культурного уровня, они способствовать не могут.

Соглашаясь с необходимостью вовлечения общественных организаций и профессиональных сообществ в управление культурой, следует заметить, что успех в этом деле, т.е. развитие культуры, напрямую зависит от социально-политического устройства общества. В системе социальных координат культура была и остается одной из сфер жизнедеятельности общества, развитие которой определяется логикой развития социума. Признавая экономический детерминизм определяющим фактором развития общества, хотим заметить, что череда экономических кризисов последних десятилетий в отдельно взятых странах и в мире в целом связана с нежеланием власти и структур управления способствовать демократизации современных обществ. Дальнейшее развитие демократии связано не только с различными формами ее декларации и конституционным закреплением, но и с реальным процессом постепенного расширения участия граждан в решении вопросов местного значения. Метаморфоз вопросов государственного значения в вопросы местного значения – это единственный путь, позволяющий изменить управленческие организационные основы на самоуправленческие, что кардинально меняет социально-политическое устройство общества и становится основой развития культуры, гуманистических свойств социального индивида. Это не значит, что предлагается устранить государство, власть, управление; они остаются необходимостью для целостности социума, но изменяется приоритет, минимизируется масштаб воздействия государственных структур на жизнедеятельность местных сообществ и отдельного индивида. Для развития демократии таким путем требуется политическая воля. Однако предложения о создании координационного органа и фонда культурного развития с их абстрактными полномочиями можно оценить как очередные громкие декларации с заранее планируемыми скромными результатами в развитии культуры.

В восьмом разделе как раз проектируются возможные результаты, которые могут быть достигнуты в ходе реализации государственной культурной политики. В ожидаемые результаты заложено самое хорошее – рост интеллекта, семейные ценности, патриотизм, творчество, знание истории, владение русским языком, гармонизация и активизация культуры территорий, качество запросов граждан. Все это действительно связано с развитием культуры, но предложения по формированию системы контроля над реализацией государственной культурной политики и сроки ее реализации не оставляют сомнений, что рапорт о ее выполнении в полном объеме россиянам будет представлен своевременно.

В заключение обратим внимание на то, что государственная культурная политика имеет достоинства и недостатки. Основной недостаток проявляется в том, что государственная политика, несмотря на то, что она является культурной, не может по своей сути быть направлена на формирование гуманистических свойств индивида. К достоинствам следует отнести функцию культуры по социализации индивидов (обществ), которые преодолевают пути клановых, кровнородственных взаимосвязей и обретают социальные свойства, что представляет собой общественный прогресс. А поскольку для постсоветского периода характерна рецессия в подавляющем большинстве сфер жизнедеятельности общества, выражаясь иначе – одичание, то государственная культурная политика является необходимостью.

УДК [323.26; 32.019.57](470+571)

**ФАКТОРЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА
В РОССИИ****THE FACTORS OF EXPANSION OF YOUTH EXTREMISM IN RUSSIA****Е.В. Реутов, Н.В. Филонов****E.V. Reutov, N.V. Filonov**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина,
Россия, 308024, г. Белгород, ул. Горького, 71

Belgorod National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia
Belgorod Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Gorky str., 71, Belgorod, 308024, Russia

E-mail: reutovevg@mail.ru; belui.nauka@mail.ru

Ключевые слова: молодежный экстремизм, экстремистские практики, факторы молодежного экстремизма.

Keywords: youth extremism and extremist practices, factors of youth extremism.

Аннотация. В статье анализируется комплекс факторов, влияющих на распространение экстремизма в молодежной среде. В качестве системных факторов рассматриваются: высокий уровень социальной поляризации в обществе в целом и в молодежной среде в частности; социальная и культурная дезадаптация значительной части населения, в глазах которой легитимность актуального социального порядка выглядит весьма условной; полиэтническая структура общества с наличием этносов, переживающих период формирования и подъема этнокультурного, этнорелигиозного самосознания, стабильно высокий уровень миграционных (внутренних и внешних) процессов, имеющих преимущественно этнический характер, формирование значительных в количественном отношении этнокультурных диаспор. К ситуативным факторам, действующим в кратко- и среднесрочной перспективе, отнесены: усиливающиеся кризисные явления в экономике; развивающийся кризис в международных отношениях, вовлеченность России в украинский конфликт; усиление нестабильности на Ближнем Востоке, связанной с дальнейшей радикализацией исламского фундаментализма и деятельностью ИГИЛ и Аль-Каиды.

Resume. The article examines the complex factors that influence the spread of extremism in the youth environment. As a systemic factors are considered: the high level of social polarization in society in general and youth in particular; social and cultural disadaptation of many people, in the eyes of whose legitimacy of the current social order looks very conventional; multi-ethnic structure of society to the presence of ethnic groups undergoing a period of formation and rise of ethno-cultural, ethno-religious identity, a consistently high level of migration (internal and external), that are mainly ethnic in nature, the formation of a fairly numerous ethnic and cultural diasporas. Situational factors acting in the short and medium term include: intensifying the economic crisis; developing crisis in international relations, Russia's involvement in the Ukrainian conflict; increased instability in the Middle East related to the further radicalization of Islamic fundamentalism and the activities of the ISIL and al-Qaeda.

Для современного общества достаточно давно стало привычным состояние непредсказуемости и риска. Неопределенность и турбулентность социальных процессов в современном обществе, отмечаемые социологами, способствуют размыванию традиционных институтов, структур и идентичностей. Формирование единого глобального гражданского общества сочетается с усилением этнической и религиозной конкуренции¹. Соответственно, глобальные риски транслируются на национальный и субнациональный уровни, переплетаясь со специфическими локальными проблемами. Для российского общества в высокой степени характерно переплетение специфических внутренних проблем с глобальным влиянием, обусловленным зависимостью России от общемировых экономических, политических, демографических и социокультурных процессов.

¹ Левашов В.К. Новая реальность: экономический кризис и выбор общества // Социологические исследования. 2012. №12. С.13-15.

Поведенческой и ментальной реакцией со стороны индивидов, социальных групп и национальных общностей на возрастающие угрозы и неопределенность могут быть апатия, эскапизм или экстремизм. Если первые две культурно-поведенческие реакции связаны с дистанцированием человека от социальной среды и нередко - с саморазрушительным поведением, то последняя направлена на внешний мир и ориентирована на его радикальное переустройство.

О значимости проблемы распространения экстремизма в российском обществе свидетельствует принятие в 2002 г. "титულიного" закона, направленного на противодействие экстремистской деятельности, а также многочисленные изменения и дополнения, вносимые в него вплоть до конца 2014 года; создание специальных структур по борьбе с ним (как Главное управление по противодействию экстремизму МВД РФ). Далеко не каждый вид криминала в глазах политического руководства заслуживает такого «признания».

Статистика МВД РФ за 2003-2014 гг., при всей неоднозначности законодательной трактовки экстремизма и терроризма дает основание судить о масштабах и тенденциях совершения преступлений соответствующей направленности. Пик преступлений экстремистской направленности приходится на 2014 г. Приблизительно на таком же уровне с 2009 г. находится уровень преступлений террористического характера (их непропорционально высокий уровень до 2006 г. объясняется причислением к преступлениям террористического характера "заведомо ложного сообщения об акте терроризма"².

Таблица 1
Table 1

**Динамика преступлений террористического характера
и экстремистской направленности в РФ**
Dynamics of crimes of terrorist character and extremist orientation in the Russian Federation

Годы	Преступления	
	террористического характера	экстремистской направленности
2003	8664	157
2004	9523	130
2005	5438	152
2006	1781	263
2007	759	356
2008	642	460
2009	654	548
2010	581	656
2011	622	622
2012	637	696
2013	661	896
2014	1127	1024

По данным Информационно-аналитического центра "Сова", количество совершенных по мотивам расовой, этнической и религиозной ненависти насильственных преступлений и актов вандализма, завершившихся осуждением преступников, в 2010-2011 гг. пережило пик (520 и 445, соответственно), но и в настоящее время остается значительным - 203 в 2014 г.³

Преимущественная подверженность экстремистским идеям и практикам молодежи активно обсуждается в научном дискурсе. Именно в молодом возрасте людям свойственно искать простые решения сложных проблем, невзирая на существующие ограничения. И при определенных условиях это качество молодежи находит свой выход в экстремистских идеях и практиках. "В стремлении обрести самостоятельность и независимость от взрослых молодым людям, особенно подросткам, приходится преодолевать внутренние противоречия, являющиеся порождением амбивалентных проявлений (застенчивость и агрессивность, открытость и замкнутость, нигилизм и фанатизм). Внешние противоречия возникают на стыке взаимодействия молодежи с обществом, при столкновении с его жесткими требованиями... Молодые люди не могут не реагировать на подобное отношение к ним, нередко выбирая экстремальные формы защиты"⁴.

² Рассчитано по: Официальный сайт МВД РФ / Состояние преступности. URL: <https://mvd.ru/folder/101762>

³ Информационно-аналитический центр "Сова" / База. URL: <http://www.sova-center.ru/database/>

⁴ Чупров В., Зубок Ю. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления // Социологические исследования. 2008. №5. С.37-38.

Для адекватного понимания сущности и причин распространения молодежного экстремизма в современном российском обществе необходимо исходить из многофакторного и многоуровневого характера данной проблемы.

В классификации факторов распространения молодежного экстремизма, прежде всего, необходимо исходить из постоянства/спорадичности их проявления в российском социуме. Речь в данном случае идет о системных и ситуативных факторах распространения молодежного экстремизма. Безусловно, данная классификация достаточно условна. Грань между системными и ситуативными факторами определяется, прежде всего, устойчивостью и продолжительностью тех тенденций, которые определяют направление развития социальных процессов. Тем не менее, можно сказать, что системные факторы имеют под собой культурные и социоструктурные основания, отличающиеся относительным постоянством, ситуативные же чаще всего определяются событийной спецификой, нарушающей "нормальное" положение вещей. При этом нужно иметь в виду, что как одна, так и другая группа факторов может быть эндогенного и экзогенного происхождения. И в условиях глобализации и хаотичности культурных и информационных процессов зачастую бывает практически невозможно определить происхождение данных факторов.

Анализ социально-экономической и политической ситуации в российском обществе позволяет выделить следующие системные факторы, способствующие распространению молодежного экстремизма:

- высокий уровень социальной поляризации в обществе в целом и в молодежной среде в частности;
- социальная и культурная дезадаптация значительной части населения, в глазах которой легитимность актуального социального порядка выглядит весьма условной;
- полиэтничная структура общества с наличием этносов, переживающих период формирования и подъема этнокультурного, этнорелигиозного самосознания. Так, Э. Паин отмечает, что рост этнических фобий, экстремистских настроений в российском обществе начала 1990-х гг. был во многом обусловлен активизацией национальных движений на территории СССР и России⁵;
- стабильно высокий уровень миграционных (внутренних и внешних) процессов, имеющих преимущественно этнический характер, формирование значительных в количественном отношении этнокультурных диаспор.

Социально-экономическая дифференциация населения российского общества на протяжении всего постсоветского периода находится на высоком уровне. Вряд ли может успокаивать тот факт, что значения коэффициента фондов и коэффициента Джини, посредством которых измеряется уровень дифференциации и концентрации доходов, с 2007 года в России практически не растут. Так, в 2000 г. значение коэффициента фондов по России в целом составляло 13,8, коэффициента Джини – 0,399, в 2007 – 16,8 и 0,422; в 2008 г. – 16,9 и 0,423; в 2009 г. - 16,7 и 0,422, в 2010 г. – 16,5 и 0,421, в 2011 г. – 16,2 и 0,417; в 2012 г. – 16,4 и 420, в 2013 - 16,3 и 419⁶. Но при этом нужно иметь в виду, что официальная статистика далеко не всегда адекватно отражает социальные феномены, имеющие высокий уровень латентности. Теневизация и криминализация экономических процессов, как правило, обладают "повышательным" воздействием на показатели социоэкономической дифференциации населения. Таким образом, реальная дифференциация доходов населения России существенно выше отражаемой органами статистики. При анализе процесса социальной поляризации нужно учитывать еще и то, что неравенство доходов накладывается на ряд других признаков социальной дифференциации, например, на территориально-поселенческую структуру населения. Помимо того, что жители крупных городов существенно опережают остальное население России по уровню доходов, городская среда предоставляет им большие возможности доступа к услугам здравоохранения, образования и другим социально значимым ресурсам, формирующим качество жизни.

Кроме этого, социальная поляризация сопряжена с дифференциацией образа и стилей жизни - вплоть до пространственной и культурно-ценностной "геттоизации", при которой образ жизни богатых и бедных, "верхов" и "низов", "успешных" и "неудачников", имеет принципиальные различия. Как следствие этого, растет отчужденность и неприязнь между соци-

⁵ Паин Э. Этнополитический экстремизм в России: социально-культурные истоки и причины неэффективности принимаемых мер противодействия. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0231/analito1.php>

⁶ Российский статистический ежегодник – 2013. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b13_13/IssWWW.exe/Stg/d1/06-21.htm; Российский статистический ежегодник – 2014. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078

альными группами, формируется основание для новой "классовой ненависти". Причем, наибольшей остротой неравенств в локальном измерении, по данным социологов Института социологии РАН, характеризуются "столицы" субъектов федерации⁷.

Молодежь, при всем своем оптимизме, не может не реагировать на разные стартовые возможности, определяемые предписанным статусом. Данные исследования Фонда "Общественное мнение" (2015 г.), посвященного такому чувству, как зависть, свидетельствуют о том, что молодые люди (18-30 лет) чаще, чем представители остальных возрастных групп, признаются, что испытывают ее по отношению к другим людям (55% против 42% по выборке в целом). Они же и в большей степени склонны оправдывать зависть, считая, что она может быть полезной⁸. При этом в молодежной когорте значительно сильнее выражены гедонистические ценности. Так, по данным Левада-Центра, "жить в свое удовольствие" мечтают 24% молодежи (против 14% по выборке в целом)⁹. Такого рода установки в сочетании с амбициозными жизненными планами могут повлечь усиление различных форм социальных девиаций вплоть до экстремистских действий по отношению к людям и институтам, препятствующим удовлетворению амбиций.

Естественно, чем ниже адаптивные возможности индивида, тем в меньшей мере он будет склонен действовать в рамках легитимных практик. То, что в российском обществе значительная его часть испытывает проблемы с адаптацией и крайне критично настроена по отношению к социально-экономическому курсу, характеризует ряд данных, периодически получаемых различными социологическими службами. Даже при относительной нормализации ситуации в стране в первой половине 2000-х гг. доля граждан, в той или иной степени не удовлетворенных своей жизнью, стабильно составляет около четверти населения (26% в январе 2015 г., по данным Левада-Центра)¹⁰. Доля респондентов, считающих, что страна движется по неверному пути, на протяжении 1993-2013 гг. редко снижалась ниже 35% (данные Левада-Центра). Существенно уменьшилась она лишь с начала 2014 г. в связи с украинским кризисом¹¹. Более 60% респондентов в ходе мониторинга ВЦИОМ на протяжении 2015 гг. отмечали, что живут в режиме постоянной экономии (что заключается в переходе на более дешевые товары и продукты, а также в отказе от многих из них)¹². Таким образом, удельный вес населения, в той или иной мере испытывающего состояние стресса, разочарования, дезадаптации, составляет не менее трети населения.

Данное состояние чаще всего выражается в пассивном безадресном недовольстве, но в ряде случаев обращается против власти, государственных институтов, отдельных социальных и этнорелигиозных групп. Вероятность последнего варианта повышается в ситуации полиэтничности с неустоявшимися нормами взаимодействия между представителями различных этнокультурных групп. Такая ситуация возникает в результате интенсивных миграционных процессов и формирования значительных по объему этнорелигиозных диаспор. Если говорить о русском национализме, то идея "Россия для русских" в той или иной мере устойчиво поддерживается большинством россиян (66% в октябре 2013 г., по данным Левада-Центра)¹³. Заметное снижение национализма, по данным ВЦИОМ, произошло лишь в последний год в связи с украинским кризисом и присоединением Крыма¹⁴.

Хотя тех людей, которые, по их признанию, могли бы присоединиться к протестным акциям (не только против власти или издержек политического курса, но и против этнических групп), меньше примерно в три раза, возможность протестной активности существует. И хотя мобилизационный потенциал россиян невелик, отдельные социальные группы обладают им в существенно большей степени. Речь идет, прежде всего, о молодежи. Специфика политического участия молодежи состоит в том, что, обладая меньшим интересом к политике, будучи чаще всего идеологически индифферентной, она, тем не менее, гораздо проще включается в

⁷ Информационно-аналитическое резюме по итогам общенационального исследования "Российское общество в контексте новых реалий" (тезисы о главном). URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/resume_isras_28.01.2015.pdf

⁸ Керман Г. Зависть. URL: <http://fom.ru/blogs/11928>

⁹ Мечты россиян. URL: <http://www.levada.ru/22-01-2015/mechty-rossiyan>

¹⁰ Удовлетворенность различными сферами социальной жизни. URL: <http://www.levada.ru/17-02-2015/udovletvorennost-razlichnymi-sferami-sotsialnoi-zhizni>

¹¹ Июльские рейтинги одобрения и доверия. URL: <http://www.levada.ru/23-07-2015/iyulskie-reitingi-odobreniya-i-doveriya>

¹² Потребление в период кризиса. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115430>

¹³ Россияне о миграции и межнациональной напряженности. URL: <http://www.levada.ru/05-11-2013/rossiyane-o-migratsii-i-mezhnatsionalnoi-napryazhennosti>

¹⁴ Россия - общий дом для разных народов. URL: <http://fond-sblizhenie.ru/rossiya-obshhij-dom-dlya-raznyx-narodov/>

деятельность организаций, неформальных групп и движений, дающих возможность самоидентификации, в том числе - на негативной основе. "Негативная мобилизация" в определенной степени является признаком незрелости сознания, а молодежь как раз и находится на пути становления собственной субъектности.

Нужно учитывать еще и тот факт, что неопределенность и риск, в целом присущие современному российскому обществу, усугубляются в отношении молодежи неустойчивостью ее профессионально-трудового статуса. Устойчивый дисбаланс между профессионально-трудовыми стратегиями и амбициями молодежи, с одной стороны, и реальными потребностями рынка труда, с другой, порождает кризис ожиданий, разочарование в первоначальных целях, связанных с работой по специальности, престижем, высоким уровнем потребления и пр.

Охарактеризованные выше факторы имеют устойчивый для российского социума характер и соответствуют тем тенденциям, которые складывались на протяжении всего постсоветского периода. Они являются той константой, которая формирует определенный уровень социальной напряженности в обществе и в молодежной среде, способствуя трансформации социальной неудовлетворенности в экстремистские установки и практики.

Однако нелинейность социально-экономического и политического развития российского общества, его зависимость от глобальных процессов и формирующихся извне вызовов способствуют возникновению факторов ситуативного порядка. В результате их действия могут формироваться новые очаги социальной напряженности и рост экстремистской активности в молодежной среде.

К таким ситуативным факторам могут относиться:

- активность экстремистского ядра молодежи, радикально-националистических организаций, заинтересованных в рекрутировании сторонников;
- этапы электоральных циклов, характер и результаты избирательных кампаний;
- изменение приоритетов в деятельности правоохранительных органов или деградация правоохранительной системы;
- кризисные явления в экономической сфере и пр.

В настоящее время на распространение молодежного экстремизма в российском обществе основное влияние оказывают (или могут оказать в среднесрочной перспективе) такие ситуативные факторы, как:

- усиливающиеся кризисные явления в экономике;
- развивающийся кризис в международных отношениях, вовлеченность России в украинский конфликт;
- усиление нестабильности на Ближнем Востоке, связанной с дальнейшей радикализацией исламского фундаментализма и деятельностью ИГИЛ и Аль-Каиды.

Вползание России в финансовый и экономический кризис, снижение уровня жизни населения, сокращение занятости в условиях частичной изоляции от мировых финансовых институтов способствуют нарастанию тревожности в настроениях россиян. Нынешняя ситуация в достаточно высокой степени характеризуется неэффективностью тех методов и механизмов преодоления кризиса, которые использовались ранее. Соответственно, неопределенность применительно к нынешней ситуации становится ее доминирующей характеристикой в массовом сознании.

Мнение "сейчас все так неустойчиво, что кажется, что может произойти, что угодно", по данным ВЦИОМ (январь 2015 г.), является доминирующим среди россиян - его разделяют 69%. Это представление транслируется на социальное самочувствие - 42% респондентов высказываются следующим образом: «я часто не понимаю, что к чему, чувствую себя не в своей тарелке». И хотя надежда является доминирующим чувством, четверть населения (24%) о ближайшем будущем думают с тревогой¹⁵. По данным Института социологии РАН, в 2014 г. доля россиян, чье повседневное эмоционально-психологическое состояние имеет негативный оттенок, увеличилась до 46% (с 37% в 2013 г.)¹⁶.

Такого рода настроения не могут не сказаться на росте экстремистских установок, для которых характерно стремление к крайним мерам как средству решения проблем или хотя бы снятия напряженности.

При этом радикализация общественных настроений подпитывается втягиванием России в международный конфликт. В процессе политического конфликта между Россией и

¹⁵ Чего боится Россия? URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115132>

¹⁶ Информационно-аналитическое резюме по итогам общенационального исследования "Российское общество в контексте новых реалий" (тезисы о главном). URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/resume_isras_28.01.2015.pdf

странами Запада, крайним выражением которого послужил украинский кризис, стихийные консервативные ориентации российского общества оформились и получили идеологическое обоснование. Идея о культурно-цивилизационной несовместимости России и Запада, теория заговора, до этого в среде политической и культурной элиты российского общества являвшиеся маргинальными, фактически стали мейнстримом и в этом качестве способствовали дальнейшей негативной мобилизации российского социума. Не исключено, что радикализация настроений, первоначально способствовавшая консолидации российского общества вокруг базовых институтов и ценностей, в дальнейшем может привести к возникновению новых социокультурных разломов.

Наличие в непосредственной близости от России общества, в котором экстремистские настроения стали мейнстримом (а Украина в настоящее время представляет собой именно такой социум) соответствующим образом трансформирует и сознание россиян и, прежде всего - молодежи, в наибольшей мере склонной к формированию "черно-белой" картины мира, к упрощению способов и механизмов решения социальных проблем. Участие в боевых действиях на юго-востоке Украины добровольцев из России с их последующим возвращением домой, а также возможное перемещение в Россию участников конфликта с той стороны также может усилить потенциал экстремизма в локальных масштабах.

Огромная зона нестабильности на Ближнем Востоке с продвигаемой ИГИЛ идеей создания всемирного халифата является существенным фактором усиления экстремистских настроений в отдельных этнорелигиозных группах, связанных с радикальным исламом. Данная угроза характерна, прежде всего, для российских регионов Северного Кавказа и Поволжья, а также некоторых регионов Сибири и Москвы. Кроме этого, существует угроза распространения ИГИЛ и других глобальных террористических сетей на государства, находящиеся в непосредственной близости от России (Центральная Азия). В этом случае возрастут риски радикализации исламистских групп внутри России.

Таким образом, помимо постоянного фона социальной напряженности, в российском обществе в последнее время формируются новые факторы роста экстремистских настроений в молодежной среде, имеющих как внутреннее, так и внешнее, а также смешанное происхождение. Нарастание кризисных явлений в российском обществе и в мире в целом формирует ситуацию неопределенности, порождает риски дезадаптации массовых социальных групп - особенно молодежи, девальвирует ценности интеграции, общественной морали и, таким образом, провоцирует рост экстремистских настроений. В данной ситуации противодействие экстремизму посредством правоохранительных механизмов является малоэффективным. Использование мобилизационных механизмов в целях консолидации общества также не может использоваться с расчетом на долгосрочную перспективу. Очевидно, необходим поиск новой модели социального устройства российского общества, в большей мере соответствующей массовым представлениям о справедливости и включающей больший объем социальных гарантий для молодежи.

УДК 329(470+571)

**СОВРЕМЕННЫЕ РОССИЙСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ:
ОПЫТ ТИПОЛОГИИ ПО НАЗВАНИЯМ**

**MODERN RUSSIAN POLITICAL PARTIES:
TYPOLOGY EXPERIENCE UNDER NAMES**

В.Н. Шилов

V.N. Shilov

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*

Belgorod National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: e-mail: Shilov@bsu.edu.ru

Ключевые слова: Россия, социально-политический проект, политическая партия, название партий, типология партий.

Key words: Russia, the sociopolitical project, political party, the name of parties, typology of parties.

Аннотация. Статья отражает начальный этап исследования социально-политических проектов, представленных в программах политических партий современной России. Делается попытка типологии партий по их названиям. В качестве критериев типологии выступают: 1) ценностная ориентация партии; 2) партия как субъект – выразитель интересов определенной группы; 3) объект внимания партии. Делается вывод, что общим лозунгом, под которым, судя только по названиям партий, выступает партийная система России в целом, является следующий терминологический ряд: социализм, народ, Россия, гражданское общество, демократия. Исходя только из названий, можно предположить, что партийная система России в целом имеет левый крен, что не соответствует реальному политическому процессу, в котором наибольшим политическим весом обладают правоцентристские силы.

Resume. Article reflects the initial stage of research of the sociopolitical projects presented in programs of political parties of modern Russia. Attempt of typology of parties under their names becomes. As criteria of typology act: 1) valuable orientation of party; 2) party as the subject - the spokesman of interests of certain group; 3) object of attention of party. The conclusion becomes, that the general slogan under which, judging only under names of parties, the party system of Russia as a whole acts, the following terminological number is: socialism, the people, Russia, a civil society, democracy. Proceeding only from names, it is possible to assume, that the party system of Russia as a whole has the left list that mismatches real political process in which the greatest political weight right-centrist forces possess.

Россия в конце прошлого века отказалась от советского, социалистического проекта, совершив антикоммунистический поворот на 180 градусов, переориентировавшись на рыночно-либеральные ценности. В качестве образца для подражания был взят Запад. Но спустя четверть века Россия, преодолев хаос 90-х годов и испытав подъем в начале 21-го века, столкнулась с новыми трудностями. Возникшие проблемы вызваны не только чисто российской спецификой, но и являются выражением очередного общемирового экономического кризиса и, более того, кризиса потребительской цивилизации, когда стимулирующее рост потребление наталкивается на препятствия в виде растущего долга (государств, корпораций, домохозяйств). Потребительская цивилизация становится «долговой» цивилизацией, основанной на экономике долга¹. Ведется общемировой поиск нового проекта, новой рациональной утопии, новых мифов. Говорится о создании модели устойчивого развития, о «хорошем обществе»² и др. Созданием нового социально-политического проекта заняты не только научные исследователи, но и политические практики. Поэтому в плане ознакомления с процессом социально-политического проектирования интересны не только научные статьи, но и те проекты, которые предлагают в виде своих программ политические партии.

¹ См.: Зубец А. Неожиданное идеологическое лидерство России. URL: <http://expert.ru/2015/04/13/neozhidannoe-ideologicheskoe-liderstvo-rossii>

² См.: Федотова В.Г. Хорошее общество: социальное конструирование приемлемого для жизни общества. М., 2003; Werte ändern sich. Ideen und Konzepte für die Gute Gesellschaft // Info/Friedrich Ebert Stiftung. 2015. N 1. S. 19-21.

Если говорить о российских политических партиях, то нужно отметить, что их на середину сентября 2015 года только официально зарегистрированных было 78, что отражается на сайте министерства юстиции РФ³, и к моменту выхода данной статьи в печать число их, вероятно, возрастёт. Прежде чем изучить многостраничный массив партийных программ обратимся вначале к названиям партий, в которых должен быть выражен политико-идеологический профиль партий и, в какой-то мере, обозначены особенности социально-политических проектов, представленных партиями в их программах.

В качестве задач настоящего исследования (статьи) ставится определение основных индикаторов, по которым можно классифицировать, группировать партии, исходя только из названия партий, выделение преобладающих тенденций в формулировке названий партий. При этом название партий может дать основание для отнесения его не к одной, а к нескольким группам партий РФ. Разумеется, всякая типология условна, особенно в нашем случае, когда название партий может не соответствовать ее реальной сущности.

В качестве основных блоков, разделов для классификации партий мы предлагаем три:

1. Политико-аксиологическая ориентация партии;
2. Партия как субъект – выразитель интересов определенной группы;
3. Объект внимания партии.

Говоря о политико-аксиологической направленности нужно иметь в виду, во-первых, какие политические ценности (гуманизм, безопасность, благосостояние свобода, демократия, справедливость и др.) отражены в название партии, во-вторых, с какой политической идеологией в своем названии соотносит себя партия, ибо идеология есть, прежде всего, теоретически оформленная, систематизированная иерархия политических ценностей.

Рассмотрим в порядке убывания представленность политических ценностей в названиях политических партий РФ. Полученные данные представлены в таблице 1.

Таблица 1.
Table 1.

Типология партий по политическим ценностям в названии партий
Typology of parties on political to values in the name of parties

Политическая ценность	Название партии	Доля в общем количестве партий (%)
Демократия	Либерально-демократическая партия Россия Российская объединенная демократическая партия «ЯБЛОКО» Демократическая партия России Демократический выбор Демократическая правовая Россия	6,41
Труд	Трудовая партия России Российский Объединённый Трудовой Фронт Союз Труда Партия Человека Труда Партия дела	6,41
Справедливость	Коммунистическая партия социальной справедливости Партия за Справедливость! Российская партия пенсионеров за справедливость «ЧЕСТНО» /Человек. Справедливость. Ответственность/	5,13
Безопасность	Партия Социальной защиты Партия Мира и Единства Партия Национальной безопасности России Партия Поддержки	5,13
Солидарность (Единство)	Единая Россия Партия Мира и Единства Партия Социальной Солидарности Родная Партия	5,13
Свобода	Республиканская партия России – Партия народной свободы Партия свободных граждан Воля	3,84
Достоинство	Партия «Достоинство»	1,28
Всего названий по политическим ценностям		33,85

³ Список зарегистрированных политических партий. URL: <http://minjust.ru/ru/nko/gosreg/partii/spisok>

Как видно, исходя из таблицы, в названиях партий наиболее чётко артикулированы такие ценности как демократия, труд, справедливость.

Достаточно сложно классифицировать партии по наличию в их названиях терминов, соотносимых с политическими идеологиями. К тому же сама классификация политических идеологий может быть предметом дискуссий. Обобщённое видение «идеологичности» название представлено в таблице 2.

Таблица 2.
Table 2.

Типология партий по соотношению названий партий с политическими идеологиями
Typology of parties on correlation of names of parties with political ideologies

Политическая идеология	Название партии	Доля в общем количестве партий (%)
Коммунизм	Коммунистическая партия Российской Федерации Коммунисты России Коммунистическая партия социальной справедливости	3,84
Другие левые идеологии	Альянс Зеленых и Социал-демократов Социал-демократическая партия России Российская Социалистическая партия Рожденные в Союзе Советских Социалистических Республик	5,13
Левые идеологии в целом		8,88
Правые идеологии	Либерально-демократическая партия Россия Правое Дело» Монархическая партия	3,84
Национализм, патриотизм, интернационализм	Патриоты России Родина Защитники Отечества Партия Великое Отечество Национальный курс Интернациональная партия России	8,88
Экологизм	Альянс Зеленых и Социал-демократов Российская экологическая партия «Зеленые»	2,56
Всего названий по соотношению с идеологиями		24,25

Таким образом, наиболее представительна в названиях коммунистическая идеология, широко представлены другие левые идеологии. Все левые идеологии можно рассматривать как различные версии идеологии социализма, когда коммунистические партии отстаивают леворадикальную версию социализма, а социал-демократы, социалисты склонны к его более умеренному, реформистскому варианту⁴. Достаточно представлена также идеология национализма (патриотизма).

Если рассматривать политико-аксиологический момент в названиях партий в целом, то он представлен в названиях 58,1% партий, т. е. в более чем половине партий.

Беря в качестве критерия декларирование партией себя как выразителей интересов определенного социального субъекта, можно представить таблицу 3.

⁴ Подробнее об этом см.: Шилов В.Н. Перспективы социализма как социальной демократии // Научные ведомости БелГУ. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2009. № 9(64). Выпуск 11.

Таблица 3.

Table 3.

Типология партий по соотношению названий с социальным субъектом
Typology of parties on correlation of names with the social subject

Социальный (политический) субъект	Название партии	Доля в общем количестве партий (%)
Народ	Народная партия «За женщин России» Народная партия России Российский общенародный союз Народный альянс Российская партия народного управления Народ против коррупции	7,69
Гражданское общество, граждане	Партия свободных граждан Гражданская Сила Гражданская Платформа Гражданская Позиция Гражданская инициатива	6,41
Социально-профессиональная, территориальная, демографическая группа		21,7
Пенсионеры	Партия пенсионеров России Российская партия пенсионеров за справедливость Партия ветеранов России	3,84
Женщины	Народная партия «За женщин России» Женский Диалог	2,56
Горожане	Союз Горожан Города России	2,56
Аграрии и промышленники	Аграрная партия России Объединенная аграрно-промышленная партия России	2,56
Иные группы	Партия налогоплательщиков России Защитники отечества Казачья партия Российской Федерации Российская партия садоводов Автомобильная Россия Объединенная партия людей ограниченной трудоспособности России Партия родителей будущего	10,25
Всего названий партий по субъекту		35,87

Как можно увидеть из таблицы, наиболее часто в названиях партий представлен такой субъект как «народ» (7,69%). Хотя следует отметить, что ни в науке, ни в общественном мнении нет консенсуса, относительно того какую часть населения страны включать в народ и кого нужно выносить за рамки «народа». Партии, выступающие от имени народа, могут быть не только левыми, но и правыми. Часто агрессивное меньшинство, выступая от имени народа, собираясь в центре столиц государств (обычно на площади, на «майдане») свержает власть – таков общий алгоритм многочисленных цветных революций⁵.

Более современно выглядит позиционирование от имени гражданского общества (граждан): это сделали 5 партий (6,41%). Действительно партия является ничем иным, как посредником между гражданским обществом и государством. Судя по названиям партий, достаточно политически активна такая демографическая группа как пожилые люди (пенсионеры). Их интересы берутся защищать 3 партии. Это больше чем «женских партий» (2).

И наконец, рассмотрим связь названий партий с объектом внимания партий. В обобщенном виде это можно увидеть в таблице 4.

⁵ Подробнее см.: Кара-Мурза С.Г. Государство переходного периода: исчезновение народа // Социально-гуманитарные знания. 2006. № 1. С. 17-22.

Таблица 4.
Table 4.

Типология партий по соотношению названий с объектом внимания
Typology of parties on correlation of names with object of attention

Объект внимания	Название партии	Доля в общем количестве партий (%)
Россия	Единая Россия Справедливая Россия» Молодая Россия Новая Россия Умная Россия	6,41
Преобразование России в целом	Партия Духовного Преображения Россия Развитие России Партия Возрождения России	3,84
Деятельность в сфере экономики	Партия Возрождения Села Возрождение аграрной России Партия защиты бизнеса и предпринимательства	3,84
Иные направления и сектора страны	Спортивная партия России «Здоровые Силы» Партия Социальных Реформ Свежий Взгляд России Против всех Добрых дел, защиты детей, женщин, свободы, природы и пенсионеров	7,69
Всего названий партий по объекту внимания		21,78

Из приведенной таблицы видно, что наиболее часто упоминаемым в названиях партий объектом внимания является Россия, когда дополняющее название прилагательное определяет ту характеристику страны, которую та или партия видит в качестве главной: Россия видится единой или справедливой, новой, молодой, умной (5 партий - 6,41%). В трех названиях партий (3,84%) ставится задача развития России (ее возрождения, духовного преображения). В качестве главного отдельного сектора внимания в стране в названиях партий видится экономика.

Вряд ли есть смысл выводить из названий партий однозначно её идеологическую направленность и специфику политического проекта, который партия предлагает. Так, например, из названия партии власти «Единая Россия», никоим образом нельзя определить то, что это партия, отдающая свои предпочтения идеологии консерватизма⁶. Для выявления этого, несомненно, нужно рассмотреть программы партий, что требует специального исследования.

Пока что, если говорить об общем лозунге, под которым, судя только по названиям партий, выступает *партийная система России в целом* мы получаем:

Социализм (8,88%)⁷, Народ (7,69%), Россия (6,41), Гражданское общество (6,41), Демократия (6,41%), Труд (6,41%).

Исходя только из названий, можно предположить, что партийная система России в целом имеет левый крен, но мы знаем, что в реальном политическом процессе преобладают правоцентристские силы, к которым, прежде всего, нужно отнести «Единую Россию».

Повторяем, что для выявления социально-проективной составляющей современных политических партий нужно детально рассмотреть их политические программы. При этом не обязательно делать акцент на парламентские партии, которые дают уже известные наборы предложений в плане политического курса страны. Скорее всего, интерес могут представить новые партии, на сегодняшний день партии-маргиналы: именно они в состоянии позволить себе высказать идеи, которые могут показаться необычными, более того, для настоящего времени безумными. Но общемировая кризисная ситуация требует некоего нестандартного решения, некоего идеологического прорыва.

⁶ См.: Шилов В.Н. Партия «Единая Россия» и идеология консерватизма // Научные ведомости БелГУ. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2010. № 1(72). Выпуск 13.

⁷ Под концептом «социализм» мы объединяем коммунизм и центристские и правоцентристские версии идеологии социализма, представленные социал-демократами.

УДК 323.28(5-011):(470+571)

ЧЕМ ОПАСНО «ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО» ДЛЯ РОССИИ

HOW DANGEROUS "ISLAMIC STATE" TO RUSSIA

С.В. Ваничкин

S.V. Vanichkin

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603950, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, д. 23*

Lobachevsky state university of Nizhny Novgorod, 23 pr. Gagarina, Nizhny Novgorod, 603950, Russia

E-mail: e-mail: sergeivanichkin@mail.ru

Ключевые слова: «Исламское государство», Российская Федерация, исламский радикализм, терроризм, международная безопасность.

Key words: "Islamic state", Russian Federation, Islamic radicalism, terrorism, international security

Аннотация. В статье рассматривается, какую опасность представляет деятельность «Исламского государства» для России, степень этой опасности, а также чем Россия может на это ответить, и какие меры следует предпринять для сохранения безопасности, стабилизации обстановки на Ближнем Востоке и предотвращения роста террористической деятельности, взращённой на почве радикального ислама. По мнению автора, основные угрозы, исходящие от ИГ для нашей страны, включают в себя 4 аспекта: это осложнение ситуации на Ближнем Востоке, угроза для Северного Кавказа и Средней Азии, пропагандистский фактор и террористическую угрозу. Библиография статьи содержит труды российских и зарубежных исследователей, посвященных современным проблемам Ближнего Востока, газетные и журнальные статьи, а также материалы из интернета на английском и русском языках.

Resume. The article discusses the danger is the activity of "Islamic state" in Russia, the degree of this risk and what can Russia respond to this, and what measures should be taken to preserve the security, stabilization of the situation in the Middle East and prevent the growth of terrorism, nurtured on ground of radical Islam. According to the author, the main threats posed by the "Islamic state" to Russia include four aspects: a complication of the situation in the Middle East, the threat to the North Caucasus and Central Asia, propaganda factor and terrorist threats. Bibliography article contains works of Russian and foreign research on contemporary issues of the Middle East, newspaper and magazine articles, as well as materials from the Internet in English and Russian languages.

Осложнение ситуации на Ближнем Востоке, в частности - потеря Сирии

В последнее время всё чаще приходят тревожные новости с Ближнего Востока – непрекращающаяся гражданская война в Сирии, начавшаяся с мирных протестов оппозиции, требовавшей ухода президента Башара Асада в отставку, переросла в одну из главнейших проблем современности. Это резкий всплеск исламского экстремизма и террористической активности на Ближнем Востоке, появление и расширение так называемого, не признанного ни одной мировой дипломатией, «Исламского государства Ирака и Леванта (или Шама)», угроза от которого не ограничивается только лишь внутренними проблемами Ирака и Сирии, но так или иначе затрагивает почти весь мир. По причине удалённости театра ведения активных боевых действий от российских границ может показаться что угроза, исходящая от ИГ не настолько велика, а также что операция российских ВВС в Сирии является совершенно бессмысленной. Однако ведущие российские эксперты и политологи указывают на то, что это вовсе не так. Во всяком случае, именно тяжёлая ситуация в регионе вынудило правительство РФ к применению армии за пределами страны (пусть даже исключительно авиации), впервые со времён войны в Афганистане. В конфликте в Сирии участвуют множество противоборствующих сторон, которые можно условно разделить на 4 части. 1 – это законное правительство Сирии президента Башара Асада, которое поддерживают Россия, Иран, а также силы ливанской «Хезболлы», 2 – так называемая «умеренная оппозиция», противостоящая Асаду и поддерживаемая США, Саудовской Аравией, Турцией и Катаром. 3 – курдское ополчение «Пешмерга» и, наконец 4 – Исламское государство, против которого выступают все. Итак, первой причиной, по которой России

уделяет особое внимание на развитие ситуации на Ближнем Востоке является довольно шаткое положение законно избранного президента Сирии Башара Асада, который, несмотря ни на что остаётся верен внешнеполитическому курсу на сотрудничество и партнёрство с РФ, что естественно не может не раздражать наших западных партнёров. В частности, это выразилось в инциденте с химическим оружием в 2013 году¹, что могло послужить поводом для военного вторжения в Сирию сил альянса НАТО, также как это было с Ираком в 2003 году. Тогда поводом стало якобы наличие у правящего режима Саддама Хусейна некоего «оружия массового поражения», которое так и не нашли. У России есть внешнеполитические интересы в ближневосточном регионе, и потеря такого союзника как Сирия станет явным и серьёзным ударом. Несмотря на то, что практически половина территории Сирии находится под контролем исламистов, сирийской армии на данный момент не только удаётся удерживать ключевые позиции в стране, но наступать. Больше всего этому способствует нанесение российских авиаударов по ключевым целям сил, противостоящим Асаду.

Далее следует помнить о том, кто именно придёт на смену правящему президенту в случае его поражения. Несмотря на то, что западные лидеры в один голос утверждают о поддержке так называемой «умеренной оппозиции», сообщения о финансировании и снабжении самого «Исламского государства» слышатся всё чаще. Также любопытным остаётся то, как именно определяется та грань между умеренной оппозицией и исламистами, по мнению западных лидеров. Весьма странным выглядит тот факт, насколько быстро разрослась территория, контролируемая ИГИЛ в ходе наступления в 2014 году. К концу года территория, контролируемая боевиками ИГ, выросла до 90 тыс. квадратных километров, на которых проживает более 8 млн. человек – преимущественно суннитов². В частности, в Ираке, к примеру, г. Мосул на севере страны был сдан практически без боя, а сами вооружённые формирования исламистов подошли практически к Багдаду, создавая угрозу для столицы³. Выходит, что регулярная и хорошо оснащённая армия Ирака терпит поражение, хотя в Сирии ситуация складывается более благоприятно. Итак, в случае падения Башара Асада, мировое сообщество получит в Сирии государство со средневековой идеологией шариата и выходом к морю, создавая угрозу для восточного средиземноморья.

Несмотря на явную угрозу со стороны «Исламского государства» всему остальному миру, последствия поддержки оппозиции в Сирии со стороны Запада, западные политологи в большинстве своём стали осознавать только сейчас. И это спустя 2 года после того, как «джин» был выпущен из бутылки, и ИГ из третьей силы конфликта превратился в главную проблему во всём регионе. Также бытует мнение, что вопреки своей официальной позиции, Турция на самом деле поддерживает ИГ, либо сохраняет к радикалам «благожелательный нейтралитет». Это связано, прежде всего, с внутренними проблемами Турции, опасющейся курдского сепаратизма. Также как шиитский режим в Ираке, так и алавитский режим в Сирии крайне невыгодны Анкаре, потому что в случае падения Багдада и Дамаска, Турция сможет начать сводить на нет курдскую самостоятельность⁴. Все эти противоречия и отсутствие чёткой позиции по вопросу ИГИЛ со стороны некоторых мировых дипломатий, заметно осложняет возможности к противостоянию исламистам со стороны международной коалиции.

Угроза для Северного Кавказа и Средней Азии

Одной из главных причин вмешательства в сирийский конфликт президент В.В.Путин назвал необходимость уничтожения терроризма на чужой территории, пока его пламя не перекинулось на свою. Ведь ещё начиная с осени 2014г. в сети YouTube стали появляться ролики с открытыми угрозами в адрес России и президента В.В. Путина, со стороны «Исламского государства», в которых боевики грозятся начать боевые действия на Северном Кавказе, а также называют Россию наряду с Соединёнными Штатами одним из главных врагов. Россия оказалась под прицелом ИГ ещё в прошлом году в первую очередь из-за ее поддержки сирийского режима Башара Асада, и впоследствии, участия российских ВВС на его стороне. Революция в этой стране началась в 2011 году и с тех пор унесла более 200 тысяч жизней, если верить Си-

¹ Химическое оружие в Сирии. URL: <http://ria.ru/spravka/20140821/1020585145.html>

² Тарасов С. Ближний Восток: диагностика будущего года. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1881238.html>

³ Приймак А., Литовкин Д., Туоров Я. Под прицелом Багдад. URL: <http://vz.ru/world/2014/10/17/710443.html>

⁴ Береги честь смолоду: школьникам могут «подарить» новый предмет, посвященный защите от вербовщиков ИГИЛ. URL: <http://nevnov.ru/city/federacziya/esli-drug-okazalsya-vdrug-shkolnikam-mogut-podarit-novyj-predmet-posvyashhennyj-zashhite-ot-verbovshhikov-igil/>

рийскому центру прав человека⁵. Кроме того Россия может быть ненавистна для исламистов по «идеологическим соображениям». Поскольку на рубеже XX и XXI веков Россия уже вела две тяжелых войны на Северном Кавказе, где противостояние со стороны боевиков со временем стало носить всё более религиозную подоплёку. И если в ходе первой чеченской кампании в качестве идеи выдвигалась национальная независимость и суверенитет Чеченской республики, то с начала второй речь шла уже не о независимости, а о «создании на всем Северном Кавказе исламского государства с опорой на жесткий и непримиримый ислам». Всё это создаёт условия для тесного сотрудничества «Исламского государства» и «Имарата Кавказ», организации, также признанной на территории РФ террористической и экстремистской Верховным судом Российской Федерации от 08.02.2010. И которая является, по сути, «филиалом» ИГ на территории России⁶.

Также не стоит забывать тот факт, что на стороне ИГ, по официальным данным Международной кризисной группы, воюют 1700 граждан России, и ещё 4000 человек из центрально-азиатских стран СНГ. В частности, среди лидеров ИГ есть также выходцы с Кавказа — например, Омар Аль-Шишани и Абу Джихад Аль-Шишани («шишани» — чеченец), которые не скрывают своих намерений вторжения на российский Северный Кавказ. Особое опасение вызывает то, что в случае попытки дестабилизации обстановки в регионе спецслужбам придётся иметь дело с хорошо подготовленными наёмниками, имеющими опыт ведения боевых действий и террористической деятельности на Ближнем Востоке. Такие попытки уже были продемонстрированы в конце прошлого года в ходе терактов в г. Грозный и, возможно, будут продолжаться. Они вероятнее всего имеют реваншистский характер, ведь некогда закрепившиеся исламские имараты на Северном Кавказе в подавляющем большинстве к настоящему времени были либо выгнаны за его территорию, либо уничтожены⁷.

Что же касается ситуации в Средней Азии, то по оценкам экспертов, местные приверженцы ИГ могут стать именно той силой, которая в перспективе ближайших 5–10 лет дестабилизирует обстановку в регионе. Такое многочисленное количество добровольцев из Средней Азии, воюющих за «Исламское государство» можно объяснить тем, что сами социальные условия в этих бедных странах располагают людей к внушению, что будет построено социально справедливое государство без бедных. Духовенство стран Средней Азии проигрывает радикальным аферистам от ислама. Так как государственные аппараты в этих республиках строятся по клановому принципу, для большинства населения закрыты социальные лифты. Это вызывает недовольство, особенно в среде молодёжи. А молодёжь, как известно, во все времена ищет простых ответов на сложные вопросы. Также стоит уделить внимание тому, что значительная часть завербованных «новобранцев» ИГ приходится на гастарбайтеров, находящихся на территории России. И хотя пока для ИГ Средняя Азия — территория для вербовки новых сторонников взамен погибших, постепенно создаётся сеть подпольных ячеек среди местных радикальных исламистов⁸. Самую серьёзную опасность среди них представляет «Исламская партия Туркестана» (бывшее «Исламское движение Узбекистана»). Учитывая то, что в РФ постоянно находится до двух миллионов узбеков, которые приезжают без виз и прочих ограничений, всё это помноженное на огромную и слабо прикрытую границу с Казахстаном даёт понять о том, что России не удастся абстрагироваться от этой проблемы и думать, что мы сможем прикрыться «среднеазиатским подбрюшьем».

Пропагандистский фактор

Осуществление «информационной части» агрессии ИГ против остального мира носит поистине голливудский размах. Это и появление роликов с казнями заложников, и пропаганда радикального ислама через интернет и демонстрация успехов ИГ и агрессивных намерений создания «всемирного халифата» на исламских территориях. Профессиональные съёмки, сценарий и режиссура - многому научившись на ошибках Аль-Каиды, ИГ умело используют социальные медиа. Террористы очень тщательно занимаются всем, что связано с пропагандой движений, выпускают фильмы и журналы профессионального качества, подробно отчитываются о жизни халифата в соцсетях. Успехи наступления летом 2014 г. сыграли на руку исла-

⁵ Аддад М.-П. Почему Исламское государство — угроза для Путина». URL: <http://inosmi.ru/world/20150227/226513460.html>

⁶ Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm>

⁷ Евгений Сатановский о боевиках ИГИЛ: «Им важно отомстить России». URL: <http://www.aif.ru/politics/world/1357947>

⁸ Полубота А. «Исламское государство уже рядом». URL: <http://svpressa.ru/politic/article/125304/>

мистам, сделав их одной из главных тем мировых новостей. Создание образа «непобедимых и жестоких воинов джихада» также способствовало успехам ИГ, заметно подрывая боевой дух регулярных армий Ирака и Сирии, противостоящих им⁹. Всё это указывает на то, что пропагандой занимаются профессионалы – люди, которые хорошо знают современные медиа технологии, ориентируются в вопросах создания брендов и общения с аудиторией. Медиахолдинг «Исламского государства» «Аль-Хаят» переводит свои тексты и видео на несколько языков. Под одним из популярных роликов список ссылок для скачивания субтитров – из 9 языков русский на втором месте, сразу после английского¹⁰. Также стоит отметить, что пропагандистская кампания и демонстрация военных успехов боевиков направлена на вербовку новых наёмников в их ряды. Однако с началом наступления правительственных войск, чему активно способствует российская воздушная поддержка, поток желающих «испытать удачу» в рядах ИГ заметно снизился, даже всё чаще бывают случаи дезертирства, а сами боевики в своих видеороликах выглядят подавлено и растеряно, крайне некомфортно ощущая себя в роли мишени.

В ФСБ следят за пропагандой исламизма в русском интернете, однако с этим бороться довольно сложно. Генпрокуратура уже потребовала закрыть страницы «ВКонтакте», посвященные «Исламскому государству», но при закрытии одних могут появиться другие, так как завести новые ничего не стоит. О том, как конкретно действует «промывание мозгов» на российских граждан свидетельствует весьма показательный случай с Варварой Карауловой, 19-летней студенткой МГУ им. М.В. Ломоносова, которая сначала увлекалась радикальным исламом, изучала арабский язык, а затем решила поехать в Сирию, чтобы присоединиться к «Исламскому государству»¹¹.

Этот случай получил широкий общественный резонанс, но остаётся далеко не единственным. Всё это указывает на то, что пропаганде могут быть подвержены не только представители бедных и неблагополучных общественных слоёв, причем исключительно мусульманских республик, но также и обеспеченные граждане, преимущественно молодёжь. Для противостояния этому члены Общественной палаты направили соответствующее письмо на рассмотрение министра образования и науки, в котором предложена инициатива введения в российских школах нового предмета, на котором будут преподаваться основы защиты от психологического воздействия вербовщиков экстремистских организаций – в частности, ИГИЛ. Члены общественной палаты уверены, что бороться с распространением радикального ислама следует в первую очередь с образования потенциальных жертв.

Террористическая угроза

С течением времени выяснилось, что организация ИГ обладает довольно серьёзным арсеналом, включая тяжелое вооружение, которое в частности, было захвачено у правительственных армий Сирии и Ирака. Использование «Исламским государством» тяжелого вооружения позволяет осуществлять успешное наступление на ключевых направлениях. Однако, самое серьёзное беспокойство вызывает стремление руководства ИГ к концу 2015 г. получить оружие массового поражения – включая химическое, биологическое, и что самое главное – ядерное. Сделать они это планируют через своих сторонников в Пакистане, путём подкупа местных коррумпированных чиновников. (Пакистан – единственное мусульманское государство, обладающее на данный момент ядерным вооружением.) Либо если предположить, хотя вероятность очень небольшая, что пакистанские талибы придут к власти или захватят те районы, где располагаются хранилища с атомным оружием, а также захватят средства доставки этого оружия, то тогда они приобретут, в широком смысле этого слова, ядерное оружие. Со всем не исключено, что «Исламское государство» также имеет в виду некий проект по захвату ядерного оружия – не по производству и по покупке, а именно по захвату ядерного оружия в одном из тех государств, которые располагают этим оружием¹².

Еще не может оставаться без внимания факт явного присутствия боевиков «Исламского государства» в качестве противоборствующей стороны в ходе конфликта в Ливии. Обеспокоенность вызывает не только создание «второго фронта» ИГ в этой стране, а также риск за-

⁹ Aaron Y. Zelin. Colonial Caliphate: The Ambitions of the 'Islamic State'. URL: <http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/colonial-caliphate-the-ambitions-of-the-islamic-state>

¹⁰ Угрожает ли России «Исламское государство»? URL: <https://meduza.io/cards/ugrozhaet-li-rossii-islamskoe-gosudarstvo>

¹¹ Зиновьева О. Варвара Караулова: кто виноват и что делать? URL: http://ria.ru/zinoviev_club/20150615/1070368450.html

¹² МК «Исламское государство» раскрыло пути и сроки получения ядерного оружия. URL: <http://www.mk.ru/politics/2015/05/24/islamskoe-gosudarstvo-raskrylo-puti-i-sroki-polucheniya-yadernogo-oruzhiya.html>

хвата ключевых нефтяных месторождений, которые пока находятся под контролем сил, лояльных к генералу Хафтару, противостоящему исламистам. Средства от добычи и нелегального сбыта нефти из Ливии, также, как и из месторождений в Сирии и Ираке скорее всего могут пойти на дальнейшее вооружение группировки и на организацию терактов, в том числе и в нашей стране¹³.

Всё это создаёт подоплёку для террористической угрозы совершенно нового уровня, когда масштабы катастрофы трудно предсказать. До сих пор террористы «Исламского государства» не проводили терактов за пределами Ирака и Сирии, если не считать нескольких случаев похищения людей. Но такие планы у них есть: 21 сентября 2014 года представитель организации призвал сторонников убивать неверных, военных и гражданских — «американцев, канадцев, австралийцев, французов и других европейцев». «Мы поразим вас на вашей же земле», — говорится в обращении. В Великобритании, Швейцарии и Египте уже задерживали людей, подозреваемых в подготовке терактов по заданию «Исламского государства». Также под прицелом террористов наряду с западными странами может оказаться и Россия, которую исламисты воспринимают исключительно как союзника Башара Асада, поводом для терактов на нашей территории будет месть за бомбардировки. Однако у российских спецслужб есть несколько преимуществ. К ним можно отнести наличие большого опыта борьбы с террористическими угрозами радикальных исламистов времён событий в Чечне, а также более жесткого противодействие, без сантиментов, без оглядки на лазейки в законодательстве, которые помогают террористам на Западе, а также отсутствие всякой симпатии со стороны общества к ним.

Выводы

В заключение стоит отметить, что несмотря на то, что прямой угрозы со стороны «Исламского государства» на данный момент для России нет, а прямое военное столкновение боевиков ИГ с Вооруженными силами России на Кавказе выглядит довольно фантастично, все вышеупомянутые факторы не могут не вызывать озабоченность в ближайшей перспективе. О неопределённости ситуации в Сирии, не взирая на участие российской авиации, говорят многие эксперты. Вне всяких сомнений, территория, финансовая мощь и численность «Исламского государства» указывают на необходимость его ликвидации на данном этапе его развития. Однако вероятность не просто коалиции России и США на фронте борьбы с ИГ, но и банальное взаимодействие на данный момент выглядит довольно призрачной. К действенным мерам противостояния расширению и укреплению «Исламского государства» со стороны Российской Федерации можно отнести поддержку законных правительств Сирии и Ирака, ведущих борьбу с исламистами уже на протяжении нескольких лет, преследование и уничтожение исламистских ячеек ИГ на территории России, в частности на Северном Кавказе, запрет на исламистскую пропаганду. В данном контексте наиболее важно недопущение деятельности организации именно на своей территории, а также на территории сопредельных государств и партнёров по СНГ. Проведению эффективных операций против ИГ в составе международной коалиции, включая не только западные страны, а также в частности Иран и Китай, мешают острые политические противоречия и отсутствие чёткой единой позиции в отношении правящего режима в Сирии. Поэтому из всего вышесказанного можно понять, что самыми главным задачами на данный момент являются координация антитеррористических действий и препятствие проникновению исламистских идей на территорию Российской Федерации.

¹³ Макаренко Г., Ратников А. Нефтяной ИГИЛ: как исламисты могут заработать на месторождениях в Ливии. URL: <http://top.rbc.ru/politics/18/02/2015/54e32b749a7947199ddf0c7d>

УДК 321.1(47+57)''16/18''

РОССИЙСКАЯ БЮРОКРАТИЯ НА РАННИХ ЭТАПАХ ЕЕ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ

THE RUSSIAN BUREAUCRACY ON EARLY STAGES OF ITS INSTITUTIONALIZATION

С.Б. Лугвин

S.B. Lugvin

*Гомельский государственный технический университет,
Беларусь, 246012, г. Гомель, пр. Октября, 48*

Gomel state technical university, Oktyabrya Ave., 48, 246012, Gomel, Republic of Belarus

E-mail: e-mail: lugvinsergey@rambler.ru

Ключевые слова: бюрократия, самодержавная власть, приказы, административные реформы Петра I, западная техника управления.

Key words: bureaucracy, autocratic power, orders, administrative reforms of Peter I, western technology of management.

Аннотация. В статье рассматриваются процессы институционализации российской государственной бюрократии в контексте формирования абсолютной монархии и изменения геополитических условий развития страны. В качестве своих целей автор усматривает, во-первых, выяснение специфического характера российской монархии; во-вторых, выяснение предпосылок российской бюрократии; в-третьих, анализ ряда особенностей реформ Петра I, создавших благоприятную среду для ее утверждения.

В результате проведенных исследований автором был сделан вывод, что при Петре I в основном завершилось становление российской государственной бюрократии и началось ее развитие на собственной основе. Одновременно автор стремился доказать, что стремление к абсолютной власти и геополитическому превосходству того или иного государства обычно порождает развитые формы бюрократии.

Resume. In the article the processes of institutionalization of Russian state bureaucracy are examined in the context of forming of absolute monarchy and change of geopolitical terms of development of country. As the aims an author sees, firstly, finding out of specific character of the Russian monarchy; secondly, finding out of pre-conditions of Russian bureaucracy; thirdly, analysis of row of features of reforms of Peter I, creating a favorable environment in order to ratify Russian bureaucracy.

As a result of the conducted researches by the author the conclusion was drawn that at Peter I formation of the Russian state bureaucracy generally came to the end and its development on own basis began. At the same time I sought to prove to the author that the aspiration to the absolute power and geopolitical superiority of this or that state usually generates the developed bureaucracy forms.

Первичной институционализации российской государственной бюрократии во многом благоприятствовало то обстоятельство, что исторически в России достаточно рано возникло политически централизованное государство во главе с наследственным монархом (с 1547 г. – царем), тяготеющим к установлению абсолютной власти. Государство и его земли он рассматривал как свою личную собственность – вотчину или патримонию, что, как считает Р. Пайпс, во многом определялось особенностями заселения Московского княжества. В отличие от других княжеств Киевской Руси, где вначале появлялось население, и лишь затем возникали органы политической власти, северо-восточные земли были в основном колонизированы по инициативе и под управлением князей. «В результате этого северо-восточные князья обладали такими властью и престижем, на которые сроду не могли рассчитывать их собратья в Новгороде и Литве»¹. Огромное влияние на властно-административные отношения Московского княжества оказал также 250-летний период господства Золотой орды с ее традициями сверхцентрализованной власти, безусловного послушания и рабской зависимости населения.

---

¹ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 421.

Сами московские князья первоначально позиционировали себя как прямых наследников хана Золотой орды, самоуправно распоряжаясь имуществом и жизнью любого своего подданного. В результате в Российском государстве надолго утвердились порядки, во многом напоминающие золотоордынские. Не признавая каких-либо прав подвластного населения, центральная власть стремилась максимально ограничить и самостоятельность контролируемых ею территорий. Широко использовался термин «самодержец», подчеркивающий неограниченность царской власти. Как отмечает Р. Пайпс, по московским понятиям, «правитель есть настоящий суверен, или самодержец, лишь в том случае, если он может делать со своим царством, что хочет»².

Возвышение великокняжеской власти сопровождалось ее сакрализацией. Уже Иван III именовал себя: «Иоанн, Божьей милости государь всея Руси». Считалось, что источником царской власти является воля Бога, а не воля подданных. Социальный статус любого человека определялся не столько его знатностью или богатством, сколько близостью к власти и личным расположением монарха. Власть и народ были связаны между собой не юридическими нормами, а морально-религиозными санкциями и грубой силой. Одновременно утвердилось патерналистское восприятие царской власти, при которой она уподоблялась патриархальной власти отца семейства – хозяина дома, призванной покровительствовать своим домочадцам. Все это предопределяло сугубо личный характер управления, которое осуществлялось вне всяких норм и формальных правил.

Появлению российского бюрократического аппарата во многом предшествовали изменения в структуре «служилого сословия». По традиции в Великом княжестве Московском высшие военные и административно-судебные должности замещались боярами – крупными землевладельцами-вотчинниками, а средние и низшие – дворянами, получающими на период своей службы условные земельные владения – поместья (в дальнейшем и денежное содержание). Однако характерное для России прогрессирующее слияние власти и собственности со временем оказалось несовместимым с существованием независимого землевладения бояр, что привело к упразднению всякой их экономической и политической самостоятельности. Уже со второй половины XVI в. все землевладельцы, не только дворяне, но и бояре, должны были нести обязательную царскую службу. В 1682 г. было официально отменено основанное на происхождении и знатности рода местничество, а позже, при Петре I, устранены всякие различия между вотчинами и поместьями (Указ о единонаследии от 1714 г.). Упразднение вотчин означало полную ликвидацию частной собственности на землю, что еще более усилило власть монарха. Важным результатом такой политики стало формирование единого служилого сословия – дворянства, которое за право владения землей было обязано нести пожизненную службу своему государю. Государство использовало дворян для выполнения самых разных функций: военных, административных, судебных, дипломатических, торговых и пр. На протяжении всей своей жизни они были обязаны служить царю. Как отмечал Р. Пайпс, корни дворянства «покоились не в земле, как происходило со знатью всего мира, а в царской службе». Именно оно, в конечном счете, стало предтечей «чиновничества, продвигающегося по службе в зависимости от своих заслуг»³.

Наряду с существованием особого служилого сословия – дворянства другой важной предпосылкой возникновения российской бюрократии стали московские приказы, которые зародились еще в конце XV – начале XVI вв. в качестве центральных правительственных учреждений, выполняющих административные, судебные, финансовые, дипломатические, военные и иные функции. По словам В.О. Ключевского, их возникновение означало «переход от управления посредством лиц к управлению посредством учреждений»⁴. В своем развитии приказная система прошла ряд стадий: приказ как разовое поручение, приказ как постоянное поручение, приказ-«изба» (канцелярия) и, наконец, приказ как государственный орган с самостоятельными структурными подразделениями⁵. В дальнейшем на основе приказов в стране сформировалась централизованная система государственного управления.

Общее руководство приказами обычно осуществляла Боярская дума, которая являлась верховным органом в сфере законодательства, управления и суда. В нее входили наиболее знатные бояре, удельные князья, а со временем и представители поместного дворянства – думные дворяне и думные дьяки. Приказы вели письменное делопроизводство и имели постоянный штат. Наиболее крупные из них делились на столы, те, в свою очередь, на повытья

² Пайпс Р. Указ. соч. С. 106 – 107.

³ Там же. С. 132.

⁴ Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т. 2. М., 1988. С. 318.

⁵ См.: Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 36 – 37.

(по территориальному признаку). Руководство приказов было коллегиальным. Во главе их стояли судьи - бояре, окольные, стольники, думные или приказные дьяки, которые наряду со старшими дьяками составляли присутствие приказа и совместно принимали решения (единоличные решения принимать не разрешалось). Под их началом находились подьячие, которые, в свою очередь, делились на статьи или категории. Это означало, что в приказах стала постепенно утверждаться служебная иерархия. Однако первоначально она была параллельна системе чинов, установленной внутри служилого сословия. Как отметила Н.Ф. Демидова, на протяжении XVIII в., особенно его второй половины, происходил процесс перерастания сословного деления приказных людей в деление должностное, которое получило свое окончательное завершение в начале XVIII в.⁶ Должностное положение приказных чиновников за исключением лиц, принадлежащих к родовой знати, не было наследственным и, даже, пожизненным и во многом определялось их знаниями и деловыми способностями. «Каждый из начинающих приказную службу имел возможность для продвижения вплоть до ее высшего разряда думных дьяков»⁷.

С появлением приказов произошел переход к бумажному ведению дел, «сложились формулы определенных видов документов, порядок их оформления и движения как внутри каждого приказа, так и между ними»⁸. Возникновение приказов обеспечило профессионализацию суда и управления, что достигалось на основе постоянства их кадрового состава, а также наличия у персонала соответствующего опыта и квалификации. По свидетельству Н.Ф. Демидовой, долго работающие в приказах дьяки «были истинными знатоками специфики дел данного приказа. <...> Именно они готовили и в известной степени предопределяли решения по важнейшим вопросам судебного и административного характера»⁹. Заботясь о профессионализме своих кадров, некоторые приказы создавали собственные школы для подготовки чиновников.

Как традиционалистские учреждения приказы содержали в себе немало изъянов: отсутствие закрепленных в законах полномочий; смешение вопросов административных, финансовых и судебных; распыление однородных дел между многими приказами; архаичное делопроизводство; отсутствие установленных законом прав и обязанностей должностных лиц; чиновничья волокита и т. п. При рассмотрении частных дел «приказными людьми» широко практиковалось «кормление от дел», т.е. принятие различных подношений («почестей», «поминков», «посулов» и др. как в денежной, так и натуральной форме). Во многом это было связано с крайне малым размером жалованья служащих приказов, которые в своем большинстве не имели поместий. В подобных условиях некоторые формы «кормления» признавались почти официально. Изъяны приказной системы были очевидны уже в XVIII в., что побуждало монархов создавать особые контролирующие органы, сокращать общее число приказов, объединять их в более крупные ведомства и т. п. Однако эффективность подобных действий была незначительна.

В XVIII в. в Российском государстве не только в центре, но и на местах утверждалось унифицированное бюрократическое управление. К середине XVIII в. на смену наместнической системе управления пришла воеводская, которая, по словам В.О. Ключевского, стала «решительным поворотом... к бюрократическому порядку местного управления»¹⁰. Однако в деятельности воевод, обычно назначаемых на 1 – 3 года из числа вышедших в отставку по старости или увечью дворян, сохранялись присущие наместничеству черты дилетантизма и непрофессионализма. Подобно наместникам они не только не имели профессиональной подготовки, но и очень часто были практически безграмотны. «Неопределенная точно широта власти воеводы, - пишет В.О. Ключевский, - поощряла к злоупотреблениям. В наказах, которыми снабжал воеводу отправлявший его приказ, ему предписывалось поступать, “как пригоже, смотря по тамошнему делу, как бог вразумит”, предоставляя ему полный произвол»¹¹. Произвол воевод дополнялся многочисленными поборами с населения, которые, как отмечал историк, взимались «без уставной таксы, сколько рука выможет».

По мнению В.О. Ключевского, допетровское государственное управление носило двойственный характер. С одной стороны, «по своему устройству и по приемам действия, по

⁶ См.: Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVIII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 164.

⁷ Демидова Н.Ф. Указ. соч. С. 89.

⁸ Ерошкин Н.П. Указ. соч. С. 62 – 63.

⁹ Демидова Н.Ф. Указ. соч. С. 166.

¹⁰ Ключевский В.О. Сочинения. Т. 3. М., 1988. С. 140.

¹¹ Там же. С. 141.

отношениям своим к верховному правителю-государю и к управляемому обществу оно было похоже на бюрократию: руководящими органами его были назначаемые верховной властью коронные чиновники, которые вели дела канцелярским порядком, без участия общества или при очень слабом, пассивном его участии». С другой стороны, «по личному составу эта администрация была сословно-аристократическая: руководящий элемент в ней состоял из людей привилегированного служилого класса, наследственно пользовавшегося своими привилегиями. Дьяки и подьячие, дельцы-разночинцы, элемент приказный, собственно бюрократический, имели подчиненное значение канцелярских делопроизводителей...»¹². Подобный тип государственного управления историк назвал «сословно-бюрократическим».

На протяжении длительного времени сфера управления в России регулировалась традициями и нормами обычного права. Однако в условиях формирования абсолютной монархии возникла потребность в детально разработанных правилах, которые стали появляться уже в середине XVII в. На первых порах они регламентировали лишь некоторые аспекты деятельности приказов: источники комплектования, количество служащих, размеры отпускаемых на их содержание средств, распорядок работы и пр. Однако с появлением Соборного Уложения 1649 г. утверждается новая, более унифицированная и достаточно подробная по тем временам, законодательная основа, регламентирующая деятельность приказного чиновничества. В Уложение были включены как старые законодательные акты, так и новые законы, возникшие на основе нормирования не предусмотренных ранее случаев. Содержащаяся в нем правовая регламентация общественных отношений создавала серьезную законодательную базу для деятельности формирующейся бюрократии. На протяжении 184 лет Соборное Уложение оставалось главным законодательным актом Российской империи.

Становление в России бюрократических структур в основном завершилось в первой четверти XVIII в., когда произошло юридическое оформление неограниченной власти монарха и появились адекватные ей политические институты: регулярная армия, полиция и централизованная фискальная система. Петр I (с 1721 г. император) хорошо осознавал, что прежняя система управления, будучи архаичной и неповоротливой, явно не соответствует новым задачам, возникшим перед государством в связи с новыми условиями геополитического развития, модернизацией властных институтов, реформами армии, финансовой системы и т.д. В результате при нем была проведена радикальная реорганизация как центральных, так и местных органов управления. На смену Боярской думе пришел Сенат как бюрократический, по своей сути, правительственный орган, направляющий и контролирующий работу ведомств и должностных лиц. При пожаловании в сенаторы более всего ценились уже не порода и знатность, а преданность и личные заслуги перед монархом. Должность сенатора была не пожизненной как, например, чин думного дьяка в Боярской думе, а временной. Вместо громоздкой и неэффективной системы приказов были созданы коллегии, действующие по ведомственному принципу. Образцом для их создания послужила шведская коллегиальная система. Считалось, что в условиях коллегиальности обеспечивается более глубокое и квалифицированное рассмотрение государственных дел («что один не постигнет, постигнет другой»). Сфера компетенции коллегий распространялась на всю страну, для чего на местах были созданы их отделения.

В ходе реформы местного управления была создана трехуровневая система учреждений, охватывающая губернию, провинцию и уезд (дистрикт). Все должностные лица, возглавляющие местные администрации, являлись назначаемыми центральной властью чиновниками (за исключением земских комиссаров, которые частично назначались земскими дворянами). Однако бюрократическая соподчиненность между ними при Петре I еще не была выстроена. Однако им была предпринята также первая попытка отделить судебные органы от административных путем создания провинциальных, городских и надворных судов.

Идеалом Петра I являлось централизованное государство, в котором установлены разумные законы и действует эффективный административный аппарат. Государственные учреждения, по его мысли, должны быть устроены так, чтобы они «самой постройкой своей связывали произвол чиновников, а практикой внушали людям чувство законности и понятие государственного интереса»¹³. Каждый чиновник должен был неукоснительно соблюдать законы, быстро и точно выполнять поступающие сверху распоряжения. Как полагает Н.И. Павленко, для Петра I идеальными «представлялись учреждения, уподобленные казарме, а служители учреждения – военным чинам, с такой же неукоснительностью выполняющих указы,

¹² Ключевский В.О. Сочинения. Т. 4. М., 1989. С. 175.

¹³ Ключевский В.О. Сочинения. Т. 4. С. 177.

как солдаты и офицеры выполняли военные уставы»¹⁴. В условиях постоянных войн, которые вела Россия, подобный подход считался вполне естественным. А потому царю очевидной казалась мысль, что проверенные в тяжелых испытаниях военные уставы могут быть легко, хотя и с некоторыми изменениями, использованы в системе гражданского управления. Такие полезные качества как порядок, дисциплина, чинопочитание, служебное рвение, инициатива, присущие всякому солдату, должны быть, по его мнению, присущи и каждому чиновнику¹⁵.

В результате петровских реформ в России впервые появилась сравнительно стройная система управления, базирующаяся на единых бюрократических принципах. В ее основе лежали европейские идеи камерализма, связывающие эффективность работы государственного аппарата с наличием административной унификации и детальной регламентации деятельности всех учреждений и должностных лиц. Усвоив подобные идеи, Петр I придавал большое значение составлению административных регламентов. Как полагают историки, российский император пошел даже дальше европейских теоретиков и практиков камерализма. В частности, ему принадлежала мысль о создании не просто отдельных регламентов для учреждений, что было вполне естественно для камерализма, а целой иерархии регламентов. По указанию Петра I и при его непосредственном участии был создан не имеющий аналогов в Европе «Генеральный регламент», содержащий в себе самые общие принципы деятельности всех учреждений и чиновников (в Швеции, давшей России образец коллежской реформы, подобный документ появился лишь спустя 50 лет)¹⁶. Регламент требовал, чтобы обсуждение всех вопросов в учреждениях фиксировалось в протоколах и документах, которые должны были играть роль неподкупных свидетелей деятельности каждого чиновника. Делая акцент на бумажном делопроизводстве, регламент определял порядок составления документов, их учета, движения по инстанциям и пр.

Огромное влияние на формирование российской бюрократии оказал Табель о рангах 1722 г., который возник на основе компиляции соответствующих законодательных актов европейских стран. Он систематизировал государственные должности (в дальнейшем чины) и свел их в ряды иерархических зависимостей. Включив в себя 14 классов государственной службы (военной, гражданской и придворной), Табель закрепил новый порядок продвижения по служебной лестнице, в основе которого лежали уже не знатность и древность рода, а продолжительность службы, заслуги и способности. Отныне дворяне, как и «подлые люди», должны были начинать государственную службу с самых низших чинов и последовательно проходить все ступени бюрократической карьеры. Возвысив принцип меритократии, Табель, однако, не устранил влияние родовой знати на государственный аппарат. Как отмечал В.А. Евреинов, правительство «не отрешилось еще окончательно от прежних начал и признавало совершенно естественным и даже законным, с упразднением местничества и уничтожением разрядных книг, производить замещение должностей не по личным заслугам, но по-прежнему по заслугам предков, родичей и вообще по родовитости»¹⁷.

Согласно Табели, высшие и средние должности в аппарате управления по своему статусу должны быть дворянскими. Однако в том случае, если их получали выходцы из непривилегированных сословий, то с присвоением XIV класса они становились личными, а с VIII - потомственными дворянами. В результате российское чиновничество, оставаясь дворянским по своему происхождению и статусу, стало вбирать в себя лучших представителей других сословий. В дальнейшем это породило тенденцию дистанцирования чиновничества от конкретных социальных интересов и обусловило его превращение в особую всесословную корпорацию, ставшую надежной опорой самодержавной власти. Ее формированию способствовало также прекращение раздачи поместных окладов и замена их денежным жалованьем. Если раньше денежное жалованье, пишет С.М. Троицкий, было дополнением к поместному и натуральному, то теперь оно приобрело самостоятельное значение, в результате чего стала прекращаться обязательная связь между государственной службой и землевладением¹⁸. Кормление от дел и взимание с населения поборов стало преследоваться по закону. Однако, по словам Р. Пайпса, «даже при строгом петровском режиме только чиновники центральных ве-

¹⁴ Павленко Н.И. Петр I (К изучению социально-политических взглядов) // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 86.

¹⁵ См.: Власть и реформы. От самодержавия к советской России. М., 1996. С. 131.

¹⁶ См.: там же. С. 130.

¹⁷ Евреинов В.А. Гражданское чинопроизводство в России. СПб., 1887. С. 11.

¹⁸ См.: Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974. С. 254.

домств Петербурга и Москвы получали жалованье, да и то нерегулярно; провинциальные же чиновники продолжали жить за счет местного населения»¹⁹.

В результате административных реформ первой четверти XVIII в. произошло значительное усложнение структуры государственного аппарата, увеличилось количество его функций, возросло число чиновников. Усложнение административного труда привело к более глубокой специализации управленческой деятельности, что, с одной стороны, усилило функциональную дифференциацию административного труда и породило новые должности (протоколист, актуариус, регистратор, архивариус, нотариус и т. п.), а с другой – обусловило организационное обособление гражданской службы от службы военной. Так, если еще в XVIII в. гражданская служба считалась продолжением службы военной, то с принятием Табели о рангах она стала рассматриваться как самостоятельный вид деятельности, требующий особых навыков и специальных знаний. Если до Петра I идея государства была неотделима от персоны государя, а чиновники рассматривались как его личные слуги, то Петр I впервые отделил государя от государства, обязав всех должностных лиц присягать им раздельно. Воспринимая собственную службу как службу государству, отечеству, он то же самое требовал и от чиновников.

Новые учреждения требовали подготовленных и дисциплинированных кадров, которых в стране явно не хватало. Заслугой Петра I стало широкое привлечение на русскую службу квалифицированных европейских юристов и чиновников, которые должны были обучать русских чиновников. Однако в начале XVIII в. еще не существовало специальных учебных заведений, которые бы готовили кадры для государственного аппарата. Нужные знания и навыки чиновники получали в основном на практике. Их подготовка осуществлялась обычно при Сенате, коллегиях и крупных канцеляриях и была нацелена на приобретение навыков «в приказном порядке» и «знание указов и прав государственных».

При проведении административных реформ Петр I и его правительство не пытались построить какую-то самобытную систему управления, а следовали лучшим образцам административной практики таких западных стран, как Швеция, Дания, Пруссия, Франция, Англия и Голландия. Главное, что интересовало царя в административном опыте европейских стран – это техника управления. По мнению В.О. Ключевского, «реформа, проведенная Петром Великим, не имела своей прямой целью перестраивать ни политического, ни общественного, ни нравственного порядка..., а ограничивалась стремлением вооружить Русское государство и народ готовыми западноевропейскими средствами...»²⁰. Однако ускоренная инкорпорация западной административной техники в русское государственное управление породила немалые проблемы. По свидетельству историка, общая небрежность, привычка вести дела кое-как, отсутствие административной дисциплины, произвол и волокита являлись характерными чертами петровской бюрократии. «Непослушание чиновников предписаниям высшего начальства и даже царским указам, – отмечал он, – стало при Петре настоящей язвой управления, превосходившей даже смелость старых московских дьяков...»²¹. Небывалых прежде размеров достигли взяточничество и казнокрадство.

Подобное положение дел явно не устраивало государя, которому для осуществления своих амбициозных планов требовалось послушное и дисциплинированное чиновничество. Для решения этой задачи Петр I был вынужден создать два контролирующих института – фискальную службу (1711 г.) и прокуратуру (1722 г.). Задача фискалов заключалась в том, чтобы тайно подсматривать, подслушивать и доносить о служебных преступлениях Сенату или лично царю. За ложный донос они не несли наказания, а за правдивый – получали половину штрафа с уличенного ими должностного лица. Согласно предписаниям царя, любой человек, случайно узнав о готовящемся преступлении, должен был немедленно информировать о нем власть. В результате доноительство стало общей для всех подданных государственной повинностью, недоноительство же стало наказуемым. В отличие от тайного фискального надзора прокуратура была чисто бюрократическим учреждением, в котором прокурорские обязанности выполняли назначенные царем чиновники. Прокуратура осуществляла публичный контроль за всеми должностными лицами на самых разных уровнях административной иерархии. Однако, несмотря на наличие столь грозной системы контроля, масштабы злоупотреблений и казнокрадства в государственном аппарате отнюдь не уменьшались. Причина низкой эффективности административных реформ, проведенных Петром I заключалась в их непоследовательности и бессистемности. Западные административные технологии при пере-

¹⁹ Пайпс Р. Указ. соч. С. 369.

²⁰ Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. Т. 4. С. 202.

²¹ Там же. С. 162.

несении на русскую почву произвольно отрывались от породившего их социального контекста. Вместо чуждых и непонятных Петру рыночных механизмов широко использовались привычные ему военно-силовые средства, которые он практически возвел в норму государственного управления.

Несмотря на все недостатки, петровские реформы превратили Россию в одну из сильнейших держав Европы, заложили основы ее промышленного развития и существенно расширили культурные связи с Западом. Государство стало заботиться о подготовке специалистов, создавать профессиональные школы, организовывать научные исследования и т.д. Так, уже в 1731 г. был учрежден Шляхетский корпус, где наряду с военными кадрами осуществлялась подготовка и будущих чиновников.

При Петре I в основном завершилось становление российской бюрократии и началось ее развитие на собственной основе. Об этом свидетельствует, в частности, то, что гражданская служба организационно обособилась от службы военной и стала рассматриваться как самостоятельный вид деятельности. Если до начала реформ в государственном аппарате имелись лишь отдельные, достаточно неразвитые, начала бюрократического управления (постоянный штат, простейшие формы разделения управленческого труда, элементы служебной иерархии, зачатки служебной карьеры, элементы письменного делопроизводства и т. д.), то в результате их проведения в стране появилась бюрократия, во многом напоминающая западную. В государственном аппарате в основном утвердились такие бюрократические черты как административная иерархия, деление чиновников на классы, принцип выслуги и меритократии, унифицированные структуры и штаты центральных и местных органов управления, служебные регламенты и инструкции, единообразный порядок делопроизводства, институт прокурорского надзора и др. «Наличие бюрократии, как о том свидетельствует исторический опыт России XVIII в., даже в годы безвременья, когда трон занимали серые личности, лишённые инициативы и способностей к государственной деятельности, – позволяло стране в силу инерции двигаться вперед, правда, медленнее, без прежнего блеска, но в ранее заданном направлении»²². Однако, несмотря на появление целого ряда рационально-бюрократических признаков, российское чиновничество еще достаточно долго продолжало сохранять патримониальные черты, в числе которых поборы с населения, произвол, волокита, привилегии дворян при служебном продвижении, ориентация не на закон, а на личное усмотрение. Отношения личной зависимости и покровительства пронизывали буквально все уровни чиновничьей иерархии, отодвигая на задний план формальные правила и процедуры. Автономии и правовой защищенности чиновников от произвола вышестоящего начальства практически не существовало.

²² Павленко Н.И. У истоков российской бюрократии // Вопросы истории. 1989. № 12. С. 17.

УДК 327.7“21”

НОВЕЙШИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ: ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ

THE NEWEST INTEGRATIONS: DEFINITION AND CLASSIFICATION

В.И. Сологуб

V.I. Sologub

*Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации,
Россия, 119992, г. Москва, ул. Остоженка, 53/2 строение 1*

*Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
Building 1, 53/2 Ostozhenka St, Moscow, 119992, Russia*

E-mail: vitsologub@gmail.com

Ключевые слова: новейшая, интеграция, вид, классификация, политическая, международный, развитие.

Key words: newest, integration, type, classification, political, international, development.

Аннотация. Основу существующего сегодня политического мира составляют интеграционные процессы. Результаты развития таких процессов мы наблюдаем в повседневной деятельности государств и иных субъектов международных отношений. Вместе с тем, политическая интеграция осуществляется в различных видах и формах, посредством использования разнообразных способов и методов взаимодействия. Автор статьи выдвигает гипотезу о появлении в современном политическом мире новейших интеграционных объединений, обладающих индивидуальным набором признаков. Жизнеспособность такой гипотезы обосновывается посредством выделения и последующего анализа видов указанных интеграций. Автором выделяются три основных вида новейших интеграционных объединений: постколониальный, паритетный и теселентный. Представляется описание особенностей каждого из видов, а также практических примеров их реализации. В силу преобладающих в мировой политике интеграционных процессов, исследование проблематики формирования новейших интеграций представляется весьма актуальным.

Resume. Integration processes are the basis of the current political world. We can see the results of the development of such processes in everyday activity of the states and other subjects of international relations. At the same time the political integration has different types and forms, with the various instruments and methods of collaboration. The author of the article presents the hypothesis of the newest integrations, appeared in modern political world with an exclusive set of features. The vitality of such a hypothesis is proved by identifying and subsequent analysis of the mentioned integrations' types. The author defines three main types of the newest integrations: postcolonial, parity, tessellated. The article gives the description of the peculiarities of each of the types and practical examples of theirs realization as well. Because of the integration processes, dominating in the world politics, the research of the newest integrations' issues seems to be very urgent.

Современный политический мир представляет собой систему взаимосвязанных международных отношений, субъектами которых выступают, в большей части, государства. Вторая половина XX века стала временем интеграций, временем выхода на политическую арену региональных интеграционных объединений. Такие объединения можно назвать классическими с точки зрения порядка их формирования и отличительных признаков. В настоящей статье речь пойдет об интеграционных объединениях XXI века, которые, по мнению автора, являются особой, вновь образовавшейся, группой политических интеграций.

Мы можем наблюдать, что многие объединения, в частности, Союз для Средиземноморья, БРИКС, Евразийский экономический союз, объединения в рамках Трансатлантического и Транстихоокеанского сотрудничества, а также некоторые другие, по своим характеристикам и определяющим признакам уже не могут быть помещены в рамки классических интеграционных концептов, и поэтому должны быть выделены в отдельную группу политических интеграций.

Предлагается определить такие интеграционные объединения как «новейшие» и ввести соответствующую научную категорию.

Новейшее интеграционное объединение представляет собой надгосударственную общность, построенную на основе внешнеполитических и непосредственно связанных с ними внутриполитических действий государств, и обладающую признаками ускоренности формирования, невозможности изоляционизма, географической глобальности, эклектизма, политической вовлеченности.

Рассмотрим отличительные признаки новейших интеграционных объединений.

Ускоренность формирования. Мы можем увидеть, что темпы развития международного сообщества в значительной степени усилились и с начала 2000-х годов. Сегодня, с учетом развития современной технологической инфраструктуры, время на интегрирование политических субъектов сократилось в несколько раз, о чем свидетельствуют процессы, происходящие, в частности, на территории бывших советских республик.

Невозможность изоляционизма, взаимозависимость. Уровень политической, экономической, социальной и духовной взаимозависимости настолько высок, что, порой, самостоятельные суверенные государства попросту зависят от своих политических и экономических партнеров, участвуя в процессе принятия значимых решений. Зачастую государства попросту вынуждены поддерживать позицию партнеров по государственному бизнесу, соответствовать общей внешнеполитической заинтересованности, даже в ущерб своему национальному интересу. При этом такая ситуация возникает как в отношении малых государств, так и в отношении «крупных игроков» международной арены. Показательным примером в этом отношении явились попытки разрешения «украинского вопроса» 2013 – 2015 годов с последующими взаимными «санкционными» действиями различных государств.

Кроме этого, в процессе формирования новейшей интеграции, с точки зрения норм международного права, недопустимы существенные действия отдельных акторов без одобрения мирового сообщества (хотя имеются и исключения), что имело место во времена начальных этапов интеграции, ввиду принципа «кто сильнее, тот и прав».

Географическая глобальность. В рамках указанного признака глобальность понимается как нечто безграничное, всеобъемлющее.

Глобальность представляет собой явление, которое имеет отношение ко всем сферам жизнедеятельности современного человека, всецело покрывая любую, в том числе и политическую, активность. Глобальность – это некое единство связей и идей, «инфраструктура, на которой базируется информационное общество»¹.

Ранее интеграции возникали исключительно в однородных, близких друг к другу географических регионах (ярким примером могут служить и США, и Европейский союз), однако в новейшей истории принцип географической близости уже не имеет столь сильного, определяющего значения: ему на смену приходит та самая «новейшая глобальность», позволяющая информационно, политически и экономически интегрировать территории (акторов), физически находящихся в различных уголках Земного шара, как это реализуется сегодня, в частности, в рамках форума БРИКС.

Географический характер новейших интеграций весьма силен, но со временем, он перестанет иметь решающее значение.

Эклектизм, то есть объединение того, что на первый взгляд представляется несочетаемым.

Классические интеграции были построены на полном единстве базовых экономических, политических, социальных и духовных ценностей (идентичные политические системы, религиозные воззрения, социальная стратификация, иное)². Однако в настоящее время мы видим примеры интеграций, которые в своей основе имеют абсолютно различные ценности.

Политическая вовлеченность. Данный признак говорит о том, что в настоящее время авторами идей создания новейших интеграций и основными их разработчиками становятся именно политики, функционеры и иные представители «Real Politik», а не теоретики, как это происходило ранее. Именно лица, непосредственно имеющие власть и возможность управлять ею, создают и продвигают новейшие политические интеграции.

Как правило, политические личности, принимающие значимые для государств решения, действуют не по заранее разработанному теоретическому интеграционному плану, а с

¹ Ланвэн Б. Эксклюзивное интервью для журнала «Информационное общество», Дубай, Объединенные Арабские Эмираты, 30 ноября 2010 г. // Информационное общество. 2010. № 6.

² Рубинский Ю.И. Европейские ценности // Вестник Европы. 2009. № 26-27.

учетом складывающейся, быстро меняющейся конъюнктуры: систематичности или непоследовательности происходящих политических событий. С учетом уровня практических навыков, умения объективно прогнозировать наступление тех или иных обстоятельств, а также постоянного непосредственного контакта таких лиц с окружающей политической действительностью, политикам предоставляется возможность распознавать барьеры, стоящие на интеграционном пути, стремительно и эффективно корректировать политический курс при наступлении такой необходимости.

Вместе с тем, на современном этапе перед исследователями стоят задачи не только по определению признаков новейших интеграций, по которым можно было бы отделить эти формирующиеся объединения, но и по классификации таких интеграций.

Основанием для осуществления такой классификации должен служить существенный критерий, который позволит, безусловно, без принятия во внимание иных обстоятельств, провести классификацию, а также будет достаточным для максимально полного охвата всех возможных новейших интеграционных объединений.

Таким критерием может послужить характер отношений между акторами, поскольку именно он, как правило, определяет вектор концептуального формирования и стратегического развития объединения, а также именно этот критерий показывает фактическую сущность, цели и задачи действий всех интегрирующихся акторов.

С учетом названного критерия, полагаем, что в настоящее время можно выделить три основных вида новейших интеграционных объединений: постколониальный, паритетный и теселентный (мозаичный).

Каждый из поименованных видов, безусловно, имеет признаки, характеризующие саму категорию новейшего интеграционного объединения, но также содержит и группу специфических характеристик в рамках внутривидового сравнения.

Постколониальный вид новейшего интеграционного объединения характеризуется тем, что в рамках интеграции существует ярко выраженный политический, а также, как правило, экономический и социальный лидер.

Такой лидер старается реализовать свое первенство во всех сферах взаимодействия. Лидерство подкрепляется также и существующей историко-духовной связью между интегрирующимися субъектами, обусловленной, как правило, колониальными отношениями или иными отношениями власти-подчинения в прошлом. Общими словами данную отличительную черту можно обозначить как «колониальность» в толковании, предложенном А. Кихано, как преобладание социально-политических групп одного государства (государств, рас, наций) над политической волей представителей других государств (рас, наций), основанное на существовавшей между этими государствами (расами, нациями) колониальной зависимости³.

Отличительной чертой данного вида объединения является, безусловно, ущемление политических и экономических прав субъектов по сравнению с лидером интеграции. Кроме того, каждый из интегрирующихся субъектов «подстраивается под настроение» лидера в целях получения от него большего количества преференций и субсидирования в различных областях. Эта схема наталкивает на мысль о том, что такая интеграция может со временем превратиться в «погоню» субъектов за финансами лидера.

Более того, интегрирующиеся в рамках таких объединений акторы менее активны и менее способны к значительным интеграционным шагам в последующем развитии (разумеется, все, кроме самого лидера).

По нашему мнению практическим примером постколониального вида новейших интеграционных объединений является Союз для Средиземноморья, функционирующий с переменной интенсивностью. В рамках указанного объединения Франция (как государство, имевшее колонии, в частности, в Северной Африке) выступает в качестве лидера интеграции, последовательно реализуя свой авторитет в государствах, по отношению к которым являлась метрополией и в которых сохранила свое существенное влияние. В свою очередь, государства, являвшиеся колониями, или длительное время находившиеся под французским протекторатом, при решении своих экономических, социальных и иных проблем рассчитывают на политическую и финансовую поддержку со стороны Франции.

Вторым видом интеграций являются паритетные новейшие интеграционные объединения. Этот вид отличают следующие характеристики.

Во-первых, для интегрирующихся акторов паритетного вида интеграций объединение является «содружеством равных». И здесь мы ведем речь именно не о равноправии (как в

³ Quijano A. Coloniality of Power, Eurocentrism, and Latin America. Durham. 2000. p. 533.

случае с теселентным видом объединений), а о полном равенстве в рамках интеграционного объединения с учетом того, что такое равенство как характеризует политическую и экономическую деятельность актора, так и проявляется в его функционале участника интеграции как таковом.

Равенство субъектов предполагает равное неформальное участие всех акторов в согласовании общих решений, деклараций, иных совместных действий интеграции, применении таких решений и реализации таких действий, равно как и идентичную финансово-экономическую вовлеченность в бюджетирование интеграции.

Во-вторых, такая паритетная интеграция отличается от иных видов интеграционных объединений существованием политической воли акторов, реализующих создание интеграции, которая и позволяет им действовать допустимо самостоятельно в рамках своего национального интереса.

В-третьих, такого вида интеграциям присущ значительный уровень активности их членов, поскольку особую важность приобретают форумы, дискуссии, многосторонние переговоры, то есть виды общения, основанные на личном контакте высокопоставленных представителей акторов. Однако нужно учитывать и то, что в рамках данного вида интеграционных объединений акторы действуют исключительно в рамках самого интеграционного объединения, оставляя достаточно большую свободу действий для осуществления иной внешнеполитической активности вне зависимости друг от друга.

Основной сложностью на пути развития данного вида интеграций является достижение консенсуса в отдельно взятых инициативах акторов. Да, безусловно, в формировании некой общей единой позиции, стратегии или тактики действий субъектов, как правило, острой полемики не возникает, однако именно в решении повседневных, более «узконаправленных» задач, выработке практических и точных политических решений, имеющих значительный международно-правовой обязывающий характер, субъектам в рамках паритетного объединения проблематично проводить оперативное согласование.

Сложности во взаимодействии в рамках такого вида объединений вызывает применение «жесткой силы»⁴ (в отличие от «мягкой»⁵), поскольку довольно часто интегрирующиеся акторы связаны с иными акторами обязывающими двусторонними и многосторонними соглашениями.

Ярким примером паритетного вида новейших интеграционных объединений является форум БРИКС.

Теселентный⁶ вид интеграционных объединений можно назвать самым сложным и трудно выявляемым, поскольку для выделения такого вида необходим детальный и глубокий структурный анализ складывающихся интеграционных взаимоотношений.

Теселентный вид интеграций представляет собой некий механизм, в рамках которого каждая деталь механизма, работая, выполняет свою функцию, что позволяет функционировать всему механизму в целом.

Кроме того, в рамках данного вида объединений интегрирующиеся акторы, как правило, не равны по своим возможностям, вкладу и прочим показателям, но вместе с тем, в обязательном порядке каждый актор участвует в интегрировании непосредственно. Такое участие (зачастую именно функциональное) делает каждого актора либо незаменимым, либо сложно заменимым в объединении. Иногда в целом от такого участия зависит само существование того или иного объединения.

Особенностью теселентного вида является и относительная простота распределения тех или иных задач в рамках объединения в связи со сложившимся функционалом. Вследствие чего, можно говорить об относительной скорости, эффективности, динамичности работы в рамках объединения, а также о возможности быстрого достижения единого мнения по каким-либо вопросам.

Основное отличие теселентного вида от паритетного заключается в том, что субъекты не имеют в качестве обязательного условия показатели равенства, здесь мы можем говорить

⁴ Campbell K. and O'Hanlon M. *Hard Power: The New Politics of National Security*. Washington D.C. 2006. P. 6.

⁵ Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York. 2004. P. 5.

⁶ Термин «теселентный» образован от английского слова «to tessellate», что в переводе на русский язык означает «укладывать мозаикой» или «составлять мозаику», поэтому данный вид объединений также можно назвать «мозаичным». Наименование данного вида интеграций исходит из специфики взаимодействия государств внутри объединения. Из деятельности акторов в рамках интеграции складывается «мозаика» отношений – общий результат на основе вклада каждого из субъектов. В рамках данного вида акторы действуют в «концерте», дополняя друг друга в первую очередь функционально, а также экономически и политически.

именно о равноправии, то есть предоставлении равных прав каждому из участников интеграции. Непосредственное сотрудничество в рамках данного вида интеграции осуществляется на мультифункциональной основе.

Существенное значение для интеграции данного вида, равно как и определенную сложность в его реализации имеет так называемое «первичное интегрирование», то есть начальный этап формирования самого образа интеграции и присоединение новых акторов к интеграции. Указанное связано с тем, что на поименованном этапе акторам крайне сложно быстро и эффективно определить новый функционал субъекта, его будущую «роль» в рамках объединения.

Сложным представляется и процесс адаптации интегрирующихся акторов к новым участникам, перестройке сложившегося порядка взаимодействия под нужды самого объединения.

К теселентному виду объединений можно отнести Евразийский экономический союз.

На основе анализа большинства новейших интеграционных объединений можно утверждать, что представленная нами классификация максимально полно отражает все существующие сегодня виды. Более того, закономерностей, на основании которых можно было бы сделать вывод о наличии каких-либо иных видов новейших интеграционных объединений, на настоящий момент не усматривается.

Таким образом, можно заключить, что категория новейшего интеграционного объединения является новой, и подлежит тщательному анализу со стороны исследователей. Данная категория находится на начальном этапе своего развития, ввиду чего, будет претерпевать значительные изменения в будущем. Однако на настоящий момент можно объективно утверждать о существовании новейших интеграционных объединений различных видов в окружающем нас политическом мире.

УДК 329.61:323.28

**ПОСТКОНФЛИКТНЫЕ ТРАЕКТОРИИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ
ОРГАНИЗАЦИЙ В СЛУЧАЕ ПОБЕДЫ АНТИПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ СИЛ:
ПРЕДПОСЫЛКИ, ПАРАМЕТРЫ, ТЕНДЕНЦИИ**

**POSTCONFLICT TRAJECTORIES OF TERRORIST ORGANIZATIONS IN
THE CASE OF THE VICTORY OF ANTIGOVERNMENT FORCES:
PRECONDITIONS, PARAMETERS, TRENDS**

Д. В. Прошин

D. V. Proshin

*Днепропетровский университет имени Альфреда Нобеля,
Украина, 49000, г. Днепропетровск, ул. Набережная Ленина, 18*

Dnepropetrovsk Alfred Nobel University, 18, Naberezhnaya Lenina Str., Dnepropetrovsk, 49000, Ukraine

E-mail: denis.v.proshin@gmail.com

Ключевые слова: терроризм, террористические организации, победа антиправительственных сил, постконфликтные траектории террористических организаций.

Key words: terrorism, terrorist organizations, the victory of antigovernmental forces, postconflict trajectories of terrorist organizations.

Аннотация. Статья посвящена постконфликтным траекториям террористических организаций, принадлежавших к лагерю победивших антиправительственных сил. Рассмотрены примеры еврейских группировок «Иргун» и «Лехи» (1930-40-е гг.), кипрской ЭОКА (1955-59, 1971-78 гг.) и южноафриканских «Умконтото ве сизве» и «Освободительной армии азанийского народа» (1961-1994 гг.). Постконфликтная динамика указанных вооруженных формирований проанализирована с учетом специфики политических конфликтов, их породивших, а также той роли, которую эти формирования сыграли в успехе антиправительственных сил. Раскрыты как специфические характеристики отдельных постконфликтных траекторий, так и общие параметры и тенденции их формирования.

Resume. The article concerns the postconflict trajectories of the terrorist organizations that belonged to the victorious antigovernment camp. Analyzed are the cases of the Jewish groups Irgun and Lehi (1930-40s), Cypriot EOKA (1955-59, 1971-78) and South African Umkhonto we Sizwe and Azanian People's Liberation Army (1961-94). The postconflict dynamics of the selected armed formations is analyzed in connection with the specifics of the political conflicts that gave birth to them and the role these formations played in the success of antigovernmental forces. Considered are both specific features of particular postconflict trajectories and their general parameters and trends.

Попытки разобраться в постконфликтной судьбе террористических организаций, принадлежащих к лагерю победившей оппозиции, могут показаться малосодержательными поисками очевидного: достигнутая победа означает власть, коренное изменение ситуации в пользу победителя, обретение новых возможностей и нового статуса. Но в действительности роль и место террористических организаций в ситуации, складывающейся после победы оппозиционных сил, отнюдь не однозначны. Ошибочно уже преподнесение успехов оппозиции исключительно как «заслуги» террористических организаций. Соответственно, отнюдь не бесполезны вопросы о том, что достигнутая победа может означать для самих террористов и какой оказывается дальнейшая судьба их организаций. Без ответа на них понимание природы терроризма и оценка его последствий будут далеко не полны.

Для анализа отобраны три конфликта, как правило, называемые в качестве примеров стратегического успеха оппозиционных сил, прибегавших к терроризму: 1) борьба за создание еврейского государства в Палестине, 1930-40-е гг.; 2) восстание против британских властей на

Кипре, 1955-59 гг.; 3) борьба против режима апартеида в ЮАР, 1961-1990 гг.¹ Антиправительственными формированиями, непосредственно применявшими террористические методы в ходе этих конфликтов, были соответственно: 1) «Иргун» («Национальная военная организация») и «Лехи» («Борцы за свободу Израиля»); 2) «Национальная организация бойцов-киприотов» (ЭОКА); 3) «Умконтго ве сизве» («Копье нации», МК) и «Освободительная армия азанийского народа» (АПЛА)².

Палестина. С первых шагов сионистского движения Палестина рассматривалась его участниками как единственный «дом» для еврейского народа. Наиболее категорично эти настроения выражались в стремлении к созданию независимого еврейского государства на всей территории «исторической Палестины» (включая земли к востоку от Иордана), в результате Первой мировой войны оказавшейся под контролем Великобритании³. Но в конечном итоге после сложных политических маневров, всплесков насилия и международных переговоров государству Израиль, созданному в 1948 г., отошла только часть палестинских земель. Другая их часть должна была достаться создаваемому одновременно с еврейским арабскому государству (для Иерусалима предусматривался особый международный режим управления). Нет недостатка в трактовках причин, побудивших руководство сионистского движения принять план раздела Палестины. Однако даже если этот компромисс действительно рассматривался умеренными сионистами лишь как временная уступка, призванная ускорить обретение независимости, он оставался предательством интересов еврейского народа с точки зрения радикалов, для которых единственным решением было «еврейское государство на обоих берегах Иордана»⁴. В свою очередь неприемлемым сочла раздел Палестины и арабская сторона. Противоречия вылились в вооруженные столкновения между евреями и палестинцами (1947-48 гг.), а затем – в первую арабо-израильскую войну (1948-49 гг.). Таким образом, радикалы-сионисты и арабы продемонстрировали полное «единодушие» в неприятии раздела Палестины, в результате чего возникли два взаимосвязанных конфликта – межъеврейский и арабо-израильский. Постконфликтная динамика «Иргун» и «Лехи» была определена наложением друг на друга этих двух конфликтов.

Кипр. Изначальной двуединой целью тех сил на Кипре и в Греции, которые инициировали восстание 1955-59 гг., были независимость острова от Великобритании и энзис – объединение с Грецией⁵. Однако конфликт, в который наряду с греками-киприотами, Великобританией и Грецией были неизбежно вовлечены турки-киприоты и Турция, завершился компромиссом. Осознав невозможность энзиса перед лицом сопротивления турецкой стороны, а также намерения Великобритании удержать контроль над своими военными базами, греческая сторона согласилась на создание независимого кипрского государства (1960 г.) с разделением политических полномочий между греческой и турецкой общинами и сохранением на острове британского военного присутствия. Но отказ от энзиса, ставший важнейшей предпосылкой успеха оппозиционных сил, никогда не был единодушным, как не был устойчивым и созданный в 1960 г. механизм сосуществования двух этнических общин. В течение следующих четырнадцати лет нараставшие межобщинные противоречия (усугублявшиеся вмешательством Греции и Турции), а также противоречия между сторонниками и противниками энзиса среди самих греков расшатывали кипрское государство. Эти же противоречия задали внешние рамки постконфликтной динамики группировки ЭОКА.

ЮАР. Несмотря на то, что руководство Африканского национального конгресса (АНК) – ведущей политической силы черных южноафриканцев – занимало двойственную позицию по вопросу о применении насилия и пыталось сохранить возможность политического диалога, исход конфликта изначально виделся противникам апартеида как решительная победа над белым режимом⁶. Но поскольку к концу 1980-х гг. противостояние приобрело патовый характер, грозя

¹ Cronin A. How Terrorism Ends: Understanding the Decline and Demise of Terrorist Campaigns. Princeton University Press, 2009; Jones S., Libicki M. How Terrorist Groups End: Lessons for Countering al Qaida. RAND, 2008; Weinberg L. The End of Terrorism? Routledge, 2012.

² «Азания» – термин, использовавшийся некоторыми противниками апартеида для обозначения Южной Африки.

³ Burleigh M. Blood and Rage: A Cultural History of Terrorism. HarperCollins Publishers, 2009. P. 89.

⁴ Mendilov J. Ideology, Party Change, and Electoral Campaigns in Israel, 1965-2001. State University of New York Press, 2003. P. 34.

⁵ Karyos A. EOKA and Enosis in 1955-59: Motive and Aspiration Reconsidered. URL: http://www.lse.ac.uk/europeanInstitute/research/hellenicObservatory/pdf/4th_%20Symposium/PAPERS_PPS/HISTORY%20II/KARYOS.pdf

⁶ Maharaj M. The ANC and South Africa's Negotiated Transition to Democracy and Peace. Berghof Research Center for Constructive Conflict Management, 2008. P. 13.

гражданской войной, лидеры АНК и правительство ЮАР признали необходимость компромисса, что, в частности, потребовало от руководства черного сопротивления отказа от идеи радикального демонтажа расистского режима и принятия более гибкой стратегии передачи власти, включавшей в себя переходный период, временные элементы совместного правления, инкорпорацию значительной части кадрового состава силовых структур старого режима в силовой блок нерасовой ЮАР и, наконец, возможность амнистии для военнослужащих и сотрудников сил безопасности белого режима, не совершивших тяжких преступлений и признавших свою вину. Вместо провозглашения решительной победы над апартеидом и немедленного искоренения всех его институтов пришедшая к власти оппозиция была вынуждена настраивать сложный механизм сосуществования со вчерашними врагами, включая сосуществование бывших боевиков из МК и АПЛА и тех, кто ранее стоял на защите белого режима⁷.

Следующая задача состоит в том, чтобы обозначить то конкретное место, которое террористические организации занимали в контексте рассматриваемых конфликтов, в особенности – к моменту их успешного для оппозиционных сил завершения.

«Иргун» и «Лехи». В 1930-х гг. сионистское движение раскололось на умеренное большинство, сочетавшее сионизм и социализм, и ревизионистское меньшинство, стоявшее на праворадикальных позициях. Именно агрессивным меньшинством (М. Бегин, А. Штерн и др.) были сформированы террористические организации «Иргун» (1931 г.) и «Лехи» (1940 г.), которые начали борьбу с палестинцами и британскими властями. Однако их действия, достигая своих оперативных целей, со стратегической точки зрения являлись лишь дополнительным раздражителем, но отнюдь не главной причиной ухода Великобритании из Палестины⁸. Более того, такие одиозные акции «Иргун» и «Лехи», как политические убийства или убийства случайных гражданских лиц, наносили серьезный ущерб репутации сионистского движения и затрудняли попытки его руководства достичь договоренности с британским правительством. За исключением нескольких месяцев в 1945-46 гг. умеренные подчеркнуто дистанцировались от экстремистов из «Иргун» и «Лехи» и даже сотрудничали с британцами в розыске и поимке членов «Иргун».

Возникнув как порождение самоизолировавшейся радикальной фракции в сионизме и своими действиями поставив себя вне закона в глазах британской стороны, эти организации вплоть до провозглашения независимости Израиля в 1948 г. оставались на политической периферии⁹. Никто из их представителей не принимал участия в обсуждении окончательных условий создания Израиля и не вошел в состав его первого правительства. Дальнейшая траектория «Иргун» и «Лехи» отражает попытки продолжить прежнюю агрессивную линию в отношении как умеренных сионистов, так и палестинцев и всех тех, кто с точки зрения экстремистов являлся препятствием на пути к созданию еврейского государства на всей территории Палестины.

ЭОКА. В отличие от «Иргун» и «Лехи» кипрская ЭОКА (образована в 1955 г.) являлась ударным элементом оппозиционного фронта. Однако итоги ее деятельности неоднозначны. Ни ЭОКА, ни британские силы не смогли достичь решающего успеха, и в результате конфликт был разрешен компромиссным путем. С другой стороны, ЭОКА удалось, несмотря на безусловное превосходство противника, создать те политические условия, в которых итоговый компромисс стал возможен¹⁰.

Восстание 1955-59 гг., выросшее из давней идеи «собираения греческих земель», пользовалось значительной поддержкой как на Кипре, так и в Греции. О ее уровне говорит то, что роль политического и одновременно духовного лидера движения взял на себя предстоятель Кипрской православной церкви архиепископ Макарий III. Руководство ЭОКА (полковник Г. Гривас и др.) полностью признавало Макария как выразителя интересов греков-киприотов. Но по мере того как конфликт приближался к своему разрешению, отношения между Макарием и руководством ЭОКА осложнились. Готовность Макария отказаться от энозиса вызвала недовольство Гриваса, однако руководитель ЭОКА не имел возможности помешать выполнению заключенных в 1959 г. компромиссных соглашений. (Объявленный в розыск Гривас не принимал участия в переговорах – как и никто другой из представителей ЭОКА.) Выступление под лозунгом энозиса одновременно против популярного среди греков-киприотов Мака-

⁷ Truth and Reconciliation Commission of South Africa Report. Volume 1. 1998. P. 5-6.

⁸ Cronin A. Op. cit. P. 84-85.

⁹ Sprinzak E. Brother Against Brother: Violence and Extremism in Israeli Politics from *Altalena* to the Rabin Assassination. The Free Press, 1999. P. 39-40.

¹⁰ French D. Fighting EOKA: The British Counter-Insurgency Campaign on Cyprus, 1955-1959. Oxford University Press, 2015. P. 139-140.

рия и против греческого правительства, также отказавшегося от идеи воссоединения, означало бы для ЭОКА потерю поддержки как на Кипре, так и в Греции¹¹, поэтому Гривас подчинился принятым решениям и объявил о роспуске своих сил. Таким образом, в отличие от еврейских террористических организаций ЭОКА прекратила свое существование сразу по завершении породившего ее конфликта, несмотря на то, что ее основная цель не была достигнута. Но главная особенность постконфликтной динамики ЭОКА не в этом и не в ее первоначальном «растворении» в политических институтах независимого Кипра, а в ее позднейшем возрождении для борьбы уже с кипрскими властями. В 1959 г. единодушие Макария и греческого правительства в отказе от энозиса заставило ЭОКА смириться с компромиссом. Приход к власти в Греции военного правительства (1967 г.), питавшего враждебность к Макарию, дал сторонникам энозиса основания рассчитывать на реванш.

МК и АПЛА. Создание МК и АПЛА (1961 г.) отразило обострение межрасового конфликта в ЮАР, обусловленное жестоким подавлением мирных протестов против апартеида и запретом черных политических организаций – Африканского национального конгресса и Панафриканского конгресса, – каждая из которых сформировала свое вооруженное крыло. Панафриканисты из АПЛА, боровшиеся за «африканскую» Южную Африку, видели в белых законную цель и были готовы к кровопролитию. Действия МК сдерживались стремлением АНК к созданию нерасовой демократии и поэтому вначале сводились к бескровному саботажу, призванному «отрезвить» власти¹². В конце 1970-х гг. МК стало более агрессивным. Но даже после этого насилие осталось лишь одним из четырех пунктов общей стратегии АНК наряду с организацией массовых протестов, нелегальной политической деятельностью и развертыванием международной кампании по изоляции расистского режима¹³. Соответственно, и успех, достигнутый оппозицией, главным элементом которой всегда оставался АНК, отнюдь не был результатом исключительно насильственных акций МК или его союзников/оппонентов из АПЛА¹⁴.

Действия МК и АПЛА во время начавшихся в 1990 г. переговоров между правительством и оппозицией были продолжением политической линии их «материнских» организаций. Вступив в переговоры с властями, руководство АНК взяло на себя обязательство прекратить вооруженные акции МК (1990 г.), и хотя отдельные элементы МК были причастны к тому общему всплеску насилия, который ЮАР испытала накануне упразднения старого режима, АНК в целом осталась верна данному обязательству. В свою очередь руководство панафриканистов бойкотировало переговоры, и АПЛА не только продолжала атаки против белых, но и сместила их фокус с военных и полицейских на обычных граждан. Провокации совершала и противоположная сторона (так, в 1993 г. белым убийцей был застрелен начальник штаба МК К. Хани). Тем не менее демонтаж апартеида успешно завершился выборами 1994 г., принесшими победу АНК и его президенту Н. Манделе. (Панафриканский конгресс, в конце концов принявший условия мирной смены власти, получил чуть более 1 % голосов избирателей¹⁵.) Одобренная еще в 1993 г. Временная Конституция предусматривала включение отрядов МК и АПЛА в состав обновленных Сил обороны Южной Африки. 27 апреля 1994 г., в день выборов, МК и АПЛА официально прекратили свое существование. Наконец, в 1995 г. начала работать Комиссия правды и примирения, призванная дать оценку огромному числу нарушений прав человека, допущенных в ходе многолетнего конфликта как представителями силовых структур белого режима, так и членами МК и АПЛА.

Динамика МК и АПЛА на протяжении всей их деятельности определялась руководством их «материнских» организаций. Несмотря на периодические случаи своеволия отдельных ячеек – вполне объяснимые с учетом того, что и политические лидеры оппозиции, и руководство самих МК и АПЛА находились за границей (Замбия, Танзания), – политическое руководство сохраняло контроль над своими вооруженными формированиями. Прекращение деятельности МК и АПЛА и их включение в состав Вооруженных сил также было обусловлено политическими решениями, принятыми накануне передачи власти или непосредственно после нее и выполненными практически беспрекословно. Если постконфликтная динамика «Иргун», «Лехи» или ЭОКА отражала их политические амбиции, разногласия и конфликты с другими элементами оппозиционных сил, то динамика МК и АПЛА представляла собой дви-

¹¹ Karyos A. Op. cit. P. 18-19.

¹² Maharaj M. Op. cit. P. 11.

¹³ Ibid. P. 13.

¹⁴ Cronin A. Op. cit. P. 88-89.

¹⁵ April 26-29, 1994 General Election Results – Republic of South Africa Totals: National Assembly. URL: <http://electionresources.org/za/provinces.php?election=1994>

жение вдоль заранее намеченной для них линии. В Израиле и на Кипре бывшие террористические организации ставили новое руководство перед политическими вызовами и угрозами. В ЮАР бывшие вооруженные формирования не претендовали на самостоятельную роль и тем более не были силой, враждебной новым властям. Проблемы, связанные с этими формированиями, заключались не в противодействии им или заигрывании с ними, а в максимально эффективном и безболезненном осуществлении ранее уже согласованных решений относительно их будущего.

Обозначив общий контекст и отправные точки постконфликтных траекторий, можно перейти собственно к процессу их выстраивания.

Постконфликтная траектория «Иргун» и «Лехи». В начале противостояния с арабами, развернувшегося в 1947 г. как внутрисуданский конфликт и переросшего в полномасштабную межгосударственную войну, «Иргун» и «Лехи» дали согласие войти в состав образованных в мае 1948 г. Сил обороны Израиля. Но окончательного плана интеграции выработано не было. Более того, радикалы по-прежнему отвергали сценарий раздела Палестины. Отдельные их отряды сохраняли самостоятельность (жертвой такого отряда «Лехи» стал посол ООН граф Бернадот, пытавшийся предложить решение арабо-израильского конфликта в виде территориальных уступок с обеих сторон). Острые разногласия, взаимное недоверие и самовольные и провокационные действия радикалов привели к тому, что Израиль, находившийся в состоянии войны с шестью арабскими странами, оказался также перед угрозой вооруженной междоусобицы.

В итоге «Лехи» была объявлена вне закона уже властями Израиля, ее руководители и многие рядовые члены – приговорены к длительному тюремному заключению, а «Иргун» в последний момент выполнила ультиматум с требованием сдать оружие Силам обороны и подчиниться их командованию. Такой исход нельзя объяснить влиянием какой-то одной причины. Безусловно, «Иргун» и «Лехи» были слабейшей стороной конфликта, и, несмотря на воинственную риторику лидеров «Иргун», заявлявших, что их организация способна отразить любые атаки на свои базы¹⁶, радикалы не имели шансов в открытом столкновении с израильской армией. Вместе с тем у них уже был опыт долгой подпольной борьбы с сильнейшим противником – Великобританией. Поэтому отказ «Иргун» и «Лехи» от дальнейшего противостояния трудно объяснить только их слабостью. В то же время его единственной причиной нельзя назвать и патриотические мотивы радикалов (как это пытались сделать все те же лидеры «Иргун», утверждавшие, что они пожертвовали своими интересами, чтобы «не проливать еврейскую кровь»¹⁷). Подобное «самоотречение» радикалы продемонстрировали лишь после того, как их действия, продиктованные агрессивной идеологией и политическими амбициями, создали реальную угрозу междоусобного кровопролития. Наиболее вероятным представляется сочетание нескольких факторов – слабости «Иргун» и «Лехи»; сохранявшимся по обе стороны пониманием того, что затяжная вооруженная междоусобица поставит Израиль на грань поражения в арабо-израильской войне; и, как следствие, сохранявшейся у радикалов возможности, несмотря на обострение конфликта, войти – на условиях подчинения правительству – в политические и силовые структуры Израиля.

Отряды «Иргун» и «Лехи» вошли в состав израильской армии в 1948 г. Но конечной точкой постконфликтных траекторий этих организаций можно назвать участие в первых выборах в Кнессет (1949 г.) партий, созданных на их основе – «Херут» («Свобода») и «Список бойцов» соответственно. «Иргун» и «Лехи», безусловно, сыграли определенную роль в создании еврейского государства. Однако и им самим, и партиям, ставшим их политическим преемниками, провозглашение независимости Израиля не принесло ни власти, ни значительного влияния. В сумме «Херут» и «Список бойцов» получили менее 13 % депутатских мест¹⁸. Никто из их представителей не вошел в правительство, сформированное умеренными во главе с Д. Бен-Гурионом. На протяжении нескольких следующих лет «Херут» оставалась маргиналом, третируемым правящим большинством¹⁹. (Значение «Списка бойцов», получившего один мандат, было ничтожным.) Прошло почти тридцать лет, прежде чем восходившие к «Иргун» и «Лехи» политические силы смогли сформировать правительство (1977 г.). И хотя ореол «борцов за свободу» являлся частью имиджа нового премьер-министра М. Бегина (бывшего командира «Иргун») или нового председателя Кнессета И. Шамира (в прошлом – одного из лидеров «Лехи»),

¹⁶ Lapidot Y. The Irgun: A Short Story. URL: <http://www.daat.ac.il/daat/vl/theirgun/theirgun01.pdf>

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Knesset Elections Results. Constituent Assembly (which later turned into the First Knesset). URL: http://www.knesset.gov.il/description/eng/eng_mimshal_res1.htm

¹⁹ Mendilov J. Op. cit. P. 36.

этот поздний приход к власти бывших террористов, долгое время находившихся в лучшем случае во втором эшелоне израильской политики, лишний раз напоминает, что успех оппозиционного лагеря, частью которого являются террористические организации, отнюдь не означает автоматического успеха самих этих организаций и их руководителей.

Постконфликтная траектория ЭОКА. Созданная в 1955 г. «Национальная организация бойцов-киприотов» прекратила свое существование в 1959 г. Несмотря на то, что энозис, за который боролась ЭОКА, не был достигнут, архиепископу Макарию, избранному в 1960 г. президентом Кипра, удалось добиться лояльности большинства бывших руководителей и рядовых членов этой организации. (В первое правительство Макария входило пять министров, ранее принадлежавших к ЭОКА или бывших связанными с более широкими кругами сторонников энозиса.) Еще большее значение для нового режима имело то, что сама по себе перспектива слияния с Грецией, вдохновлявшая многих в 1950-х гг., утрачивала свою привлекательность по мере того, как на острове все отчетливее осознавались преимущества сохранения независимости²⁰. В то же время на Кипре оставалось некоторое число ветеранов ЭОКА, продолжавших вынашивать планы энозиса. В случае одних это была верность идеалу, в случае других – завуалированное стремление отомстить правительству Макария, якобы не воздавшему им надлежащим образом за их заслуги. Росту агрессивности этих элементов способствовало то, что, несмотря на достигнутое соглашение о разделении власти между греками и турками, межобщинная вражда после провозглашения независимости лишь усилилась (вплоть до кровавых столкновений в 1963 г.). Фигурой, способной возглавить выступавшие за энозис и враждебные Макарию силы, оставался бывший лидер ЭОКА Гривас (в 1959 г. по условиям мирных соглашений покинувший Кипр и переселившийся в Грецию). Однако важнейшей предпосылкой перехода радикальных противников Макария в наступление явились не амбиции Гриваса, а резкое охлаждение отношений между Кипром и Грецией после захвата власти в Афинах в 1967 г. «хунтой полковников».

Вскоре после переворота хунта начала на Кипре подрывную деятельность, целью которой был если не немедленный энозис, то, во всяком случае, низложение Макария и установление контроля над островом для «защиты интересов греческого народа». Террористические организации сторонников энозиса возникли на Кипре еще в 1960-х гг. Наконец, в 1971 г. под руководством тайно прибывшего на остров Гриваса была создана ЭОКА-Б («вторая» ЭОКА). Степень самостоятельности Гриваса и характер его отношений с греческими властями могут вызывать дискуссии²¹, однако бесспорно то, что после его скоропостижной смерти (январь 1974 г.) созданная им организация полностью перешла под контроль афинской хунты, превратившей ЭОКА-Б в один из инструментов свержения Макария. Объектом атак ЭОКА-Б стали не только турки, но и греки-киприоты, отвергавшие энозис. В июле 1974 г. ЭОКА-Б совместно с Национальной гвардией Кипра, с 1960-х гг. находившейся под командованием греческих офицеров и снабжавшей ЭОКА-Б оружием, совершила переворот, вынудив Макария бежать с острова. Новым президентом Кипра стал Н. Сампсон – ветеран «первой» ЭОКА и участник столкновений 1963 г. Переворот 15 июля привел к турецкому вторжению на Кипр и падению греческой хунты и марионеточного правительства Сампсона, что лишило ЭОКА-Б ее главной опоры. Если ЭОКА образца 1955-59 гг. пользовалась широкой поддержкой греков-киприотов, то ее «второе издание» осталось изолированной экстремистской организацией, с каждым годом все циничнее обслуживавшей интересы иностранного государства. В декабре 1974 г. власть Макария была восстановлена. В 1977 г. он скончался, но даже смерть главного противника, до конца своих дней остававшегося популярным среди греков-киприотов, не помогла ЭОКА-Б хотя бы немного усилить свое влияние. В 1978 г. она прекратила свое существование.

Итог деятельности ЭОКА-Б отмечен очевидной трагической иронией: организация, действовавшая под лозунгами «собрания греческих земель» и «защиты интересов греческого народа», стала одним из прямых виновников конфликта, в результате которого 37 % территории Кипра с находящимися там 70 % природных ресурсов острова оказалось под контролем Турции, а 200 тыс. греков-киприотов, населявших эти земли до 1974 г., превратились в беженцев²². Действия «первой» ЭОКА закончились компромиссом и провозглашением независимости Кипра. Действия ЭОКА-Б и ее союзников/хозяев из Греции поставили Кипр на грань катастрофы.

²⁰ Markides K. The Disloyal Opposition and the Fall of the Republic. URL: <http://www.cypus-conflict.net/disloyalty%20-%20Markides.html>

²¹ Aslim I. Greco-Cypriot Relations in 1960-1974 in the Light of American Diplomatic Documents // ATINER'S Conference Paper Series. 2012. P. 10; Markides K. Op. cit.

²² The Events of July and August 1974: Two Official Views. URL: <http://www.cypus-conflict.net/Greek%20v%20Turk%20onarr%20-%201974.html>

Постконфликтная траектория МК и АПЛА. Еще в 1992 г., будучи единственным реальным претендентом на власть в новой Южной Африке, АНК принял программу полномасштабных реформ во всех сферах жизни страны – в том числе и в сфере безопасности и обороны. Отныне силовые структуры ЮАР должны были отражать расовый и гендерный состав южноафриканского общества и быть политически нейтральными; все те, кто служил в силовых ведомствах старого режима, получали право остаться на службе при условии принятия ими новой конституции. Однако реальный процесс формирования нового силового блока, предполагавший, в частности, слияние Сил обороны Южной Африки, МК и АПЛА, начался лишь после выборов 1994 г., поскольку каждая из сторон желала как можно дольше сохранять имевшиеся в ее распоряжении вооруженные формирования. Как уже говорилось, несмотря на то, что АНК выступала в качестве правящей силы, ее политика по отношению к белому меньшинству строилась на компромиссных началах. Это было особенно заметно в ходе формирования Вооруженных сил новой ЮАР. Силы обороны старого режима не потерпели поражения и не капитулировали; к 1994 г. они сохранили свой потенциал и, безусловно, количественно и качественно превосходили МК и АПЛА вместе взятые. Поэтому, хотя представители АНК и МК и осуществляли политический контроль над процессом интеграции (Панафриканский конгресс и АПЛА самостоятельной роли не играли), в решении ключевых практических вопросов инициатива принадлежала старому руководству Сил обороны²³.

В 1998 г. бывшие члены МК и АПЛА составляли лишь около 15 % от общего числа офицеров и генералов обновленных Сил обороны²⁴. Всего же в Силах обороны в 1998 г. насчитывалось 57 тыс. военнослужащих старой армии, около 12 тыс. бывших бойцов МК и около 4 тыс. бойцов АПЛА²⁵. Строго говоря, создание новой южноафриканской армии представляло собой не столько слияние различных компонентов, сколько включение МК и АПЛА в реформируемые армейские структуры, оставшиеся от старого режима (при полной смене политического и частичной смене военного руководства Сил обороны). В ходе интеграции немало бойцов МК и АПЛА было отсеяно как не соответствующие строгим армейским критериям. Более того, значительная часть бойцов добровольно отказалась от зачисления в армию. Всего к гражданской жизни вернулось около 53 и 62 % бойцов МК и АПЛА соответственно²⁶. Несмотря на назначение пенсий и организацию программ профессионального обучения, для многих из них этот переход оказался весьма сложным. Немало бывших членов МК и АПЛА, не сумевших адаптироваться к новым условиям, влились в преступные группировки, что привело к резкому росту как числа преступлений, так и их тяжести²⁷. Болезненность перехода к мирной жизни усугублялась еще и тем, что, признав оправданность вооруженной борьбы против апартеида, независимая Комиссия правды и примирения (1995–98 гг.) тем не менее возложила на АНК, Панафриканский конгресс и их вооруженные формирования (равно как и на правительство и силовые структуры ЮАР) ответственность за регулярно совершавшиеся ими «вопиющие нарушения прав человека»²⁸.

Очевидно, что в случае МК и АПЛА следует говорить не о постконфликтных траекториях этих организаций в целом, а о траекториях их отдельных элементов или даже их отдельных членов. Руководители МК и АПЛА, связанные с политическими лидерами, пришедшими к власти в 1994 г., заняли ряд ключевых постов в Министерстве обороны и в армии. В свою очередь рядовые члены МК и АПЛА оказались перед непростой задачей адаптироваться к жизни в новых условиях, в которых, помимо всего прочего, не все их действия в ходе завершившегося победой конфликта были признаны оправданными.

За вычетом малоэффективных ветеранских ассоциаций, призванных осуществлять лишь функции социальной помощи, на основе МК и АПЛА не возникло никаких партий или объединений, которые под теми или иными лозунгами участвовали бы в политической жизни ЮАР. Большинство бывших бойцов осталось в сфере влияния старых политических сил, и те из них, кто был недоволен своим положением, пытались привлечь внимание к своим трудностям, прежде всего, по внутрипартийным каналам. В некоторых случаях проявления недовольства приобретали форму стихийных протестов. И, наконец, немалое число ветеранов пе-

²³ Le Roux L. The Post-Apartheid South African Military: Transforming with the Nation // Evolutions & Revolutions: A Contemporary History of Militaries in Southern Africa / M. Rupiya, ed. Institute for Security Studies, 2005. P. 241.

²⁴ Williams R. The Other Armies: A Brief Historical Overview of Umkhonto We Sizwe (МК), 1961–1994 URL: <http://samilitaryhistory.org/vol115rw.html>

²⁵ Le Roux L. Op. cit. P. 243.

²⁶ Ibid. P. 254.

²⁷ Nell M. No Place by the Fire: The Story of South African Ex-Combatants and the National Peace Accord Trust. The Atlantic Philanthropies, 2012. P. 29–31.

²⁸ Truth and Reconciliation Commission of South Africa Report. 1998. Vol. 2. P. 325.

тициям и митингам предпочло обращение к преступной деятельности, не имевшей уже вообще никакой политической окраски.

Будучи сравнительно эффективными и быстрыми, трансформация и «демобилизация» МК и АПЛА не были и – учитывая масштабы этих организаций и сложность породившего их конфликта – не могли быть безболезненными. Тем не менее, руководству ЮАР, сохранившему контроль над бывшими бойцами МК и АПЛА, удалось избежать главной опасности – политизации возникших противоречий. Многие вопросы, связанные с судьбой ветеранов МК и АПЛА, остаются открытыми по сей день. Но, парадоксальным образом, это может быть по-своему обнадеживающим обстоятельством. Остро стоявшая в начале 1990-х гг. проблема дальнейшей судьбы многотысячных вооруженных формирований, распавшись на множество частных эпизодов, сегодня представляет собой лишь одну из хронических проблем, обременяющих ЮАР.

Очевидным образом, постконфликтные траектории «победивших» террористических организаций более разнообразны и сложны, чем может показаться по прочтении лаконичной фразы О. Кронин, пишущей о «небольшом числе случаев, когда террористическим организациям удастся достичь своих основных целей, что позволяет их лидерам провозгласить победу и распустить организации (или прийти к власти)»²⁹.

«Успехи» террористических организаций в действительности оказываются успехами коалиций антиправительственных сил, в которых собственно террористические организации играют максимум роль исполнителя политических решений лидеров оппозиции или вовсе представляют собой маргинальные элементы, не столько способствующие успеху, сколько отдающие его своими провокационными действиями. Так или иначе, ни в одном из рассмотренных здесь случаев обращение к терроризму не стало решающим фактором успеха антиправительственных сил. Сам формат этого успеха определялся в ходе консультаций и переговоров, в которых представители террористических организаций либо вовсе не принимали участия (по причине своей изолированности/одиозности/маргинальности), либо участвовали в качестве соратников/подчиненных, входящих в окружение политических лидеров оппозиции. Наконец, в каждом из рассмотренных эпизодов достигнутый оппозицией успех представлял собой компромисс, поэтому даже применительно к оппозиции в целом (не говоря уже о наиболее радикальных ее элементах) рассуждать о достижении «основных целей» можно лишь с существенными уточнениями.

Как показывает проведенный анализ, в подобных условиях постконфликтная траектория «победивших» террористических организаций выстраивается под влиянием комбинации следующих факторов: 1) степень идейно-политической близости террористической организации и других оппозиционных сил (прежде всего – занимающих ключевое положение в антиправительственной коалиции); 2) степень политической и оперативной самостоятельности террористической организации; 3) степень вовлеченности террористической организации в процесс согласования условий завершения конфликта; 4) степень согласия/несогласия террористической организации с условиями завершения конфликта; 5) наличие или отсутствие внешних сил, заинтересованных в завершении/продолжении конфликта, а также характер их интересов, степень их влиятельности и характер представляемой ими угрозы. Проявляясь в разной форме и сочетаясь в различных комбинациях, эти факторы очень далеко друг от друга разводят траектории террористических организаций, как правило, однообразно маркируемых как «достигшие успеха». В целом, однако, ясно: чем меньше политическая дистанция между террористами и их союзниками; чем эффективнее контроль за террористами со стороны политических лидеров оппозиции; чем меньше влияние подпитывающих конфликт внешних сил, тем выше вероятность того, что по завершении конфликта террористическая организация сравнительно быстро и легко «демобилизуется» и в том или ином качестве впишется в новые реалии. Напротив, чем резче расхождения между террористами и их союзниками; чем свободнее террористы в выборе своего курса; чем ошутимее влияние на террористов внешних акторов, заинтересованных в дестабилизации ситуации, тем вероятнее то, что успешное для оппозиции завершение первичного конфликта станет лишь временным спадом волны политического насилия. Во всяком случае, рассмотренные здесь примеры свидетельствуют, что не только начало и развертывание террористических кампаний, но и их «успешное» завершение представляет собой серьезное испытание – на этот раз для добившейся успеха оппозиции.

²⁹ Cronin A. Op. cit. P. 82.

УДК 323(477)“2000/2010”

ДИСФУНКЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ УКРАИНЫ (2000-2010 гг.)

DYSFUNCTION OF THE POLITICAL SYSTEM OF UKRAINE (2000-2010)

Е.Н. Максимова

E.N. Maksimova

*Севастопольский государственный университет,
Россия, 299053, г. Севастополь, ул. Университетская, 33*

Sevastopol state University, 33 Universitetskaya Str, Sevastopol, 299053, Russia

E-mail: astarta_05@mail.ru

Ключевые слова: политическая система, дисфункция политической системы, нестабильность, Украина, политическое представительство, политическое управление, распределение ресурсов, политическая партиципация.

Key words: political system, dysfunction of the political system, instability, Ukraine, political representation, political management, resource allocation, political participation.

Аннотация. Анализируются дисфункции политической системы Украины, определяются нестабильные периоды ее развития. Автор считает, что предпосылками деструктивных изменений в рамках политической системы выступают ее дисфункции. Существенное влияние на стабильность политической системы оказывают дисфункции распределения ресурсов в обществе, дисфункции политического управления и политического представительства интересов, а также партиципаторные дисфункции. Выявление указанных дисфункций политической системы в определенные этапы ее функционирования позволяет устанавливать источники нестабильности и возможную динамику кризисов. Отмечается, что в процессе развития политической системы Украины с 2000 г. по 2010 г. присутствовали дисфункции: распределения ресурсов в обществе, политического управления, политической партиципации, политического представительства. В Украине дестабилизация политической системы в указанный период времени происходила трижды и сопровождалась тремя видами дисфункций. Набор дисфункций в 2002 г. и 2004 г. был одинаковым, отсутствовала дисфункция политического управления. В 2007 г. не наблюдалась дисфункция политической партиципации, однако проявилась дисфункция политического управления. Во всех трех случаях относительно стабильное состояние политической системы было восстановлено.

Resume. Analyzes the dysfunction of the political system of Ukraine are determined by the unstable periods of its development. The author proceeds from the thesis that the political instability caused by changes in its functional areas. Prerequisites destructive changes in the political system are its dysfunction. A significant influence on the stability of the political system have dysfunction of distribution of resources in society, the dysfunction of the political management and political representation of interests, as well as dysfunction of participation. The identification of these dysfunctions of the political system in certain stages of its functioning allows to set the source of instability and possible dynamics of crises. It is noted that in the process of development of the political system of Ukraine from 2000 to 2010 was attended by the following dysfunctions: distribution of resources in society, political management, political participation and political representation. In Ukraine, the destabilization of the political system in a specified time period has only happened three times and was accompanied by three kinds of dysfunction. Set of dysfunctions in 2002 and 2004 was similar; there was no dysfunction of political management. In 2007 was not observed dysfunction of the political participation, however, showed dysfunction of political management. In all three cases, a relatively stable political system was restored.

Вопросы достижения и поддержания стабильности политической системы продолжают оставаться актуальными для большинства стран постсоветского пространства. В рамках политической науки достаточно широко освещена проблематика политических кризисов (В.А. Барсамов, А. Фисун, Ю.М. Плотинский и др.); механизмы дестабилизации политических систем, в частности «цветные революции» (А.В. Гилев, И.В. Ситнова, А. Наумова и др.). Наряду с разработанными аспектами проблематики нестабильности существуют и иная менее изученная её плоскость. Речь идет о структурно-функциональном измерении нестабильности политической системы. Использование структурно-функционального подхода к заявленной

проблематике позволяет выделять и фиксировать такие изменения параметров политической системы, которые способны стать существенным фактором нестабильности политической системы. Изменения в политических системах становятся факторами нестабильности при условии их дисфункциональности, что проявляется в сбоях функционирования отдельных сегментов политической системы. Дисфункции политической системы могут быть определены по следующим параметрам: распределение ресурсов в обществе, политическое управление, политическая партиципация, политическое представительство интересов.

Целью статьи является анализ дисфункций политической системы Украины и определение нестабильных периодов её развития с 2000 г. по 2010 г.

Политическое развитие Украины на отдельных этапах характеризовалось чередованием относительно стабильных и кризисных периодов. Однако в условиях относительной стабильности система характеризовалась наличием, как минимум, дисфункций распределения ресурсов в обществе. В кризисные периоды развития наблюдались дисфункции по нескольким параметрам. Так, в начале 2000-х гг. в Украине наряду с дисфункциями распределения ресурсов проявились дисфункции политического управления и партиципации, которые были обусловлены процессами системной трансформации.

Анализируя перманентную для большинства переходных политических систем дисфункцию распределения ресурсов, следует отметить, что ее истоки кроются в модели экономического реформирования 1990-х гг. Либерализация экономики была связана с серьезными социально-экономическими издержками, ее процесс разворачивался при отсутствии необходимой правовой основы и гарантий для общества. Процессы либерализации экономики породили социальные диспропорции, привели к падению уровня жизни в обществе, существенно повлияли на такие показатели, как рождаемость и смертность населения. В то же время в цели экономической модернизации не были достигнуты. К концу 1990-х гг. ВВП Украины снизился более чем в 2 раза.

Определенные экономические успехи были достигнуты к 2000 г. В частности, правительству удалось снизить макроэкономические показатели инфляции и дефицита государственного бюджета, обеспечить стабильность национальной валюты. С другой стороны, признаки экономического роста коснулись лишь отдельных сфер хозяйства. При росте ВВП (в 2000 г. – на 5,8%, в 2001 г. – на 9,1%, в 2002 г. – на 4,1%) его уровень составил лишь 49% уровня 1990 г., а ВВП в расчете на душу населения составил в 2000 – 2002 гг. соответственно – 3,3 тыс. долл.; 3,7 тыс. долл.; 4,0 тыс. долл. В течение следующих пяти лет аналогичный показатель постепенно возрастал и составил по годам: 2003 г. – 4,5 тыс. долл.; 2004 г. – 5,2 тыс. долл.; 2005 г. – 5,6 тыс. долл.; 2006 г. – 6,2 тыс. долл.; 2007 г. – 6,9 тыс. долл.; 2008 г. – 7,6 тыс. долл. Что касается динамики доходов населения Украины, ситуацию конкретизирует Н.А. Балгачеева. По ее мнению, если в течение 2001-2005 гг. имел место стабильный рост доходов, то в 2006 г. темп роста существенно снизился. Начиная с 2006 г. наблюдается заметное замедление темпов прироста реального дохода, что объясняется активизацией в этот период инфляционных тенденций, а значительное снижение в 2009 г., кроме этого, связано с экономическим кризисом. Так, в 2009 г. по сравнению с 2008 г. выросли номинальные доходы населения, которые могут быть использованы населением на приобретение товаров и услуг. Вместе с тем уменьшился реальный доход, определенный с учетом ценового фактора, увеличились расходы населения¹.

Таким образом, несмотря на номинальный экономический рост, распределение ресурсов в украинском обществе является недостаточно эффективным. ВВП Украины в расчете на душу населения в течение 2000-х гг. оставался ниже среднемирового показателя. Объемы распределяемых ресурсов являются недостаточными для обеспечения витальных потребностей значительной части общества, что актуализирует проблему бедности в Украине.

В.П. Антонюк указывает, что значительная часть украинского общества относилось к категории бедных – около 27 % в течение 2001-2008 гг. Причем уровень крайней бедности достигал 15 %. О низком уровне доходов населения Украины свидетельствует то, что значительная доля имеет доходы ниже прожиточного минимума (ПМ). В 2006 г. таких было больше половины, или почти половина жителей Украины, в 2007-2008 гг. их доля (по показателю общих доходов) существенно снизилась. В 2009 г. доля населения с среднедушевыми общими доходами ниже ПМ увеличилась до 21,4%, а по показателю денежных доходов значительно в большей степени – до 30,4%. Ухудшение параметров жизненного уровня населения обусловлено кризис-

¹ Балгачеева Н.А. Соціальна політика в Україні: стан, проблеми і шляхи вирішення. URL: http://archive.nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/prvs/2011_1/tom1/022.pdf

ными явлениями, которые начались в IV квартале 2008 г. Большинство исследователей отмечает, что прожиточный минимум не является совершенным критерием измерения уровня жизни, поскольку его материальное и стоимостное наполнение существенно отстает от реальных потребностей населения. В Украине его можно считать критерием малообеспеченности и бедности. Экономическая возможность перехода в средний класс наступает тогда, когда лицо владеет доходом, который должен превышать ПМ в 4-5 раз. Таких в Украине не более 10%². Другие исследователи отмечают, что к среднему классу в Украине в связи с материальным критерием принадлежит около 12-15% населения. На современном этапе развития украинского общества, средний класс в силу своей немногочисленности не в полной мере играет функцию социального стабилизатора общества и не может считаться связующим звеном между высшим и низшим классом общества, способствуя преодолению чрезмерной поляризации.

Как видим, дисфункции распределения ресурсов были свойственны политической системе Украины на протяжении существования независимого государства. Относительно дисфункций политического управления, эта разновидность сбоев системы не приобретала перманентный характер, хотя, следует отметить, что функционально система политической власти имеет определенные недостатки. В частности, А. Крап подчеркивает, что последствия институциональной трансформации не способствуют институциональной консолидации и формированию предпосылок политической стабильности в Украине. К основным последствиям институциональной трансформации ученый относит: «формирование новой институциональной системы на основе советской политико-правовой системы и „копирование” западных демократических норм и процедур, несовместимых с номенклатурными правилами и общественными ценностями; несформированность норм и правил внутриэлитной коммуникации; замена на уровне политических практик действенных норм дискурсом; стремление субъектов политики менять правила „под себя” с целью реализации корпоративных, а не национальных интересов, результатом чего являются постоянные изменения правил игры, отсутствие однозначных формальных эффективных правил в политическом поле в частности, и обществе в целом, отсутствие политической ответственности субъектов политики за результаты решений; значительная персонификация власти, ее деидеологизация и аморализация, что является основой процессов делегитимизации режима»³.

Еще одним фактором нестабильности Украины на определенных этапах функционирования политической системы становилась система разделения властей. В течение недолгого периода функционирования государства этот сегмент политической системы несколько раз подвергался изменениям. Как известно, за период действия Конституции Украины, начиная с 1996 г. и до настоящего момента в Украине была закреплена смешанная форма правления. Однако, на разных этапах менялось соотношение президентского и парламентского компонентов в системе власти. С 28 июня 1996 г. по 31 декабря 2005 г. политическая система Украины функционировала по президентско-парламентской модели правления. С 1 января 2006 г. по 30 сентября 2010 г. действовала парламентско-президентская форма правления. И, наконец, с 1 октября 2010 г. в Украине стала действовать президентско-парламентская модель государства.

Формальные показатели перераспределения полномочий между президентом и парламентом, в частности Индекс формы правления (ИФП) свидетельствует, что политическая реформа имела половинчатый характер, то есть полномочия президента были ограничены, в то время как парламент не приобрел полноценных полномочий, которые существуют в странах с доминированием парламентских элементов в форме правления. По расчетам М. Борисова⁴, ИФП Украины в первой редакции Конституции составил: $8-2 = +6$. Это позволило ученому классифицировать форму правления Украины как полупрезидентскую республику с высоким индексом президентской власти. После внесения изменений в Конституцию результат расчета ИФП составил: $6,5-3,5 = +3$, что говорит о существовании республики с преимуществом президентской власти в +3.

Возвращаясь к вопросу качества политического управления и возможных причин дисфункций в периоды изменения формы правления, отметим, что в момент первой смены Конституции устойчивых управленческих дисфункций в политической системе не наблюда-

² Антонюк В.П. Соціальна політика в контексті поліпшення стратифікації українського суспільства // Збірник наукових праць Національного університету державної податкової служби України. 2011. №1. С.21.

³ Крап А. Формування правил гри в політиці та демократизація українського суспільства // Політична наука в Україні: стан і перспективи: матеріали всеукраїнської наукової конференції (Львів, 10-11 травня 2007 року). Львів, 2008. С.132.

⁴ Борисов Н. Конституционные альтернативы Украины: назад в будущее? // Власть. 2011. №2. С.66.

лось. Осуществление политической реформы стало результатом договора ключевых политических сил в период президентских выборов 2004 г. Политическая реформа была призвана ограничить власть президента в обмен на проведение «третьего» тура президентских выборов в Украине. Несмотря на определенные функциональные недостатки системы распределения властей на первом этапе функционирования Конституции, кризиса разделения властей в Украине не наблюдалось. Однако в дальнейшем смена формы правления вызвала дисбаланс относительно налаженной системы распределения власти в стране.

Проявления дисфункций политического управления в период действия парламентско-президентской формы правления были достаточно рельефными. Обострение дисфункций управления было обусловлено не только различиями в политических взглядах лидеров Оранжевой революции, но и явлением, так называемой коабитации (2006-2007 гг.), когда Президент и Премьер-министр принадлежат к оппозиционным политическим силам. Это обстоятельство стало мощным фактором нестабильности политической системы, значительно влиянию которого способствовала новая система разделения властей - система "двоевластия" в стране, в целом, и в органах исполнительной ветви власти, в частности. В существующий перманентный конфликт между президентом и парламентом был включен Кабинет Министров на стороне Верховной Рады. Президент не руководит Кабинетом Министров, но имеет возможность частично влиять на кадровую составляющую исполнительной ветви власти. Премьер-министр независимый от президента, но его власть является лишь производной от власти парламентского большинства.

Таким образом, дисфункции политического управления в Украине были наиболее ощутимы в 2006 - 2009 гг. Однако, по параметру политической партиципации в данный период дисфункции политической системы не отмечались. Что касается динамики протестных дисфункциональных форм политического участия, в Украине в течение 2000-2010 гг. имели место несколько периодов ее роста: конец 2000 г. протестная акция «Украина без Кучмы», конец 2004 г. - Оранжевая революция, конец 2010 г. - «Налоговый майдан». В промежутках между периодами роста политической активности в Украине наблюдался спад интенсивности политического участия, несмотря на то, что на такие «спокойные» периоды приходились выборы (2006 г. и 2007 г., начало 2010 г.). Как видим, динамика процессов политического участия характеризовалась изменчивостью форм участия и неравномерностью ее интенсивности.

Наиболее существенное дестабилизирующее влияние на политическую систему оказали партиципаторные дисфункции 2000 г. и 2004 г. Акция «Украина без Кучмы» в 2000 г., была предвестником приближающегося кризиса. Поводом к ее началу стало обнародование лидером Соцпартии (СПУ) А. Морозом в Верховной раде "пленок Мельниченко", которые свидетельствовали о возможной причастности президента Л. Кучмы к исчезновению в сентябре 2000 г. журналиста Г. Гонгадзе. Эту акцию поддержали 24 политические партии и общественные организации различной направленности, в том числе Соцпартия (СПУ), "Собор", Украинская республиканская партия, "Реформы и порядок", УНА-УНСО, Всеукраинская партия трудящихся. Пик протестной активности пришелся на 9 марта 2001 г., когда в Киеве произошли столкновения между милицией и участниками акции, которые пытались пройти к администрации президента. В этот день было задержано более 300 протестующих и захвачен штаб УНА-УНСО, а все члены штаба вместе с их лидером А. Шкилем арестованы. Большинство задержанных вскоре были отпущены, а 19 человек осуждены на сроки от 2 до 5 лет за "организацию массовых беспорядков", "причинение значительного материального ущерба государству" и "нанесение телесных повреждений работникам милиции. Демонстрации продолжались до апреля 2001 г. Под давлением протестующих Л. Кучма отправил в отставку министра внутренних дел Ю. Кравченко и председателя Службы безопасности Украины Л. Деркача.

В 2004 г. партиципаторные дисфункции политической системы Украины проявились в новой протестной акции - Оранжевой революции. Это событие стало своеобразной бифуркационной точкой в развитии политической системы Украины, когда масштабы протестной активности достигли максимального уровня. Кампания протестов, митингов, пикетов, забастовок и иных акций гражданского неповиновения на Украине, организованная и проведенная сторонниками В. Ющенко, кандидата от оппозиции на президентских выборах в ноябре-декабре 2004 г., и противниками его основного конкурента В. Януковича.

Началом Оранжевой революции считают акцию протеста после объявления Центральной избирательной комиссией (ЦИК) предварительных результатов, согласно которым победил В. Янукович. Впоследствии Верховный суд Украины констатировал факты нарушений в процедуре голосования и подсчета голосов избирателей, отменил постановление ЦИК о результатах выборов и обязал ее снова провести повторный тур голосования. Участникам

протестов удалось вынудить власти Украины дожидаться решения Верховного суда и на его основе провести повторный тур голосования на президентских выборах. В результате повторного голосования победу одержал В. Ющенко.

Социальную базу протестных акций составил средний класс, несмотря на его незначительные объемы в украинском обществе. Именно на период начала 2000-х гг. пришлось стабилизация экономики, которая дала первый импульс к его формированию. Получилось, что средний класс стал одновременно своеобразным инициатором как политических изменений, так и нестабильности политической системы.

О причинах включения среднего класса в протестные акции писал В. Малинкович. «Как это не кажется парадоксальным, но и значительная часть наемных работников стала политически активной не тогда, когда их жизненные условия были совершенно невыносимыми, а в последние годы, когда жить стало чуть лучше. На самом деле парадокса здесь нет: пока идет борьба за кусок хлеба, все мысли только о том, чтобы выжить, - когда появилась возможность намазать хлеб маслом, вспомнили о «не хлебом единым...». Из людей, которые сумели найти свое место в новой жизни, стал постепенно формироваться средний класс. Активнее стали проявлять свою собственную позицию и те, с кого этот средний класс обычно пополняет свои ряды, студенчество вузов и колледжей. Причем это было уже не то поколение студентов, что устраивало акции протеста в 1990 г., и не бесцветное растерянное поколение молодежи середины и конца 90-х гг., которое еще плохо ориентировалось в необычном социальном пространстве (со старого дома вышли, в новый еще не вошли). Теперь это была наиболее активная часть молодежи, которая выросла и получила образование уже в независимой Украине, усвоила западные ценности и, в большинстве регионов Украины, уже забыла о ценности прошлого...»⁵.

Молодежь, представители среднего класса принимали участие в Оранжевой революции под лозунгами борьбы с олигархическим режимом и коррупцией. Как показали события последующих лет, в период президентства В. Ющенко, цели Оранжевой революции не были достигнуты. Политические лидеры, которые возглавили «революцию» преследовали банальную цель борьбы за власть. Наиболее ярким примером является присоединение к акциям протеста идеологически чуждого «идеалам Майдана» лидера СПУ А. Мороза, который имел постоянный электорат и рейтинг в пределах 10%. Таким образом, Оранжевая революция оказалась своеобразной новой формой борьбы правящей элиты и контрэлиты за власть.

Смена политического режима спровоцировала перманентное реформирование политической системы и борьбе элитных группировок, дестабилизацию в функционировании ветвей власти. Активизировались противоречия политических элит относительно важных аспектов реформирования в экономической, гуманитарной и внешнеполитической сферах. Это наложило определенный отпечаток на восприятие обществом будущих путей развития Украины и углубило ценностно-мировоззренческое расслоение. В свою очередь, социальные ожидания, которые были связаны со сменой власти, обусловили вспышку гражданской активности населения. Обнажилась неспособность формальных норм самостоятельно служить правовым полем решения острых социально-политических конфликтов, что конечно ведет к политической нестабильности и усилению агрессивной конфронтации⁶.

Расслоение политического пространства, обострение борьбы политических элит за доступ к политической власти было присуще не только «посторанжевому» периоду. Дисфункции политического представительства прослеживались и в период, предшествовавший Оранжевой революции. С ростом олигархизации власти вопрос политического представительства все больше переносилось из плоскости «общество - власть» в плоскость «финансово-промышленные группы - власть». Как отмечает М. Михальченко, «в результате различные группы политической элиты не работают на интересы страны, а борются за власть как источник прибыли, где распределение национальных богатств и бюджета стало главным призом в предвыборных соревнованиях всех уровней»⁷.

Относительно институциональной системы политического представительства. Речь идет о партийной системе Украины, которая не была лишена дисфункций на отдельных этапах ее развития. По результатам исследований Центра Разумкова, становление партийной системы Украины происходило в четыре условных этапа. Первый этап - становление многопартийной системы приходится на (1990 - 1995 гг.). Второй этап структурирования партийной

⁵ Малинкович В. О причинах «оранжевой революции» в Украине. URL: http://www.igpi.ru/monitoring/ukraine/new_ukr/revolution/1118840376.html

⁶ Резник А. Динамика факторов протестных практик населения Украины // Социология: теория, методы, модели. 2009. №3. С.101.

⁷ Михальченко М. Політичні ризики суперечливих змін політичної системи України // Віче. 2008. №10. С.36.

системы - становление поляризованного плюрализма (1996 – 1999 гг.). Третий этап трансформации партийной системы пришелся на 2000-2004 гг. В начале этого этапа партийная система сохраняла признаки системы поляризованного плюрализма. Однако под влиянием процессов в ее окружении, происходило постепенное уменьшение актуальности разграничения в координатах “левые - правые”, и увеличивалось - “антипрезидентские - пропрезидентские” политические силы. Вес “левого” полюса уменьшился. Четвертый этап развития партийной системы охватывает 2005-2010 гг. Главным (и самым политизированным) общественным разделением в течение этапа было социокультурное разделение, которое и остается главным для структурирования партийной системы. Наиболее интенсивными проблемными измерениями были, соответственно, культурно-этнический и внешнеполитический, что определяли разграничение между “оранжевыми” политическими силами и их оппонентами. На основании внешнеполитического измерения ведущие политические силы условно разделились на две группы: “прозападные” (сторонники европейской и/или евроатлантической интеграции) и “пророссийские” (сторонники экономической, политической и социокультурной интеграции с Россией). Социально-экономическое измерение отошел на второй план, однако объективно оставался актуальным.

Таким образом, в течение первых этапов эволюции партийной системы более актуальными для партийной системы было социально-экономическое общественное разделение, однако на третьем-четвертом этапах на первое место по значимости вышел социокультурное разделение. Это дает возможность определить период 1998-2002 гг. как переломный в развитии партийной системы. Если бы партийная система продолжила развитие на основе представительства социально-экономических интересов основных общественных слоев, то это могло бы привести к формированию системы с двумя большими центристскими партиями (социал-демократической и либеральной) и малыми фланговыми партиями. Зато, искусственная актуализация социокультурного разделения при условии изменения характера партий (прежде всего - их олигархизации), привела к отрыву партийной системы от социальной основы и превращению ее в средство реализации целей политической и экономической элиты. Влияние бизнес-структур, ФПГ на партийную систему постоянно росло и на третьем-четвертом этапах приобрело доминирующий характер. Если на втором-третьем этапах объектами влияния были отдельные политические партии, которые играли роль инструментов ФПГ, то в дальнейшем олигархические структуры установили контроль над всеми основными политическими силами Украины, включая с левые⁸.

Несмотря на более четкую структуризацию партийной системы, что происходила в течение 2005 - 2010 гг., возрастание роли партий в политической жизни было мнимым. Такое впечатление сложилось, прежде всего, благодаря внедрению пропорциональной избирательной системы. Однако, на практике в рамках новой системы взаимодействие партий между собой и с избирателями не приобрело нового качества, оставаясь на уровне маневров партийных лидеров. Это означает, что стабилизация партийной системы не состоялась, эффективность системы политического представительства не выросла. Дисфункции партийной системы не удалось преодолеть, более того они приобрели значительные масштабы вследствие усиления влияния ФПГ на партийные структуры. Также наличие дисфункций политического представительства обусловлено качественными преобразованиями партийной системы Украины и дисбалансом между «левыми - правыми».

Таким образом, дестабилизация политической системы Украины происходила в 2002 г., 2004 г., 2007 г. В двух первых случаях прослеживались три типа дисфункций: распределения ресурсов, партиципации и политического представительства. В 2007 г. из этого перечня дисфункций отсутствует дисфункция партиципации, однако проявилась дисфункция политического управления.

⁸ Еволюція партійної системи України: особливості становлення, проблеми функціонування, тенденції розвитку. Центр Разумкова // Національна безпека і оборона. 2010. №5. URL: http://razumkov.org.ua/ukr/files/category_journal/NSD116_ukr_1.pdf

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Алиева Л.В.** – доцент кафедры русской истории Псковского государственного университета, кандидат исторических наук
- Атнагулов И.Р.** – доцент кафедры Всеобщей истории Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, кандидат исторических наук
- Бардаков А.И.** – профессор кафедры государственного управления и политологии Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор политических наук
- Бембай К.** – аспирант кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
- Бессуднов Д.А.** – аспирант кафедры истории славянских и балканских стран Санкт-Петербургского государственного университета
- Богданов С.В.** – профессор кафедры административного и международного права Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор исторических наук
- Валяев Я.В.** – старший преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин Белгородского государственного аграрного университета им. В.Я. Горина, кандидат исторических наук
- Ваничкин С.В.** – аспирант кафедры истории и политики России Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
- Василенко В.В.** – доцент кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук
- Вотчель А.В.** – аспирант кафедры всеобщей истории, классических дисциплин и права Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина
- Ганжов Е.А.** – старший преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин Белгородского государственного аграрного университета им. В.Я. Горина, кандидат исторических наук
- Дворецкий Е.В.** – профессор кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук
- Зайцев Д.В.** – аспирант кафедры всеобщей истории Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева
- Капсалькова К.Р.** – аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского федерального университета им. Первого президента России Ельцина Б.А. (г. Екатеринбург)
- Козлов К.В.** – доцент кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук
- Колякина О.А.** – аспирант кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Комнатная Ю.А.** – старший преподаватель кафедры административного и международного права Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат юридических наук

- Курбанов М.А.** – и.о. младшего научного сотрудника Института истории, археологии и этнографии Дагестанского Научного центра РАН (г. Махачкала, Республика Дагестан)
- Курдюмов О.Г.** – преподаватель кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Технологического института им. Н.Н. Поликарпова Приокского государственного университета, магистр теологии
- Лазарев С.Е.** – магистрант кафедры конституционного и муниципального права Орловского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат исторических наук, профессор Академии военных наук Российской Федерации
- Литовченко Е.В.** – доцент кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук
- Лобачева И.Н.** – аспирант кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
- Логина Д.В.** – старший преподаватель кафедры гуманитарных и социальных дисциплин Сыктывкарского лесного института (филиал) Санкт-Петербургского государственного лесотехнического университета имени С. М. Кирова
- Лугвин С.Б.** – доцент кафедры политологии и истории Гомельского государственного технического университета им. П.О. Сухого, (Беларусь), кандидат философских наук
- Максимова Е.Н.** – профессор кафедры исторических, философских и социальных наук Севастопольского государственного университета, доктор политических наук, доцент
- Мохов А.С.** – профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского федерального университета им. Первого президента России Ельцина Б.А. (г. Екатеринбург), доктор исторических наук,
- Мошкин А.Н.** – профессор кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор исторических наук
- Остапюк В.Г.** – заведующий кафедрой административного и международного права Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат юридических наук, доцент
- Плаксин И.М.** – заместитель директора по научной работе Курского областного краеведческого музея, кандидат исторических наук, доцент
- Прокопенко С.Н.** – доцент кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук
- Прошин Д.В.** – доцент кафедры политологии, социологии и гуманитарных наук Днепрпетровского университета им. А. Нобеля, (Украина), кандидат исторических наук
- Пушкарева Н.Л.** – заведующая сектором этногендерных исследований Института этнологии и антропологии РАН им Н.Н. Миклухо-Маклая, доктор исторических наук, профессор
- Реутов Е.В.** – доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат социологических наук
- Рогожина А.С.** – старший преподаватель кафедры истории России Орловского государственного университета, кандидат исторических наук

-
- Рябцева М.Л.** – доцент кафедры российской истории и документоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат исторических наук
- Соловьянов Н.И.** – доцент кафедры всеобщей истории Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, кандидат исторических наук
- Сологуб В.И.** – аспирант Дипломатической академии МИД России, магистр международных отношений
- Софронова Л.В.** – профессор кафедры всеобщей истории, классических дисциплин и права Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина, доктор исторических наук
- Строганов Д.А.** – аспирант кафедры всеобщей истории, классических дисциплин и права Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина.
- Филонов Н.В.** – старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела Белгородского юридического института МВД России им. И.Д. Путилина
- Хазина А.В.** – заведующая кафедрой всеобщей истории, классических дисциплин и права Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина, кандидат исторических наук, доцент
- Хизриев А.Х.** – доцент кафедры иранской и тюркской филологии Дагестанского государственного университета (г. Махачкала, Республика Дагестан), кандидат исторических наук
- Шилов В.Н.** – профессор кафедры культурологии и политологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор философских наук
- Шушпанов С.С.** – главный специалист отдела организации закупок и мониторинга департамента экономического развития администрации г. Волгограда
- Ярцев С.В.** – доцент кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого, кандидат исторических наук

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги!

Материалы необходимо высылать в двух экземплярах:

- по адресу: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный национальный исследовательский университет;
- по электронной почте редакторам разделов: «Актуальные вопросы отечественной истории» – shatohin@bsu.edu.ru (Шатохин Иван Тихонович – заместитель главного редактора); «Актуальные вопросы всеобщей истории» – bolgov@bsu.edu.ru (Болгов Николай Николаевич); «Актуальные вопросы политологии» – Shilov@bsu.edu.ru (Шилов Владимир Николаевич – заместитель главного редактора); ответственный секретарь серии журнала – ono-prienko@bsu.edu.ru (Онопrienко Инна Григорьевна); сайт журнала: <http://unid.bsueu.ru/unid/res/pub/index.php>.

Статьи, отклоненные редколлегией, к повторному рассмотрению не принимаются. Материалы, присланные без соблюдения правил, редколлегией не рассматриваются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ СЕРИИ «ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ» ЖУРНАЛА «НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ БЕЛГУ»

В материалы включается следующая информация:

1) УДК научной статьи; 2) аннотация статьи (от 600 до 1200 знаков); 3) ключевые слова; 4) сведения об авторах (Ф. И. О., должность с указанием места работы (без сокращений), ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, адрес электронной почты (если имеется), контактные телефоны); 5) внешняя рецензия доктора наук (для аспирантов и кандидатов наук); 6) текст статьи; 7) ссылки.	}	на русском и английском языках
	}	на русском языке

Технические требования к оформлению текста

1. Текст набирается в Microsoft Word 2000/2003. Лист – А4, портретный. Без переносов.
2. Поля:
  - правое – 1,5 см;
  - левое – 3,0 см;
  - нижнее – 2,0 см;
  - верхнее – 2,0 см.
3. Шрифт:
  - гарнитура: текст – **Georgia**; УДК, название, ФИО автора – **Georgia**;
  - размер: в тексте – **10 пт**; в таблице – **9 пт**; в названии – **11 пт**.
4. Абзац:
  - отступ 1,25 мм, выравнивание – по ширине;
  - межстрочный интервал – одинарный.
5. Ссылки:
  - номер ссылки размещается перед знаком препинания (перед запятой, точкой);
  - нумерация – автоматическая, сквозная;
  - текст сноски внизу каждой страницы;
  - размер шрифта – 8 пт.
6. Объем статей: до **8 страниц (Georgia, 11 пт)**.
7. Формулы набираются в «Редакторе формул» Word, допускается оформление формул только в одну строку, не принимаются формулы, выполненные в виде рисунков, формулы отделяются от текста пустой строкой.
8. Требования к оформлению статей, таблиц, рисунков приведены в прил. 1, 2, 3.